

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

3 (29) / 2016

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2016
3 (29)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

М/М/А
Московская
Международная
Академия

**ВОПРОСЫ
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ**

2016
3 (29)
Москва

**JOURNAL
OF
PSYCHOLINGUISTICS**

2016
3 (29)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Виноградов Виктор Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор филологических и биологических наук, профессор СПбГУ, заведующая лабораторией когнитивных исследований, зам. директора-координатор когнитивного направления НБИК-центра НИЦ «Курчатовский институт», Санкт-Петербург, Москва (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2016

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2016

© НОУ ВПО «Московская международная академия», 2016

© Авторы, 2016

Подписано в печать 25.09.2016. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,3. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Viktor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, doctor of Philology and Biology, Professor of St. Petersburg State University, Head of Laboratory for Cognitive Studies, Deputy Director-Coordinator of the Cognitive Branch of Kurchatov Institute, Saint-Petersburg, Moscow (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovsky, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied research.

4 issues per year. The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2016

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2016

© MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

, 2016

© Authors, 2016

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Памяти Юрия Александровича Сорокина
Сорокин Ю.А. (Москва, Россия) Маргиналии..... 11
Сорокин Ю.А. (Москва, Россия) Чем художественный перевод отличается от нехудожественного? (Предварительные и априорные рассуждения)..... 13
Жельвис В.И. (Ярославль, Россия) Учитель..... 20
Дмитрюк Н.В., Дмитрюк С.В. (Москва, Россия) «Он русский. Это многое объясняет»..... 20
Сигал К.Я. (Москва, Россия) Человек как текст: вспоминая Ю.А. Сорокина..... 22

COLLEGIUM

Базылев В.Н. (Москва, Россия) Графодеривация как воздействующий потенциал и как объект исследования в юрислингвистической экспертизе..... 26
Боронин А.А. (Москва, Россия) Лимнологические основы психоллингвистики текста..... 37
Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т. (Москва, Россия) Эмоции в звучащей речи: экспериментальное исследование..... 45
Денисенко В.Н., Денисенко А.В., Чеботарёва Е.Ю. (Москва, Россия) Языковая личность как отражение социальной и этнической идентичности..... 56
Еленевская М.Н., Овчинникова И.Г. (Хайфа, Израиль) Хранение и описание вербальных ассоциаций: словари и тезаурусы..... 69
Залевская А.А. (Тверь, Россия) Психоллингвистические проблемы семиозиса 93
Жельвис В.И. (Ярославль, Россия) Сакрализованный текст как объект переложения..... 103
Карданова А.К. (КБР, Россия) Этносоциальная детерминация категории «общение» в поликультурной среде (по результатам психоллингвистического эксперимента) 111
Красильникова В.Г. (Москва, Россия) Переводческие опыты Ю.А. Сорокина и проблема профессионально ориентированного перевода..... 121
Масленникова Е.М. (Тверь, Россия) Текст как средство идеологического влияния (на материале английских переводов русских авторов)..... 130
Марковина И.Ю., Иштван Ленарт (Москва, Россия) Кросс-культурные исследования представлений о бизнесе: новый шаг в развитии теории лакун... 145
Метельская Л.Н. (Москва, Россия) Особенности ментальности французов и франкоговорящих швейцарцев сквозь призму стереотипов..... 162
Нестерова Н.М. (Пермь, Россия) Текст и его «проекции»: памяти Ю.А. Сорокина и А.И. Новикова..... 169
Нистратов А.А., Семина Т.В., Тарасов Е.Ф. (Москва, Россия) Семантические характеристики восприятия изображений и их описаний..... 176
Нуриев В.А. (Москва, Россия) Авантекст как методологический инструмент исследования переводческого процесса..... 188
Палкин А.Д. (Москва, Россия) Ассоциативные исследования русских лакун..... 204
Перфильева С.Ю. (Москва, Россия) Ремарки о неполноэквивалентности названий эмоций в естественных языках..... 220

<i>Пешкова Н.П. (Уфа, Россия)</i> Исследование городского лингвистического ландшафта как способ межкультурного взаимодействия в полиэтничном социуме.....	229
<i>Пильгун М.А. (Москва, Россия)</i> Репрезентация исторических событий в языковом сознании: 1917 год.....	241
<i>Порхомовский В.Я. (Москва, Россия)</i> Этничность в межкультурной коммуникации.....	259
<i>Терентий Л.М. (Москва, Россия)</i> Перспективность исследования дипломатического дискурса.....	270
<i>Топорова Т.В. (Москва, Россия)</i> О <i>воде</i> как позитивном начале в «Старшей Эдде».....	276
<i>Юрьева Н.М. (Москва, Россия)</i> Механизмы устного нарратива в детской речи: когнитивный подход.....	285

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Хуан Тяньдэ (Москва, Россия)</i> Экспериментальное сопоставительное исследование образа «自己的/свой» в языковом сознании современных китайских и русских студентов.....	299
<i>Разумкова А.В. (Калуга, Россия)</i> Образ коми в языковом сознании школьников и студентов Республики Коми (по материалам свободного ассоциативного эксперимента).....	308
<i>Чжэу Жуйшунан (Москва, Россия)</i> Образ моральных ценностей у китайцев.....	316
<i>Сарач Хакан (Москва, Россия)</i> «Гора» и «дағ» в русской и турецкой фразеологии: природно-ландшафтный код культуры.....	322

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на коллективную монографию «Этнолингвистика и лингвокультурология художественных текстов Михаила Шолохова» (Москва: МПГУ, 2015) (<i>Леденёва В.В.</i>).....	334
--	-----

IN MEMORIAM

Памяти В.А. Виноградова.....	339
------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ

OUR ANNIVERSARIES

In Memoriam of Yuriy A. Sorokin
Yuriy A. Sorokin (Moscow, Russia) Marginalii.....11
Yuriy A. Sorokin (Moscow, Russia) What Is the Difference Between Literary
and Non-Literary Translation? (Preliminary and *A Priori* Considerations).....13
Vladimir I. Zhelvis (Yaroslavl, Russia) Teacher.....20
Natalya V. Dmitryuk, Sergey V. Dmitryuk (Moscow, Russia) «He is Russian.
This Explains a Lot».....20
Kirill Ya. Sigal (Moscow, Russia) A Person as a Text: Memories of
Yuriy A. Sorokin.....22

COLLEGIUM

Vladimir N. Bazylev (Moscow, Russia) Graphoderivation as a Potential
and an Object of Judicial Linguistic Expertise.....26
Alexandr A. Boronin (Moscow, Russia) Limological Basics of Text
Psycholinguistics.....37
Irina I. Valuytseva, Georgy T. Khukhuni (Moscow, Russia) Emotions in Speech:
Experimental Research.....45
Vladimir N. Denisenko, Anastasiya V. Denisenko, Elena Yu. Chebotaryova
(Moscow, Russia) Linguistic Identity as a Reflection of Social and Ethnic Identity...56
Maria Yelenevskaya, Irina G. Ovchinnikova (Haifa, Israel) The Storage and
Description of the Verbal Associations.....69
Alexandra A. Zalevskaya (Tver, Russia) Psycholinguistic Problems of Semiosis...93
Vladimir I. Zhelvis (Yaroslavl, Russia) Sacral Text as an Object of Conversion
into a Modern Language.....103
Asiyat K. Kardanova (Kabardino-Balkar Republic, Russia) Ethnosocial
Determination of the “Communication” Category in Multicultural Environment
(Based on a Psycholinguistic Experiment).....111
Varvara G. Krasilnikova (Moscow, Russia) Translation Experiments
of Yu.A. Sorokin and the Problem of Professionally-Oriented Training in
Translation.....123
Evgeniya M. Maslennikova (Tver, Russia) Text as Means of Ideological
Influence: First Translations of Russian Authors into English.....130
Irina Yu. Markovina, Istvan Lenart (Moscow, Russia) Cross-Cultural
Investigation of the Concept of Business: a New Step in the Development
of the Lacuna Theory.....145
Liudmila N. Metelskaya (Moscow, Russia) Mentality Particularities
of the French and the French-Speaking Swiss Through the Prism of Stereotypes.....162
Natalia M. Nesterova (Perm, Russia) Text and its “Projections”: in Memoriam
of Yu.A. Sorokin and A.I. Novikov.....169
Aleksandr A. Nistratov, Tatjana V. Seomina, Evgeniy F. Tarasov (Moscow,
Russia) Semantic Characteristics of Image Perception and Their Description.....176
Vitaly A. Nuriev (Moscow, Russia) Avant-Texte as a Methodological Tool in
Translation Process Research.....188
Aleksey D. Palkin (Moscow, Russia) Association Research of Russian Lacunae...204
Svetlana Yu. Perflyeva (Moscow, Russia) Remarks on Incomplete Equivalence
of Emotion Names Meanings in Natural Languages.....220

Natalia P. Peshkova (Ufa, Russia) Investigation of Urban Linguistic Landscape as an Instrument of Cross-Cultural Interaction in Poly-Ethnic Society.....229

Maria A. Pilgun (Moscow, Russia) Representation of Historical Events in Language Consciousness: 1917.....241

Victor Ya. Porkhomovsky (Moscow, Russia) Ethnicity in Intercultural Communication.....259

Liviu M. Terentiy (Moscow, Russia) The Prospect of the Study of Diplomatic Discourse.....270

Tatyana V. Toporova (Moscow, Russia) About Water as the Positive Concept in «The Elder Edda».....278

Nadezhda M. Yuriyeva (Moscow, Russia) The Mechanisms of Oral Narrative in Child Language: Cognitive Approach.....285

YOUNG SCIENTISTS' STUDIES

Huang Tiande (Moscow, Russia) Experimental Comparative Research on the Concept "OWN" in Contemporary Chinese and Russian Students' Language Consciousness.....299

Anna V. Razumkova (Kaluga, Russia) The Image of 'Komi' in the Language Consciousness of Pupils and Students in Komi Republic (on the Material of Free Associative Experiment).....308

Zhu Ruishuang (Moscow, Russia) Character of Chinese Ethical Value.....316

Sarach Hakan (Moscow, Russia) «Гора» and «Dağ» in Russian and Turkish Phraseology: Natural-Landscapes Cultural Code.....322

REVIEW

Review of the collective monograph «Ethnolinguistics and Cultural Linguistics of Literary Texts by Mikhail Sholokhov (Moscow: MPGU, 2015) (*Ledeneva V.V.*)...334

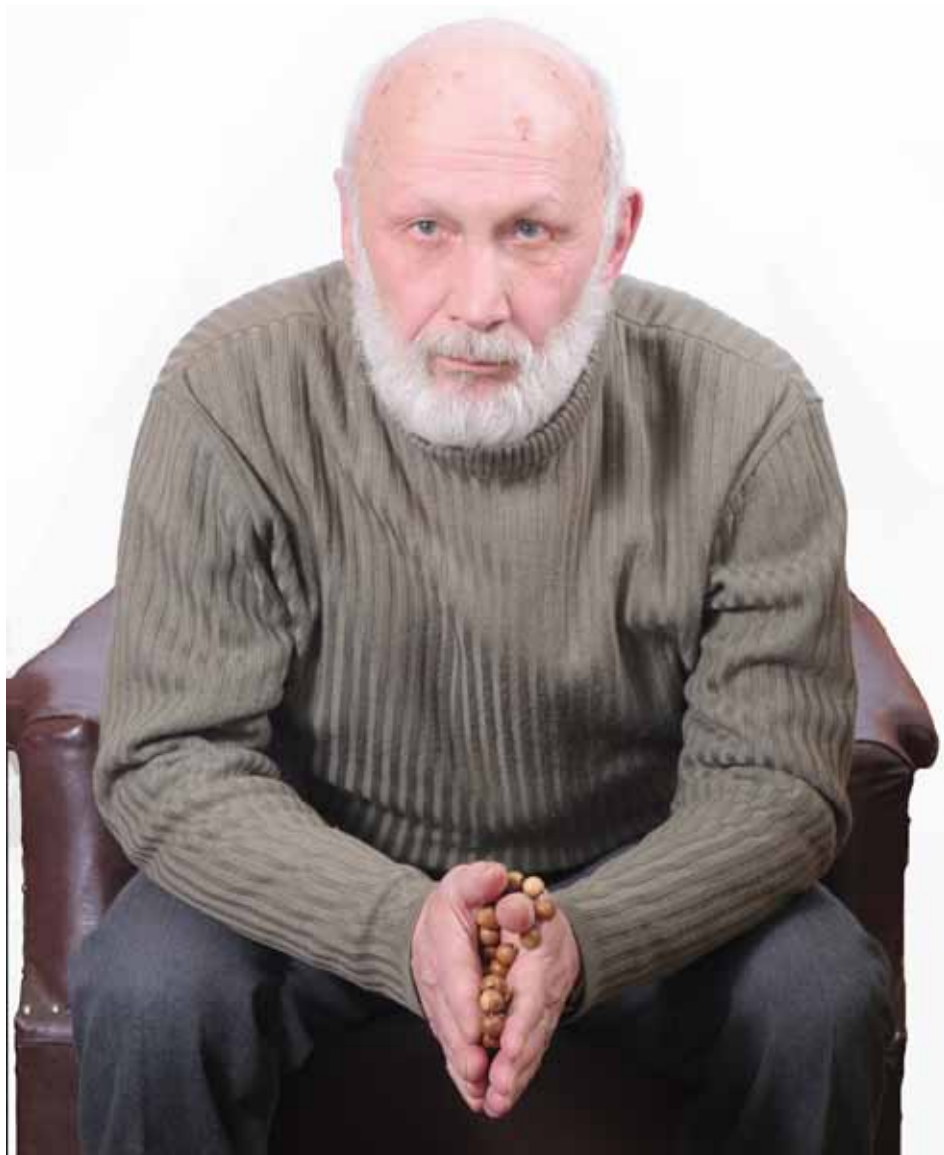
IN MEMORIAM

In Memoriam of Viktor A. Vinogradov.....339

INFORMATION

7 мая 2016 года Юрию Александровичу Сорокину
исполнилось бы 80 лет.

*... Вейчас, оглядываясь на дни прошедшие и на себя, мы спрашиваем:
«Что есть человек?» и отвечаем «Ничто, окруженное Богом,
испытывающее необходимость в Боге, способное обрести Бога и Богом
напоминаемое, если того захочет». Мы уверены, что и Вам небезразличны
эти слова Пьера де Берноэля...*

Мы

Глеб АРБЕНОВ

МАРГИНАЛИИ

Все чаще хочется прикурнуть, забыв, что тикают часы и стрекочут кузнечики.

Привязанность к вещам? Она есть, не отрицаю. Но это не собственническая/социальная ревность к ним – к рубашкам и трубке, авторучке и пишущей машинке, рюмке и полетелу –, но привычная привязанность к своему почти живому близкому кругу.

Декабрь 2003

Кому-то я нужен?

Да, собственными мыслями.

Больше не хочу видеть глумливой осязаемости бытия ни в искусстве, ни в человеке и шуре. Она тягостна до рези в глазах.

Спринтерски и стайерски сухощавые мысли догоняют и обгоняют друг друга на олимпиадах ума. Жаль только, что на этих быстрой дороге все беговые дорожки навсегда окружены.

Приходит время выдуывать себя. Стать рассказом об обиденных случайностях, воспринятых как сюжет жизни.

Январь 2005

Кто бросил в глаза щепотку слез? Оплея слез морщинами? Наградил шаги спотыкаивостью? Привил опасивость мышлению шороху?

Чего не умею? Много и разное. Ездить на велосипеде, водить машину. Не построю дом. Теряюсь перед «неподкалки» в уюте или телевизоре. Электрический щиток для меня – непонятное устройство. Не хочу уметь ловить рыбу и ходить на охоту. Слово и, не зная, иже цена, а еще меньше.

Февральское утро. Опять оттепель. Скрежет дворничьих лопат об асфальт. Проснулся с мыслью о своей ненужности, утраченной поубесоницей. Ненужности, зовущейся гестомобием, хотя на самом деле оно лишь изнанка органической попытки самоустроения души, рвущейся вытолкнуться из самой себя.

Февраль-март 2005

ГЛЕБ АРСЕНЬЕВ

Пять утра
петухи заголосили
ветра резкое ура
и непочатой силы
серебряные пятаки
луж проточных
и колодобин
взапуски мутны
гнутя
и себя коробят

расшвыривая
горстью тени
выбивая клинья криков
идут невидимые гости
настичь цветущие сирени
на окликаемом погосте.

6 июля 2004 г.

Мара : Зной

ты рядом со мной ?

Зной : Иду тебя с утра

озябшая сестра
поскорей рассмейся
переведи сонный дух
о настырном дождей семействе
выпал последний слух
в моде загар и веснушки
платьев легчайший кураж
впору весело слушать
улыбок и шопотов блажь

Мара: Идем запахла герани

сияних улыбок костры
обильно цветет геральдика
в закале огня пустоты
на молитвах травных
дремать легко и завидно
кто их бормочет неплавно ?
кто этот ангел заика ?

Зной : О чем ты ?

приспели причуды?

Зной (Мара) 2006

ЧЕМ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ НЕХУДОЖЕСТВЕННОГО?

(Предварительные и априорные рассуждения)

Сорокин Юрий Александрович

Статья представляет собой дискуссию на тему того, что есть художественный перевод, чем он отличается от нехудожественного, что есть художественность и как она определяется разными авторами (У. Эко, Гегель и др.). Особое внимание уделяется обсуждению проблемы переводимости.

Ключевые слова: художественный перевод, художественность, переводимость.

Поставленный в заглавии статьи вопрос сразу же тянет за собой ещё несколько других: «А что такое художественность? Чем оригинальный художественный, а не только переводной, текст отличается от нехудожественного? И на каком основании мы судим о нём тем или иным образом?» Любые ответы на эти вопросы ведут к спорам, множащим друг друга.

Удовлетворителен ли, например, такой косвенный ответ о художественности, который предлагает У. Эко: «Разницу я вижу только между текстами, ориентированными на формирование нового идеального читателя, и текстами, ориентированными на удовлетворение вкуса публики такой, какой она есть. Во втором случае мы имеем дело с продуктом, изготовленным по стандарту серийного производства» [Эко 2003: 55]. Или весомее мысли Г.В.Ф. Гегеля, считавшего, что «лишь по ту сторону непосредственности ощущения и внешних предметов мы найдём подлинную действительность. Ибо истинно действительным является лишь сущее в себе и для себя, субстанциональное начало природы и духа. Принимая форму наличного бытия, оно остается, однако, в этом бытии сущим в себе и для себя и лишь таким образом поистине действительно. <...>. Перестав рассматривать художественное произведение как продукт общей всем людям действительности, стали видеть в нём создание своеобразно одарённого ума, который должен предоставить действовать лишь своему особому дарованию как специфической силе природы и отказаться как от следования общезначимым законам, так и от вмешательства сознательного размышления в его инстинкто-образное творчество» [Гегель 1968: 14, 15, 33].

Или считать вслед за Г. Башляром, что тахологос (ясное и чёткое мышление, свойственное быстрому уму) [Башляр 1987: 341] присущ не только учёным, но и прозаикам, и поэтам (и вообще людям искусства)? А рациональный тонус («...переживание разделенности прошлого и будущего») [там же: 340] существует наряду с художественным тоном (переживание неразделенности прошлого, настоящего и будущего), сцепленным с тем, что можно было бы рассматривать как таховербос (синкретическое образное «мышление», свойственное антирационалистическому психотипу).

Небесцельно в этой связи вспомнить и о других мыслях Г. Башляра: об обездвиженном вертикальном времени, присутствующем в поэзии и об амбивалентности поэтического мгновения: «Поэтическое мгновение – оценитель или обесценитель бытия. В поэтическом мгновении бытие восходит и нисходит, не приемля времени мира, которое свело бы амбивалентность к антитезе и одновременное к последовательному <...> слаженная амбивалентность всегда проявится в своём временном виде: время мужское и мужественное, устремлённое вперёд и всеокружающее, и время нежное и покорное; скорбящее и проливающее слёзы, сменяется андрогинным двуполым мгновением. Поэтическая тайна – это андрогиния» [там же, 348]. (Примечание: Думаю, небесполезна и следующая параллель к вышесказанному: «есть люди, которые умом создают себе сердце, другие – сердцем создают себе ум; последние успевают больше первых. Потому что в чувстве гораздо больше разума, чем в разуме чувств» (П.Я. Чаадаев. Цит. по: [Каменский 1981: 122]).

На мой взгляд, андрогинность таховербоса специфична тем, что это состояние диффузно/взаимопроницаемо и динамично, а его составляющие суть фелитивы (от англ. feel) |соулитивы (от англ. soul). Иными словами, оно в минимальной степени рационалистично. И в нём, в этом состоянии/пространстве находятся не реализованные сценарии стилей жизни, возможные миры не только будущего, но и настоящего.

Опираясь на соображения А.А. Богатырёва, допустимо считать, что это состояние опредмечивается в трёх, по крайней мере, видах текстов – в понятийном беллетристическом тексте, идейно-художественном тексте и эмотивном беллетристическом тексте. По мнению А.А. Богатырёва, «идея как энергия заставляет думать. Делать выбор, принимать решение, и ни одна мысль, ни один выбор и ни одно решение не способны вобрать в себя всю идею целиком, без значащего остатка. На языке современной филологии художественная идея может быть определена как опредмеченная в тексте пробуждённая рефлексия над предельными субъективно-ценностными основаниями человеческого бытия в мире» [Богатырёв 2001: 77].

Среди признаков художественного текста – инференция, синдересис, интервальность, цельность перевыражения и ряда других, – рассматриваемых А.А. Богатырёвым, самым важным, на мой взгляд, является понятие ритма, но ритма нозматического, своего рода нозматического эскорта, сопряжённого (но не всегда) с аффективным эскортом.

Показательно также, что именно А.А. Богатырёв обсуждает проблему переводимости и непереводимости и полагает, что переводимость возможна в силу существования структурно-функциональных схем художественного текстообразования, а, следовательно, и схем художественного текстопреобразования¹: «... в Грузии двум разным группам людей, владеющим русским языком грузинам и не владеющим грузинским языком русским, дали читать отрывки из девяти переводов «Мерани» Бараташвили и шести переводов «Витязя в тигровой шкуре». Обе

¹ Парадоксально, но факт, что о художественном текстопреобразовании умалчивают, например, и Р.Р. Чайковский [Чайковский 1997], и Л.Л. Нелюбин с Г.Т. Хухуни [Нелюбин, Хухуни 2006], а П.Тороп лишь ссылается на работу Р. Джваршейшвили, в которой выяснялось, отличают ли читатели хороший перевод (художественный) от плохого (нехудожественного?).

группы были единодушны в выделении худшего перевода и близки в определении лучшего. Русским нравился больше «Витязь в тигровой шкуре» Заболоцкого, на второе место они поставили перевод Петренко, грузины наоборот. Обе группы не могли объяснить, почему не нравится перевод Пастернака» [Тороп 1995: 16-17]. На невозможности художественного текстопреобразования настаивает П.М. Бицилли: «Пушкин, Мильтон, Гёте, Данте – непереводимы и, строго говоря, наглухо закрыты для тех, кто не в состоянии читать их в подлиннике» [Бицилли 1996: 80].

Интересно было бы выяснить, насколько предполагаемая А.А. Богатырёвым «... полицентрическая линейка внутритекстовых сцен..., выступающих в качестве символов и катахрез...» и несводимая «...ни к общему наглядному представлению, ни к понятию» [Богатырёв 2001, 121, 122], но позволяющая, по его мнению, добиваться художественного текстопреобразования, согласуется с оценкой перевода как хорошего или плохого, или, иными словами, насколько близки оценки «человека с улицы» и оценки, полученные с помощью интранаучного анализа.

Не следует упускать из вида тот факт, что полицентрическая линейка сцен зависит от мировидческо-метаболической установки той или иной литературы, в которой по-разному аранжируются те или иные ее составляющие. Например, фоносематические и лингвоколористического веса текстов (см. по этому поводу: [Ратушная 2005; Шевчук 2005; Миассарова 2006]) не совпадают и в принципе не должны совпадать между собой из-за различий в их аксиологической фокусировке, обусловленной и языковыми/речевыми, и культуральными причинами. Немаловажно – особенно в контексте вышеприведённых рассуждений – к какому психотипу принадлежит тот, кто занимается текстопреобразованием. Очевидно, склонность к этому виду занятий обусловлена генетически/генотипически, как и способность порождать фоносематически и лингвоколористически богатую речь: «...дети, одарённые в области музыки и изобразительного искусства, включают опознаваемое слово в богатый семантический контекст, в составе которого значимо представлен эмоционально-оценочный и чувственно-сенсорный опыт, а математически одарённым детям свойственны определительные и тематические реакции», что «... свидетельствует о способности математически одарённых детей к выделению релевантных признаков при опознании слова в отличие от музыкально/художественно одарённых испытуемых, которым более свойственно наделять понятие специфическими признаками» [Абабкова 2007: 14].

Можно, конечно, считать (для утешения или для успокоения?), что «... именно в горизонте абсолютно чистой переводимости, прозрачной и однозначной, конституировалась тема трансцендентального означающего. В пределах его возможности или, по крайней мере, его кажущейся возможности перевод осуществляет различие между означающим и означаемым. Но если это различие никогда не дано в чистом виде, то тем более перевод и понятие перевода придётся заменить понятием трансформации: упорядоченного. трансформирования одного языка другим, одного текста другим» [Деррида 1996: 37].

Мысль Ж. Дерриды о трансформации, конечно, не нова, но к трансцендентальному означающему и особенно к трансцендентальному означаемому стоит присмотреться. И где они в таких, например, переводах, как приводимые ниже

(Переводческие версии – мои. Ю.С.):

Это ширится дорога света
Белизны и свежего снега
Иль это знаменья ненависти?
Или может быть время исхода?
Или это забытый сад жизни
И смерти, когда пробил час омертвель
Меж: других гиб елей?
Час оранжевой неподвижности и расплаты.
Час без садов
без лесов
без возврата? (Пабло Неруда);

В чашах нимфы не купаются, в чашах
Утонули отражения размытые.
И словно наглухо закрыты балюстрадами
аллеи,
и неумолчен влажный листопад падения
по воздуху, как по ступеням,
и каждый птичий крик – проклятье,

и каждый соловей отравлен, и весна
неплодородна, и заросли не веруют весне,
и бредит неохотно
смутно пережитым
настойный жасмин.
Кружение распада древнего
Вокруг тебя,
И мошек рой, как ход уничтожения и тлена. (Р.М. Рильке)

Литература

Абабкова С.Г. Развитие значения слова в индивидуальном сознании в условиях разных типов одаренности : автореф. дис. ... филол. наук / С.Г. Абабкова. – Уфа, 2007. – 15 с.

Башляр Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – М.: Прогресс, 1987. – 374 с.

Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / П.М. Бицилли. – М.: Наследие, 1996. – 707 с.

Богатырев А.А. Схемы и форматы индивидуализации интенционального начала беллетристического текста / А.А. Богатырев. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 197 с.

Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1968. – Т. 1. – XVI, – 312 с.

Деррида Ж. Позиции : беседы с Анри Ронсом, Юлией Кристевой, Жаном-Луи Удбином, Ги Скарпетта / Ж. Деррида ; пер. с фр. В.В. Биbihина. – М.: Акад. проект, 2007. – 158 с. (Философские технологии. Постструктурализм).

Каменский З.А. Урок Чаадаева (П.Я. Чаадаев в 40-50-х годах 19 в.) / З.А. Каменский // *Вопр. философии.* – 1986. – № 1. – С. 111–121.

Миассарова Э.Р. Функционирование цветоцветовой концептосферы в текстах (на материале произведений М. Пруста и А. Белого), автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.Р. Миассарова. – Казань, 2006. – 16 с.

Нелюбин Л.Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. – М.: Флинта: Моск. психол.-соц. ин-т, 2006. – 412 с.

Ратушная Л.Г. Анафония в оригинальном и переводном художественном произведении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пенза, 2005. – 15с.

Тороп П. Тотальный перевод / П. Тороп. – Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1995. – 220 с.

Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода / Р.Р. Чайковский. – Магадан: ООО «Кордис», 1997. – 197 с.

Шевчук О.П. Цветобозначения китайского языка, их особенности и национально-культурная специфика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 24 с.

Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / Э. Умберто. – СПб. : Симпозиум, 2003. – 91 с.

**WHAT IS THE DIFFERENCE BETWEEN LITERARY
AND NON-LITERARY TRANSLATION?
(Preliminary and a priori considerations)**

Yuriy A. Sorokin

The article discusses the phenomenon of literary translation and focuses on the characteristics that differentiate it from other types of translation. The approaches to understanding of the concept of the artistry or artistic merit are reviewed, e.g. the views of Umberto Eco, Georg W. F. Hegel. Special emphasis is made on the problem of translatability.

Key words: literary translation, artistry, translatability.

References

Ababkova S.G. Razvitie znacheniya slova v individual'nom soznanii v usloviyah raznykh tipov odarennosti [Development of the word in the individual consciousness in terms of different types of giftedness]: avtoref. dis. ... filol. nauk / S.G. Ababkova. – Ufa, 2007. 15 p.

Bashlyar G. Novyi racionalizm [New rationalism] / G. Bashlyar. – M.: Progress, 1987. 374 p.

Bicilli P.M. Izbrannye trudy po filologii [Selected works on philology] / P.M. Bicilli. – M.: Nasledie, 1996. 707 p.

Bogatyrev A.A. Shemy i formaty individualizatsii intentsional'nogo nachala belletristicheskogo teksta [Schemes and individualization formats intentional beginning fiction text] / A.A. Bogatyrev. – Tver': Tver. gos. un-t, 2001. 197 p.

Gegel' G.V.F. E'stetyka [Aesthetics]: v 4 t. / G.V.F. Gegeľ'. – M.: Iskusstvo, 1968. – T. 1. XVI, 312 p.

Derrida ZH. Pozitsii: besedy s Anri Ronsom, YUl'iej Kristevoj, ZHANom-Lui Udbinom, Gi Skarpetta [Positions: conversations with Henri Ronse, Julia Kristeva, Jean-Louis Convent, Guy Scarpetta] / ZH. Derrida; per. s fr. V.V. Bibihina. – M.: Akad. proekt, 2007. 158 p. (Filosofskie tehnologii. Postrukturalizm).

Kamenskii Z.A. Urok CHaadaeva (Lesson of Chaadaev): (P.YA. CHaadaev v 40-50-h godakh 19 v.) / Z.A. Kamenskii//Vopr. filosofii. 1986. – № 1. pp. 111-121.

Miassarova E'R. Funkcionirovanie svetocvetovoj konceptosfery v tekstakh: (na materiale proizvedenii M. Prusta i A. Belogo) [The operation of the light and color conceptsphere in texts (on the material of M. Proust and A. Belogo)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / E'R. Miassarova. – Kazan', 2006. 16 p.

Nelyubin L.L. Nauka o perevode (istoriya i teoriya s drevnejshih vremen do nashih dnei) [The science of translation (history and theory from ancient times to the present day)]: ucheb. posobie / L.L. Nelyubin, G.T. Huhuni. – M.: Flinta: Mosk. psihol.-soc. in-t, 2006. 412 p.

Ratushnaya L.G. Anafoniya v original'nom i perevodnom hudozhestvennom proizvedenii [Anafoniya in the original and translated fiction]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Penza, 2005. 15 p.

Torop P. Total'nyi perevod [Total translation] / P. Torop. – Tartu : Izd-vo Tartus. un-ta, 1995. 220 p.

Chajkovskii P.P. Real'nosti poe'ticheskogo perevoda (Reality of poetic translation) / P.P. CHajkovskii. – Magadan : OOO «Kordis», 1997. 197 p.

Shevchuk O.P. Cvetooznacheniya kitajskogo yazyka, ih osobennosti i nacional'no-kul'turnaya specifika [Chinese color terms, their characteristics and cultural identity]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005. 24 p.

E'ko U. Zametki na polyah «Imeni rozy» [Field Notes «Name of the Rose»] / E'. Umberto. – SPb. : Simpozium, 2003. 91 p.

Учитель

*Блаженны алчущие и жаждущие
правды, ибо они насытятся (Мк 5, 6)*

Сколько поколений молодых учёных помнят продавленный диван на втором этаже Института языкознания, восседая на котором Юрий Александрович насыщал правдой алчущих и жаждущих. Поразительно, как его правды хватало на всех, кто к нему обращался. Кажется, помочь он мог и академику, и герою, и мореплавателю и плотнику. Не говоря уж о китаеоведах или каких-нибудь там эзотериках. Сколько нас грешных соискателей обломало зубы о его статьи, насыщенные неведомой нам терминологией, сколько адептов ошеломленно замирало, осмысливая его стихи. И всё-таки самое главное – это его помощь начинающим психолингвистам. Я старше Юрия Александровича, но считаю себя его учеником. Мне невиданно повезло, что над моей многострадальной диссертацией заинтересованно склонялись Алексей Алексеевич Леонтьев, Евгений Фёдорович Тарасов и, конечно же, он, Юрий Александрович, всегда готовый оторваться от очередной рукописи, чтобы ответить на мои вопросы. Как драгоценности, я храню в своей библиотеке подписанные им его статьи, книги и сборники стихов. Без всякого преувеличения утверждаю, что часы, проведённые в Секторе психолингвистики и теории коммуникации были счастливейшими в моей жизни, потому что я знал: здесь тебя поймут.

В.И. Жельвис

«Он русский. Это многое объясняет»

При имени Юрия Александровича Сорокина, ЮСо, нашего шефа, как все ученики любовно называли его, теплой волной всплывают яркие воспоминания драгоценного времени, проведенного в уютном Секторе психолингвистики Института языкознания в непрерывных беседах с неизменным чаепитием. Этот процесс общения, знакомств и деловых переговоров протекал, как и поныне, по четвергам, и Юрий Александрович всегда был первым, кто приходил на работу ранним утром с большим портфелем рукописей, редких книг и чего-нибудь удивительного. У ЮСо был необыкновенный «нюх» на все интересное, новое, необычное; с неподдельным интересом он мог ухватиться за, казалось бы, незначительное и увидеть в нем скрытый смысл. Так, помню в своих материалах по ассоциативному эксперименту со студентами-казахами мы выстраивали ассоциативное поле с учетом двух и более ассоциаций, отбрасывая все единичные ответы, на что Юрий Александрович заметил: «Вы напрасно не придаете им значения – в этих «единичках» может оказаться интереснейший материал, верните их все до единого». И вот спустя два десятилетия в русле неопсихолингвистики, о зарождении которой настойчиво говорят В.В.Красных и И.А.Бубнова [ВПЛ № 3 (21), М, 2014, с. 128-136], предлагается быть внимательными и к одиночным, нетипичным ассоциациям, особенно к тем, что несут угрозу и негатив (так «просмотрели» назревавшие события на Украине, ориентируясь лишь на типичные высокочастотные «благополучные» ассоциации).

В эти плотные, насыщенные встречами четверги, Юрий Александрович, тем не менее, всегда находил время для каждого, кто нуждался в его советах и поддержке. Такие непринужденные разговоры о чем-нибудь незатейливом, житейском или о неотложном и срочном, как-то естественно и живо перетекали в обсуждение спорных вопросов по диссертациям или статьям, и оказывалось, что у Юрия Александровича практически ко всему находились ссылки на нечитанные нами источники, неведомые имена – Ю.А. был потрясающе, исключительно начитанным ученым! стиль его статей поражал своеобразным терминологическим эзотеризмом, закрытым, как и он сам, для непосвященных, в противоположность постороннему, общедоступному, профанному знанию. При всей внешней открытости, кажущейся простоте и доступности Юрий Александрович был очень закрытым человеком, четко обозначал границы доверительности, избирательно относился к людям; любил «свои» компании, мог пошутить-позубоскалить и припечатать острым эпитетом (ох, не хотелось бы попасться ему на язычок!), любил и крепкое словцо, и оно в его устах было таким уместным и органичным – точнее не скажешь! Заслужить его похвалу было нелегко. Но если расположение было получено и устанавливались доверительные теплые отношения, то Юрий Александрович приоткрывался с совершенно необычной стороны – тонкий художник, лирик, романтик и сказочник, такой надежный и верный, что можно было не сомневаться в его безоговорочной поддержке и защите.

Улыбчивый, приветливый, смешливый – и мог быть резким, непримиримым. Сам человек нецерковный, но из семьи староверов, с прямолинейным характером, крепким жизненным стержнем – не сдвинешь с места, не покривит душой, если с чем-то (кем-то) не согласен.

Вот такой он, Юрий Александрович, – человек-оксюморон, сочетание несочетаемых свойств, впечатанный в память незабываемый образ, удивительно притягательный, необыкновенный, безгранично широкой души русский человек – и «это многое объясняет».

Н.В. Дмитрюк, С.В. Дмитрюк

**ЧЕЛОВЕК КАК ТЕКСТ:
ВСПОМИНАЯ Ю.А. СОРОКИНА...**

Сигал Кирилл Яковлевич

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий
отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН,
Москва, Большой кисловский пер., д. 1, стр.1
e-mail: kjseagal@yandex.ru

В конце 1980-х гг. на эстраде исполнялась песня (кажется, это был репертуар Э. Пьехи), где не раз повторялась такая строка: «Нам рано жить воспоминаньями...». К сожалению, Юрий Александрович Сорокин, который, как казалось, всегда будет среди нас, с его скептической улыбкой и неизменной курительной трубкой, с его сомнениями в разного рода «трендах» и «брендах», покоряющих то и дело его собратьев-лингвистов, с его иронией по отношению к самому себе (прежде всего!), стал тем, кому можно посвятить уже только воспоминания...

Но как вспоминать? Как выстроить для других то, что непреложно струится в твоём сознании, подбрасывая образы былого (и небылого тоже – таковы уж воспоминания!), и оказывается почти неуловимым, как будто и вовсе не бывшим? Наверное, не каждому из тех, кому доводилось вспоминать и, главное, делиться воспоминаниями с другими, приходили в голову такие вопросы. Однако ведь бывает и совсем по-иному: перед тем как начать вспоминать, останавливают внимание на каком-то близком образе сознания и как бы в его ракурсе пересматривают все то, что всплывает на мысленном экране.

Стоит только подумать о Ю.А. Сорокине, как в сознании пробуждается такой образ: текст, существующий не сам по себе, не в вакууме, не в какой-то безличностной (или обезличенной) среде, но – в человеке. И этот образ сознания провоцирует осуществить конверсию и построить свои воспоминания о человеке так, как если бы (модус фиктивности!) он был текстом. Конечно, этот образ вовсе не нов (ведь в наши дни с текстом отождествляют, в общем-то, все что угодно), но для воспоминаний о Ю.А. Сорокине он становится ключевым и неотвратимым, поскольку Юрий Александрович в своем научном и поэтическом творчестве (в последнем случае как Глеб Арсеньев) проживал утверждение «Человек есть текст», если так можно сказать, до самой онтологической границы этого утверждения.

Итак, пусть этот образ сознания станет своеобразным мыслительным стержнем воспоминаний о Ю.А. Сорокине.

В общении с Юрием Александровичем сразу бросалась в глаза такая его черта, как нон-конформизм. Он был таким и в жизни, и в науке. И если в жизни это, возможно, как-то вредило ему (допустим, он никогда не был членом диссертационного совета, хотя его авторитет среди ученых был очевиден всем и всегда), он довольствовался тем, что называл «внутренним рейтингом», то в науке, наоборот, поощряло. Ю.А. Сорокин стоял у истоков отечественной психолингвистики и является создателем такой дисциплины внутри нее, как психолингвистика текста, подход к которой он обрел благодаря библиопсихологии Н.А. Рубакина, труды которого читал и по мере сил делал достоянием читающей (и думающей) публики.

Еще в 1970-е гг. Юрий Александрович понял, что сугубо лингвистический подход к тексту обречен, поскольку он игнорирует текст как опредмеченную деятельность (причем не исключительно речевую!) и как опосредованное общение (также не исключительно речевое!). Ю.А. Сорокин ставил вопросы, которые были крайне далеки от того, что казалось допустимым. Например, его интересовало то, как текст отбирает для себя читателя, почему сопрягаются или, наоборот, расходятся личностные миры писателя и читателя и т.п. Именно такой разворот текстовой проблематики, целесообразность которого внутри лингвистики почти не признавалась (к вопросу о неконформизме!), в результате привел ученого к разработке психолингвистики текста. Именно ей посвящены обе его диссертации, и именно о ней, не используя, кстати сказать, никогда этого термина, Ю.А. Сорокин часто писал и говорил.

В одной из последних наших бесед Юрий Александрович посетовал на то, что никто из молодых не занимается аксиологическим аспектом текста, т.е. будущее психолингвистики текста занимало, если не сказать, беспокоило его.

Как кажется, именно эти две черты – неконформизм и любовь к тексту – пронизывают все, что делал Ю.А. Сорокин, и, подобно линиям изотопии (опять-таки теория текста!), скрепляют в единое целое. Эти две черты связывают и объясняют, действительно, многое.

Начну с неконформизма. За несколько лет до своего ухода Юрий Александрович выступил как первый официальный оппонент по кандидатской диссертации моего аспиранта Павла Ветрова. Это экспериментальное исследование было посвящено синтаксису фразеологических единиц в китайской речи и кое-кому казалось полемически заостренным. Как это нередко случается, в частном языкознании, да еще в таком традиционном и обособленно-закрытом, как китайское, с трудом принимаются новые взгляды, идущие из общей теории языка. Ю.А. Сорокина нисколько не оттолкнуло такое возможное противостояние. Он блестяще выступил на защите. В его отзыве слились воедино бесценный опыт китаиста-переводчика и беспристрастность теоретика языка, мудрость учителя и задор исследователя. Одним словом, благодаря Ю.А. Сорокину диссертация была безоговорочно поддержана всеми членами диссертационного совета.

Не обошлось, однако, без курьеза. Решив сказать слова одобрения научному руководителю, Юрий Александрович несколько раз, напрягая все свои артикуляционные силы, назвал меня не Кирилл Яковлевич, а... Карл Яковлевич. Меня это умилило. В этой невольной подмене личного имени были и элементы паронимической аттракции, и полунамек на толстовского учителя из «Детства» (т.е. своего рода аллюзия), и вообще свойственное Ю.А. Сорокину как языковой личности бессознательное тяготение к новому слову, в том числе и к игровому. За поддержку моего ученика я буду признателен и благодарен Юрию Александровичу всегда.

В одно из последних посещений родного Института языкознания Юрий Александрович, чувствующий себя уже слабо, принес рецензию на книгу «Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях», написанную мною в соавторстве с Н.М. Юрьевой и вышедшую из печати в 2009 г. Потом эту рецензию опубликовали дважды, что, согласитесь, бывает не часто. В этой рецензии, которую

можно найти и в журнале «Вопросы психолингвистики», Ю.А. Сорокин тезисно или даже контурно излагает свои философско-семиотические размышления об онтогенезе речи, на которые его натолкнула наша книга.

Это был поистине великий читатель! Он умел вычитывать из книг то, к чему автор, возможно, только подступал (и то несмело!), и сразу же находил философскую родословную его идей и обозначал перспективу их раскрытия в его любимой науке – психолингвистике. Вы спросите: в чем же тут нон-конформизм? Он состоит в том, что Юрий Александрович никогда не довольствовался наличным результатом, а побуждал (или пробуждал) к чему-то большему, неочевидному, возможно даже противоречащему в чем-то добытому знанию.

Что касается любви к тексту, но не просто к тексту, а к тексту, созданному человеком и воспринятому (еще точнее, воспринимаемому) человеком, то почти все, написанное Ю.А. Сорокиным, поддавалось проникновению этого чувства. Относится это и к библиопсихологии, и к психолингвистике текста, и к теории перевода китайской поэзии, и к экспериментальному изучению феномена «текста в тексте», креализованных текстов и многого другого. При этом в каждом из своих исследований Юрий Александрович был принципиально и безоговорочно неканоничен. Может быть, именно по этой причине одну из последних своих книг он назвал «Неканоническая русистика»... Мне эта книга ученого дорога тем, что Ю.А. Сорокин пригласил меня выступить одним из титульных рецензентов этого обобщающего научного труда.

Кстати, издателем этой книги, как и ряда других книг Юрия Александровича, был ныне покойный А.П. Юдакин, его друг и – даже больше – его ближний, говоря языком Евангелия. Я часто вспоминаю наши посиделки втроем, в кабинете Анатолия Петровича, выдающегося ученого-компаративиста и полиглота. Кстати, друзья – А.П. Юдакин и Ю.А. Сорокин – ушли из жизни с разницей в месяц...

Казалось бы, вовсе не были связаны с текстом занятия Юрия Александровича этнической конфликтологией и, в частности, соматиконом. Скажу честно, эти его изыскания вначале казались мне какой-то экзотикой! Такими сомнениями я делился с Юрием Александровичем, но он, как и подобает настоящему мыслителю, оставил эти сомнения сомневающемуся...

Но вот проходит несколько лет, и по телевидению показывают документальный фильм об одном индейском племени (названия, к сожалению, не вспомню), в котором все ходят нагишом, никак не реагируя на чужаков. Один из мужчин этого племени объяснил, что для индейцев важно видеть все тело человека для того, чтобы начать общение с ним. Т.е., иными словами, тот самый соматический портрет, о котором писал Ю.А. Сорокин, оказывается условием и предпосылкой для общения и, по сути дела, неким стимулом к общению. Но это значит лишь то, что без соматикона не может состояться текст именно в той его трактовке, которую создавала отечественная психолингвистика усилиями Ю.А. Сорокина. Получается, что и в этом случае цельность и связность ничем не были нарушены!

Наряду с такими категориями текста, как цельность и связность, которые безусловно признаются всеми, Юрий Александрович выделял, как известно, еще одну категорию текста – эмотивность. Не будет преувеличением сказать, что эмотивность определялась во многом его личностью, в том числе языковой

личностью, и была глубоко прочувствована им. Когда-то ученики и сотрудники А.А. Реформатского описали его речевой портрет в общеизвестной книге «Язык и личность» (М.: Наука, 1989). Как было бы полезно сделать то же самое в память о Ю.А. Сорокине! Ведь как необыкновенно остро, живо, ново и вместе с тем интеллектуально насыщено говорил и писал Юрий Александрович!

Иногда он позволял себе тонкие намеки и шутки. Однажды Юрий Александрович позвонил мне домой, но меня дома не оказалось. Он решил представиться моей маме: назвал себя, а дальше заявил: «Мы с ним из одной конюшни!» Мама до сих пор говорит о том, что у Ю.А. Сорокина был необыкновенный, запоминающийся голос. Что все это, как не эмотивность?!

Вообще говоря, Юрий Александрович относился к словесному знаку как к творчески-энергичной сущности. Поэтому он не любил наукообразные длинноты и рыхлые, описательные обозначения. Вместо них он щедро употреблял однословные англоязычные новообразования, многие из которых остроумно и не без ощущения их будущности придумывал сам. Кто не помнит его «ментефакта», «экстендики» и пр.?

Но Ю.А. Сорокин был еще и поэтом, писавшим под псевдонимом Глеб Арсеньев. Его стихи ждут своего исследователя, хотя один монографический труд о Глебе Арсеньеве, еще при жизни поэта, был создан В.И. Батовым. Скажем только, что стихи Юрия Александровича отражают креативный заряд его языковой личности: в них почти нет пунктуации, прописных букв, в них нет привычной ассоциативности в отборе слов и т.д. Если с помощью его стихов и нельзя, например, объяснить в любви, то заинтриговать и вызвать первоначальный интерес вполне возможно.

Почти семь лет нет среди нас Ю.А. Сорокина, но почему-то помнишь его предельно ясно. Говорят, что после смерти людей меняются их фотографии. Смотрю на одну из них – и кажется, что ничего не изменилось. Тексты переживают людей, их век дольше, возможно, они бессмертны. Но, может быть, если человека представить как текст, он тоже будет с нами, не покинет хотя бы пределы памяти? Юрий Александрович Сорокин... Цельность, связность, эмотивность... Как будто бы текст... Но кажется, что все равно чего-то нет в воспоминаниях, что упущено что-то очень важное, то, что только чувствуешь, но выразить словами трудно.

В заключение неизбежно приходится высказать два как будто бы взаимоисключающих утверждения. Во-первых, образ сознания «человек как текст» оптимально подходит в качестве организующего принципа воспоминаний (и это утверждение, скорее всего, включил бы Ю.А. Сорокин в свою психолингвистику текста!). Во-вторых, человека можно читать так, как если бы он был текстом, но прочесть невозможно. В этом смысле все мы оказываемся друг для друга непрочитанными текстами. И, быть может, именно по этой причине один человек тянется к другому, даже если это осуществимо только в его воспоминаниях.

**ГРАФОДЕРИВАЦИЯ КАК ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ
И КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЕ**

**(Юрий Александрович Сорокин у истоков отечественной
юрислингвистической экспертизы текстов)**

Базылев Владимир Николаевич

профессор кафедры общего и прикладного
языкознания Московского педагогического
государственного университета

Россия, 119991, Москва, ул. М. Пироговская, д.1

e-mail: vladimir@4unet.ru

Статья посвящена вкладу Ю.А. Сорокина в становление теории и практики отечественной лингвистической судебной экспертизы. Предметом обсуждения в статье выступает креолизованный текст и его коммуникативная функция. Рассматривается графодеривация как объект юрислингвистической экспертизы текстов экстремистской направленности. Вводится и обсуждается на материале прошедших досудебную экспертизу текстов методика параметризации и дистрибуции применительно к составлению экспертного заключения. Предлагается разрабатывать теоретическое наследие Ю.А. Сорокина для его использования в работе экспертов при выполнении судебных лингвистических экспертиз и криминалистических исследований продуктов речевой деятельности.

Ключевые слова: Ю.А. Сорокин, графодеривация, метаграфемика, судебная экспертиза, юрислингвистика, лингвистическая экспертиза, речевое воздействие.

Предисловие

25 лет назад, в начале 90-х, Алексей Алексеевич Леонтьев позвонил двум своим знакомым – это были Ю.А. Сорокин и автор статьи – с предложением заняться актуальной проблемой юрислингвистической экспертизы. Тогда это было чем-то абсолютно новым для отечественного прикладного языкознания – как теоретически, так и практически. С одной стороны, это было продолжением исследования продуктов речевой деятельности, начатое в 70-е годы Ю.А. Сорокиным под руководством А.А. Леонтьева. С другой, 90-е годы и особенно первое десятилетие нового века показали востребованность и актуальность данной тематики. Проведение лингвистической судебной экспертизы все чаще и чаще требовалось суду, прокуратуре, следственным органам для установления юридических фактов в ходе рассмотрения и разрешения самых разных судебных дел.

Юрий Александрович Сорокин самозабвенно занимался исследованием высказывания с целью толкования его смыслового содержания, заражая своими нетрадиционными подходами всех членов тогда еще очень узкого коллектива энтузиастов. Можно сказать, что именно идеи, высказанные Юрием Александровичем Сорокиным в ходе дискуссий в секторе психолингвистики при обсуждении содержания первой книги о постсоветской юрислингвистической экспертизе, стали ее

стрезнем. Это была книга «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации», вышедшая в 1997 году [Понятие...1997]. Надо сказать, что эта коллективная монография, по данным РИНЦ, является одной из наиболее востребованных и цитируемых в среде и юристов, и лингвистов до сегодняшнего дня. В ней нашли отражение самые смелые по тем временам научные положения, сформулированные Ю.А. Сорокиным касательно спорных речевых произведений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации; речевых произведений по обвинению в клевете; речевых произведений по обвинению в оскорблении, неуважении к суду, оскорблении представителя власти. Сразу за ней в том же году вышла книга «Защита чести и достоинства. Теоретические и практические аспекты» [Защита...1997]. В начале века появляются книги под названием «Цена слова» и «Понятие чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами» [Цена...2001; Понятия...2004]. Последней увидела свет в 2009 году книга «Понятие чести и достоинства: Психолингвистический анализ» [Понятие...2009].

Автор статьи долгое время работал неассоциированным экспертом, а затем в течение 5 лет (с 2009 по 2014 гг.) был главным экспертом отдела лингвистической экспертизы Центра информационно-аналитических технологий Департамента региональной безопасности Аппарата мэра и Правительства Москвы. Автор должен честно признаться, что всегда его практическая работа вдохновлялась идеями, которые были сформулированы Юрием Александровичем Сорокиным как в его книгах, так и в частных беседах в стенах маленькой комнатки на третьем этаже Института языкознания.

За все эти годы автор статьи сделал более пятисот лингвистических экспертиз. Естественно, что при их проведении возникали разные проблемы. Одна из них затрагивается в данной статье. Ее обсуждение связано с воспоминанием о том, чему и как учил автора статьи и будущего эксперта еще в середине 90-х Юрий Александрович Сорокин.

Введение

Сегодня в юрислингвистической экспертизе актуальной продолжает оставаться проблема недостаточной формализации и структуризации деятельностных шагов эксперта, работающего с исходным материалом. Е.И. Россинская авторитетно напишет по этому поводу следующее: «Большинство ошибок в анализируемых нами заключениях относятся к категории деятельностных (операциональных). Методическим нарушением является анализ фраз, вырванных из контекста. Часто при производстве лингвистической экспертизы анализ смысла исследуемых высказываний подменяется приведением цитат и мнений эксперта, не имеющих научного обоснования. Основной методической ошибкой является пофрагментный пересказ исследуемого текста, сопровождающийся личными комментариями эксперта, которые основаны не на проведенных исследованиях, а на собственных домыслах» [Судебная...2012: 131-132]. Вероятно, это связано с объективной размытостью и неопределенностью самого понятия «судебная лингвистика», занимающего на сегодняшний день междисциплинарное положение между собственно юриспруденцией и лингвистикой.

Предлагаемые теоретические решения

Преодоление сложившейся негативной ситуации авторам разных методических пособий по судебной лингвистической экспертизе видится по-разному.

Наиболее характерен сегодня подход, в котором авторы методик работы с текстом при судебной лингвистической экспертизе стараются оставаться в традиционной филологической парадигме, максимально используя самый разнообразный методический аппарат ее разделов. В качестве примера обратимся к теоретическим основаниям проведения лингвистической экспертизы текста, которые предлагаются С.А. Кузнецовым: «Лингвистическая экспертиза текста является специализированным видом филологического исследования <...>. В целях получения объективных выводов о содержании текста производство лингвистической экспертизы должно основываться на достижениях лексико-грамматического, функционально-семантического, логико-понятийного, коммуникативно-прагматического анализа языка, разработанных в теории речевого воздействия, теории аргументации, теории риторических структур и реализованных в прикладных видах исследовательских процедур и методов» [Экспертные...2012: 57-58]. Как видим, речь идет не просто о междисциплинарном подходе, а о комиссионной экспертизе, для выполнения которой нужны специалисты в самых разных, достаточно узких, филологических специальностях. Реже встречаются мнения о том, что монодисциплинарный подход все же предпочтительнее. Однако выбор такого подхода остается на усмотрение эксперта, что вносит дополнительный хаос в оценку того, что же получено в результате использования, например, исключительно психолингвистического подхода [Психолингвистическая...2003]. Крайним проявлением субъективизма при выборе методики исследования текста в судебной лингвистической экспертизе можно считать утверждение Ю.А. Бельчикова о том, что лингвистическая экспертиза может быть отнесена к герменевтике: «Лингвистическая экспертиза спорного текста по юридическому поводу – особый вид, можно сказать, специализированный жанр междисциплинарного филологического исследования; она непосредственно относится к одной из древнейших отраслей филологии – к герменевтике, которая, как известно, занимается критикой текста» [Спорные...2005:15]. Возникает справедливое недоумение: эксперт занимается критикой текста в герменевтическом духе, или ищет признаки, которые позволили бы следствию и суду объективно квалифицировать текст.

В отличие от подобных настроений в среде экспертов А.Н. Баранов, например, ориентируется на приложение к лингвистической экспертизе текстов лингвистических знаний, формализованных в соответствующей парадигме: от теории речевых актов до структурной семантики. При этом от эксперта требуется оптимизация используемого концептуального аппарата. При этом последнее отдается также на усмотрение самого эксперта [Баранов 2007: 554-555]. Авторы фундаментальной методической работы о теоретических и методических основах судебной психолого-лингвистической экспертизы (О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова и Т.Н. Секераж) во главу методики решения основных экспертных задач ставят лингвистический анализ текста, который, по их мнению, «производится путем исследования семантики текста и особенностей употребления выбранных автором языковых средств с учетом особенностей коммуникативной ситуации»

[Теоретические...2011: 199-200]. В необходимых случаях результаты лингвистического анализа отражаются в виде семантического протокола. Вводимые авторами «эталон», напр., «убеждения», «гиперидентичности» и др. представляют собой попытку (первую, насколько нам известно) формализовать лингвистические и психологические признаки значения применительно к задачам судебной лингвистической экспертизы текстов.

Однако требования и попытки формализации при исследовании такого рода в последние годы становится общими местами многих пособий и практических руководств по судебной лингвистической экспертизе текстов. При этом приемы формализации продолжают касаться в основном лексического уровня языка, в том числе уровня стилистики [Экспертиза... 2012: 36-37].

Нам представляется наиболее перспективным подход, предлагаемый в последних работах М.А. Осадчего. Он опирается на методологию параметризации – исследовательского решения, позволяющего синтезировать качественные и количественные характеристики текста с точки зрения наличия в нем правовых рисков, и описать их в динамическом взаимодействии. Такая точка зрения была вызвана к жизни творческим переосмыслением наследия Ю.А. Сорокина и А.А. Леонтьева, что, позволило М.А. Осадчему выйти на параметрическую судебно-лингвистическую модель публичной коммуникации [Осадчий 2012: 13-15].

Руководствуясь идеями Ю.А. Сорокина и А.А. Леонтьева, а также принятыми методологическими основами производства судебной лингвистической экспертизы М.А. Осадчего, мы хотим обратиться к обсуждению их применимости в экспертизе текстов, содержащих т.н. графодеривацию.

Графодеривация в текстах, подпадающих под судебно-лингвистическую экспертизу

Графодеривация сегодня, ранее именуемая в отечественной лингвистике метаграфемикой, представляет собой сложное вторичное текстовое образование, для которого характерно соединение вербальных и невербальных элементов, образующих структурно-смысловое и визуальное единство, предназначенное для комплексного воздействия на адресата. Исследование этого феномена, начатое еще во фрагментарных заметках А.А. Реформатского 30-х годов прошлого века, нашло свое продолжение в советской и постсоветской лингвистике. Обзор работ по этой проблеме был дан в конце 80-х П.Б. Паршиным и А.Н. Барановым, Сегодня этой проблематикой активно занимаются, например, С.В. Ильясова и Л.П. Амири [Реформатский 1987: 141-179; Паршин 1989: 41-115; Ильясова 2012]. В последнее время к этому добавились исследования литуративов и квазипословиц [Худякова 2014: 39-47; Кассина 2011: 14-20]. Но еще Ю.А. Сорокин вслед за А.А. Леонтьевым справедливо считал, что одним из важнейших механизмов, обеспечивающим речевое воздействие, является варьирование языковых единиц, организованных по тем или иным критериям в парадигматические классы. В начале 90-х Ю.А. Сорокин совместно с Е.Ф. Тарасовым подготовил статью под названием «Креолизованные тексты и их коммуникативная функция», в которой авторы обосновали тот факт, что значимое варьирование предполагает, с одной стороны, возможную отождествимость языковых единиц и выражений, а с другой – их принципиальную

различимость, создающую предпосылку для передачи содержательных нюансов, рефлектируемых в обыденном общении [Сорокин 1990: 181].

В качестве примера приведем фрагмент книги, по которой была назначена судебная лингвистическая экспертиза. В связи с тем, что многие книги, из которых взят иллюстративный материал для данной статьи, входят в Федеральный список экстремистских материалов, мы не даем их библиографического описания, а указываем только имя автора.

Ижеца Ведева. Заповедальность Руси ВсеЯСветной, Неотъемлемой и Дорогой «пылинкой» которой является и ПланЭтаЗемля, поддерживаемая по Воле ПервоТворца Кос(о)Теем.... МойСей Путём восхождения на ГОрУ (-Г – Глагол через Ор-орьбу для У-Знаний, полученных от Небесных Людей) хотел было жидам объяснить Принципы РазумоНосцев....<...>.... Именно поэтому в USA – в первой колонии изг'аиля – тупые лжелюди (показывая, что они с растительным генезисом) в минуту восприятия Чего-либо или Кого-либо Возвышанного хотели бы забраться на Животную Ступень восклицанием «Вау!» - части Заклинания уже обснованных на Животной Стадии (Шубин-Абрамов А.Ф.)

Понятно, что такого рода нюансы в условиях не критической рефлексии текста могут использоваться и в действительности используются, по словам П.Б. Паршина, для «контрабандного» воздействия на сознание адресата [Паршин 1989: 41].

Материал и дискуссия

Мы считаем, что при производстве судебной лингвистической перспективным является параметризация сведений и оценок, основанная на формализации взаимодействия аспектов отождествления, характеризующих варианты. Возможно варьирование с условно-знаковой семантикой, с иконической семантикой и с ореольной семантикой, как было предложено в свое время Р. Уоллером [Waller 1980: 241-242]. Это оказывается полезным для экспертизы текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания, например, художественных – поэтических или прозаических, в которых могут наличествовать признаки, которые позволят отнести их к текстам экстремисткой направленности [Чернышова 2002].

В качестве примера приведем тексты, которые попали к автору статьи на досудебное исследование: «Ярга-свастика – знак русской народной культуры» П.И. Кутенкова, и «Захват Московии. Национал-лингвистический роман» М. Гиголашвили.

Обратимся к системе сведений и оценок, имеющихся в первой книге. Она представляет собой научное этнографическое исследование (описание и анализ) истории знаковых систем протославянской, общеславянской и русской народной культуры: в архитектуре, одежде и предметах быта. Именно этим обуславливается параметризация использованных в научном тексте слов «свастика» или «ярга-свастика». Первично они могут создать впечатление, что речь в книге идет о символике, связанной (косвенно) с символикой фашизма. В действительности в книге лишь используется соответствующий терминологический аппарат современной отечественной этнографии для обсуждения теоретических научных дискуссионных вопросов о роли в культуре славянских народов, в том числе русского народа, символа, именуемого несколькими терминами – ярга, яргические знаки, свастика, свастические знаки, ярга-свастика. Все эти термины имеют оттенки в своем значе-

нии и употреблении, и в разной мере приложимы к различным этнографическим объектам, на что во введении указывает сам автор. Автор также разъясняет причины, по которым длительное время (начиная с 20-х гг. XX века) тематика подобных исследований (а не столько сами термины) находилась под официальным запретом (начиная с указаний А.В. Луначарского 1922 года). Таким образом, мы имеем возможность формальной параметризации смысла на основе условно-знаковой семантики текста в целом.

Что касается названного романа М. Гиголашвили, то главной в романе, исходя из его подзаголовка, является именно лингвистическая линия сюжета, в том числе потому, что главный его герой-филолог. Он, согласно сюжету, по своей неосведомленности знакомится с *лингвофашистами*, организовавшими группировку *Граммар-наци* (Grammar Nazi, GN). Символом *Граммар-наци* является изображение, некоторыми элементами напоминающее фашистскую символику: например, изображением орла с распростертыми крыльями, в когтях держащего окружность, в центре которой черными буквами изображен знак под углом в 45°, представляющий собой ломанную незамкнутую прямую линию, загибающуюся под углом в 90°, а ниже помещена надпись GRAMMAR NAZI. Далее все надписи и атрибуты, используемые в романе для изображения и характеристики этой группировки, а также документы, составленные вымышленными героями-лингвофашистами, тем или иным образом соотносятся со словесным и визуальным рядами, ассоциирующимися с немецким фашизмом. К таким элементам относится и лозунг *грамматических националистов* – «Грамматика делает свободным» (GRAMMATIK MACHT FREI), который отсылает к лозунгу «Труд делает свободным» (ARBEIT MACHT FREI), висевшему на воротах Освенцима. Отмечается, что лозунг GRAMMATIK MACHT FREI вынесен на обложку книги вместе с вышеописанным изображением. Параметризация иконической семантики позволяет, однако, обосновать, что соотнесение *лингвофашистов* и фашистов проводится автором намеренно для того, чтобы показать агрессивную направленность идеологии фашизма как таковой на примере деятельности вымышленной группировки *Граммар-наци* с целью обличения идеологии фашизма и выражения неприятия этой идеологии в любом виде. Не важно, за чистоту чего борются, важно, что сама борьба за чистоту – расы (немецкий фашизм), языка (лингвофашизм) остается фашизмом как таковым. Для этого в романе используются различные стилистические приемы (пародия, гротеск, стилизация), визуализация вербального ряда, сюжетные ходы и др. Это сопровождается визуальным рядом, а именно портретом, подписанным «*Граммар-фюрер Дитмар Эльяшевич Розенталь*». Он представляет собой изображение немецкого офицера в военной форме времен фашистской Германии, внизу портрета надпись — GRAMMAR FÜHRER. Таким образом, используя словесные и визуальные символы, ассоциирующиеся с фашизмом (номинация «фюрер», приветствие «Хайль!», и др.), автор дискредитирует деятельность и идеологию описанных в романе *грамматических нацистов* и тем самым раскрывает сущность идеологии фашизма, используя прием пародирования. Подводя итоги исследованию, автором статьи был сделан вывод, что в романе в художественной форме содержится пропаганда антифашизма и антирасизма.

Иной аспект проблемы, а именно параметризация на основе выявленной в тексте ореольной семантики, позволяет считать некоторые поэтические произведе-

дения обладающими признаками, которые разрешат суду квалифицировать их как тексты экстремистской направленности. Например, поэтические тексты Н. Боголюбова имеют предпосланные им изображения, сходные до степени смешения с нацистской (фашистской) символикой: сдвоенную руны «зиг», символ охранных отрядов «СС» в нацистской Германии 1933-1945 гг., приветственный жест «хайль». Демонстрация в качестве иллюстрации к стихотворным произведениям атрибутики и символики, сходной до степени смешения с нацистской (фашистской), служит визуальной поддержкой содержания текста для однозначного его понимания адресатом. Например, в тексте «Человек человеку – волк» одобряются насильственные действия против евреев - *Да взойдет зарей холокост!* - что за счет демонстрации приветственного жеста «хайль» однозначно указывает на практику геноцида в фашистской Германии. Или используемые в поэтических произведениях Л. Корниловым сложносоставные образно-эмоциональные слова: *смотрящий кремляди* (кремль+бляди) *российской*, *путинги* (Путин+ митинги), *прокурватура* (прокуратура+ курва) и др.

Наглядным примером актуальности графодеривации в поэтическом творчестве может послужить стихотворение В. Солохина «И один в поле воин...», также подпавшее под проведение досудебного исследования на предмет поиска признаков возбуждения в тексте межнациональной розни. Так, предъявление в тексте слова *вразина* может указывать на источник угрозы для России – Западную Европу или Америку, т.е. страны, использующие латиницу, а, например, не арабское письмо или китайскую иероглифику.

Еще один возможный подход к параметризации, предложенный в свое время автором статьи [Базылев 2013] и им активно используемый в экспертной практике: дистрибутивный анализ (контрастность/ дополнительность/ свободное варьирование). Поясним этот параметрический подход на примере демотиваторов. При контрастности мы получаем новое значение креолизованного текста, не сводимое к значению составляющих его фрагментов. Понимание этого значения текста не гарантируется адресатом. При дополнительности мы получаем усиление значения креолизованного текста (гарантию его однозначного понимания со стороны адресата). При свободном варьировании мы получаем варианты значения креолизованного текста в рамках исходного значения (также без однозначного понимания его со стороны адресата).

Резюме

Как видим, теоретические наследие Ю.А. Сорокина продолжает плодотворно разрабатываться его учениками. Многие могут быть почерпнуто из его работ. Начатые им поиски построения параметрической судебно-лингвистической модели экспертизы текстов могут быть использованы в работе экспертов при выполнении судебных лингвистических экспертиз и криминалистических исследований продуктов речевой деятельности на предмет установления признаков сведений порочащего характера, клеветы, оскорбления, угрозы, публичного призыва к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждения ненависти и вражды.

Перспективным продолжением подобного рода работ автор статьи считает разработку не только коммуникативно-ориентированной, но и функционально-

целевой методики проведения комплексных экспертиз информационных материалов на наличие в них признаков противоправной речевой деятельности. Речь идет не об универсальном методе понимания и истолкования текстов, но о практических способах доказательства наличия в тексте определенного содержания. В частности, такая методика необходима для исследования текстов по делам, связанным с распространением ксенофобии, ненависти, социальной агрессии, идеологии насильственного решения общественно-политических и экономических проблем, оправдания терроризма и т.д.

Такого рода исследования, безусловно, будут востребованы не только органами государственной власти, обеспечивающими информационную безопасность страны, но и рядовыми гражданами, реализующими свое конституционное право на свободу слова и вероисповедания.

Литература

Базылев В.Н. Пути разработки методики решения экспертных задач (психолого-лингвистическая экспертиза текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму)// Юрислингвистика. 2013. № 1. – С. 204-217.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

Защита чести и достоинства. Теоретические и практические вопросы/ Базылев В.Н., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. М.: Шаг, 1997. – 172 с.

Ильслова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2012. – 296 с.

Кассина Т.А., Продайко В.Н. Русские антипословицы в дискурсивном пространстве постмодерна// Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2011. Том 24 (63). № 2. Часть 2. – С.14-20.

Осадчий М.А. Русский язык на грани права. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 256 с.

Паршин П.Б., Баранов А.Н. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемыки// Проблемы эффективной коммуникации: сборник научно-аналитических обзоров. М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – С. 41-115.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации/ Базылев В.Н., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. М.: Права человека, 1997. – 128 с.

Понятие чести и достоинства: Психолингвистический анализ/ Базылев В.Н., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. М.: Эйдос, 2009. – 72 с.

Понятие чести, достоинства и деловой репутации/ Базылев В.Н., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. М.: Медя, 2004. – 328 с.

Психолингвистическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации: Методические рекомендации для работников правоохранительных органов. М.: Смысл, 2003. – 85 с.

Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. – 364 с.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция// Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. – С. 180-186.

Спорные тексты СМИ и судебные иски: публикации, документы, экспертизы, комментарии лингвистов/ под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005. – 200 с.

Судебная экспертиза: типичные ошибки/ Галяшина Е.И., Лобанов Н.Н., Росинская Е.Р. М.: Проспект, 2012. – 544 с.

Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму/ Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. М.: РФЦСЭ, 2011. – 328 с.

Худякова М.В. Как озвучить мнимый текст? Литуратив и средства его выражения при чтении// Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 39-47.

Чернышова Т.В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания// Юрислингвистика-3. Проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул: Алтайский ГУ, 2002. – С. 42-55.

Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ/ Базылев В.Н., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. М.: Галерея, 2001. – 184 с.

Экспертиза экстремистского текста. Исследовательские критерии и особенности построения экспертного процесса/ Стадников М.Г., Феоничев А.Б., Щеглов А.А. СПб.: Институт ФСБ России, 2012. – 120 с.

Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство/ Кузнецов С.А., Оленников С.М. СПб.: СПбГУ, 2012. – 172 с.

Waller R.H.W. Graphic aspects of complex texts// Processing of visible language. 1980. Vol. 2. – P. 241-253.

**GRAPHODERIVATION AS A POTENTIAL AND AN OBJECT
OF JUDICIAL LINGUISTIC EXPERTISE**

(Yuriy A. Sorokin as one of the founders of Russian judicial linguistic expertise)

Vladimir N. Bazylev

Doctor of Science

Full Professor, Department of General and Applied Linguistics

Moscow State Pedagogical University

1, M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia

e-mail: vladimir@4unet.ru

The article is devoted to the contribution of Yu. A. Sorokin to the development of the theory and practice of forensic linguistics. The topic of the article is creolized text and its communicative function. The metagraphics is considered as an object of forensic linguistic examination of extremist texts. The pre-trial expert review, the method of parameterization and distribution are introduced and discussed. It is proposed to develop the theoretical legacy of Yuriy A. Sorokin for its use in the work of forensic linguists: linguistic examination and forensic investigations of products of speech activity.

Keywords: Yuriy A. Sorokin, graphoderivation, metagraphics, forensics & juridical linguistics, linguistic expertise, speech activity.

References

Baranov A.N. Lingvisticheskaja ekspertiza teksta [Linguistic examination of the text]. M.: Flinta: Nauka. 2007. 592 p.

Bazylev V.N. Puti razrabotki metodiki reshenija ekspertnyh zadach (psihologo-lingvisticheskaja ekspertiza tekstov po delam, swjazannym s prodiwodejstwem ekstremizmu) [The development of methods of solution expert tasks] // Jurislingwistika. 2013. # 1. P. 204-217.

Chernyshova T.V. Jurislingwisticheskaja eksoertiza gazetno-publitsisticheskikh tekstow s nejawnoj kommunikatiwnoj funkciej wyskazywanija [Linguistic judicial expertise of newspaper with implicit communicative function of the utterance] // Jurislingwistika 3. Barnaul: Altajskij GU, 2002. P. 42-55.

Ekspertnye issledowanija po delam o priznanii informatsionnyh materialow ekstremistskimi: teoreticheskie osnovanija i metodicheskoe rukowodstwo [Expert studies on the recognition of the information materials as the extremist: theoretical foundations and methodological guidance] / Kuznetsov S.A., Olennikov S.M. SPb.: SPbGU, 2012. 172 p.

Ekspertiza ekstremistskogo teksta. Issledowatelskie kriterii i osobennosti postroenija ekspertnogo prozessa [Examination of the extremist text. The research criteria and the features of the expert process] / Stadnikov M.G., Feonichev A.B., Scheglov A.A. SPb.: Institut FSB Rossii, 2012. 120 p.

Hudjakova M.V. Kak ozwuchit' mnimyj tekst? Liturativ i sredstva ego wyraschenija pri chtenii [How to sound imaginary text? Strikethrough and its means of expression while reading] // Sowremennyi russkij jazyk v Internetе. M.: Jazyki slawjanskoj kultury, 2014. P. 39-47.

Iļjasowa S.W., Amiri L.P. Jazykowaja igra w komunikatiwnom prostranstwe SMI i reklamy [Language play in the communicative space of media and advertising]. M.: Flinta: Nauka, 2012. 296 p.

Kassina T.A., Prodajko V.N. Russkie antiposlowitsy w diskursiwnom prostranstwe postmoderna [Russian antislavery in the discursive space of the postmodern]// Uchenye zapiski Tawricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. 2011. Vol. 24 (63). # 2. Part 2. P. 14-20.

Osadchij M.A. Russkij jazyk na grani prava [Russian language on the verge of law] M.: Librokom, 2012. 256 p.

Parshin P.B., Baranov A.N. Wozdeistwujuschij potencial warjirowanija w sfere metagrafemiki [The potential variation in the field of metareference] Problemy effekniwnoj kommunikatsii. M.: INION RAN, 1989. P. 41-115.

Ponjatie chesti i dostoinstwa, oskorbļenija i nenormatiwnosti w tekstah prava i sredstw massowoj informatsii [The concept of honour and dignity, humiliation and contumely in the texts of law and the media]/Bazylev V.N., Leontjev A.A., Sorokin Ju.A. M.: Prawa cheloweka, 1997. 128 p.

Ponjatie chesti i dostoinstwa: Psicholingwisticheskij analiz [The concept of honour and dignity: a Psycholinguistic analysis]/ Bazylev V.N., Leontjev A.A., Sorokin Ju.A. M. M.: Eidos, 2009. 72 p.

Ponjatie chesti, dostoinstwa i delowej reputatsii [The concept of honor, dignity and business reputation]/Bazylev V.N., Leontjev A.A., Sorokin Ju.A. M. M.: Medeja, 2004. 328 p.

Psicholingwisticheskaja ekspertiza ksenofobii w sredstwah massowoj informatsii [Psycholinguistic examination of xenophobia in the media]. M.: Smysl, 2003. 85 p.

Reformatskij A.A. Lingwistika i poetika [Linguistics and poetics]. M.: Nauka, 1987. 364 p.

Sorokin Ju.A., Tarasov E.F. Kreolozowannye teksty i ih kommunikatiwnaja funksija [Creolized texts and their communicative function]// Optimizatsija rechwego wozdejstwija. M.: Nauka, 1990. P. 180-186.

Spornye teksty SMI i sudebnye iski: publikatsii, dokumenty, ekspertizy, komentarii lingwistow [Controversial media texts and lawsuits: publications, documents, expertise, comments of linguists]. M.: Prestisch, 2005. 200 p.

Sudebnaja ekspertiza. Tipichnye oshibki [Forensic examination: common mistakes]/ Galjashina E.I., Lobanov N.N., Rossinskaja E.R. M.: Prospekt, 2012. 544 p.

Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoj psihologo-lingwisticheskoi ekspertizy tekstow po delam, swjazannym s protivodejstwiem ekstremizmu [Theoretical and methodological foundations of forensic psycholinguistic analysis of texts in cases involving counter-extremism]/ Kukushkina O.V., Safonova Ju.A., Sekersch T.N. M.: RFTsSE, 2011. 328 p.

Tsena slowa. Iz praktiki lingwisticheskikh ekspertiz tekstow SMI [The value of the word. Linguistic judicial expertise texts of the media]/Bazylev V.N., Leontjev A.A., Sorokin Ju.A.M.: Galereja, 2001. 184 p.

Waller R.H.W. Graphic aspects of complex texts// Processing of visible language. 1980. Vol. 2. P. 241-253.

Zaschita chesti i dostoinstwa. Teorticheskie i prakticheskie woprosy/ Bazylev V.N., Leontjev A.A., Sorokin Ju.A. [Protection of honor and dignity. Theoretical and practical issues] M.: Shag, 1997. 172 p.

УДК 81'23 + 81'42

ЛИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

Боронин Александр Анатольевич

доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики
английского языка факультета романо-германской филологии
Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского
государственного областного университета
e-mail: inloco@inbox.ru

В статье описывается лимнологический подход, применяемый в психолингвистике текста. Перечислены теоретические предпосылки применения этого подхода, включающие в себя семиотический, коммуникативно-прагматический, деятельностный и текстолингвистический (письменная фиксация текста, его длина) аспекты. Представлен и обоснован новый метаязык (включая основное понятие *граница* и сопутствующие: *полиреальность*, *текстоид* и др.). Указаны перспективные задачи, которые можно решать с позиций лимнологии.

Ключевые слова: психолингвистика текста, лимнология, граница, сегментация, делимитация, полиреальность, текстоид.

*Так велико желание всего
живущего преодолеть границы...
И. Бродский*

Кажется, совсем недавно Юрий Александрович Сорокин с убеждением советовал мне переиздать мою монографию об интерпретации персонажных субтекстов, заменив англоязычные примеры иллюстрациями из русской классики. Кажется, будто вчера он звонил, оживленно откликаясь на вышедшую статью. Даже будучи серьезно больным, Юрий Александрович продолжал делиться планами. Например, просил найти для него полное собрание Г.К. Честертона, собираясь заняться критическим анализом русских переводов. Или выражал желание выпустить очередной сборник своих изумительных маргиналий – изящного и редкого жанра, в котором он был одним из первопроходцев.

Маргиналии – важная веха его творчества, без знания которой невозможно полностью оценить и самобытный когнитивный стиль его научных работ, и новаторский (мета)язык. Так случилось, что я тоже увлекся этим жанром и, к счастью, не смог избежать влияния Глеба Арсеньева (творческий псевдоним Ю.А.) на мое филологическое хобби, что, на мой взгляд, просматривается в следующих скромных опусах:

Поседевшие ресницы. Смерть улыбки. Судороги крыльев бабочки. Март 2010 г.

Из винных заморозков отливается красноватое стекло для фужеров – гнездовиц задумчивых снегурок.

10 февраля 2010 г. [Боронин 2015а: 48]

В настоящей публикации я не стремлюсь к механической инкрустации и не цитирую работы профессора Ю.А. Сорокина. Смею надеяться, что знакомство с большим числом его трудов задаст ту смысловую тональность, которая была близка и интересна Юрию Александровичу.

... А сборник своих маргиналий Ю.А. Сорокин намеревался назвать «ВСЛЕД ЗА КИСТЬЮ (Записки зеваки и ротозея)».

В модели языковой компетенции, созданной З.М. Шаляпиной, за основу принимается знак, взятый в совокупности его общих логических и семиотических свойств. Исследователь выделяет три первостепенные функции знака, а именно номинативную, обобщающую и сегментирующую (функцию «членения») [Шаляпина 1988: 216]. Действительно, сегментация лежит в основе языковой системы, она представлена на многих ярусах, начиная от морфологического и заканчивая ярусом «текстоподобных единиц» [Шаляпина 1988: 219]. Следовательно, сегментацию можно рассматривать как кардинальную функцию, актуализирующуюся не только в рамках языковой системы, но и в пределах речевой деятельности (в частности, в пределах интересующей нас больше всего деятельности по порождению и восприятию текста). Результатом проявления названной кардинальной функции становится возникновение ситуации разделения (отделения) одних знаковых объектов от других, одних знаковых пространств от других. Эту ситуацию можно описать как наличие границы между знаками (знаковыми областями).

Понятие границы является основным, категориальным для развиваемого нами направления, которое мы обозначаем как лингвистическая лимология (или, в более узкой трактовке, лимология текста). В нашей работе [Боронин 2011] дается обобщенный анализ содержания понятия «граница», использующегося в лингвистике и некоторых смежных гуманитарных науках. Хочется обратить внимание именно на общегуманитарную принадлежность понятия «граница». В связи с этим неизбежна дальнейшая рефлексия над ним, которая будет выходить за рамки лингвистики. Актуальность названному понятию придает и венаучный контекст: достаточно обратиться к событиям, происходящим на международной арене: в частности, к результатам проходившего в Великобритании референдума о выходе из состава Европейского Союза, к проблеме миграционного кризиса в Европе и другим.

Однако в настоящей публикации мы обобщенно изложим основные положения, которые позволят использовать лимологический подход в качестве методологического инструмента в той области, в которой плодотворно работали А.И. Новиков и Ю.А. Сорокин, а именно в психолингвистике текста. Для этого снова обратимся к работе З.М. Шаляпиной. В ней исследователь проводит параллель между ярусным строением языковой системы и семантическим содержанием действительности, сходным образом выделяя «ярусы элементов ситуаций – ситуаций как таковых – комплексов ситуаций различной сложности» [Шаляпина 1988: 219]. Следует уточнить, что вряд ли целесообразно говорить о действительности вообще, так как лингвиста интересует, в первую очередь, *коммуникативно-релевантные элементы действительности*. Коммуникативная релевантность элементов дей-

ствительности неразрывно связана в первую очередь со знаковым – зримым, непосредственно данным – выражением. В связи с этим, мы предпочитаем различать термины «действительность» и «реальность», понимая под последней совокупность коммуникативно-значимых элементов действительности. В свою очередь, мы оперируем и родственным термином «полиреальность», под которым понимаем «результат коммуникативной демаркации действительного мира» или «результат создания альтернативных миров в процессе словесного общения» [Боронин, Сологубов 2010: 151]. Эта концепция базируется на методологических постулатах, выработанных в теории текста и дискурса, а также на некоторых положениях теории речевого общения, созданной Е.Ф. Тарасовым [Тарасов 1992: 35–38 и др.]. Принцип полиреальности апеллирует не только к самому факту наличия некой статичной границы, но к ситуации постоянного изменения границ, к акцентированию их нечеткого характера. В этом смысле эмблематично знаменитое гоголевское описание быстрой езды, в котором М.М. Бахтин видит подчеркнутое «разрушение всех статических границ между явлениями» [Бахтин 2010: 515]. Слово *граница*, даже не выражая методологическое понятие в системе координат того или иного автора, способно донести конкретные категориальные смыслы – онтологические или гносеологические. Ср.: «*между двумя языками, с которыми переводчик работает, существует граница, которую необходимо тем или иным способом соблюдать*» (курсив и выделение жирным шрифтом сделаны А.К. – А.Б.) [Кирилина, 2011: 33]. Или ср. с индикацией диффузности классификаций: «Граница между этими группами тактик весьма условна» [Вашунина 2016: 133].

Безусловно, текст, представленный в линейном виде, упрощает задачу по его сегментации и, отчасти, делимитации (то есть по его формальному и смысловому членению и отделению от других коммуникативно-самодостаточных словесных структур). Более того, существует точка зрения, в соответствии с которой именно письменная фиксация должна рассматриваться как обстоятельство, позволяющее квалифицировать словесную совокупность в качестве текста. В одной из своих публикаций мы постарались показать узость и недостаточность подобного подхода [Боронин 2014]. В связи с этим, отметим актуальность для психолингвистики текста задачи по выработке критериев текстуальности звучащих вербальных структур, не получающих письменной фиксации.

Вопрос о категоризирующем количественном параметре текста (его «объем», длина) важен, но сам по себе диапазон возможных точных решений, по-видимому, существенно уже, нежели количественное соотнесение объектов в живой и неживой природе (например, Земля в X раз меньше Бетельгейзе). Действительно, на «естественнонаучном» фоне дистанция между многотомными «Ругон-Маккарами» Э. Золя и стихотворением А. Вознесенского «Ночь» (Выйдешь – дивно!..// Связь видна.) представляется не столь огромной. Особенно если при этом учитывать следующие обстоятельства.

Первое из них связано с особенностями человеческого восприятия словесных сообщений. Гипотетически можно признать, что текст – это нечто, соотносящееся с возможностями человеческой памяти. Психологический критерий позволяет экспериментально подтвердить объем оптимального текста. Соответственно, стихотворение Вознесенского – это текст, а «Ругон-Маккары» – совокупность

текстов, причем совокупность, состоящая из большого количества потенциальных текстов. Я вспоминаю свою педагогическую практику, которую я проходил на факультете русской филологии. На одном из занятий вдруг выяснилось, что студентка знает наизусть поэму Н.А. Некрасова «Крестьянские дети». Дабы доказать это, она прочитала на память пространный отрывок из этой поэмы. Если принимать во внимание психологическую оценку статуса сообщения, то возможно говорить о возникновении ситуации, когда одновременно одно и то же сообщение может квалифицироваться противоречиво («текст» - «не-текст»). Одно это уже становится основанием для сомнения в правильности выбора психологического критерия в качестве основного. Кроме того, для автора пространное произведение все же является фактом, так как он может в любой момент обратиться к любому месту в своей рукописи, что «технически» поддерживает возможности слитно-смыслового восприятия порожденного автором текстового продукта. Таким образом, в основе ущербности психологического критерия лежит смешение двух форм текста – устной и письменной. По всей видимости, стоит выделять две подотрасли в лингвистике текста: лингвистика устного текста и лингвистика письменного текста. В рамках каждой из подотраслей понимание текста может дифференцироваться, быть отличным от другого. Итак: говорить о «тексте- вообще» с точки зрения теории коммуникации не слишком продуктивно, поскольку реальный коммуникативный процесс связан с конкретной формой текста – письменной или устной. Приходится констатировать, что в настоящее время недостаточно полно изучены особенности восприятия каждой из упомянутых форм.

Следующим важным моментом, связанным с лингвистическим осмыслением текста, является проблема не всегда оправданного манихейского «сталкивания» двух категориальных понятий – «текст» (за которым можно закрепить атрибут «наличие определенных границ») и «дискурс» (за которым можно закрепить атрибут «неопределенность границ либо их отсутствие»). Мы предлагаем перейти от диады «текст» - «дискурс» к триаде «текст» - «текстоид» - «дискурс», при этом срединный элемент диады трактуется как особое словесное образование, свойства которого «детерминированы речевой деятельностью как сверхсложной открытой динамической системой» [Боронин 2016: 30]. Текстоиды соотносятся с реальной ситуацией словесного взаимодействия, как бы маркируя ее этапы, внося деятельностьную упорядоченность в кажущуюся феноменологическую хаотичность и преодолевая, выражаясь словами классика языкознания, «непоследовательную пестроту эмпирической данности» [Реформатский 1977: 10].

Следующим аспектом, позволяющим более точно проводить процедуры по сегментации и делимитации текста [Боронин 2009а; Боронин 2009б], можно считать обогащение репертуара собственно текстолингвистических категорий [Боронин 2015б], что позволяет более дифференцированно анализировать непосредственно «ткань», материальное тело, знаковую совокупность во всей полноте формальных и смысловых взаимосвязей между текстовыми элементами разных уровней.

Исходя из изложенного в настоящей работе, можно сформулировать некоторые задачи, связанные с реализацией лингвистического подхода в психолингвистике текста:

- экспериментальное изучение вариантов субъективно-индивидуальной (непрофессиональной и профессиональной) интерпретации маркированных речевых структур, связанных с определением текстообразующих границ;
- сравнительное сопоставление психолингвистических механизмов сегментации и делимитации устных и письменных текстов в процессе их порождения и восприятия;
- экспериментальное психолингвистическое обоснование существования текстоидов как особых автономных единиц речи с незамкнутым смысловым контуром;
- изучение социально-деятельностной и собственно текстолингвистической детерминированности лимнологических показателей текстов разных жанров.
- создание подлинно теоретической, а не эмпирической [Щедровицкий 1966: 7] модели текстопорождения и текстовосприятия, основанной на лимнологических началах.

Литература

- Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 4 (2). – М.: Языки славянских культур, 2010. – 752 с.
- Боронин А.А.* К вопросу о текстоидах // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 26–32.
- Боронин А.А.* Когнитивное варьирование в лимнологии текста // Когнитивное варьирование в языке. Когнитивные исследования языка. Вып. XIX: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира : сб. науч. тр. / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. – М.- Тамбов, 2014. – С. 503-511.
- Боронин А.А.* Мои бесконечно малые (Маргиналии): эссе и стихотворения. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – 102 с.
- Боронин А.А.* О понятии «граница» в лингвистике (к интерпретации художественного текста и его сегментов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2011. – № 4 (15). – С. 46 – 50.
- Боронин А.А.* Психолингвистическое обоснование сегментации и делимитации текста // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сб. ст. / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М. – Калуга: Эйдос, 2009а. – С. 289 – 306.
- Боронин А.А.* Текст: сегментация и делимитация // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15 – 17 июня 2009 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. – М.: Эйдос, 2009б. – С. 97 – 98.
- Боронин А.А.* Усмотрение смысла текста: о терминологическом инструментарии и его расширении // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2015б. № 4. <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/722>
- Боронин А.А., Сологубов А.М.* Полиреальность и речевое общение // Вопросы психолингвистики. – 2010 – № 2 (12). – С. 151 – 158.
- Вашунина И.В.* Креолизованный текст как инструмент формирования сознания в СМИ // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Ч. I. Мат-лы XVIII Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории

коммуникации «Теории речевой деятельности: практики и эксперимент». Москва, 24-26 мая 2016 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, О.В. Балясникова и др. – М.: Канцлер, 2016. – С. 132–134.

Кирилина А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психологические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 1 (13). – С. 30 – 39.

Реформатский А.А. О реальности модели // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – Л.: Наука, 1977. – С. 3–10.

Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения. – Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание учёной степени доктора филологических наук. – М., 1992. – 55 с.

Шаляпина З.М. К проблеме моделирования языковой компетенции и языковой деятельности человека в рамках общей модели языковой действительности // Референция и проблемы текстообразования: сб. науч. трудов. – М.: Наука, 1988. – С. 214–232.

Щедровицкий Г.П. О возможных направлениях изучения «речевой деятельности» // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966). Тез. докладов и сообщений. / Факсимильн. переизд. – М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1966. – С. 7–8.

ЩЛ

LIMOLOGICAL BASICS OF TEXT PSYCHOLINGUISTICS

Alexandr A. Boronin

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Theory and Practice of English of Moscow Region State University
Moscow, Russia
e-mail: inloco@inbox.ru

The limological approach to text psycholinguistics is described in the article. The theoretical prerequisites of the use of the approach under question (semiotic, communicative, pragmatist and textual aspects such as written form and length) are analyzed. The new meta-language is introduced and substantiated (including the main notion *boundary/limit* and subsidiary ones: *polyreality*, *textoid* and others). The perspective goals to be achieved within the framework of linguistic limology are enumerated.

Keywords: text psycholinguistics, limology, boundary/limit, segmentation, delimitation, polyreality, textoid.

References

Bakhtin M.M. Sobr. soch. [Collected works] T. 4 (2) – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 752 p.

Boronin A.A. K voprosu o tekstoidakh [On Textoids] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of the MSRU]. Ser.: Lingvistika. 2016. – № 2. pp. 26–32.

Boronin A.A. Kognitivnoe var'irovanie v limologii teksta [Cognitive variation in text limology] // Kognitivnoe var'irovanie v yazyke. Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XIX: Kognitivnoe var'irovanie v yazykovoy interpretatsii mira: sb. nauch. tr. [Cognitive variation in language interpretation of the world] / otv. red. vyp. V.Z. Dem'yankov. – M.-Tambov, 2014. pp. 503–511.

Boronin A.A. Moi beskonechno малыe (Marginalii): esse i stikhotvoreniya [My infinitesimals (Marginalia). Microtexts and poems]. – M.: IIU MGOU, 2015. 102 p.

Boronin A.A. O ponyatii «granitsa» v lingvistike (k interpretatsii khudozhestvennogo teksta i ego segmentov) [On the notion of “limit/boundary” in linguistics (towards interpretation of literary text and its segments)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. 2011. – № 4 (15). pp. 46–50.

Boronin A.A. Psikholingvisticheskoe obosnovanie segmentatsii i delimitatsii teksta [Psycholinguistic substantiation of text segmentation and delimitation] // Yazyk i soznanie: psikholingvisticheskie aspekty. Sb. st. [Language and Consciousness: psycholinguistic aspects] / Pod. red. N.V. Ufimtsevov, T.N. Ushakovoy. – M.–Kaluga: Eydos, 2009a. pp. 289–306.

Boronin A.A. Tekst: segmentatsiya i delimitatsiya [Text: segmentation and delimitation] // Psikholingvistika v XXI veke: rezul'taty, problemy, perspektivy. XVI

mezhdunarodnyy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. Tezisy dokladov. [Psycholinguistics in the XXI century: results, problems and perspectives.] Moskva, 15 – 17 iyunya 2009 g. / Red. kollegiya: E.F. Tarasov (otv. red.), O.V. Balyasnikova, E.S. Oshchepkova, N.V. Ufimtseva. – M.: Eydos, 2009b. pp. 97–98.

Boronin A.A. Usmotrenie smysla teksta: o terminologicheskom instrumentarii i ego rasshirenii [Perception of text meaning: on the terminological vocabulary and its expansion] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyy zhurnal). [Bulletin of the MSRU. Electronic Journal] 2015b. № 4. <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/722>

Boronin A.A., Sologubov A.M. Polireal'nost' i rechevoe obshchenie [Polyreality and verbal communication] // Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. – 2010. – № 2 (12). pp. 151–158.

Vashunina I.V. Kreolizovannyi tekst kak instrument formirovaniya soznaniya v SMI [Creolized text as an instrument of formation of consciousness in media] // Deyatel'nyy um: ot gumanitarnoy metodologii k gumanitarnym praktikam. [Active Mind: from humanitarian methodology towards humanitarian practice] Ch. I. Mat-ly XVIII Mezhdunar. simpoziuma po psikho-lingvistike i teorii kommunikatsii «Teorii rechevoy deyatel'nosti: prak-tiki i eksperiment». Moskva, 24-26 maya 2016 g. / Red. kollegiya: E.F. Tarasov (otv. red.), N.V. Ufimtseva, O.V. Balyasnikova i dr. – M.: Kantsler, 2016. pp. 132-134.

Kirilina A.V. Perevod i yazykovoe soznanie v dinamicheskoy sinkhronii: psikhologicheskie granitsy yazyka (na materiale russkogo yazyka Moskvyy) [Translation / interpretation and the language consciousness in the dynamic synchrony: the mental boundaries of the languages (on the material of Russian in Moscow)] // Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2011. – № 1 (13). pp. 30–39.

Reformatskiy A.A. O real'nosti modeli [On reality of a Model] // Problemy lingvisticheskoy tipologii i struktury yazyka [The problems of linguistic typology and language structure]. – L.: Nauka, 1977. pp. 3–10.

Tarasov E.F. Problemy teorii rechevogo obshcheniya [The problems of theory of verbal communication]. – Nauchnyy doklad po opublikovannym trudam, predstavlenyy k zashchite na soiskanie uchionoy stepeni doktora filologicheskikh nauk [Doctoral review of the published works]. – M., 1992. 55 p.

Shalyapina Z.M. K probleme modelirovaniya yazykovoy kompetentsii i yazykovoy deyatel'nosti cheloveka v ramkakh obshchey modeli yazykovoy deystvi-tel'nosti [On the problem of modeling of language competence and human speech activity within the general model of speech activity] // Referentsiya i problemy tekstoobrazovaniya: sb. nauch. trudov [The reference and problems of text production]. – M.: Nauka, 1988. pp. 214–232.

Shchedrovitskiy G.P. O vozmozhnykh napravleniyakh izucheniya «rechevoy deyatel'nosti» [On possible ways of study of speech activity] // Seminar po psikholingvistike (30 maya - 1 iyunya 1966). Tez. dokladov i soobshcheniy. [Psycholinguistic seminar] / Faksimil' n. pereizd. – M.: AN SSSR, In-t yazy-koznaniya, 1966. pp. 7-8.

УДК 81.23

ЭМОЦИИ В ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Валуйцева Ирина Ивановна,
профессор Московского государственного
областного университета
Москва, ул. Радио, д.10а
e-mail: khukhuni@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович
профессор Московского государственного
областного университета
Москва, ул. Радио, д.10а
e-mail: khukhuni@mail.ru

В данной статье излагаются результаты экспериментального изучения эмоциональной речи на уровне сегментных и супraseгментных единиц. В ходе нескольких экспериментов на материале русского языка решаются две задачи: 1. определить акустические параметры, характеризующие позитивные и негативные эмоциональные состояния 2. подойти к классификации эмоциональных состояний по лингвистическим параметрам, тем самым установить инвариантные модели выражения эмоций в звучащей речи. В ходе исследования проводились две серии экспериментов с дикторами и аудиторами – носителями русского языка. В статье обосновывается возможность использования актерской речи в ходе изучения характеристик речевого сигнала при условии работы актеров в соответствии с принципами системы К.С. Станиславского, так как на втором этапе эксперимента анализируются при помощи компьютерной программы фрагменты записи спектакля МХАТ. Материалом исследования послужили фразы, выражающие 22 эмоциональных состояния в актерском и дикторском произнесении. Анализ спектральной картины исследуемых фрагментов звучащей речи позволил установить сочетания параметров: характер спектра, положение формант, частота основного тона, темпоральные характеристики, которые характерны для выражения тех или иных эмоциональных состояний.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, звучащая речь, акустические параметры, формантная структура, субъективный и объективный эксперимент.

Эмоции и проблема их изучения уже не одно десятилетие входят в круг интересов лингвистов. Можно констатировать формирование отдельного направления лингвистических исследований – эмотиологии, которое сформировалось трудами отечественных и зарубежных ученых [Шаховский В.И., Wierzbicka А. и др.]. И если в начале XX века еще шли споры о том, должна ли лингвистика уделять внимание способам реализации эмоционально-экспрессивной функции языка, то значительный объем работ, появившихся в последнее время, тем более, в рамках антропоцентрического подхода к языку, свидетельствует о безусловном вхождении проблематики выражения эмоций в круг интересов лингвистики. Подробный анализ истории вопроса представлен в книге В.И. Шаховского [Шаховский 2013].

В работах различных авторов неоднократно отмечалось, что эмоции отражаются на всех уровнях языковой структуры. В ряде экспериментальных исследований, начатых еще в конце XX века и активно развивающихся сейчас [Каржавина 2000, Каргавенко 2005, Колымба, Нушикян и др. 1975, Романенко 2010, Федоров, Юрков 2009 и др.] было установлено, что человек способен различать тонкие градации эмоционального состояния говорящего, что свидетельствует о существовании в речевом сигнале определенных физических констант, а объективное изучение акустических характеристик звучащей речи позволяет рассматривать их как показатель состояния говорящего.

С целью определения акустических параметров, характеризующих позитивные и негативные эмоциональные состояния, которые позволяют адекватно их опознавать, был проведен следующий эксперимент. Были взяты три речевые единицы: одна обладала положительной коннотацией – *молодец*; другая – отрицательной – *ужасно*, третья вне контекста не несла ни положительной, ни отрицательной окраски – *не может быть*. Каждая из указанных речевых единиц произносилась в положительно или отрицательно эмоционально окрашенных контекстах дикторами, имеющими нормативное московское литературное произношение (всего восемь человек). Затем исследуемые речевые единицы вырезались из контекстов и вставлялись в противоположно эмоционально окрашенный контекст от тех же дикторов. Далее 20 аудиторов должны были определить, с какой эмоцией (положительной или отрицательной) произносились речевые единицы, таким образом были реализованы субъективные методы оценки данных.

Последующий анализ данных с помощью объективного метода – анализа спектральной картины, полученной при помощи программы PRAAT – позволил выявить группы эмоциональных состояний, каждой из которых соответствует зона сочетаний устойчивых значений акустических характеристик: характера спектра, положения формант, частоты основного тона, темпоральных характеристик. После сравнительного анализа положительно и отрицательно окрашенных единиц удалось определить пучок различительных признаков, характеризующих положительные и отрицательные эмоциональные состояния.

Ударный гласный речевой единицы, произнесенной с положительной эмоцией, характеризуется равномерно энергичным спектром до 4000 Гц. При этом F2, F3, F4 сливаются. В случае с отрицательно произнесенной речевой единицей F2, F3, F4 разделены и четко просматриваются. Положение формант в отрицательно эмоционально окрашенных речевых единицах ниже, чем в окрашенных положительно. Суммарная энергия речевой единицы, произнесенной с положительной эмоцией, значительно увеличена по сравнению с произнесенной отрицательно. При положительных эмоциях наблюдается, как правило, резкое нарастание частоты основного тона, главным образом, в пределах ударного слога, а при отрицательных – малые перепады частот при резкой модуляции частоты основного тона на каждом звуковом сегменте. Что касается временной реализации, то она указывает лишь на то, эмоционально или нейтрально произнесена данная речевая единица, возможность идентифицировать эмоцию по этому параметру отсутствует. Хотя в большинстве случаев наблюдается увеличение времени реализации речевых единиц, произнесенных с положительной эмоцией, и уменьшение – при отрицательных эмоциях

примерно на 150 мс, на нашем материале отмечаются и случаи уменьшения временной реализации положительно окрашенных речевых единиц. При этом уменьшение времени реализации компенсируется особенно резким нарастанием и падением фронта частоты основного тона. Однако существование стабильной закономерности маловероятно, так как очень трудно найти чистые типы положительных или отрицательных эмоций, а время произнесения, как наиболее стабильный признак в данном эксперименте, может сигнализировать о том или ином оттенке, модуляции эмоции. Например, в случае отрицательно произнесенной речевой единицы *молодец* можно говорить об оттенке пренебрежения, за счет которого увеличивается время реализации данной речевой единицы.

Для решения задачи классификации эмоциональных состояний по акустическим параметрам звучащей речи был проведен эксперимент с использованием метода актерского перевоплощения. Мы опирались на научный подход к общей теории произвольного управления непроизвольной экспрессией, разработанной в системе К.С. Станиславского.

Чтобы передать в художественных эмоциях то, что является общим для сходных переживаний многих людей, актер стремится выявить объективную основу эмоций. Он вживается в образ (имитирует все психологические особенности во всех их проявлениях) и в ситуацию, отбирает наиболее адекватные типы эмоций и проверяет их эффект опытным путем – по реакции зрительного зала. На основании этих положений мы сочли возможным использовать игровой, актерский момент при изучении эмоций.

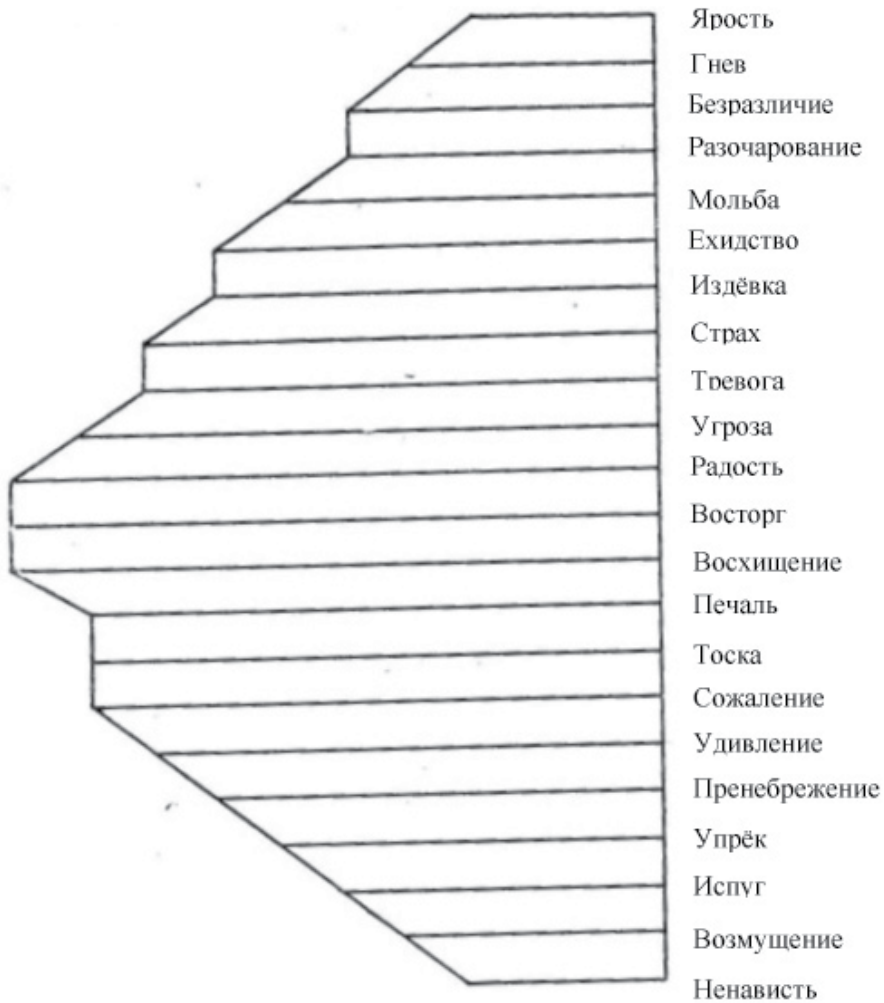
Исходным материалом послужила запись спектакля «Гроза» А. Н. Островского в исполнении актерской труппы МХАТа. Как писал Ю.А. Сорокин «Национальная пьеса, созданная автором в некоторой культуре и ориентированная, прежде всего, на носителей этой культуры, является в известном смысле моделью данной культуры» [Сорокин, Марковина 1988: 16].

Для проведения эксперимента были отобраны эмоциональные отрывки различного объема и записаны в произвольном порядке, далее выбранным отрывкам из спектакля приписывались те или иные эмоциональные состояния в соответствии с интуицией экспериментатора. Вслед за Н.В. Витт [Витт 1965] мы предлагаем принять наименование «эмоциональное состояние» для обозначения любого компонента системы эмоций, имеющего свой аналог во внешних способах выражения.

Всего было выделено 29 эмоциональных состояний для 67 отобранных отрывков из пьесы. Следующий этап исследования заключался в анализе предложенных отрывков субъективным методом – с помощью аудитивного анализа. 10 аудиторов должны были приписать ту или иную эмоцию каждому из предъявленных предложений. Список эмоций не ограничивался. Анализ запротоколированных ответов показал, что 21 отрывку были приписаны одинаковые эмоциональные состояния 75% аудиторов. При этом число эмоциональных состояний, чаще всего выделяемых аудиторами, оказалось равным 22.

Результаты анализа субъективным методом можно представить в виде схематического распределения эмоциональных состояний по одной шкале. Если на одной прямой расположить эти эмоциональные состояния, то в центральной части окажутся те, которые были опознаны большинством аудиторов (см. схему №1).

Схема №1

Наиболее часто опознаваемые отрывки были предложены для прочтения четверем дикторам (как мужские, так и женские голоса). Таким образом, с учетом актерского исполнения, в нашем распоряжении был материал от одиннадцати дикторов. Все записи фраз, как в исполнении дикторов (ДИ), так и актеров (АИ) были проанализировали при помощи программы PRAAT, что позволило установить ряд акустических параметров, присущих каждому эмоциональному состоянию.

Основной задачей исследования было установить, какие эмоциональные состояния выражаются в определенных, существенно отличающихся друг от друга структурах акустических параметров.

Эмоциональное состояние *восторг – восхищение*

Максимум энергии приходится на диапазон от 40 до 4000 Гц. У всех дикторов форманта F1 ударного гласного приподнята на 100-200 Гц. Значительно увеличено время реализации ударного слога (660 мс в актерском произнесении, 330 – в неактерском) и шумного согласного (143 мс). Отмечено повышенное сосредоточение энергии в F1 ударного гласного, причем оно увеличивается при закрытом гласном. В актерском исполнении каждый слог (ударный и неударный) реализуется как самостоятельная синтагма с резким нарастанием частоты основного тона и ее падением в пределах слога на 100 – 150 Гц. В случае ДИ аналогичное оформление отсутствует. При общем движении тона вниз, к концу синтагмы, наблюдается незначительное падение фронта ЧОТ.

Эмоциональное состояние *восторг с удовольствием*

Во всех случаях реализации (ДИ и АИ) наблюдается сосредоточение энергии от 40 до 4000 Гц. Время реализации ударного гласного увеличено. Фронт падения и нарастания ЧОТ идентичен (резкий подъем и спад на 100-150 Гц). В данном случае интерес представляет реализация слова со структурой - - '-' (чудеса, красота). Ударный слог характеризуется увеличением звучания гласного, причем выделяется значительная область, в которой полностью исчезают все гармоники и увеличивается энергия.

Эмоциональное состояние *радость*

Здесь наблюдается максимум энергии – от 40 до 4000 Гц, а также увеличение F1 на ударном и закрытом неударном гласном при повышении положения F2. Каждый слог реализуется как законченная синтагма в случае АИ. В случае ДИ отмечены плавное нарастание и небольшой спад фронта частоты основного тона в пределах ударного гласного (130-200 Гц, 125-150 Гц). Наблюдается компрессия длительности согласных сегментов, вокализм доминирует над консонантизмом. Прослеживается замедление темпа произнесения всего высказывания.

Эмоциональное состояние *печаль-тоска-сожаление*

Для всех дикторов характерно изменение общей длительности фразы за счет увеличения общей длительности гласных. Энергия распределяется равномерно между всеми сегментами высказывания.

В случае АИ частота основного тона не меняется на протяжении всей синтагмы. В случае ДИ наблюдается резкое нарастание фронта частот (на 100-200 Гц) и незначительное его падение в пределах ударного слога (для слов с фонетической структурой - - '-. Для слов со структурой '-' - отмечены резкое нарастание и падение частотного фронта (на 100-15- Гц) в пределах ударного слога.

Эмоциональное состояние *печаль-тоска*

Наблюдается неравномерное распределение энергии по спектру – в основном она концентрируется в области F1. F2, F3, F4 выражены слабо. Характерно возрастание общей длительности высказывания за счет увеличения времени реализации гласных. Каждый слог реализуется как завершенная синтагма. В случае АИ заударная часть редуцирована.

Эмоциональное состояние *ехидство-издевка-пренебрежение*

Общая длительность фразы близка к норме, но последний слог каждого слова в синтагме растянут – он имеет максимальную длительность по сравнению с

иными эмоциональными состояниями (до 545 мс). Энергия распределена равномерно – от 40 до 4000 Гц при яркой выраженности F1 и F2. Наблюдается волнообразное движение фронта ЧОТ с резким подъемом на первом предупредном слоге (75-100 Гц).

Эмоциональное состояние *упрек*

Характерно неравномерное распределение энергии по спектру: во всех случаях четко выделяются отдельные области формант F2, F3, F4. Энергия концентрируется в области F1 ударного слога. В конце синтагмы F1 повышается от 400 до 600 Гц. Временная реализация не отклоняется от нормы. Наблюдается плавное нарастание и падение ЧОТ на ударном слоге логически выделенного слова (от 25 до 40 Гц), а в конце синтагмы – понижение ЧОТ.

Эмоциональное состояние *угроза*

Энергия равномерно распределена по всему спектру от 40 до 4000 Гц. На протяжении всей синтагмы наблюдается ровное движение F2 (АИ). Если словесное ударение совпадает с логическим, то отмечается движение F2 и в случае ДИ. Во всех реализациях прослеживается компрессия согласных сегментов. Время реализации логически выделенного слога увеличено до 462 мс. Характерна значительная изрезанность фронта частотной огибающей с небольшими перепадами частот (25-30 Гц), за исключением логически выделенных слогов с перепадами частот от 125 до 200 Гц. Завершение синтагмы отличается ровным движением ЧОТ.

Эмоциональное состояние *ярость-гнев-ненависть*

Наблюдается компрессия согласных и гласных сегментов в предупредной части и растянутость ударного слога (до 578 мс). Все форманты ярко выражены и четко разграничены. Хорошо видна область третьей форманты. Характерно движение F2 вниз (2000 – 1800 Гц). Наблюдается большая изрезанность фронта частотной огибающей с незначительными перепадами частот (максимальный – 15 Гц).

Эмоциональное состояние *страх-испуг*

Характерно неравномерное распределение энергии по спектру. Все высказывание произносится одинаково энергично. Движение частотной огибающей волнообразно. Отмечается компрессия длительности согласных сегментов. За исключением шумных согласных, время звучания которых в среднем увеличивается на 425 мс. Наблюдается большая изрезанность частотной огибающей при перепадах в 50-75 Гц.

Эмоциональное состояние *мольба*

В случае ДИ наблюдается равномерное движение энергии по спектру от 40 до 4000 Гц; в случае АИ, напротив, максимум энергии сосредотачивается на F1 гласных сегментов (ударных и неударных). В двусловной синтагме отмечается повышение F1 на 100 Гц на протяжении всего первого слова синтагмы. Второе слово синтагмы также характеризуется повышением ЧОТ на ударном слоге. Временная реализация не отклоняется от нормы. Для АИ характерны небольшие перепады ЧОТ при общем ее движении вниз к концу синтагмы. Для ДИ - значительные перепады ЧОТ на 100-150 Гц.

Эмоциональное состояние *удивление*

Вся энергия распределена равномерно – от 40 до 4000 Гц, причем F2, F3, F4 сливаются. Наблюдается волнообразное движение первой форманты. Во времен-

ной реализации высказываний отклонений от нормы не наблюдается. Характерна сильная изрезанность частотной огибающей, резкое нарастание и падение фронта ЧОТ не только на ударных слогах, но и на каждом гласном.

Эмоциональное состояние *безразличие-разочарование*

Отмечена большая вариативность выражения данного эмоционального состояния разными дикторами. Временная реализация не отклонялась от нормы.

Результаты проведенного исследования акустических параметров звучащей речи на материале фрагментов пьесы А.Н. Островского «Гроза» в произнесении актеров МХАТ и дикторов (всего 11 человек) позволяют объединить эмоциональные состояния в следующие группы на основании определенного сочетания выделенных/установленных характеристик (см. табл. №1).

Таблица 1.

Эмоция	Общая характеристика спектра	Время	Движение частоты основного тона
Восторг Восхищение Удовольствие Радость Печаль Тоска	Спектр с равномерным распределением энергии по всем формантам	Увеличение времени реализации	Слог реализуется как синтагма
Сожаление	Спектр с неравномерным распределением энергии	Увеличение времени реализации	
Страх Испуг Ярость гнев	Спектр с неравномерным распределением энергии	Уменьшение времени реализации	
Ненависть угроза	Спектр с равномерным распределением энергии по всем формантам		Изрезанность с небольшими перепадами ЧОТ, резкие частотные модуляции
Мольба удивление	Спектр с равномерным распределением энергии по всем формантам	Время реализации не отклоняется от нормы	Резкие перепады ЧОТ

Литература

Каржанова Н.В. Экспрессивная функция интонации в современном французском языке: Экспериментально-фонетическое исследование на материале высказываний, выражающих эмоции группы «радость»: автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2000. – 24 с.

Картавенко М.В. Об использовании акустических характеристик речи для диагностики психических состояний человека // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005, №5. – С. 164-180.

Колымба С.Н., Нушикян Э.А., Пирогова А.А. Акустические корреляты эмоционально окрашенных фраз, выражающих зону гнева, одобрения, иронии в современном английском языке // Речь и эмоции. Л.: Наука, 1975. – С. 95-100.

Романенко В.О. Эмоциональные характеристики речи и их связь с акустическими параметрами. // Общество. Среда. Развитие. 2010, №4. – С. 119-123.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. – С. 5-18.

Федоров В.М., Юрков П.Ю. Распознавание эмоционального состояния человека по акустическим параметрам речи. // Третий междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи». СПб., 2009. – С. 63-67.

Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. М., УРСС, 2015. – 144 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М., Либроком, 2013. – 128 с.

PRAAT. Электронный ресурс. [URL]: <http://praat.ru.uptodown.com/> (дата обращения 21.02.2016).

Wierzbicka A. Emotions across Languages and Countries. Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction). Cambridge University Press. 1999. – 364 p.

Woodworth R.S., Schlosberg H. Experimental psychology. NY, Holt, 1955. – 948 p.

EMOTIONS IN SPEECH: EXPERIMENTAL RESEARCH

Irina I. Valuytseva

Moscow State Regional University, prof.
10a, Radio St., Moscow
e-mail: khukhuni@mail.ru

Georgy T. Khukhuni

Moscow State Regional University, prof.
10a, Radio St., Moscow
e-mail: khukhuni@mail.ru

The article sets forth the results of experimental studies of emotional speech at the segmental and suprasegmental level. Several experiments in Russian aim at two goals: 1. to determine which acoustic parameters describe positive and negative emotional states 2. to classify emotional states from a linguistic point of view and determine invariant models for expressing emotions in speech. Two series of experiments have been carried out with suprasegmental native Russians. The article justifies the usage of actors' speech while studying the characteristics of speech signal – as long as actors stick to Stanislavsky's system. Then the second stage of the experiment involves the analysis of the record of Moscow Art Academic Theater performance fragments. The material for the research included 22 phrases pronounced by both actors and speakers, showing various emotional states. The spectral analysis of the speech fragments from the performances has allowed to determine parameter combinations which are specific to certain emotional states: spectral patterns, formants, main tone frequency, temporal characteristics.

Keywords: emotional state, speech, acoustic parameter, formant structure, subjective and objective experiment.

References

Karzhanova N.V. Jekspressivnaja funkcija intonacii v sovremennom francuzskom jazyke: Jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale vyskazyvanij, vyrazhajushhij jemocii gruppy «radost'» [Expressive Function of Intonation in Modern French: Phonetic Experiment of Utterances Expressing Emotions belonging to "JOY" group]: avtoref. diss... kand. filol. nauk. – M., 2000. 24 p.

Kartavenko M.V. Ob ispol'zovanii akusticheskijh harakteristik rechi dlja diagnostiki psihicheskijh sostojanij cheloveka [On using acoustic characteristics of speech for psychological state diagnosis] // Izvestija JuFU. Tehnicheskie nauki. Izd-vo Juzhnyj federal'nyj universitet, 2005, №5. pp. 164-180.

Kolymba S.N., Nushikjan Je.A., Pirogova A.A. Akusticheskie korreljaty jemocional'no okrashennyh fraz, vyrazhajushhijh zonu gneva, odobrenija, ironii v sovremennom anglijskom jazyke [Acoustic correlates of emotional phrases representing anger, approval, irony in modern English] // Rech' i jemocii. – L.: Nauka, 1975. pp. 95-100.

Romanenko V.O. Jemocional'nye harakteristiki rechi i ih svjaz' s akusticheskimimi parametrami [Emotional characteristics of speech in connection with acoustic parameters] // *Obshhestvo. Sreda. Razvitie*. 2010, №4. pp. 119-123.

Sorokin Ju.A., Markovina I.Ju. Kul'tura i ee jetnopsiholingvisticheseskaja cennost' [Culture and its ethnopsycholinguistic value] // *Jetnopsiholingvistika*. – M., Nauka. 1988. pp. 5-18.

Fedorov V.M., Jurkov P.Ju. Raspoznavanie jemocional'nogo sostojanija cheloveka po akusticheskim parametram rechi. [Identification of person's emotional state on basis of acoustic parameters] // *Tretij mezhdisciplinarnyj seminar «Analiz razgovornoj russkoj rechi»*. – SPb., 2009. pp. 63-67

Shahovskij V.I. Golos jemocij v jazykovom krugе homo sentiens. [The voice of emotions in the homo sentiens language circle]. – M., URSS, 2015. 144 s.

Shahovskij V.I. Lingvisticheseskaja teorija jemocij. [Linguistic theory of emotions] – M: Gnozis, 2008. 416 p.

Shahovskij V.I. Jemocii: Dolingvistika, lingvistika. Lingvokul'turologija. [Emotions: prelinguistics, linguistics, linguoculturology]. – M., Librokom, 2013. 128 p.

PRAAT. Jelektronnyj resurs. [URL]: <http://praat.ru.uptodown.com/> (data obrashhenija 21.02.2016).

Wierzbicka A. Emotions across Languages and Countries^ Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction). Cambridge University Press. 1999. 364 p.

Woodworth R.S., Schlosberg H. Experimental psychology. NY, Holt, 1955. 948 p.

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ
И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Денисенко В.Н.

заведующий кафедрой общего и русского языкознания
Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198
e-mail: denisenko_vn@pfur.ru

Денисенко А.В.

доцент кафедры русского языка инженерного факультета
Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198
e-mail: denisenko_av@pfur.ru

Чеботарёва Е.Ю.

доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии
Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198
e-mail: chebotareva_eyu@pfur.ru

В статье приводится обзор теоретических концепций, разработанных в развитие концепции языковой личности с целью исследования социальных и этнических аспектов данного понятия. Обсуждается ряд эмпирических положений, показывающих высокую теоретическую и практическую ценность этой концепции для понимания социальных характеристик языковой личности. Приводимые эмпирические данные доказывают, что личность многогранно реализует свою индивидуальность в речевой деятельности. Особое внимание уделяется этническим особенностям языковой личности, в том числе представителей миноритарных культур и билингвов. Представлена методика многомерного анализа речевой деятельности, разработанная на базе концепции языковой личности и методологии целостного функционального анализа личности и деятельности. Многочисленные эмпирические исследования показывают, что языковая личность тесно связана с процессом социализации личности, вбирает в себя все влияния тех больших и малых социальных групп, членом которых она является, однако на этот процесс оказывает воздействие эмоционально-ценностное отношение личности к своей группе и к представителям других социальных групп. С другой стороны, проведенные исследования доказывают, что владение языком и его использование, в свою очередь, являются фактором социализации и определяют стиль взаимодействия человека со своим социальным окружением.

Ключевые слова: языковая личность, социальная идентичность, этническая идентичность, индивидуально-личностные характеристики.

Введение

Понятие «языковая личность» (далее – ЯЛ) является междисциплинарным, объединяющим лингвистические, психологические, социологические и философ-

ские идеи относительно субъекта речевой деятельности и коммуникации, рассматривающие его как общественно значимую совокупность свойств человека.

Наиболее систематическое обоснование концепции языковой личности представлено в работах Ю.Н. Караулова и представителей его Научной школы «Русская языковая личность». ЯЛ понимается здесь как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 2006: 3].

Большой вклад в изучение специфики национального языкового сознания вносят ученые отдела психолингвистики Института языкознания РАН, в частности, сектор этнопсихолингвистики, возглавляемый доктором филологических наук, профессором Натальей Владимировной Уфимцевой. По поводу этнического языкового сознания Н.В. Уфимцева пишет: «Представитель того или иного этноса воспринимает любой предмет не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении, а значения концентрируют в себе внутрисистемные связи объективного мира. В значениях, в отличие от личностного смысла, фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присутствующий тому или иному этносу. В силу этого культура не может быть отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. этническая» [Уфимцева 2011: 219].

Из истории и теории вопроса

Наряду с ЯЛ учеными рассматриваются также некоторые смежные понятия, такие как «словарная личность» (см. [Карасик 1994]), «этносемантическая личность» (см. [Воркачев 2001]), «речевая личность» и «коммуникативная личность» [Тупицына 2005; Красных 2003]. На последнем понятии остановимся подробнее.

И.Н. Тупицына, подчеркивая субъектный характер личности участника коммуникации, определяет коммуникативную личность как «одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью ее индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью ее коммуникативной потребности, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией – умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающим адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации» [Тупицына 2005: 39]. Разные авторы выделяют различные аспекты данного понятия в зависимости от того, как ими рассматривается суть речевой коммуникации.

В современных концепциях речевая коммуникация все чаще понимается не просто как прием и передача сообщений, а как социальное взаимодействие, к пониманию личности добавляется не только личностный (субъектный), но и деятельностный аспект. В психолингвистике, таким образом, изучаются характеристики коммуникативной личности, обуславливающие выбор и вербальных, и невербальных средств коммуникации, а также стратегий поведения в ситуациях взаимодействия. Например, В.В. Красных определяет ЯЛ как субъект речевой деятельности, обладающий определенной совокупностью знаний и представлений; речевая лич-

ность рассматривается через реализацию личности в коммуникации, через выбор определенных стратегий и тактик общения, лингвистических и экстралингвистических средств. При этом выделяется также понятие «коммуникативная личность», под которым автор понимает конкретного участника конкретного коммуникативного акта (см. [Красных 2003: 151]). Для психологии и социологии коммуникации важной является проблема соотношения понятий ЯЛ и личности как члена различных социальных групп, в частности, этнических.

Естественно, что при анализе личности как субъекта вербальной коммуникации необходимо учитывать не только ее индивидуальные характеристики, но и нормы поведения в социуме, усвоенные в ходе социализации. В связи с этим Л.П. Крысин, вслед за В.В. Виноградовым, противопоставляет понятия индивидуальной и коллективной ЯЛ, подчеркивая в последней вербальные характеристики индивида как члена коллектива, малой группы (см. [Крысин 1989]). Данное противопоставление, как мы полагаем, является весьма условным, поскольку индивидуальная ЯЛ также есть продукт социума, и ее характеристики тесно связаны с особенностями национального мировоззрения, отражающегося в национальном языке. Здесь, скорее, противопоставляются точки зрения на единый феномен: рассматривается либо ЯЛ как инвариант, основа, заложенная родным языком и культурой, либо с точки зрения ее вариативной части, складывающейся в ходе индивидуального сценария социализации, а также в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией.

Как уже было сказано выше, ЯЛ формируется на основе языка, поэтому нельзя не упомянуть о его роли в формировании самосознания личности. А.А. Леонтьев отмечал, что язык – это сложнейшая система значений и отношений, предписаний и оценок, этики и эстетики, веры и убеждений, концепции времени и пространства (см. [Леонтьев 2008]). Способы употребления языка отражают интеллектуальное и нравственное развитие человека, его ценности и мотивы, уровень общей культуры. В то же время, представители герменевтики утверждают, что язык – это способ существования человека, что «люди живут словами и в словах» и поэтому, с их точки зрения, для человеческой деятельности особую значимость имеют эмоциональное, этическое и эстетическое воздействие слова (см. [Глухов 2005]).

Роль языка в познании мира подчеркивается в понятии языкового сознания, подразумевающим знание, которое с помощью языка может стать доступным другим членам общества. Языковое сознание личности – это «те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности» [Никитина 1989: 34–40]. И.А. Зимняя указывала на то, что выбор языковых средств при коммуникации и процесс восприятия высказываний обеспечиваются как бессознательными механизмами, так и осознанными действиями (см. [Зимняя 2001]). Соответственно, культура, в которой сформировался индивид, определяет не просто то, на каком языке он говорит, какие языковые средства выбирает в определенной коммуникативной ситуации, но также и то, как индивид воспринимает мир и себя в нем, какие ценности разделяет, какие цели считает значимыми и какие способы их достижения приемлемыми. Язык является своего рода проводником от культуры, сформирован-

ной несколькими поколениями, к индивидуальному сознанию. Этот процесс присвоения смыслов, зафиксированных в национальном языке, происходит во многом на бессознательном уровне. Видимо, с этим связана недооценка в обыденном сознании роли языка, уровня владения им и способов его употребления в становлении личности человека и в развитии социальных процессов.

Г.И. Богин тесно связывал развитие личности с процессом овладения ею родного языка, представляя следующую динамику развития ЯЛ: сначала личность овладевает высокочастотными для данного общества средствами прямой номинации, затем переходит к интериоризации речи, что позволяет ей освоить лексико-грамматическое многозначие, далее открывается свобода выбора средств выражения. Уровни развития ЯЛ при этом соотносятся с системой социальных оценок речевой деятельности; высшим уровнем считается способность личности порождать тексты, максимально соответствующие содержательным и коммуникативным задачам (см. [Богин 1986]).

Важность проблемы ЯЛ и ее роли в социальном взаимодействии отражается в многочисленных направлениях исследования данного феномена. И.Н. Тупицина предложила классификацию основных направлений исследований ЯЛ, выделив следующие: фиксация общих черт, характеризующих человека как субъекта речевой деятельности (подчеркивается субъективный, личностный аспект, а также значимость языка в формировании и понимании личности); структурирование ЯЛ (выделение ее единиц, уровней, механизмов); типологизация ЯЛ; типологизация речевых культур; выявление разнообразных способов выражения духовного мира субъекта средствами языка (см. [Тупицина 2005]).

Современные глобализационные процессы в мире, активизация межкультурных контактов вызвали всплеск интереса к психолингвистическим проблемам межкультурной коммуникации. Исследователи активно занимаются проблемами прагматики межкультурной коммуникации, сравнительными межкультурными исследованиями коммуникативного поведения (см. [Уфимцева 2000, 2012; Чеботарева 2011]). В этом контексте большой интерес вызывает проблематика билингвизма (см., например, [Чеботарева 2006]), активно изучаются особенности интеллекта билингвов. Так, Н.А. Козлова в своей дипломной работе, выполненной под руководством Е.Ю. Чеботаревой, доказала, что студенты-билингвы превосходят монолингвов как по общему уровню социального интеллекта, так и по всем его аспектам, хотя имеются многочисленные данные о том, что по уровню академического интеллекта билингвы и монолингвы существенно не различаются. Согласно полученным данным, билингвы способны извлекать больше информации о людях, исходя из их поведения, лучше понимают язык невербального общения, высказывают более четкие и точные суждения, успешнее прогнозируют реакции коммуникантов в заданных обстоятельствах. Все это способствует более успешной социальной адаптации билингвов, в процессе которой, однако, следует учитывать тот факт, что «овладение вторым языком вне культурной среды этого языка приводит лишь к билингвизму, а не к бикультурности, поскольку индивид овладевает лишь внешним, формальным языком данной культуры» [Уфимцева 2012: 130]. Именно в этом скрыты основные трудности межкультурного общения. «Ведь к телу знака (слову) чужой культуры билингв неизбежно прилагает знания, полученные в родной культуре. У человека

нет другого инструмента для познания и объяснения мира, кроме родной культуры» [там же].

В работе С.В. Елгиной исследуется выраженность в речи интеллектуального своеобразия личности, в частности, своеобразии вербального, невербального и социального интеллекта. Показано, что у лиц с доминированием первой сигнальной системы более развит социальный интеллект, на среднем уровне – невербальный, наименее развит вербальный интеллект, а у лиц с доминированием второй сигнальной системы лучше развит вербальный интеллект, значительно хуже невербальный и менее всего – социальный (см. [Елгина 2006]).

А.Б. Чернова исследует проблему становления бикультурной идентичности в межэтнических семьях. Она считает, что одним из способов решения этой проблемы является изучение факторов формирования позитивной этнической идентичности и успешной адаптации в этнической среде (по [Чеботарева 2011]). В.Р. Морено занимается проблемой билингвальной личности писателей и особенностями художественных текстов писателей-билингвов (см. [там же]). Н.В. Ткаченко в рамках психолингвистики исследует понятие, близкое к этнической идентичности – региональную идентичность. С использованием метода глубинного интервью изучается феномен Ташкентца. Автор доказывает, что исследование данного феномена вносит вклад в понимание политических событий, но в еще большей степени – художественно-литературного творчества. Своей целью Н.В. Ткаченко ставит получить некие общие маркеры региональной идентичности (см. [там же]).

В современной психолингвистике в последнее время наметилось особое направление исследований, нацеленных на выявление этнокультурных особенностей групп посредством анализа текстов. Так, Ю.А. Гришенина изучает этнокультурную специфику языкового сознания, показывая, как особенности ценностно-смыслового компонента образа мира российских, индийских и африканских студентов проявляются в целостном тексте, рассматриваемом как продукт их индивидуальной речевой деятельности. В частности, было доказано, что для россиян характерна большая эмоциональность, коммуникативная ориентированность текстов, высокий уровень самоконтроля при их продуцировании, меньшая оригинальность и частые нарушения логичности и последовательности. Для текстов индийцев свойственны высокая социоцентрическая мотивация, склонность к проявлениям силы воли, планомерность действий и минимальное использование форм сослагательного наклонения. Тексты африканцев отличались наибольшей оригинальностью, логичностью и последовательностью при невысокой эмоциональности и редком использовании форм повелительного наклонения (см. [Фомина, Гришенина 2009]).

Одним из перспективных направлений в изучении ЯЛ является применение методологии целостного функционального анализа личности к анализу ЯЛ и речевой деятельности. Е.Ю. Чеботаревой, В.Н. Денисенко и А.И. Крупновым была предложена методика *многоуровневого анализа речевых действий*. В данном подходе текст рассматривается как продукт речевой деятельности, в котором, как и в речевом акте, отражается вся структура личности; лингвистический и психологический анализ проводятся на различных уровнях организации текста (см. [Чеботарева, Денисенко, Крупнов 1984; Денисенко, Чеботарева 2008]). Эмпирические исследования, выполненные с применением данной методики, позволили выявить

связи между типом характера человека и особенностями его речевой деятельности. Например, демонстративный тип личности обычно представляет средние по объему тексты, в которых фразы достаточно короткие, но информационно насыщенные, характеризующиеся связностью, логичностью, хотя их последовательность часто нарушается. В текстах людей с таким типом характера больше всего лексических и синтаксических ошибок, они часто вставляют в речь вводные слова. Видимо, стремление быть в центре внимания приводит к тому, что всё внимание сосредоточено на содержательном аспекте текста, а не на правильности употребления языковых единиц. Их рассказы не отличаются большой экспрессивностью, в них много цитат, фразеологических оборотов, описаний разных людей. Можно предположить, что, часто ссылаясь на других, представители данного типа личности тем самым пытаются привлечь внимание на свою информированность, подчеркнуть заинтересованность в происходящем. Здесь больше всего персонажей, но при этом затронуто мало тем. Используются многочисленные смысловые категории, в основном же описывается свое состояние в тех или иных обстоятельствах (см. [Валиулина, Чеботарева 2006; Чеботарева, Денисенко, Крупнов 1998]).

Другое эмпирическое исследование было направлено на выявление связей между выраженностью различных акцентуаций характера у подростков и особенностями их речевой деятельности. Обнаружены подтвержденные статистически связи между акцентуациями характера и особенностями речевых действий, а также значимые различия в речевых характеристиках подростков с различными акцентуациями. Особенности речевой деятельности студентов с разными типами характера в основном совпали с результатами исследования речевых характеристик подростков с разными типами акцентуаций (см. [Меркушова, Чеботарева 2008]).

Были также исследованы связи между характеристиками психосоциотипов, выделяемых методикой Кейрси, и особенностями речевых действий испытуемых. В частности, было обнаружено, что показатель экстраверсии обратно связан с показателем выраженности смысловой категории действия в речи (соответственно, показатель интроверсии – прямо связан с той же речевой характеристикой). Исследования, например, показали, что в речи людей с выраженным гипертимным типом характера (одной из отличительных черт которого является экстравертированность) смысловых категорий в целом выражается меньше, чем в речи большинства других типов. При этом люди этого типа чаще других используют категории признака, обстоятельства, времени, пространства и пр. То есть полученные в данном исследовании результаты еще раз свидетельствуют о том, что экстраверты предпочитают не столько перечислять события, сколько подробно описывать их, выражать свои чувства по их поводу, обмениваться мнениями с собеседниками. А интроверты, видимо избегая самораскрытия, в беседах предпочитают рассказы о действиях, а не о своих переживаниях и мыслях, связанных с этими действиями (см. [Чеботарева, Денисенко, Крупнов 1998]).

Обнаруженные особенности речи студентов сенсорного и интуитивного типов вполне согласуются с особенностями получения информации, выявляемыми методикой Кейрси. Предполагается, что люди сенсорного типа воспринимают информацию из внешнего мира буквально и последовательно, предпочитая точные ответы на точные вопросы, в то время как интуитивный тип ориентирован на

целостное восприятие информации, понимание подтекста, домысливание, больше склонен к пространным фразам, разнообразной лексике и меньше использует в своей речи различных смысловых категорий, уточняющих деталей.

В эмпирических исследованиях также рассматривались гендерные особенности связей речевых характеристик с проявлением психосоциотипов. Наибольшее число общих для мужчин и женщин связей обнаружено между речевыми характеристиками и выраженностью сенсорности / интуитивности. Сенсорность и у мужчин и у женщин связана с более частым употреблением в речи категорий времени, большим числом задаваемых вопросов, с оценочностью высказываний. У женщин, кроме того, сенсорность связана с употреблением категории признака, а у мужчин – категории обстоятельства и указанием причинно-следственных связей, а также с лексической насыщенностью речи. Мужчины интуитивного типа чаще отступают от основной темы повествования, что не характерно для женщин. Женщины интуитивного типа чаще используют вводные слова, вопросы, разные риторические приемы. Обнаружены многочисленные связи между особенностями речевых действий мужчин и их принадлежностью к мыслительному или чувствующему типу. Так, речь мужчин лексически более насыщена, более правильна, с большим числом вводных слов, а в речи мужчин чувствующего типа встречается больше нарушений логической последовательности, уточнений, и она более выразительна. У женщин речевых маркеров данных психологических особенностей обнаружено значительно меньше. В речи женщин чувствующего типа используется больше риторических приемов и чаще задаются вопросы. Женщины решающего типа чаще используют в своей речи фразеологические обороты и обобщения. Речь мужчин этого типа более связана, по сравнению с речью мужчин воспринимающего типа. Возможно, в этом проявляются различия в стратегиях принятия решений мужчинами и женщинами: женщины ориентируются на стандартные образцы, а мужчины делают самостоятельный вывод из имеющейся информации.

Исследования Н.А. Фоминой и И.В. Чивилевой выявили различия речевой деятельности у лиц с различным уровнем выраженности активности. Было обнаружено, что их речевая продукция на предтекстовом уровне различается по грамматической правильности, речевым ошибкам и отступлениям от основной темы, уточнениям и усилениям мыслей, а также по предикативной структуре, по употреблению категорий пространства и времени, оценочности и размерности, динамичности. В речевой продукции лиц с выраженной активностью отмечено достаточно много различного рода уточнений и усилений мыслей, немного грамматических ошибок, показателей оценочности, размерности и динамичности, но достаточно большое количество пространственно-временных категорий. Они очень редко отступают от основной темы. А речевая продукция лиц с невыраженной активностью характеризуется невысокой грамматической правильностью, частым употреблением категорий оценочности и размерности (см. [Фомина 2002; Чивилева 2005]).

Таким образом, эмпирически доказано, что личность многогранно реализует свою индивидуальность в речевой деятельности, в частности, такие ее свойства, как активность, темперамент, характер, интеллектуальные особенности, имеются гендерные особенности связей речевых характеристик с проявлением личности субъектов говорения. Обнаружено также, что представители различных этнических

групп по-разному выражают свою индивидуальность в речи, предпочитают дифференцированные стили вербальной коммуникации. Показано, что стиль овладения иностранным языком связан со стилем речевой деятельности на родном языке.

Сказанное позволяет предположить, что стиль межкультурного взаимодействия и этнической идентификации, отличающий компактно проживающие этнические меньшинства, проявляется в их речевой деятельности на родном языке. (лингвотолерантность, лингводидактика). Для проверки этого предположения мы провели эмпирическое исследование с целью выявления особенностей межкультурного взаимодействия представителей миноритарной культуры (на примере карелов) и отражения стиля межкультурного взаимодействия в характеристиках речевой деятельности в повседневном общении (см. [Чеботарева 2015]). Было обнаружено, что степень этнического нигилизма находится в обратной связи со степенью понятности текста, с частотой использования риторических приемов, со степенью эмоциональной выразительности, с количеством обращений к читателю (слушателю). Этническая индифферентность прямо связана с частотой выражения причинно-следственных связей. Показатели позитивной этнической идентичности показали многочисленные связи с речевыми характеристиками. В частности, положительная этническая идентичность прямо связана с количеством обращений к адресатам текстов, с выражением положительных эмоций в речи и обратно – с выражением негативных эмоций, оценочностью, обобщениями и общей осмысленностью текстов. Гиперидентичность в целом прямо связана с оценочностью текстов и обратно – с обращениями к читателям (см. [там же]). Оценка текстов, однако, находится в обратной взаимосвязи с положительной этнической идентичностью. Судя по всему, этот стиль межкультурной коммуникации характерен для людей, которые нечасто склонны оценивать других, что отражается в речи. Ряд обобщений в текстах субвекторов находятся в обратной связи с индексом положительной этнической идентичности. По-видимому, тенденция к обобщению связана с формированием этнических стереотипов и приводит к этническому эгоизму и фанатизму в межэтнических отношениях. Положительная этническая идентичность также обнаружила значительную обратную связь с осмысленностью текстов, то есть количеством разработанных в эссе тем. Возможно, принятие собственной этнической принадлежности связана с общим уровнем принятия себя и уверенности в себе.

В общем, представители миноритарной культуры, демонстрирующие тенденцию давать оценки описываемым событиям и персонажам, относятся к представителям других культур более критично, оценивают их с точки зрения их собственной культуры, признают превосходство своей этнической группы над всеми остальными. Эмпирически доказано, что эгоизм и изоляционизм, демонстрируемые в межэтнических отношениях, проявляются и в других областях жизни, что влияет на стиль речевой деятельности, отражаясь в игнорировании собеседников, снижении количества обращений к читателям в продуцируемых текстах (см. [Чеботарева 2015]).

Выводы

Приведенный в данной статье обзор концепций и результатов эмпирических исследований показывает высокую теоретическую и практическую ценность кон-

цепции ЯЛ. Мы видим, как активно она развивается современными исследователями в разных дисциплинах, изучающих субъекты речевой деятельности, дополняется и уточняется для решения конкретных прикладных задач в самых разных сферах. Исследования показывают, что ЯЛ тесно связана с процессом социализации, вбирает в себя все влияния тех больших и малых социальных групп, членом которых она является, даже независимо от того, насколько самой личностью осознается факт ее включенности в данную группу, хотя не без влияния эмоционально-ценностного отношения личности к своему членству в группе и к представителям других социальных групп. С другой стороны, проведенные исследования еще раз доказывают, что владение языком, в свою очередь, является фактором социализации, т. е. усвоением определенных социальных норм и способов реагирования.

Литература

Богин Г.И. Типология понимания текста. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. – 135 с.

Валиулина В.Р., Чеботарева Е.Ю. Проявление типа характера человека в его речевой деятельности // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». – 2006. – № 2(4). – С. 22–27.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–81.

Глухов В.П. Основы психолингвистики. – М.: Аст: Астрель, 2005. – 351 с.

Денисенко В.Н., Чеботарева Е.Ю. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации: Уч. пособие. – М.: РУДН, 2008. – 258 с.

Елгина С.В. Проявления интеллектуальных особенностей личности в когнитивном компоненте речевых действий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2006 – 14 с.

Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. – М.: Московск. психолого-социальный ин-т. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.

Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. – 1994. – № 3. – С. 2–7.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стер. – М.: Ком-Книга, 2006. – 264 с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 183 с.

Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / Под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. – М.: Смысл, 2008. – 271 с.

Меркушова Е.Ю., Чеботарева Е.Ю. Возможности диагностики акцентуаций характера подростков по особенностям их речи // Детская и подростковая реабилитация. – 2008. – № 3. – С. 28–35.

Никитина С.Е. Языковое осознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 34–40.

Тупицына И.Н. Речевая коммуникация: личностно – когнитивное измерение: дис. ... докт. филол. наук. – М., 2005. – 264 с.

Уфимцева Н.В. Значение слова как отражение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 3(25). – С. 83–92.

Уфимцева Н.В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии // Филология и культура. – 2012. – № 2(28). – С. 129–132.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 207–219.

Фомина Н.А., Гришенина Ю.А. Возможности речевой диагностики этнокультурных особенностей языковой личности // Педагогическое образование в России. – 2009. – № 4. – С. 108–115.

Фомина И.А. Свойства личности и особенности речевой деятельности. – Рязань: Узорочье, 2002. – 141 с.

Чеботарева Е.Ю. Билингвизм как фактор этнической идентичности ребенка в полиэтнической среде // Личность в межкультурном пространстве: Материалы межвуз. конф. Ч. II. 24–25 ноября 2006 г. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 87–92.

Чеботарева Е.Ю. Коммуникативная личность представителей миноритарной культуры в ситуациях межкультурного взаимодействия // Психологические исследования. – 2015. – № 8(39). – С. 7–15.

Чеботарева Е.Ю. Основные направления психолингвистических исследований текста молодыми учеными России // Вестник российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования. Языки и специальность». – 2011. – № 3. – С. 98–101.

Чеботарева Е.Ю., Денисенко В.Н., Крупнов А.И. Психолингвистический анализ речевых действий. – М.: Изд-во РУДН, 1998. – 72 с.

Чивилева И.В. Личностные характеристики активности и их проявления в речи: дис. ... канд. психол. наук. – Рязань, 2005. – 305 с.

LINGUISTIC IDENTITY AS A REFLECTION OF SOCIAL AND ETHNIC IDENTITY

Vladimir N. Denisenko

Head of the Department of General and Russian Linguistics
of the Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198
e-mail: denisenko_vn@pfur.ru

Anastasiya V. Denisenko

Associated professor of the Department of Russian Language
of the Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198
e-mail: denisenko_av@pfur.ru

Elena Yu. Chebotaryova

Associated professor of the Department of the social and differential psychology
of the Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198
e-mail: chebotareva_eyu@pfur.ru

The article reviews theoretical concepts elaborated to highlight the concept of linguistic identity with the aim to study social and ethnic aspects of the notion. A number of empirical statements showing high theoretical and practical value of this concept for understanding the social characteristics of the linguistic persona are discussed. The given empirical data prove that a person realizes his or her multifaceted individuality in speech activity. Special attention is paid to the ethnic peculiarities of the linguistic identity, including representatives of minority cultures and bilingual persons. The technique of multivariate analysis of speech activity, developed on the basis of linguistic identity concept and methodology of holistic and functional analysis of personality and activity is presented. Numerous empirical studies show that the linguistic identity is closely linked to the process of socialization of the individual, it absorbs all the impact of the large and small social groups in which the given person is functioning. However, this process is influenced by the emotional and value attitude of the individual to his or her group, and to the representatives of other social groups. On the other hand, the study once again proves that language proficiency is a factor of socialization and defines the style of human interaction with their social environment.

Keywords: linguistic identity, social identity, ethnic identity, individual and personal characteristics.

References

Bogin G.I. Tipologija ponimanija teksta [Text understanding typology]. – Kalinin: Kalyninsk State Univercity, 1986. 135 p.

Valiulina V.R., Chebotareva E.Ju. Projavlenie tipa haraktera cheloveka v ego rechevoj dejatel'nosti [The manifestation of human nature in his speech activity] //

Vestnik RUDN. Serija «Psihologija i pedagogika» [Bulletin of PFUR series Psychology and pedagogics] – 2006. – No. 2(4). pp. 22–27.

Vorkachev S.G. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: Stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii [Cultural linguistics, linguistic personality, concept: Formation of anthropocentric paradigm in linguistics] // Filologicheskie nauki. [Philology science.] – 2001. – No. 1. pp. 64–81.

Gluhov V.P. Osnovy psiholingvistiki. [Fundamentals of psycholinguistics]. – M.: Act: Astrel', 2005. 351 p.

Denisenko V.N., Chebotareva E.Ju. Sovremennye psiholingvisticheskie metody analiza rechevoj kommunikacii: Uch. posobie. [Modern psycholinguistic methods of speech communication analysis: a tutorial]. – M.: PFUR, 2008. 258 p.

Elgina S.V. Projavlenija intellektual'nyh osobennostej lichnosti v kognitivnom komponente rechevyh dejstvij: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. [The existence of the intellectual peculiarities of the personality in the cognitive component of speech acts: Candidate of Psychological Sciences author's abstract]. – M., 2006. 14 p.

Zimnjaja I.A. Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti. [Linguopsychology of speech activity] – Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. – Voronezh: NPO «MODJeK», 2001. 432 p.

Karasik V.I. Ocenohnaja motivirovka, status lica i slovarnaja lichnost' [Estimated motivation, status of the person and the dictionary personality] // Filologija [Philology]. 1994. – No. 3. pp. 2–7.

Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. Izd. 5-e, ster. [Russian language and linguistic personality. 5 edition]. – M.: KomKniga, 2006. 264 p.

Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? [«Friend» among «foes»: myth or reality?]. – M.: Gnozis, 2003. 375 p.

Krysin L.P. Sociolingvisticheskie aspekty izuchenija sovremennogo russkogo jazyka. [Sociolinguistic aspects of studying of the modern Russian language]. – M.: Nauka, 1989. 183 p.

Leont'ev A.A. Prikladnaja psiholingvistika rechevogo obshhenija i massovoj kommunikacii [Applied psycholinguistics of speech act and mass communication] / Edited t by A.S. Markosjan, D.A. Leont'eva, Ju.A. Sorokina. – M.: Smysl, 2008. 271 p.

Merkushova E.Ju., Chebotareva E.Ju. Vozmozhnosti diagnostiki akcentuacij haraktera podrostkov po osobennostjam ih rechi [Diagnostics of character accentuations in adolescents on the specifics of their speech] // Detskaja i podrostkovaja rehabilitacija. [Pediatric and adolescent rehabilitation]. 2008. – No. 3. pp. 28–35.

Nikitina S.E. Jazykovoje osoznanie lichnosti v narodnoj kul'ture [Linguistic awareness of identity in popular culture] // Jazyk i lichnost'. [Language and identity]. – M.: Nauka, 1989. pp. 34–40.

Tupicyna I.N. Rechevaja kommunikacija: lichnostno – kognitivnoe izmerenie: dis. ... dokt. filol. nauk. [Speech communication: personal – cognitive dimension: Doctor of Philology's thesis]. – M., 2005. 264 p.

Ufimceva N.V. Znachenie slova kak otrazhenie sociokul'turnoj real'nosti The meaning of the word as a reflection of socio-cultural reality] // Voprosy psiholingvistiki. [Questions of psycholinguistics]. 2015. – No. 3(25). pp. 83–92.

Ufimceva N.V. Jetnicheskij jazyk v uslovijah kul'turnoj i jazykovoju polifonii [The ethnic language in terms of cultural and linguistic polyphony] // *Filologija i kul'tura. [Philology and culture]*. 2012. – No. 2(28). pp. 129–132.

Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'. [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. – M.–Kaluga: The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2011. 252 p.

Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie i obraz mira slavjan [Language consciousness and the Slavic image of the world] // *Jazykovoe soznanie i obraz mira. [Language consciousness and the image of the world]*. – M.: The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2000. pp. 207–219.

Fomina N.A., Grishenina Ju.A. Vozmozhnosti rechevoj diagnostiki jetnokul'turnyh osobennostej jazykovoju lichnosti [The features of speech diagnostics of ethno-cultural peculiarities of a language personality] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. [Pedagogical education in Russia]*. 2009. – No. 4. pp. 108–115.

Fomina I.A. Svoystva lichnosti i osobennosti rechevoj dejatel'nosti. [Personality traits and peculiarities of speech activity]. – Rjazan': Uzoroch'e, 2002. 141 p.

Chebotareva E.Ju. Bilingvizm kak faktor jetnicheskoju identichnosti rebenka v polijetnicheskoju srede [Bilingualism as a factor of ethnic identity of the child in multiethnic environment] // *Lichnost' v mezhkul'turnom prostranstve: Materialy mezhvuz. konf. Ch. II. 24–25 nojabrja 2006 g. [Personality in the intercultural space: proceedings of Intercollege. Conf. Part II. 24-25 November 2006]*. – M.: PFUR Publ., 2006. pp. 87–92.

Chebotareva E.Ju. Kommunikativnaja lichnost' predstavitelej minoritarnoj kul'tury v situacijah mezhkul'turnogo vzaimodejstvija [Communicative identity of the minority culture in situations of intercultural communication] // *Psihologicheskie issledovanija. [Psychological research]*. 2015. – No. 8(39). pp. 7–15.

Chebotareva E.Ju. Osnovnye napravlenija psiholingvisticheskikh issledovanij teksta molodymi uchenymi Rossii [The main directions of psycholinguistic research of Russian young scientists' texts] // *Vestnik rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Voprosy obrazovanija. Jazyki i special'nost'». [Bulletin scientific journal of PFUR series «Problems of education: languages and speciality»]*. 2011. – No. 3. pp. 98–101.

Chebotareva E.Ju., Denisenko V.N., Krupnov A.I. Psiholingvisticheskij analiz rechevyh dejstvij. [Psycholinguistic analysis of speech acts.]. – M.: PFUR Publ., 1998. 72 p.

Chivileva I.V. Lichnostnye harakteristiki aktivnosti i ih projavlenija v rechi: dis. ... kand. psihol. nauk. [The personal characteristics of the activity and their manifestations in the speech: Candidate of Psychological Science's thesis]. – Rjazan', 2005. 305 p.

УДК 81'23

**ХРАНЕНИЕ И ОПИСАНИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ:
СЛОВАРИ И ТЕЗАУРУСЫ**

Еленевская Мария Николаевна,

Заведующая исследовательской частью Лаборатории компьютерных
методов в обучении языкам,
Израильский Технологический Институт Технион, Хайфа, Израиль,
e-mail: ymaria@technion.ac.il;

Овчинникова Ирина Германовна,

Профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными
возможностями,
Хайфский университет, Хайфа, Израиль,
e-mail: Ira.ovchi@gmail.com

В статье приводится описание основных ассоциативных словарей различных языков с начала XX века. В характеристике словаря указан тип эксперимента, в ходе которого был собран материал, и особенности отбора испытуемых. Особое внимание уделено проблеме сопоставимости данных, полученных в ходе устного и письменного экспериментов. Традиционно организованные словари и тезаурусы предоставляют исследователям сырой материал для анализа языковой семантики и ментального лексикона носителей языка. Опубликованные во второй половине прошлого века англоязычные ассоциативные словари позволяют изучать семантические различия между американским, канадским и европейским английским, а также специфику представления языковых значений в сознании взрослых, детей и подростков как в норме, так и при патологии развития и социализации. Базы данных и сети, доступные в интернете, дают возможность использовать вербальные ассоциативные структуры для оптимизации обработки текстов и компьютерно-опосредованного общения. Современные базы данных WordNet GlobalWordNet активно используются специалистами по информационному поиску для обработки больших массивов текстов в ходе создания и усовершенствования работы поисковых систем и систем обработки пользовательских запросов. Авторы подробно анализируют русские ассоциативные словари, созданные при участии Наталии Владимировны Уфимцевой и по ее инициативе.

Ключевые слова: свободные ассоциации, словари, базы данных, русский язык.

Современную психолингвистику, равно как исследование языковой семантики, невозможно представить без характеристики ассоциативных связей слова, отражающих привычный контекст его употребления и экстралингвистические референтные отношения. Словесные ассоциации изучали в различных аспектах в зависимости от актуальных задач лингвистики: в семантическом, психологическом, социолингвистическом, этнокультурном. Однако к одному из аспектов интерес не пропадал никогда. Ассоциативные словари и тезаурусы, как и любые словари, не-

обходимы для описания и хранения лингвистической информации. Ассоциативные реакции носителей русского языка приводятся в целом ряде изданий, различающихся полнотой представления объекта и временем сбора материала. Один из инициаторов и главных авторов русских ассоциативных словарей – Наталия Владимировна Уфимцева. На основе ассоциативных связей Наталия Владимировна восстанавливает образ мира и определяет доминанты русской культуры [Уфимцева 2000, 2009, 2012]. Сопоставляя материалы различных ассоциативных словарей русского языка, Н.В. Уфимцева и Г.А. Черкасова определяют сдвиги в языковом сознании русских за полвека [Уфимцева, Черкасова 2014]. Несмотря на существенные социальные перемены, общие принципы «человекоцентризма» русского образа мира постоянны [там же: 199].

Ассоциативная лексикография достигла такого уровня развития, на котором очевидна необходимость систематизации и характеристики словарей. Во многих работах, посвященных анализу ассоциаций, авторы ссылаются на изданные тезаурусы и описывают методы обработки материалов (см., например: [Proctor, Vu Kim-Phuong 1999; Уфимцева, Черкасова 2014]. Между тем описание содержания основных опубликованных тезаурусов обычно не входит в задачу статей и монографий, посвященных определенному аспекту языковой семантики или образа мира в сознании носителей национального языка. В силу этого лингвистам не ясна целостная картина состояния ассоциативной лексикографии. Мы полагаем важным охарактеризовать основные ассоциативные словари. Цель нашей работы мы видим в описании ассоциативных словарей и сетей на фоне различных способов сбора и обработки сырых данных. Для удобства поиска источников мы предпочли табличную форму представления материала в хронологическом порядке.

К истории изучения ассоциаций

Хотя изучение произвольных связей между словами и явлениями начато еще Аристотелем, исследователи обратили пристальное внимание на вербальные ассоциации лишь в конце XIX - начале XX в. Развитие психологии как науки, становление научной психиатрии, открытие речевых зон в левом полушарии головного мозга подготовили благоприятную почву для использования ассоциативных связей между словами в качестве метода исследования индивидуального сознания. Одновременно ассоциации рассматривают как способ произвольного, то есть неподконтрольного волевому импульсу, выражения человеком актуальных для него корреляций между образами или идеями. Однако очень скоро стало очевидно, что для анализа индивидуального сознания необходим некоторый фон, представление об ассоциативных связях, характерных для большинства говорящих. Возник вопрос о существовании ассоциативных норм, причем под нормой в данном случае понимают среднестатистическую норму, то есть часто встречающиеся ассоциации. Ответ на вопрос о частотных, нормативных ассоциациях можно найти в результате массового ассоциативного эксперимента с «обыкновенными» людьми. С исследования ассоциаций обычных носителей языка берут начало ассоциативные словари. За более чем вековую историю ассоциативных словарей удалось определить оптимальные параметры сбора материала и организации эксперимента, выявить закономерности распределения ассоциаций на слово-стимул [Залевская 1999; Караулов 1996]. Для того, чтобы определить значимые «нормальные» ассоциации и центр

ассоциативного поля слова-стимула, получить все частотные статистически достоверные реакции, необходимо опросить приблизительно 500 испытуемых.

За прошедшие сто лет предназначение ассоциативных словарей существенно изменилось. Первоначально предполагалось использовать знание ассоциативных норм в прикладной психологии и психиатрии, однако вскоре специалисты были разочарованы и массовым ассоциативным экспериментом, и лексикографической формой представления материала. Между тем в ходе совершенствования методов психологического обследования появлялись новые формы ассоциативного эксперимента. Наряду со свободным потоком сознания и ассоциативными цепочками был разработан направленный (контролируемый) ассоциативный эксперимент, в котором испытуемого ограничивали в свободе реагирования, предлагая отвечать словами из одного семантического поля, или определенной части речи, или реагировать словосочетаниями и т.п. Первый стандартизованный вариант направленного ассоциативного эксперимента ввел в исследовательскую практику Карл Густав Юнг [Jung 1986]. Помимо новых вариантов эксперимента были выработаны более валидные способы количественной обработки и интерпретации полученных данных. Если первоначально ассоциации подвергались семантическому, смысловому и культурологическому анализу, то с расширением материала особую актуальность приобрел типологический анализ [Deese 1965]. Позже было установлено различие между силой синонимических и ассоциативных связей, их асимметричный характер [Stark 1972].

Решающую роль в превращении ассоциативного эксперимента в метод изучения не только индивидуального сознания, но и сознания языковой общности, сыграло появление в 1953 году психолингвистики как специальной отрасли науки на стыке семиотики, психологии и языкознания [Psycholinguistics... 1954]. Поскольку в центре внимания психолингвистики оказались языковая компетенция и речевое поведение носителя языка (linguistic competence and language behaviour), постольку изучение ассоциаций получило новый импульс, отчасти противоположный первоначальному: вместо особенных, специфических для индивида связей слов, как в [Winters, Kahn 1970], исследователи стремились выявить социально значимые, предсказуемые, стандартные. Ученые обратились к изучению влияния на ход установления ассоциативных связей различных факторов варианта языка [Arthur 1971] и возраста испытуемых [Tresselt, Mayzner 1964].

Естественным результатом смещения акцентов с индивидуального на социальный аспект изучения ассоциаций стал своеобразный бум ассоциативных словарей.

Варианты ассоциативных экспериментов и различие получаемых результатов

Благодаря обилию данных стали очевидны ранее скрытые проблемы и противоречия исследования вербальных ассоциаций. Целый комплекс проблем связан с влиянием процедуры ассоциативного эксперимента на полученные результаты. Прежде всего, различия касаются формы проведения эксперимента. В зависимости от того, как будет подаваться стимул и каким образом фиксируется реакция испытуемого, возможны пять вариантов:

Письменно-письменный, когда испытуемый пишет слово-реакцию на письменно предъявляемое слово-стимул. Главным достоинством этого варианта считают массовость и быстроту создания представительных баз данных. Практически все известные ассоциативные словари созданы по материалам письменно-письменного эксперимента. Первый из недостатков связан с невозможностью точно фиксировать латентное время и ограничивать быстро всплывающие ассоциации от сравнительно медленно возникающих. Для компенсации этого недостатка исследователи ограничивают время работы респондентов со списком стимулов. Второй недостаток обусловлен влиянием правого и левого контекста на ассоциирование. В поле зрения испытуемого при заполнении анкеты со списком стимулов попадают как предшествующие, так и последующие слова-стимулы, что увеличивает потенциальную персеверацию реакций: ассоциация, записанная как реакция на один стимул, на самом деле может быть спровоцирована предшествующим или последующим словом. Влияние контекста нивелируют изменением порядка следования стимулов; для этого используют генератор случайных чисел, благодаря чему каждая анкета обладает уникальным порядком слов. Третий недостаток – возможность использования респондентом деструктивной стратегии заполнения анкеты. К сожалению, такого рода брак регулярно встречается в материалах эксперимента и отсеивается на этапе обработки [Караулов 1996].

Письменно-устный эксперимент предполагает письменное предъявление стимула и устный ответ информанта. Такая форма эксперимента используется довольно редко для обследования лексикона детей, овладевающих письменной формой коммуникации, словаря билингвов, освоивших устную форму слабого языка, и больных моторной афазией¹.

Устно-письменный эксперимент проводят с респондентами, которые не могут записать ответ самостоятельно и отказываются от использования диктофона и других технических устройств для фиксации их устных ответов. Такого рода эксперимент проходит в индивидуальном режиме. Экспериментатор произносит стимул, а затем записывает устную реакцию испытуемого.

Устно-устный эксперимент также проводят индивидуально с применением записи ответов испытуемых на диктофон. Таким образом был собран материал для словарей детских ассоциаций Н.А. Гасицей [1990] и Т.В. Соколовой [1996].

Компьютерный ассоциативный эксперимент. При помощи стандартизованного исследовательского пакета E-Prime [<http://www.pstnet.com/eprime.cfm>] можно проводить практически все описанные варианты ассоциативного теста. Компьютерный вариант считают наиболее корректным видом устно-устного эксперимента. Разработано несколько программ проведения, записи и обработки результатов. Использование специально разработанного программного обеспечения позволяет фиксировать время реакции, унифицировать громкость и другие параметры подачи стимула, в том числе порядок следования. Именно такой ассоциативный эксперимент входит в стандартизованный исследовательский пакет E-Prime [<http://www.pstnet.com/eprime.cfm>]. Устно-устный эксперимент имеет несколько версий (лекси-

¹ См. обзор ассоцианистских исследований в [Горошко 2001].

ческий выбор, принятие лексического решения и т.п.). Этот вариант ассоциативного эксперимента редко используется для создания словарей. Базы данных устных ассоциаций, созданные с его помощью, позволяют выявлять тонкие закономерности ассоциирования, недоступные при других способах обследования испытуемых².

В целом ассоциативный эксперимент представляет собой серьезный тест, включающий несколько этапов (см. подробное описание: [Черкасова 2004]). Полученные ассоциации отличаются в зависимости от письменного, устного или компьютерного варианта проведения ассоциативного эксперимента. Испытуемые приводят ассоциации разного типа на одно и то же слово, заданное устно и письменно. Обычно письменные ответы отражают связи заданного слова-стимула с другими единицами языка, то есть в большей мере являются лингвистическими, чем когнитивными (экстралингвистическими) [Жукова, Каширская, Ахутина 2006]. Столь существенные различия между результатами в зависимости от условий эксперимента привели к некоторому разочарованию в экспериментальном исследовании ассоциативных связей. В названии современных ассоциативных словарей предпочитают избегать слова «норма», поскольку упоминание о норме носит оценочный характер, что в принципе не соответствует природе ассоциаций. Норма ассоциирования подразумевает статистическую норму, достоверность и надежность частотной ассоциативной связи в национальной культуре. С появлением компьютерных технологий проведения ассоциативного эксперимента распространилось убеждение в наличии прямой корреляции между тщательностью планирования и количеством контролируемых в эксперименте параметров, с одной стороны, и надежностью и достоверностью полученных результатов, с другой [Черкасова 2004].

Характеристика словарей ассоциативных норм для различных языков³

Первый ассоциативный словарь, определивший стандарт ассоцианистской лексикографии, известен как словарь Кент-Розанофф. Опубликованный в 1910 году словарь содержал реакции на 100 слов английского языка. Этот список исследователи словесных ассоциаций используют до сих пор, чтобы обеспечить сопоставимость материалов. Между тем еще до публикации результатов ассоциативного эксперимента Кент-Розанофф в Европе вышла из печати монография на немецком языке о психологической интерпретации «речевых аналогий» [Thumb, Marbe 1901]. Однако монография не оказала заметного влияния на последующие ассоциативные эксперименты. Список основных словарей с кратким их описанием приводится в таблице 1.

² См. интерпретацию результатов устно-устного эксперимента в условиях компьютерного теста: [Жукова, Каширская, Ахутина 2006].

Основные ассоциативные словари

Авторы	Название	Описание
Kent, G.H., Rosanoff, A.J.	Study of Association in Insanity.	Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 100 наиболее распространенных и общеизвестных слов (существительные, прилагательные, глаголы); Испытуемые: 738 взрослых представителей от 18 до 87 лет разных профессий.
Russell, W. A.; Jenkins, J. J.	The complete Minnesota norms for responses to 100 words from the Kent-Rosanoff word associates test.	Так называемые “Миннесотские ассоциативные нормы”: реакции студентов университета на 100 стимулов из списка Кент-Розанофф.
Palermo, D. S.; Jenkins, J. J.	Word association norms: Grade school through college.	Полное издание “Миннесотских ассоциативных норм”, включающее реакции школьников и студентов на 100 стимулов из списка Кент-Розанофф.
Gerow, J.R. and Pollio, H.R	Word Association, Frequency of Occurrence, and Semantic Differential Norms for 360 Stimulus.	Издание предназначено для исследования влияния на ассоциации таких факторов, как частотность слова-стимула, оформления списка стимулов и т.п.
Shapiro, S.I.; Palermo D.S.	An Atlas of Normative Free Association Data.	Сводный словарь, включающий данные 20 экспериментов с различными наборами стимулов, варьирующих список Кент-Розанофф.
Arthur, Artur Z.	A comparison of Queen’s and Minnesota Kent-Rosanoff word association norms. http://dx.doi.org/10.1037/h0082271	Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 100 слов из списка Кент-Розанофф; Испытуемые: студенты из Кингстона, Канада. Словарь ассоциаций канадского варианта английского языка. Ассоциации канадских студентов сопоставляются с Миннесотскими нормами. В исследовании показана уязвимость самой идеи “нормативности” ассоциаций, поскольку реакции зачастую предопределены условиями эксперимента.

<p>Wickland, David A.</p>	<p>Free Association Norms. Connecticut University http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED102510.pdf</p>	<p>Так называемые “Коннектикутские ассоциативные нормы” Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 144 слова (100 из списка Кент-Розанофф, 44 дополнительных слова); Испытуемые: 446 студентов-психологов.</p>
<p>Kiss, G.R., Armstrong, G., Milroy, R.</p>	<p>The Edinburgh Associative Thesaurus. University of Edinburgh. http://www.eat.rl.ac.uk/eat.zip http://www.eat.rl.ac.uk/</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 8400 стимулов Эдинбургский ассоциативный тезаурус (или тезаурус Киша), представляющий полноценный срез языкового сознания жителей Великобритании в форме словаря ассоциативных норм.</p>
<p>Nelson, D. L., McEvoy, C. L., Schreiber, T. A.</p>	<p>Word Association, Rhyme and Fragment Norms. http://www.usf.edu/FreeAssociation/</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 5019 слов-стимулов, 750 000 реакций; Испытуемые: 6000 респондентов. Эксперимент проводился в США в 1973-1975 гг. Каждому респонденту предлагался буклет из 100–120 английских слов-стимулов по 25–30 слов на странице. Стимулы включали: существительные – 76%, прилагательные – 13%, глаголы – 7%, другие части речи – 4%.</p>
<p>Postman, Leo J, and Geoffrey Keppel</p>	<p>Norms of Word Association.</p>	<p>“Нормы словесных ассоциаций” включают материалы на английском, немецком и французском языках.</p>
<p>Door I. J. van der Made-van Bekkum</p>	<p>Nederlandse woordassociatie normen</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: список Кент-Розанофф; Испытуемые: студенты, носители голландского языка.</p>

<p>Simon De Deyne and Gert Storms</p>	<p>Word associations: Norms for 1,424 Dutch words in a continuous task (2008). Psychonomic Society's Norms, Stimuli, and Data archive, www.psychonomic.org/archive.</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный, ассоциативные цепочки из трех реакций на каждый стимул; Слова-стимулы: 1424 слов голландского языка; Испытуемые: студенты. На 1424 голландских слов получено в среднем по 268 реакций.</p>
<p>Peressotti Francesca, Francesca Pesciarelli & Remo Job Roventini Adriana et al.</p>	<p>Le associazioni verbali PD-DPSS: norme per 294 parole.</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный; Слова-стимулы: 294 слова Испытуемые: студенты. Характеристика семантической сети и базы данных ассоциаций на итальянском языке в проекте WordNet.</p>
<p>Debrenne Michèle, Ufimtseva Natalia, Romanenko Alexey</p>	<p>Ассоциативный Словарь Французского Языка (Dictaverf = DICTionnaire des Associations VERbales du Français http://dictaverf.nsu.ru</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный компьютерный (интернет-опрос, проводившийся с 11 ноября 2008 по 12 декабря 2009). Цель создания: выявление современных ассоциативных норм французского языка для создания портрета французской языковой личности.</p>
<p>Lönngren, L., Gunilla Fredriksson, Agnes Kilar</p>	<p>A Swedish Associative Thesaurus http://www.hum.uit.no/a/lonngren/Assoc.pdf</p>	<p>Лексикографический проект был начат в университете Упсалы в центре компьютерной лингвистики в 1987. Проект представляет собой попытку организовать лексикон языка в семантическую сеть, включающую более 70 000 слов. Словарь не опубликован, он существует в электронном виде.</p>
<p>Lars Borin, Markus Forsberg, Lennart Lönngren</p>	<p>SALDO (Ассоциативно-семантическая сеть лексикона шведского языка), Гетеборгский университет, Швеция. http://spraakbanken.gu.se/eng/saldo/ws</p>	<p>Ассоциативный словарь и семантическая сеть, включающая материалы Упсальского ассоциативного тезауруса 1987 года.</p>

<p>Енчо Н. Герганов; Людмила С. Иванчева; Радка Н. Кърлова; Ваклин Н. Николов; Цветанка С. Николова</p>	<p>Български норми на словесни асоциации.</p>	<p>Форма проведения эксперимента: устно-письменный эксперимент; Слова-стимулы: 200 слов-стимулов, 750 000 реакций; Испытуемые: 1000 респондентов (550 мужчин, 450 женщин). Испытуемые в течение 5 секунд записывали первую реакцию на слово-стимул. Из полученных 10 ассоциативных словарей был затем составлен словарь «норм». В этом словаре даны отдельно ответы мужчин и женщин и приведены любопытные сравнительные данные.</p>
<p>Kurcz, Ida</p>	<p>Polskie normy powszechności skojarzeń swobodnych na 100 słów z listy Kent-Rosanoffa.</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 100 слов из списка Кент-Розанофф, Испытуемые: 1000 респондентов, студенту университета. Первые ассоциативные нормы для славянских языков.</p>
<p>Gatkowska, Izabela, Korzycki, Michał, Lubaszewski, Wiesław</p>	<p>Polish Word Association Network (SSSJP) http://www.klk.uj.edu.pl/sssjp/en</p>	<p>Экспериментальный дизайн: Experimental design: для создания ассоциативной сети использован компьютерный тест. Стимулы появлялись на экране, испытуемый писал первое пришедшее в голову слово-реакцию, на что отводилось не более двух минут. После окончания записи на экран подавался новый стимул.</p>
<p>Maršálová L.</p>	<p>Slovno-asociachne normy</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 150 слов (100 слов из списка Кент-Розанов) Испытуемые: школьники от 6 до 17 лет; студенты университета.</p>
<p>Мартінек С. В.</p>	<p>Український асоціативний словник: У 2 т.</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 841 стимул; Испытуемые: 1867 респондентов, студенты</p>

Zdeněk Novák	Volné slovní párové asociace v češtině.	Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 150 слов Испытуемые: 1000 студентов.
Заморщикова Л. С., Романенко А. А.	Ассоциативный тезаурус якутского языка (прямой и обратный словари). http://adictsakha.nsu.ru	Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 140 слов Славянского ассоциативного словаря; Испытуемые: 1220 студентов университета, носителей якутского языка. Массовый ассоциативный эксперимент проводился с 2005 по 2010 годы среди студентов Северо-восточного федерального университета, включая его филиалы в промышленных городах Мирный и Нерюнгри.

Из всех существующих ассоциативных норм наиболее популярны «Нормы словесных ассоциаций» под редакцией Л. Постмана, куда включены почти все собранные ранее ассоциативные нормы на английском, французском и немецком языках [Postman 1970]. Список стимульных слов и количество информантов оставалось неизменным для всех трех языков. После выхода в свет словаря Лео Постмана появились словари ассоциативных норм многих языков стран Европы и Средней Азии: польского [Kurcz 1967], узбекского [Залевская 1971], голландского [Doog, Made-van Bekkum 1973], киргизского [Титова 1975], русского [САНРЯ 1977], украинского [Бутенко 1979], болгарского [Герганов 1984], латышского [Ульянов 1989], казахского [Дмитрюк 1998] и т.д. Значительно возросло количество двуязычных ассоциативных словарей. Так, исследование Л.Н. Титовой было проведено на базе киргизского и русского языков, работа Н.В. Дмитрюк была выполнена на казахском и русском языке.

Развитие ассоцианистской лексикографии предполагало, помимо расширения языкового материала, разработку дополнительных способов его подачи, адекватных запросам пользователей. Для понимания природы ассоциаций и интерпретаций взаимосвязей в лексиконе важна как прямая связь от стимула к реакции, так и обратная, от реакции к стимулу: в таком случае появляется возможность не только предсказывать следующее за стимулом речевое поведение индивида, но и восстанавливать по речи актуальные, оставшиеся не выраженными словами смыслы. Соответственно, появились обратные ассоциативные словари, в которых заглавным для словарной статьи становилось слово-реакция, а сама статья содержала список стимулов с указанием частотности заглавной реакции.

Вслед за англоязычной лексикографией проходили те же стадии и остальные словари: после описания взрослых норм появлялись детские ассоциативные нормы. Одной из первых публикаций детских ассоциативных норм на славянских языках был словарь ассоциаций словацких школьников под редакцией Любуши

Маршаловой [Mařálová 1972, 1974, 1982]. Детские ассоциативные нормы собраны и описаны русскоязычных детей и подростков [Гасица 1990, Береснева, Дубровская, Овчинникова 1995, Соколова 1996, Гуц 2004, Федченко 2006].

Характеристика русскоязычных ассоциативных словарей

Мы приведем сведения о характеристике основных опубликованных словарей и баз данных ассоциаций на русском языке в таблице 2. Аспектные ассоциативные словари мы не включили в таблицу, но приводим их краткое описание по мере обсуждения различных особенностей русской ассоцианистской лексикографии.

Таблица 2

Основные русскоязычные ассоциативные словари

Авторы	Название	Описание
А.А. Леонтьев	Словарь ассоциативных норм русского языка Обратный словарь http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm	Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 500 слов-стимулов, от 150 до 650 слов-реакций на каждый стимул; Испытуемые: студенты вузов СССР. Эксперименты проводились в 1969-1972 гг. Сам словарь, по замыслу его составителей, предназначался для использования в преподавании русского языка как иностранного.
Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова.	Русский ассоциативный словарь	Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: более 6000 уникальных слов-стимулов (глаголы, местоимения, наречия, прилагательные, существительные); Испытуемые: в ассоциативных экспериментах принимали участие студенты вузов разных регионов России, около 12. тыс. респондентов. Словарь содержит более 6 тыс. уникальных стимулов и более 100 тыс. реакций. Издание включает прямой (от стимула к реакции) и обратный (от реакции к стимулу) словари. Все материалы доступны на сайте http://thesaurus.ru/dict/dict.php Интернет-сервис для работы с базой данных крупнейшего ассоциативного эксперимента на русском языке, проведенного в 1988-1997 гг. Ключевой особенностью веб-версии является возможность проведения компаративного анализа ассоциаций по полу, возрасту и профессии.

<p>Г.А. Черкасова</p>	<p>Русский сопоставительный ассоциативный словарь. http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 253 стимула из «Русского ассоциативного словаря» Испытуемые: студенты. Русский сопоставительный ассоциативный словарь (РСпАС) включает статьи прямого словаря (от стимула к реакции) по материалам трех ассоциативных опросов, проведенных с интервалами в 10–20 лет с носителями русского языка начиная с 1967 г. РСпАС отражает ассоциативно-вербальную модель языкового сознания русских и предназначен для исследования изменения языкового сознания русских определенного поколения (конец XX в. – нач. XXI в.), изучения «речемыслительного портрета» русских и тенденций развития взгляда на мир россиян в течение 40 лет.</p>
<p>Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов</p>	<p>Ассоциативный фразеологический словарь русского языка.</p>	<p>Результаты эксперимента, представленного в «Русском ассоциативном словаре» явились основой словаря. Ассоциативный эксперимент позволил авторам отделить «живую» фразеологию от «мертвой». На основе анализа ассоциативных полей можно выявить корпус живых фразеологизмов, обнаруживаемых в реакциях на те или иные стимулы. Структура словарной статьи включает 3 зоны: вход, помету, стимулы и реакции.</p>

<p>Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова</p>	<p>Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 112 взаимно эквивалентных стимулов; Испытуемые: студенты вузов Белоруссии, Болгарии, России, и Украины. Славянский ассоциативный словарь продолжает серию публикаций, начатую Русским ассоциативным словарем. Он построен на результатах массового письменного эксперимента, проведенного в 1998–1999 гг. с 112 взаимно эквивалентными стимулами. Славянский ассоциативный словарь состоит из двух частей (прямого и обратного словарей). В нем можно найти типичные и наиболее частотные словосочетания, а также особенности наивных картин мира четырех славянских народов, в которых отражено национальное своеобразие.</p>
<p>М. Санчес Пуиг, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова</p>	<p>Ассоциативные нормы испанского и русского языков. Normas Asociativas Del Espanol y Del Ruso /</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 112 стимулов из “Славянского ассоциативного словаря” Испытуемые: студенты российских и испанских вузов.</p>
<p>Н.В. Дмитриук</p>	<p>Казахско-русский ассоциативный словарь</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 100 слов из списка Кент-Розанофф; Испытуемые: в ассоциативном эксперименте, проведенном в 1975-76 годах, приняли участие 1050 студентов чимкентских вузов – носителей казахского языка.</p>
<p>Л. Н. Титова</p>	<p>Киргизско-русский ассоциативный словарь.</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: использован список Кент-Розанофф. Словарь содержит переводы киргизских устойчивых ассоциаций на русский язык и параллельные материалы на русском языке, полученные на аналогичной по социальным параметрам выборке респондентов.</p>

Ю.Е. Ульянов	Латышско-русский ассоциативный словарь.	<p>Форма проведения эксперимента (Experimental design): письменный эксперимент;</p> <p>Слова-стимулы: 160, использован список Кент-Розанофф</p> <p>Испытуемые: более 500 студентов. Словарь дает возможность сопоставить семантические связи эквивалентных слов в двух языках.</p>
Ю.Н. Филиппович, Г.А. Черкасова, Д.Дельфт.	<p>Ассоциации информационных технологий: эксперимент на русском и французском языках.</p> <p>http://it-claim.ru/Library/Books/Association_IT/CONTENTS.HTM</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент;</p> <p>Слова-стимулы: русские – 253, французские – 128</p> <p>Испытуемые: студенты Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана и Московского государственного университета печати. В книге представлены результаты ассоциативного эксперимента в предметной области «Информатика и вычислительная техника», проведенного с 1998 по 2000 гг. Книга состоит из двух частей. В первой части описываются теоретические основания (формальные постановки задач), технология и инструментарий экспериментальных исследований. Вторая часть – это материалы прямого ассоциативного словаря информационных технологий и построенный на их основе ассоциативный тезаурус. Материалы словаря и тезауруса представлены отдельно для русского и французского языков, а также для технических и гуманитарных специальностей респондентов.</p>

<p>Н.И. Берсенева, Л.А. Дубровская, И.Г. Овчинникова</p>	<p>Словарь детских ассоциаций: Ассоциации детей от шести до десяти лет (прямой словарь). Лексикон младшего школьника: характеристика лексического компонента языковой компетенции (обратный словарь)</p>	<p>Форма проведения эксперимента: письменный эксперимент; Слова-стимулы: 70 слов-стимулов (глаголы, прилагательные, существительные); 35000 слов-реакций Испытуемые: 5000 школьников младших классов в возрасте от 6 до 10 лет.</p>
<p>В.Е. Гольдин, А.О. Мартыянов, А.П. Сдобнова</p>	<p>Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области (АСШС).</p>	<p>Форма проведения эксперимента: устно-письменный и письменно-письменный эксперименты; Слова-стимулы: слова-стимулы из Русского ассоциативного словаря; более 900 000 слов-реакций Испытуемые: 30000 школьников младших классов в возрасте от 6 до 18 лет. База данных, реализованная в программе Access, содержит экспериментальный материал, накапливаемый с 1998 г. (около миллиона записей, отражающих вербальные ассоциации 30 000 школьников 1-11 классов более 100 различных школ области). Список стимулов АСШС включает 1125 вербальных единиц. К концу 2008 г. в АСШС сосредоточено более 900 000 пар «стимул-реакция», причем сохраняется каждая анкета, введенная в базу.</p>

Русскоязычные ассоциативные словари охватывают различные аспекты изучения вербальных ассоциаций, благодаря чему позволяют создать объемное представление о системе лексических связей в сознании носителей языка разного возраста, отличающихся уровнем образования и профессией. Наиболее представительное издание, «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой, дает возможность выявить полномасштабную картину связей между лексемами русского языка в сознании его носителей в возрасте от 18 до 30 лет. Опубликованные в словаре материалы постоянно пополняются.

Вклад проектов WordNet в изучение ассоциаций

Настоящую революцию в ассоциативной лексикографии произвели информационно-коммуникационные технологии. Обработка массового ассоциативного эксперимента – весьма трудоемкая задача; использование статистических программ обеспечивает надежность и объективность количественного описания реакций. Возможность разместить материалы в открытом доступе и организовать корпус ассоциаций с множеством входов и фильтров существенно упрощает анализ различных типов реакций и обсуждение их варьирования у разных по социально-психологическим характеристикам носителей языка. Вторжение компьютера и интернета в изучение ассоциаций принесло не только оптимизацию способов обработки и новый дизайн словарной статьи. Обращение к облачным технологиям привело к созданию ассоциативных сетей типа WordNet [<http://wordnet.princeton.edu/>] и GlobalWordNet [<http://globalwordnet.org/>]. В рамках портала WordNet есть ответвление BalkaNet, где представлены как сами ассоциации на различных славянских языках, так и их интерпретация [<http://www.dblab.upatras.gr/balkanet/index.htm>]. В состав GlobalWordNet входят базы данных и корпуса различных языков, в том числе и на русском языке (RussNet). Последней разработкой такого рода тезауруса для русского языка является база «Yet Another Russian Network» <http://russianword.net/>. Наиболее масштабный проект представляет собой ресурс <http://babelnet.org/>, объединивший в семантические сети сетевые словари для 272 языков.

Строго говоря, сети не очень похожи на ассоциативные словари. Сетевое описание семантических связей в рамках лексикона эксплицирует все отношения между лексемами на материале текстов и словарных статей, в том числе и в ассоциативных словарях. Однако в сетях такого рода нет информации о различии частотных и индивидуальных связей, отнюдь не всегда можно проследить социальное варьирование переживания языкового значения носителями языка. Иными словами, веб дает в готовом виде семантическую сеть, но не позволяет вычлнить из нее ассоциативные отношения. Если объектом моделирования в ассоциативном словаре является совокупное языковое сознание носителей национального языка или определенного языкового коллектива, то сети типа WordNet моделируют семантические отношения в узусе, выявляя все возможные взаимосвязи лексем через их употребление в совокупности текстов (см., например: [Roventini Adriana et al. 2000]). Структура знания в сетях WordNet отражает те отношения номинаций, которые эксплицированы в текстах, и соответствует только одной из предлагаемых современной когнитивной наукой моделей ментального лексикона и семантической памяти человека – иерархической модели⁴.

Таким образом, сети не заменяют полностью ассоциативные словари и базы данных, но оттесняют полученные в ассоциативном эксперименте материалы на периферию исследования языковой способности и речевой активности. Ассоциативные словари остаются источником изучения индивидуальной вариативности коммуникативной компетенции и когнитивного развития. Наталия Владимировна Уфимцева считает прямые и обратные ассоциативные словари способом выявления

⁴ Общее описание модели можно найти в [Caramazza, Mahon 2006].

системности картины мира: «Одним из способов выявления этой скрытой системности образа мира является массовый ассоциативный эксперимент и построение по его результатам прямого и обратного ассоциативных словарей. Материалы прямого ассоциативного словаря позволяют сделать доступным наблюдению системность знаний, стоящих за телами знаков данного языка ..., обратный словарь дает возможность наблюдать системность образа мира данной культуры (усредненного ее носителя) через анализ ядра ассоциативно-вербальной сети» [Уфимцева 2012: 132]. В определенном смысле ассоциации вернулись в свою изначальную нишу, вновь превратившись в метод изучения переживаемых социумом смыслов языковых единиц.

Литература

Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от 6 до 10 лет. (Ассоциативное значение слова в онтогенезе). Пермь: Пермский государственный университет, 1995. – 225 с.

Гасица Н.А. Ассоциативные структуры в онтогенезе: дисс... канд. филол. наук. М., 1990. – 184 с.

Гольдин В.Е., Мартыанов С.А., Сдобнова А.П. Ассоциативный словарь студентов и школьников Саратова и Саратовской области. Саратов: Саратовский университет, 2011. – 415 с.

Горошко Е.И. Языковое сознание: ассоциативная парадигма: дисс... док. филол. наук. М, 2001. – 287 с.

Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростков. Омск: Вариант – Сибирь, 2004. – 148 с.

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. Чимкент: Университет «Мирас» – Москва: Ин-т языкознания РАН, 1998. – 245 с.

Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Фразеологический ассоциативный словарь русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1994. – 116 с.

Жукова И.Л., Каширская Е.В., Ахутина Т.В. Ассоциативные реакции в норме и при афазии // ... Слово отзовется: воспоминания об Алле Соломоновне Штерн и Леониде Владимировиче Сахарном. Пермь: Пермский государственный университет, 2006. – С. 170–187.

Залевская А.А. Свободные ассоциации на трех языках // Семантическая структура слова: психолингвистическое исследование. М.: Институт языкознания РАН, 1971. – С. 178–194.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. – 382 с.

Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения испытуемых в ситуации ассоциативного эксперимента // Этнокультурные признаки языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 67–96.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I. М.: Помовский и партнеры, 1994. – 224 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I. М.: ИРЯ РАН, 1994. – 358 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Книга 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть II. М.: ИРЯ РАН, 1996. – 212 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Книга 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть II. М.: ИРЯ РАН, 1996. – 324 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Книга 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть III. М.: ИРЯ РАН, 1998. – 204 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Книга 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть IV. М.: ИРЯ РАН, 1998. – 324 с.

Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка М: Издательство Московского государственного университета, 1977. – 190 с.

Овчинникова И.Г., Береснева Н. И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.В. Лексикон младшего школьника: лексический компонент языковой компетенции. Пермь: Пермский государственный университет, 2000. – 312 с.

Соколова Т.В. Ассоциативный словарь русского ребенка: реакции детей от 3 до 7 лет. Архангельск: Международный педагогический университет имени Ломоносова, 1996. Часть 1 (прямой словарь), Часть 2 (обратный словарь). – 306 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 7–22.

Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе: Илим, 1975. – 250 с.

Ульянов Ю.Е. Латышско-русский ассоциативный словарь. Академия наук Латвийской ССР. Институт языка и литературы. Рига: Зинатне, 1988. – 186 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 207–219.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: Институт языкознания РАН, 2004. – 792 с.

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4 (8). – С. 98–111.

Уфимцева Н.В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии // Филология и культура. Казань, 2012. №2 (28). – С.129 – 132.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Филологические науки. Лингвистика. (Филология и культура. Philology and Culture). 2014. № 4 (38). – С. 193–199.

Федченко А.В. Языковое сознания русских и американских подростков (этнокультурный аспект). М.: Флинта – Наука, 2006. 172 с.

Филипович Ю.Н., Черкасова Г.А., Дельфт Д. Ассоциации информационных технологий (на русском и французском языках). М.: МГУП, 2002. –304 с.

Черкасова Г. А. Формальные модели в исследовании вербальных ассоциаций. 2004. [Электронный ресурс] URL: http://it-claim.ru/Library/Articles/publications_Cherkasova_Galina/Cherkasova34/Cherkasova34.html (дата обращения 24.01.2015).

Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь М.: Институт Языкознания РАН, 2008. – 1536 с.

Щ Л

THE STORAGE AND DESCRIPTION OF VERBAL ASSOCIATIONS

Maria N. Yelenevskaya,

Head of the CALL Laboratory Research Group,
Technion, Haifa, Israel
e-mail: ymaria@technion.ac.il;

Irina G. Ovchinnikova

Professor of Department of Learning Disabilities,
Haifa University, Haifa, Israel
e-mail: Ira.ovchi@gmail.com

This study considers different types of free associative dictionaries and thesauruses as sources of the semantic representation of word meanings in the mental lexicon as well as in the semantic system of a language. Traditional associative thesauruses and dictionaries provide researchers with raw material for investigation of language competence and personal features of language community members. WordNet projects and a new software for free associative experiments give an opportunity to apply associative connections to natural language processing and optimize computer mediated communication by supplying semantic links and relationships relevant to human information processing. Russian associative thesauruses generated and published by the group of psycholinguists including Natalya V. Ufimtseva are characterized in the paper.

Keywords: free associations, thesaurus, dictionary, database, Russian.

References

- Beresneva, N.I., Dubrovsky, L.A., and I.G. Ovchinnikova.* Slovar detskih asociacyi [Dictionary of children's associations: Associations of children from six to ten years old (Direct dictionary)]. Perm: Perm University press, 1995. 225 p.
- Gasitsa N.A.* Associativnye struktury v ontogeneze [Associative structures in ontogenesis]. Moscow: 1990. 184 p.
- Goldin, V.E., Martianov, S.A., and A.P. Sdobnova.* Associativnyi slovar shkolnikov Saratovskoy oblasti [Associative dictionary of students from the Saratov region (ASSHS)]. An electronic database is implemented as access-application CD. Saratov: 2011.
- Goroshko E.I.* Iazykovoe soznanie: asociativnaya paradigim [Linguistic consciousness: associative paradigm]. Unpublished Habilitation Thesis. Moscow: 2001. 287 p.
- Guts, E.N.* Associativnyi slovar podrostkov [Associative dictionary of teenagers]. Omsk: Variant – Siberia, 2004. 148 p.
- Dmitriuk N.V.* Kazahsko-russkiy asociativnyi slovar [Kazah-Russian associative dictionary]. Shymkent, M: Institute of Linguistics, Univ «Miras», 1998. 245 p.
- Dobrovolsky D.O, and Karaulov Y.N.* Frazeologicheskiy asociativnyi slovar russkogo yazyka [Associative phrasebook of the Russian language]. M.: Pomovsky I partnery, 1994. 116 p.
- Zhukova I.L., Kashirskaya E.V., Akhutina T.V.* Associativnye reatsii v norme i pri afazii [Associative reactions of normal and aphatic human subjects]. ...*Slovo otzovetsya.*

vospominania ob Alle Solomonovne Stern i Leonide Vladimiroviche Sakharnom [...The word will remind: in the memory of Alla Stern and Leonid Sakharny]. Perm: 2006. Pp. 170–187.

Zalevskaya, A.A. Svobodnye associacii na treh jazykah [Free association in three languages]. *Semanticheskaya struktura slova: psycholingvisticheskoye issledovanie* [The semantic structure of words: Psycholinguistic research], Moscow, 1971. Pp. 178-194.

Zalevskaya A.A. Vvedenie v psycholingvistiku [Introduction into psycholinguistics]. Moscow: 1999. 382 p.

Karaulov Y.N. Tipy kommunikativnogo povedeniya [The types of the language behavior]. *Etnokulturnye priznaki jazykovogo soznaniya* [Ethno-cultural peculiarities of the linguistic consciousness]. Moscow: 1996. 67–96.

Karaulov, Y.N., Sorokin, Y.A., Tarasov, E.F., Ufimtseva, N.V., and G.A. Cherkasova. Russkyi associativnyi slovar. Kniga 1. Priamoi slovar: ot stimula k reaktsii. Associativnyi thesaurus sovremennogo russkogo jazyka. Chast I [Russian associative dictionary. Book 1. Direct dictionary: from stimulus to response. Associative thesaurus of modern Russian language. Part 1]. Moscow: Pomovsky i partnery, 1994. 224 p.

Karaulov, Y.N., Sorokin, Y.A., Tarasov, E.F., Ufimtseva, N.V., and G.A. Cherkasova. Russkyi associativnyi slovar. Kniga 2. Obratnyi slovar: ot stimula k reaktsii. Associativnyi thesaurus sovremennogo russkogo jazyka. Chast I [Russian associative dictionary. Book 2. Reverse dictionary: from response to stimulus. Associative thesaurus of modern Russian language. Part 1]. Moscow: IRYA RAS, 1994. 358 p.

Karaulov, Y.N., Sorokin, Y.A., Tarasov, E.F., Ufimtseva, N.V., and G.A. Cherkasova. Russkyi associativnyi slovar. Kniga 3. Priamoi slovar: ot stimula k reaktsii. Associativnyi thesaurus sovremennogo russkogo jazyka. Chast II [Russian associative dictionary. Book 3. Direct dictionary: from stimulus to response. Associative thesaurus of modern Russian language. Part 2]. Moscow: IRYA RAS, 1996. 212 p.

Karaulov, Y.N., Sorokin, Y.A., Tarasov, E.F., Ufimtseva, N.V., and G.A. Cherkasova. Russkyi associativnyi slovar. Kniga 4. Obratnyi slovar: ot stimula k reaktsii. Associativnyi thesaurus sovremennogo russkogo jazyka. Chast II [Russian associative dictionary. Book 4. Reverse dictionary: from response to stimulus. Associative thesaurus of modern Russian language. Part 2]. Moscow: IRYA RAS, 1996. 324 p.

Karaulov, Y.N., Sorokin, Y.A., Tarasov, E.F., Ufimtseva, N.V., Cherkasova, G.A. Russkyi associativnyi slovar. Kniga 5. Priamoi slovar: ot stimula k reaktsii. Associativnyi thesaurus sovremennogo russkogo jazyka. Chast III [Russian associative dictionary. Book 5. Direct dictionary: from stimulus to response. Associative thesaurus of modern Russian language. Part 3]. M.: IRYA RAS, 1998. 204 p.

Karaulov, Y.N., Sorokin, Y.A., Tarasov, E.F., Ufimtseva, N.V., and G.A. Cherkasova. Russkyi associativnyi slovar. Kniga 6. Obratnyi slovar: ot stimula k reaktsii. Kniga 6. Associativnyi thesaurus sovremennogo russkogo jazyka. Chast III [Russian associative dictionary. Book 6. Reverse dictionary: from response to stimulus. Associative thesaurus of modern Russian language. Part 3]. Moscow: IRYA RAS, 1998. 324 p.

Leontiev, A.A. Slovar associativnyh norm russkogo yazyka [Dictionary of associative norms of the Russian language]. Moscow: Moscow State University, 1977. 190 p.

Ovchinnikova, I.G., Beresneva, N.I., Dubrovsky, L.A., and E.B. Penyaguina. 2000. Lexicon mladshogo shkolnika: leksicheskiy component yazykovoï kompetencii [Lexicon

of junior students: characterization of the lexical component of language competence (Reverse dictionary)]. Perm: Perm University Press, 2000. 312 p.

Sokolova T.B. Associativnyi slovar russkogo rebenka: reakcii detei ot 3 do 7 let. [Associative dictionary of a Russian child: Reactions of children aged 3 to 7]. Arkhangel'sk: International Pedagogic University named after Lomonosov, 1996. 306 p.

Tarasov E.F. Mezhekulturnoye obsheniye — novaya ontologiya yazykovogo soznaniya [Cross-cultural communication — the new ontology of the language consciousness]. *Etnokulturnaya specifika yazykovogo soznaniya* [Ethno-cultural specifics of linguistic conscience]. Moscow: 1996. 7–22.

Titova L.N. Kyrgyzsko-russkiy associativnyi slovar [Kyrgyz-Russian associative dictionary]. Frunze: Ilim, 1975. 250 p.

Ulyanov Y.E. 1988. Latyshsko-russkiy associativnyi slovar [Latvian-Russian associative dictionary. Academy of Sciences of the Latvian SSR. Institute of Language and Literature of A. Ites]. Riga: Zinatne, 1988. 186 p.

Ufimtseva N.V. Yazykovoye soznaniye i obraz mira slavian [Language consciousness and image of the world in Slavic]. *Yazykovoye soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and image of the world]. Moscow: 1996. 207–219.

Ufimtseva, N.V., Cherkasova G.A., Karaulov, Y.N., Tarasov, E.F. Slavianskiy associativnyi slovar [Slavic associative dictionary: Russian, Belarussian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2004. 792 p.

Ufimtseva N.V. Obraz mira russkih: sistemnost i soderzhaniye [The image of the world in Russian: the system and the content]. *Yazyk i kultura* [Language and culture] Moscow: 2009, no 4 (8), pp. 98–111.

Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. Associativnaya leksikografiya i issledovaniya yazykovogo soznaniya [Associative lexicography and research of linguistic conscience]. *Filologicheskie nauki. Lingvistika (Filologiya i kultura. Philology and Culture)* [Philology. Linguistics. (Philology and Culture)]. 2014, no 4 (38), pp. 193–199.

Fedchenko A.V. Yazykovoe soznanie russkih i amerikanskih podrostkov (etnokulturnyi aspekt) [Linguistic conscience of Russian and American teenagers (ethno-cultural aspect)]. Moscow: 2006. 172 p.

Filippovich Y.N., Cherkasova G.A., and D. Delft. Associacii informatsionnykh tekhnologii (na russkom i frantsuzskom yazykah) [Association of Information Technology: an experiment in Russian and French]. Moscow: MGUP, 2002. 304 p.

Cherkasova G.A. Formalnye modeli v issledovanii verbalnykh associacii [Formal modeling in a research of verbal associations]. 2004. URL: http://it-claim.ru/Library/Articles/publications_Cherkasova_Galina/Cherkasova34/Cherkasova34.html (last accessed 24.01.2015).

Cherkasov, G.A. Russkiy sopostavitelnyi associativnyi slovar [Russian comparative associative dictionary]. Moscow: IYaz RAS, 2008. 1536 p.

Amster, H. (1967). Convergent association norms for ten-year-old children and college age adults. *Psychonomic Monograph Supplements*, 2 (1, Whole No. 17), 1–32.

Arthur, Artur Z. (1971). A comparison of Queen's and Minnesota Kent-Rosanoff word association norms. *Canadian Journal of Behavioural Science/Revue Canadienne des sciences du comportement*, 3(3), July 1971, 291–297.

Бутенко, Н. П. (1979). Словник асоціативних норм української мови. Львів: Видавниче об'єднання «Вища школа».

Caramazza, A., & Mahon, B. Z. (2006). The organization of conceptual knowledge in the brain: The future's past and some future directions. *Cognitive Neuropsychology*, 23, 13–38.

Debrenne, Michèle, Ufimtseva, Natalia & Alexey A. Romanenko (2010). Associative Dictionary of the French Language (Dictaverf = DICTionnaire des Associations VERbales du Français. URL: <http://dictaverf.nsu.ru> (last accessed 4.03.2015).

De Deyne S. & Storms G. (2008). Word associations: Norms for 1,424 Dutch words in a continuous task. *Behavior Research Methods*, 40 (1), 198–205.

Deese, James (1965). *The Structure of Associations in Language and Thought*. Baltimore, Md.: The Johns Hopkins Press.

Door, I. & J. van der Made-van Bekkum (1973). *Nederlandse woordassociatie normen*. Amsterdam: Swets & Zeitlinger.

Geen R. G. & Stonner D. (1975). Primary associates to 20 verbs connoting violence. *Behavior Research Methods & Instrumentation*, 7, 391–392.

Gerganov, Encho N.; Ivancheva, Ludmila S.; Krlova, Radka N.; Nikolov, Vaklin N.; Nikolova, Tsvetanka S. (1984). *Bulgarian normalized verbal associations*. Sofia, Science and art.

Gerow, J.R. and Pollio, H.R. (1965). *Word Association, Frequency of Occurrence, and Semantic Differential Norms for 360 Stimuli*. The University of Tennessee. Department of Psychology. Words Technical Report N1, April 1965.

Gerjoux, I. R., & Gerjoux, H. (1965). Preliminary word-association norms for institutionalized adolescent retardates. *Psychonomic Science*, 2, 9–92.

Jung, Carl Gustav (1986). *Analytical Psychology: Its Theory and Practice (The Tavistock Lectures)*. London: Ark Paperbacks.

Kent, G.H., Rosanoff, A.J. (1910). A Study of Association in Insanity. *American Journal of Insanity*, no 67, 37–96; 317–390.

Kiss, G.R., Armstrong, C., Milroy, R. & Piper, J. (1972). *An associative thesaurus of English and its computer analysis. The computer and literary studies*. Edinburgh: University Press, 153–165.

Kurcz, Ida (1967). *Polskie normy powszechności skojarzeń swobodnych na 100 słów z listy Kent-Rosanoffa*. *Studia Psychologiczne*, Wrocław-Warszawa-Kraków, VIII, 122–255.

Мартінек, С. В. (2007). *Український асоціативний словник: У 2 т. (Т. 1: Від стимулу до реакції, Т. 2: Від реакції до стимулу)*. Львів: Львівський національний ун-т ім. Івана Франка.

Maršálová, L. (1972). *Slovno-asociačné normy*. Bratislava: Univerzita Komenského.

Maršálová, L. (1982). *Psycho-lingvistická analýza vývinu lexiky: Asociačné štruktúry v subjektívnom slovníku*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakl.

Maršálová, L. (1974). *Slovno-asociačné normy II, V-IX trieda ZDS a vysoká škola: Metodická príručka*. Bratislava: Univerzita Komenského.

Nelson, D. L., McEvoy, C. L., & Schreiber, T. A. (1998). *The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms*. URL: <http://www.usf.edu/FreeAssociation/> (last accessed 04.03.2016).

Novák, Zdeněk. (1988). *Volné slovní párové asociace v češtině*. Praha: Academia, Pedagogický ústav J.A. Komenského. *Studie ČSAV*; č. 8.

Palermo, D. S. & Jenkins, J. J. (1964). Word association norms: Grade school through college. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Peressotti, Francesca, Pesciarelli, Francesca & Job, Remo. (2002). Le associazioni verbali PD-DPSS: norme per 294 parole. *Giornale italiano di psicologia*, 29.

Postman, Leo J, & Keppel, Geoffrey. (1970). Norms of Word Association. New York: Academic Press, Language Arts & Disciplines.

Proctor, R. W., & Vu Kim-Phuong, L. (1999). Index of norms and ratings published in the Psychonomic Society journals // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*, 31 (4), 659–667.

Roventini, Adriana; Ruimy, Nilda; Marinelli, Rita; Olivieri, Marisa; Mammini, Michele (2000). ItalWordNet: a Large Semantic Database for Italian // *Proceedings of LREC 2000* (31 May-2 June 2000). Athens. Greece, II, 783–790.

Psycholinguistics: a survey of theory and research problems: report of the 1953 summer seminar sponsored by the Committee on Linguistics and Psychology of the Social Science Research Council [by] John B. Carroll [and others] Charles E. Osgood, editor; Thomas A. Sebeok, associate editor. (1954). Supplement to *The Journal of abnormal and social psychology*, vol. 49, no. 4.

Russell, W. A. & Jenkins, J. J. (1954). The complete Minnesota norms for responses to 100 words from the Kent-Rosanoff Word Association Test. USN Tech. Rep. No. 11, 1954, ONR N8 onr 66216, Univ. Minnesota.

Sanchez Puig, Yu. Karaulov, G. Cherkasova (2001). Normas asociativas del espanol y del ruso. Moscú – Madrid. Ассоциативные нормы русского и испанского языков. М. – Мадрид, Азбуковник, 2001. 496 с.

Shapiro, S. S. (1966). Word association norms: Stability of response and chains of association // *Psychonomic Science*, 4, 233–234.

Shapiro, S.I.; Palermo, D.S. (1968). An Atlas of Normative Free Association, *Psychonomic Monograph Supplements*, 2(12), 219–250.

Stark K. (1972). Synonym responses to 100 free association stimuli. *Psychonomic Monograph Supplements*, 4 (16, Whole No. 64), 269–274.

Thumb A.; Marbe K. (1901). Experimentelle Untersuchungen über die psychologischen Grundlagen der sprachlichen Analogiebildung. Leipzig.

Tresselt, M. E., & Mayzner, M. S. (1964). The Kent–Rosanoff word association: Word association norms as a function of age. *Psychonomic Science*, 1, 65 – 66.

Wickland David A. (1972). Free Association Norms. Connecticut University, Storrs. Dept. of Psychology.

Winters, J. J. Jr., & Kahn, H. (1970). Word association norms of adolescent mental retardates. *Psychonomic Monograph Supplements*, 3 (8, Whole No. 40), 87–94.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМИОЗИСА

Залевская Александра Александровна
профессор кафедры теории языка и перевода
Тверского государственного университета,
г. Тверь, ул. Желябова, 33
e-mail: aazalev@mail.ru

Психолингвистический подход к проблеме семиозиса фокусируется на двунаправленности процессов означивания, базовых для адаптации носителя языка и культуры к естественному и социальному окружению. С одной стороны, имеет место ориентация на разделяемое в социуме знание (в том числе – на значение слова, зарегистрированное в словарях), с другой – происходит поиск множественных опор для означивания в образе мира индивида, трактуемом как мультимодальный гипертекст взаимодействующих продуктов перцептивных, когнитивных и эмоционально-оценочных процессов. Приводятся дефиниции понятий, так или иначе связанных с психолингвистическим подходом к проблеме семиозиса в предлагаемой трактовке.

Ключевые слова: естественный семиозис, достаточный семиозис, внутренний контекст, мультимодальный гипертекст, навигация в мультимодальном гипертексте.

«... воспринимаемый текст есть каждый раз читательская проекция текста <...>, а сам текст на его содержательном уровне может рассматриваться как набор читательских представлений и смыслов, асимптотически приближающихся к авторскому значению текста» [Сорокин 1998: 35].

Вводные замечания

Поиск в Интернет по ключевому слову *семиозис* выводит на многократное повторение одних и тех же дефиниций и теоретических положений с указанием на наличие двух подходов к проблеме семиозиса: логического (вслед за Ч. Пирсом) и лингвистического (в русле системно-структурных идей Ф. де Соссюра). Попытки обсуждения более поздних высказываний по этой проблеме фактически сводятся либо к отнесению того или иного автора к одному из названных подходов, либо к указанию на попытку как-то сочетать и развивать потенциальные возможности обоих названных подходов (последнее, например, прослеживается при рассмотрении идей Умберто Эко, см. обзор: [Залевская 2016]).

Более десяти лет тому назад в работе [Залевская 2004] была сделана попытка привлечь внимание исследователей к тому, что наряду с важностью логико-рациональных рассуждений по поводу семиозиса как объекта науки семиотики становится всё более актуальной разработка психолингвистического подхода к **феномену означивания** в контексте исследования базовых механизмов адаптации человека к естественному и социальному окружению. В таком случае речь может

идти о естественном (спонтанном) семиозисе, обеспечивающем саму возможность **познания** и **общения**. Такая задача требует иного, междисциплинарного (интегративного по своей сути) подхода, в первую очередь учитывающего специфику человека как носителя языка и культуры, осуществляющего процессы означивания при взаимодействии многих внешних и внутренних факторов.

Поскольку «воспринимаемый текст есть каждый раз читательская проекция текста» (см. эпиграф), что ведет к разночтению трактовок сути семиозиса, домыслению более широкого контекста и вытекающих из него следствий, задаваемых исходными теоретическими координатами читающего, предлагаемая статья посвящена уточнению представлений о специфике естественного семиозиса, сложившихся у меня в ходе многолетней экспериментальной работы со словом как достоянием носителя языка и культуры, т.е. с позиций исследования особенностей функционирования слова как «живого знания». Логика изложения подсказана теми вопросами теории, которые то и дело всплывают в ходе психолингвистического портретирования лексики, точнее – выявления того, что лежит **за словом** в предшествующем опыте человека и обеспечивает взаимопонимание между людьми.

Актуальные вопросы функционирования слова у индивида

В процессах познания и общения мы мгновенно решаем сложнейшие задачи означивания воспринимаемого слова или текста и/или поиска именованного того, о чём хотим сообщить. Поскольку на «табло сознания» попадают только конечные продукты ряда взаимодействующих процессов, создаётся ложное впечатление, что мы «думаем словами», слово означает нечто само по себе («имеет» значение), благодаря слову мы «передаём» мысли собеседникам и т.д. и т.п. К сожалению, подобные мифы, в том числе порождаемые буквальным прочтением стёршихся метафор, до сих пор продолжают имплицироваться некоторыми научными дефинициями и теоретическими положениями. Один такой миф непосредственно связан с идеей достаточности цепочки интерпретант – различных вербальных формулировок, каждая из которых опирается на предшествующую и подготавливает последующую, т.е. вербальная манифестация выступает самодостаточным продуктом семиозиса. Такая ситуация порождает ряд вопросов, к числу которых относятся следующие.

Что может в принципе пониматься под термином «семиозис»?

Чем различаются семиозис как объект логико-рационального рассуждения и семиозис как необходимая (базовая) составляющая естественной ситуации познания / общения?

Сводится ли семиозис к неограниченной замене вербальных интерпретант или такие интерпретанты составляют лишь одно из промежуточных звеньев более развёрнутого процесса поиска опор в предшествующем опыте человека?

Какую роль в процессе семиозиса играет значение слова?

Можно ли сводить проблему семиозиса к символической функции языкового знака и связанной с ним пропозиции, трактуемой как составляющая языкового знания?

Как соотносятся для индивида значение и смысл слова?

Откуда берётся значение слова и где оно «обитает»?

Обратим внимание на то, что постановка любого из этих и подобных им во-

просов вне более широкого контекста не может быть корректной и требует определённых уточнений. Например, возьмём вопрос типа «где обитает значение». Если имеется в виду социально принятое и соответствующим образом трактуемое с позиций системы языка описание того, что увязывается с некоторой словоформой, то имплицитно предполагается представление о том, что значение это «принадлежит» слову, вместе с которым оно «передаётся» другим людям в устной или письменной речи. Так возникает устойчивый миф, согласно которому слово как таковое означает нечто само по себе, хотя на самом деле оно не может ничего означать, если его не опознаёт человек, способный найти определённые опоры в своём опыте познания мира и самого себя. Если же мы имеем в виду значение как достояние пользующегося языком человека, вроде бы становится очевидным, что значение находится в голове, хотя такой ответ также имплицитно предполагает некоторые широко распространённые мифы. К числу таких мифов относится господствующее в публикациях последних лет утверждение, что речь должна идти о концептосфере человека, при этом предлагаемые описания концептов поразительно похожи на детализацию объёма и содержания понятий с позиций логико-рационального подхода. Тем самым игнорируются современные идеи взаимодействия тела и разума человека, взаимосвязи перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной сфер личности, а также распределённости знания между индивидами и социумом, важности разделяемого знания и т.д. Иначе говоря, оказывается, что при ориентированном на человека ответе на поставленный вопрос необходимо учитывать сложное взаимодействие многих внешних и внутренних факторов, позволяющих нам каким-то образом находить опоры для взаимопонимания в нашей памяти чувственного восприятия, физических и умственных действий, образов и переживаний, актуальность следов которых всегда зависит от объективной и субъективной частотности таких следов, как и от наличных ситуаций, мотивов, приоритетов, личностных установок, этнокультурных пристрастий и предубеждений и т.д.

Точно так же невозможно однозначно ответить на вопрос о соотношении значения и смысла слова. Существует мнение, согласно которому значение объективно, принадлежит социуму, а смысл субъективен, вариативен, приписывается слову отдельной личностью в том или ином контексте. Однако экспериментальные исследования процесса идентификации слова и понимания текста показывают, что носитель языка всегда ориентирован на смысл, он исходит из презумпции смысловой нагруженности всего воспринимаемого, вследствие чего нередко смысл приписывается ошибочно, в том числе за счёт фокусирования на неверно выделенных границах между словами, ошибочно акцентированных признаках и т.п. В реальной языковой ситуации для человека значение и смысл феноменологически слиты, поскольку участвуют в двунаправленном процессе означивания на «глубинном» уровне; они осознаются и разграничиваются только в разного рода осознаваемых метаязыковых ситуациях, когда значение слова выводится на уровне сознательного контроля или актуального осознания.

Иначе говоря, нельзя отвечать на подобные вопросы «вообще», без соответствующих уточнений, ориентирующих на определённую исходную «систему координат», т.е. в данном случае – на теоретическую базу трактовки специфики

спонтанного семиозиса. Именно поэтому далее изложение ведётся с использованием последовательно вводимых дефиниций, цель которых состоит в снятии возможности разночтения или неточной трактовки обсуждаемых положений.

Некоторые особенности естественного семиозиса

Предлагаемые ниже ответы на некоторые из поставленных вопросов следует воспринимать как «пробные» формулировки, требующие дальнейших раздумий и обсуждения. Тем не менее, представляется важным привести хотя бы рабочие варианты дефиниций используемых терминов. К числу таких терминов относятся именованные различных составляющих и особенностей естественного семиозиса (далее – ЕС), а также связанных с ним понятий. Выделение некоторых слов курсивом в составе дефиниции означает, что в общий перечень входит и дефиниция соответствующего термина. Порядок представления дефиниций определяется ходом изложения предлагаемой концепции, поэтому отсутствует упорядочение дефиниций по алфавиту.

Итак, под ЕСТЕСТВЕННЫМ СЕМИОЗИСОМ (далее – ЕС) в этой публикации понимается не любой процесс, в котором нечто функционирует как знак (см.: [Моррис 1983: 39]), а взаимодействие ряда процессов, протекающих на разных *уровнях осознаваемости* и имеющих своим продуктом переживание понятности носителем языка и культуры смысла воспринимаемой языковой единицы (слова или текста) или признание оправданности использования некоторого именованного в речи в условиях адаптации индивида как члена общества и личности к естественному и социальному окружению. Далее оба направления семиозиса будут именоваться означиванием, хотя соответствующие процессы не трактуются как «зеркальные»

В работах А.Н. Леонтьева и А.А. Леонтьева выделены следующие УРОВНИ ОСОЗНАВАЕМОСТИ деятельности человека: актуальное сознание, сознательный контроль, бессознательный контроль, неосознаваемое. Выше уже отмечалось, что осознаются только конечные продукты процессов, протекающих на «глубинных» уровнях; это важно помнить при исследовании специфики ЕС, что требует обращения к моделированию речемыслительного процесса и анализу ошибок понимания и интерпретации текста (при встрече с неверно понятым или неточно поименованным происходит переход на более «высокий» уровень осознаваемости).

Следует уточнить, что тем самым предлагаемая трактовка ЕС напрямую увязывается с разграничением *языковой ситуации* и *метаязыковой ситуации*. Под ними понимается следующее.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ – это ситуация общения или понимания текста в естественных условиях, не вызывающих затруднений и не требующих целенаправленного осознаваемого поиска и/или анализа языковых средств, уточнения степени их соответствия замыслу высказывания, ситуации, контексту и т.п.

МЕТАЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ складывается по меньшей мере в следующих случаях: 1) при необходимости осмысления значения слова как опоры для исправления речевых ошибок; в ходе преодоления неоднозначности при встрече с некоторым видом «языковой игры»; при поиске *разделяемого знания* для достижения взаимопонимания в процессе общения; 2) при целенаправленном логико-рациональном анализе языковых явлений в исследовательских целях; 3) в профессиональной деятельности поэта, писателя, переводчика и т.д.

Общим для обеих ситуаций является то, что означивание возможно только через взаимодействие ряда процессов, направляемых как *внешним*, так и *внутренним контекстом*.

ВНЕШНИЙ КОНТЕКСТ – вербальное (текстовое) и невербальное (ситуативное) сопровождение слова, обычно снимающее неоднозначность и ориентирующее на развёртывание поиска необходимых опор (цепочек языковых и энциклопедических выводных знаний) при понимании слова / текста и/или продуцировании сообщения (в условиях языковой игры внешний контекст ориентирует означивание на поиск по ложному направлению).

ВНУТРЕННИЙ КОНТЕКСТ – широкая сеть связей по множеству направлений поиска опор в *мультимодальном гипертексте* предшествующего опыта «для себя» как «свидетельств» правильности идентификации слова / понимания текста или обоснованности использования некоторой языковой единицы «для других» как базы для выхода на *разделяемое* знание.

РАЗДЕЛЯЕМОЕ ЗНАНИЕ – принятое в некотором социуме (от минимальной ячейки общества до этнокультуры в целом) и закреплённое за некоторой языковой единицей толкование, увязываемое с определённым чувственным или мысленным образом, признаком, действием и т.д., обычно регистрируемое в словарях и/или других справочных изданиях, соотносимое с артефактами, памятниками культуры и т.д.

Разделяемое знание является также **РАСПРЕДЕЛЁННЫМ** (в разных смыслах этого слова): а) между членами социума; б) между разными форматами хранения знания как культурного наследия этноса; в) между телом и разумом индивида, его физическими и умственными действиями, которые сопровождаются эмоционально-оценочными переживаниями и т.д.

ДУНАПРАВЛЕННОСТЬ естественного семиозиса вытекает из **двойственной онтологии** значения (см. работы А.Н. Леонтьева и А.А. Леонтьева) как продукта постоянного взаимодействия двух факторов: социального (или социокультурного) и индивидуального (личностного), что требует обязательного соотнесения результатов означивания «для себя» с квантами разделяемого знания, закреплёнными за словоформами, и способами их употребления в речи («для других»). Это определяет **медиативную функцию** значения слова как средства доступа к образу мира индивида (т.е. к «индивидуальному знанию») и как средства контроля соответствия продукта означивания «коллективному знанию».

Принятая линия рассуждений приводит к выводу, что значение слова вовсе не является конечным этапом означивания: оно только указывает нам на ракурс «видения» некоторой ситуации, объекта, действия и т.п. с позиций разделяемого знания, в то время как главным оказывается то, что лежит **за значением** слова в нашем опыте познания и общения и может трактоваться как *мультимодальный гипертекст* нашего образа мира, вне которого означивание оказывается невозможным.

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ГИПЕРТЕКСТ предшествующего опыта – широчайшая сеть продуктов переработки опыта познания и общения посредством перцептивных и когнитивных процессов, сопровождаемых эмоционально-оценочными переживаниями и наличием множественных связей по признакам и признакам признаков, этнокультурная и личностная значимость которых может различаться;

любой признак или признак признака может выполнять функцию своеобразной «гиперссылки», или «аттрактора», актуализируя соответствующие чувственные и мысленные образы и связи между ними как «свидетельства» вероятной достоверности смысла, приписываемого языковой единице / тексту в определённый момент. Фактически речь идёт о самоорганизующейся динамической системе, формирующейся по закономерностям физиологической и психической жизни индивида, но под контролем социума, и функционирующей в качестве *внутреннего контекста*, ориентированного на решение задач адаптации к постоянно изменяющимся ситуациям естественного и социального окружения.

Навигация по мультимодальному гипертексту реализуется через посредство механизма *глубинной предикации* и направляется замыслом высказывания при продуцировании речи или значением воспринимаемого слова через некоторый набор *топов* при взаимодействии внешнего и внутреннего контекста.

НАВИГАЦИЯ в мультимодальном гипертексте – это поиск опор и цепочек выводных знаний в мультимодальном гипертексте предшествующего опыта для переживания понятности и/или достоверности смысла идентифицируемой или используемой языковой единицы; направляется взаимодействием *топов* как продуктов максимальной компрессии смысла, обеспечивающих взаимопонимание между носителями разных языков и культур.

ГЛУБИННАЯ ПРЕДИКАЦИЯ – акт замыкания связи во внутреннем контексте как основание для переживания понятности воспринимаемого или обоснованности использования выбранного именованного некоторого объекта, действия, состояния, ситуации и т.д. Особую роль при этом играют признаки разных модальностей, выведенные из продуктов познания мира и/или приписываемые / мифологизируемые в некоторой лингвокультуре.

ТОПЫ – набор базовых форм мысли, продуктов максимальной компрессии смысла типа: КТО? ГДЕ? КОГДА? КАКОЙ? ЗАЧЕМ? ПОЧЕМУ? и т.д., направляющих *навигацию* в мультимодальном гипертексте и обеспечивающих целостность переживания некоторой ситуации со всеми её составляющими и характеристиками, импликациям, пресуппозициями, возможными следствиями и прогнозами; на осознаваемый уровень выводятся только продукты такого поиска, актуальные для текущей ситуации, в то время как цепочки выводных знаний по линиям других *топов* учитываются на уровне неосознаваемого контроля и в случае надобности могут быть вербализованы.

Обращение к внутреннему контексту через развёртывание цепочек выводных знаний по ряду *топов* может быть в разной мере «широким» и «глубоким», при этом в условиях реального ЕС решающую роль играет достижение уровня *достаточного семиозиса*.

ДОСТАТОЧНЫЙ СЕМИОЗИС – торможение или остановка процессов семиозиса на уровне, обеспечивающем наличие социокультурно *разделяемого знания* как основы для взаимопонимания при общении или при неоднозначности воспринимаемой ситуации (в том числе при чтении текста). Термин *sufficient semiosis* введён в работах: [Ruthrof 1998; 2000] (см. обсуждение: [Залевская 2016]).

Приведённые положения представляются важными для дальнейшей разработки психолингвистического подхода к проблеме ЕС.

Обсуждение некоторых дефиниций и поставленных вопросов

Детальное обсуждение затронутых выше вопросов потребовало бы написания монографии, включающей к тому же более или менее детальный обзор имеющихся точек зрения и соображений. Поэтому ограничусь фокусированием только на отдельных принципиально важных особенностях ЕС.

Прежде всего, следует признать, что по вполне понятной причине предлагаемая трактовка специфики ЕС не согласуется с некоторыми базовыми установками классической теории семиозиса, в том числе с указанием Ч. Морриса на то, что «... общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака» [Моррис 1983: 41]. В нашем случае потребность в такой теории очевидна: исследование естественного семиозиса фокусируется именно на том, что происходит при означивании. Обратим внимание на то, что и сам Ч. Моррис уточняет, что не обязательно отрицать «индивидуальный опыт» процесса семиозиса [Ibid.], Таким образом, речь идёт не столько о противоречии классической теории, сколько о взгляде на семиозис с иной позиции. Представляется возможным ставить вопрос о взаимодополнительности разных подходов к тому, что может пониматься под семиозисом, и если фокусирование на системе отношений между компонентами семиозиса, измерениях и уровнях семиозиса оправдано тем, что «... семиология изучает не мыслительные операции означивания, но только коммуникативные конвенции как феномен культуры (в антропологическом смысле слова)» [Эко 1998: 54], то, наоборот, именно мыслительные операции означивания и то, что с ними связано, выходят на передний план при изучении специфики ЕС.

Обсуждения требуют и расхождения между трактовкой специфики ЕС и такими понятиями «чистой семиотики», как интерпретанта и неограниченный семиозис.

Известно, что разработанная Ч. Пирсом идея семиозиса как перевода не получила «выхода» за пределы системы знаков, поскольку, как подчеркивает У. Эко, «... интерпретанта это не интерпретатор, т.е. тот, кто получает и толкует знак, хотя Пирс не всегда достаточно четко различает эти понятия. Интерпретанта это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора» [цит. раб: 53]. Тем самым имплицитно подразумевается самодостаточность знака, что в более поздних работах самого У. Эко опровергается хотя бы введением понятий «перцептивного семиозиса», «ядерного содержания», «когнитивного типа», «поливариативности» восприятия реальности и интерпретации текста и т.п., а также обсуждением ярких примеров того, как решаются задачи означивания и именованя при встрече с необычными объектами и ситуациями (см.: [Эко 2000]). Представляется также принципиально важным заметить, что рассматриваемые У. Эко понятия ядерного смысла и когнитивного инварианта увязывают разделяемое знание и то, что лежит за словом у индивида, что даёт основания для заключения о фактически имевшем место значительном шаге в сторону выявления специфики естественного семиозиса, в то время как понятие перцептивного семиозиса не согласуется с установкой на исследование актов «чистого сознания» или «чистого разума».

Попытка остаться строго в рамках системы знаков как таковых связана также с работами в области неограниченного семиозиса, в которых речь идёт о возможности многократного перехода от одной интерпретанты к другой, т.е. вербаль-

ного переформулирования. Обратим внимание на то, что при принципиальном расхождении в решении вопроса о возможности / невозможности выхода за рамки вербальных интерпретант, психолингвистический подход принимает саму идею неограниченного семиозиса, поскольку навигация по мультимодальному гипертексту предшествующего опыта может идти как угодно долго и «далеко» по разным направлениям при постоянной динамике этого «живого» внутреннего контекста, который каждый раз «высвечивает» в голограмме образа мира именно то, что актуально «здесь и сейчас», обогащая наше знание и меняя тональность нашего эмоционально-оценочного переживания некоторого объекта, действия и т.д., включенного в наличную или воображаемую ситуацию. Остановка такого процесса при достижении уровня достаточного семиозиса лишь объясняет, почему в реальной ситуации познания и общения нам приходится «притормозить»,

Специфика ЕС определяется, в частности, тем, что символическая функция слова у носителя языка функционирует не сама по себе, взятая в отрыве от процессов познания и общения, а при взаимодействии с другими функциями слова как достояния индивида (см. выше об одной из таких функций – медиативной).

Заключение

В своё время У. Эко в связи с обсуждением взглядов Канта так высказался о сути семиозиса: «... even if he realized that he was reducing knowledge to the knowledge of propositions (and therefore to linguistic knowledge), Kant could not have posed himself the problem, which Peirce was to set himself, that the nature of knowledge was not linguistic but *semiotic*» («... даже если бы он понимал, что сводит знание к знанию пропозиций (и тем самым – к языковому знанию), Кант не смог бы поставить проблему так, как это сделал Пирс: природа знания не языковая, а *семиотическая*») [Есо 2000: 71. Курсив автора, перевод мой. – А.З.]. Слово *linguistic* во многих ситуациях неоправданно переводят как *лингвистический*, что в данном случае с принятием такого перевода приводит к противопоставлению двух научных подходов к семиозису – лингвистического и семиотического. Однако представляется возможным прочесть приведенное выше высказывание У. Эко иначе, т.е. вывести иную проекцию текста (снова вернемся к эпиграфу, взятому из книги Ю.А. Сорокина), а именно: важнее всего **природа знания**. Пирс фокусировался на символической природе знания, Кант – на языковой, сводя понимание текста к пропозиции. Отсюда следует, что **проблема ЕС должна рассматриваться в более широком контексте природы знания и особенностей его функционирования в социуме и в жизни члена социума как личности**. Поскольку языковое знание существует не само по себе и ради себя, а лишь как средство именованного знания о мире, необходимого для пользования этим знанием в жизнедеятельности людей, рассмотрение знаковой функции языковых требует обращения к тому, что лежит за словом в социальном и личностном опыте.

К этому можно добавить, что знаковая функция реализуется во взаимодействии с другими функциями языка, в отрыве от которых её можно рассматривать только в ракурсе логико-рационального теоретизирования. Если речь идёт о ситуации естественного семиозиса, то необходим междисциплинарный (интегративный) подход, ориентированный на целенаправленное исследование и объяснение глу-

бинных механизмов формирования и функционирования продуктов мультимодальной переработки многостороннего опыта взаимодействия человека с естественным и социальным окружением.

Попутно замечу также, что пропозиция – это не конечный элемент языкового знания, а переходный этап между формой мысли и речью: при продуцировании речи пропозиция направляет ход вербальной манифестации, уже заданный актуальным для ситуации «здесь и сейчас» топом как продуктом максимальной компрессии смысла, а при понимании речи / текста пропозиция выводит на наиболее вероятное для текущей ситуации сочетание топов; однако в любом случае это происходит в мультимодальном контексте предшествующего опыта познания и общения.

Литература

Залевская А.А. Некоторые особенности естественного семиозиса // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып. 3. – С. 49–61.

Залевская А.А. Различные подходы к проблеме семиозиса: обзор // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 4 (в печати).

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. – С.37–89.

Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск: УлГУ, 1998. – 138 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

Eco, U. (2000). *Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition.* San Diego, New York, London: Harcourt, Inc. 480 p.

Ruthrof, H. (1998). *Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern.* Melbourne, Melbourne University Press. 321 p.

Ruthrof, H. (2000). *The Body in Language.* London; New York: Cassell. 193 p.

PSYCHOLINGUISTIC PROBLEMS OF SEMIOSIS

Alexandra A. Zalevskaya

Professor of the department of linguistic theory and translation,
Tver State University,
Tver, ul. Zhelyabova, 33
e-mail: aazalev@mail.ru

Psycholinguistic approach to semiosis starts from distinguishing two directions of signification basic for personal adaptation to natural and social environment. Thus, one of the directions leads to shared knowledge including word meanings registered in dictionaries, and the other – to some clues in personal world image treated as a multimodal hypertext of interconnected products of perceptual, cognitive and evaluation-emotional processes. Some problems of natural (spontaneous) semiosis are discussed.

Keywords: semiosis, natural semiosis, sufficient semiosis, the mediative role of word meaning in natural semiosis.

References

Zalevskaya A.A. Nekotore osobennosti estestvennogo semiosisa [Some features of natural semiosis] // Slovo i text: psycholingviisticheskiy podchod. Tver, 2004, vyp. 4. Pp. 49–61.

Zalevskaya A.A. Razlitchnie podchodi k probleme semiosisa: obzor [Different approaches to the problem of semiosis: Review] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2016. № 4/ (in press).

Morris, Ch. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs] // Semiotika. M.: Raduga, 1983, pp. 37–89.

Sorokin Yu.A. Vvedeniye v psycholingvistiku [Introduction to psycholinguistics]. Ulyanovsk, 1998. 138 p.

Eco U. (1998). Otsustvuychaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu [Missing Structure: Introduction to Semiology]. Petropolis,

Ruthrof, H. (1998). Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern. Melbourne, Melbourne University Press. 321 p.

Ruthrof, H. (2000). The Body in Language. London; New York: Cassell. 193 p.

САКРАЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Жельвис Владимир Ильич

доктор филологических наук

профессор кафедры иностранных литератур и языков

Ярославского государственного педагогического университета

им. К.Д. Ушинского

e-mail: v.zhelvis@gmail.com

Анализируются тексты, изначально являющиеся сакральными (Библия) или в силу обстоятельств воспринимаемые как таковые (Шекспир, «!Слово о полку Игореве»). Делается попытка выяснить, что происходит с их сакральным характером, когда они излагаются современным языком. Отношения сакральных и профанных сущностей определяется как очень сложные, не имеющие чётких границ. Профанное и сакральное определяются как два образа одного бытия. Задача перелагателя видится в искусстве наполнить внешне профанный текст сакральным смыслом. Рассматривается проблема сохранения или преобразования оригинального торжественного стиля текста в стиль, приближённый к современному бытовому.

Ключевые слова: сакральное, профанное, переложение.

Совершенно очевидно, что текст, рассматриваемый как сакральный, по определению не может быть точно изложен средствами другого языка по причине неизбежного искажения содержания. Неудивительно поэтому, что тексты Библии, Корана или Торы крайне неохотно переводятся на современные иностранные языки, причём созданные переводы, как правило, используются, главным образом, как вспомогательные, позволяющие «простецам» и неопитам понимать общее содержание священной книги.

Правда, в отношении Библии дело обстоит сложнее, так как, к примеру, православная Библия в её древнеславянском варианте представляет собой перевод, равно как и английская «Библия короля Иакова» или перевод на немецкий язык Мартина Лютера и т.п. Получившие наибольшее признание переводы в данном случае молчаливо признаются единственно правильными и, отсюда, сакральными, не уступающими в этом отношении текстам на арамейском или древнегреческом языках. В практике Русской Православной церкви богослужение проводится только на церковнославянском языке. Считается, что современный русский язык так сильно искажён и засорён, что изложение Священного Писания на нём уже невозможно, в то время как овладеть этим древним языком не так уж и сложно. Впрочем, проповеди, жития святых и другая подобная литература пишутся и произносятся на современном русском языке.

Рассмотрим, что же происходит с сакральными текстами, когда они так или иначе перелагаются на современные языки. Для начала определим самое понятие сакрального.

Из свежих определений этого понятия обращает на себя внимание, в частности, статья на эту тему Г. Казакова (2014). Автор, в свою очередь, цитирует А.П.

Забияко (2014), по которому сакральные сущности воспринимаются сознанием как «принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные». (Лат. sacer – священный). Они требуют благоговейного отношения. Перед нами реальность, но реальность высшего непостижимого уровня, обладающая магическим могуществом. Непостижимое же внушает священный ужас, отчего оно объявляется неприкасаемым и табуируется. Сакральные сущности подлежат почитанию и всевозможной защите. Синонимами и близкими по значению считаются, в частности, «неприкосновенный», «первоосновный», «незыблемый».

Как выражается М.Элиаде, сакральное это *ganz andere*, нечто «совсем другое» (Элиаде 1994 стр. 18). Совершенно очевидно, что «совсем другое» должно и обозначаться соответствующими, «совсем другими», не профанными словами.

Профанное же – от *profanus* – (греч. *pro* – «прежде» или «перед» и лат. *fanum* – святилище, храм) – это нечто обыденное, мирское, посюстороннее, противоположное сакральному. Профанный – лишённый святости, нечестивый. Это уровень обыденного бытия, мирская непрестижная сущность.

М. Элиаде считал главной характеристикой сакрального его противопоставленность профанному (Элиаде: там же).

И в то же самое время М. Элиаде видит глубокую взаимосвязь и взаимозависимость этих двух понятий. Перед нами «два образа одного бытия, две ситуации существования, принимаемые человеком в ходе истории» (Элиаде: 19). И в самом деле, можно видеть, что сплошь и рядом то, что сейчас воспринимается как профанное, в своё время выглядело как сакральное. Здесь полезно вспомнить, что, согласно Священному Писанию, дьявол был некогда ангелом. Образно выражаясь, профанное есть «падшее священное».

Таким образом, перед нами два понятия, которые различаются, имеют каждое свою дефиницию, и одновременно представляют единое целое, являясь двумя образами одного бытия. Принципиально важно, что мирское и священное находятся в прочной и вечной связи. Снижение роли религии в странах европейской цивилизации не означает, что профанное, мирское утратило связь с сакральным. Ср.Элиаде: «Мирское» является лишь новым проявлением той же конструирующей структуры человека, которая до этого проявлялась лишь в «священных» актах (там же, стр. 14).

Границы между сакральным и профанным расплывчаты уже в одной и той же культуре и тем более оказываются таковыми при сравнении разных культур. Понятие, признанное сакральным в одной культуре, не обязательно сакральное в другой. Кроме того, в современном обществе приобретают всё большую сакральность такие сущности, как деньги, положение в обществе и т.п., т.е. сакральность расширяет свою территорию. Сакральное сегодня может, так сказать, переодеться в мирские, профанные одежды, не переставая сохранять прежний духовный смысл.

Это хорошо видно на примере советской идеологии. Ср. «Краткий курс истории ВКП (б)» приобрёл в своё время сакральные признаки Священного Писания, место Бога в сознании целой нации может приобрести образ Верховного Правителя (вождя = «фюрера», «дуче», генерального секретаря, президента и т.п.), в правящих кругах тоталитарных режимов можно обнаружить бывших архангелов, святых и т.п. Утратив в значительной степени религию, человек европейской цивилизации

продолжает испытывать религиозные чувства, создавая себе «золотые кумиры» из профанного материала, обожествляя этот последний. Такова, например, сакрализация в СССР марксизма-ленинизма («Марксизм - вечно живое учение», «Ленин всегда живой») и т.п. То есть священная, идущая от религии риторика активно используется в политических целях. Достаточно вспомнить русский перевод «Интернационала» с его церковнославянскими оборотами и синтаксисом («*Это есть* наш последний и решительный бой», «воспрянет род людской», «проклятем заклеимённый», «гром великий» и т.д.).

В свете сказанного представляется интересным рассмотреть опыт пересказа сакрального текста средствами современного повседневного языка, т.е. с помощью профанного вокабуляра и синтаксиса. Что происходит с сакральным текстом после того, как изменяются средства, его излагающие? Утрачивается или всё же сохраняется сакральная составляющая после исчезновения соответствующих средств? Удаётся ли воссоздать священное пространство с помощью средств профанного мира? В состоянии ли бытовая лексика и бытовой синтаксис наполниться сакральным смыслом?

Г.Казаков (Казаков стр. 137-138) считает возможным выделить, в частности, такие особенности сакрального текста, как адаптивность, терминологичность, стиль и буквальность. Под адаптивностью автор понимает (не)возможность использовать религиозные термины одной культуры для передачи понятий в другой культуре; терминологичность тоже подразумевает трудности использования, скажем, языческих терминов для обозначения христианских понятий; стиль изложения может очень сильно пострадать при пересказе, допустим, текста на арамейском языке средствами современного русского языка; и, наконец, под буквальностью надо понимать (не)возможность употребления слова, обозначающего понятие, отсутствующее в принимающем языке.

Что происходит с текстами в результате подобных трансформаций? Ясно, что *любой* текст в процессе перевода или адаптации в той или иной мере пострадает, утратит какую-то часть смысла, а, может статься, приобретёт и новый смысл. Но если в случае художественного текста с этим как-то приходится мириться, что делать с текстами, где искажение принципиально недопустимо и в то же время неизбежно?

Все эти особенности, пусть с оговорками, но всё же в принципе преодолемы, когда речь идёт о переводе с повседневного современного языка на такой же современный и повседневный. Всё значительно труднее, когда мы говорим о передаче текста сакрального, особенно такого, который приписывается Высшим силам. В таком случае любое искажение может восприниматься как святотатство, кощунство и подлежит осуждению. Мы знаем, что одно время перевод Корана вообще запрещался, а перевод Библии на современный русский язык осуществлён только в конце XIX века и до сих пор не используется в богослужении и служит вспомогательным средством. Протестантский перевод Библии на современный язык скептически воспринимается другими христианскими ветвями.

Трепетное отношение к возможности перевода, пусть в меньшей степени, относится и к нерелигиозным текстам, обладающим особым пиететом. Перед нами сакральность несколько иного рода, когда определённые искажения прославленного оригинала всё же допустимы, но крайне нежелательны, потому что заставляют читателя перевода подозревать подлог. Таковы, например, переводы произведений Шекспира

или переложения на современный русский язык «Слова о полку Игореве».

И при всём при том общеизвестно, что и религиозные тексты, и подобные литературные нередко подвергаются изменениям, часто весьма серьёзным. Как слово Божие, так и слова великого Барда довольно бесцеремонно искажаются. Известны многочисленные версии Писания и буквально бесчисленные трактовки шекспировских пьес. Вероятно, нет ни одного театра в России, где хотя бы один раз не ставили «Гамлета», и всякий раз текст трагедии сокращался (на то, чтобы играть «Гамлета» целиком, потребовалось бы около девяти часов) и изменялся в зависимости от взглядов режиссёра и потребностей публики.

Причин тому несколько. Иногда это вызывается этнокультурной необходимостью, когда, например, требуется перевести «белый, как снег» на язык народа, никогда не видевшего снега. Ср. «И вот рука его побелела от проказы, как снег» (Исх.4;6). В подобных случаях переводчик, если он хочет добиться максимального понимания читателем, вынужден пожертвовать сакральностью во имя понятности и передать «как снег» с помощью другого сравнения, например, «как молоко».

Иногда причины – лингвосоциокультурного порядка, это когда, например, устаревшие обороты перевода английской «Библии короля Иакова» (1611) передаются на современном английском языке.

Английский перевод Библии 1611 года, известный как King James Version, является выдающимся памятником англоязычной культуры, эталоном высокого стиля, безупречного ритма и слога. Однако за 400 лет «Версия» по понятным причинам устарела, и хотя для образованной части населения она всё ещё в целом понятна, возникла необходимость создания текста, более доступного рядовому читателю.

Вероятно, в данном случае целесообразнее говорить не столько о переводе, сколько об адаптации древнего текста применительно к нуждам XXI века. Адаптатор воссоздаёт священное пространство с помощью средств профанного мира. Он освящает бытовую лексику и бытовой синтаксис, наполняя их сакральным смыслом.

Ниже будут рассмотрены отрывки из текстов «Библии короля Иакова», шекспировского «Макбета» и «Слова о полку Игореве» в сравнении с их переводами-переложениями на современный язык.

Начнём с «Версии», отрывка из Jeremiah:

Moreover the words of the Lord came to me, saying, 2.go and cry in the ears of Jerusalem saying, Thus saith the Lord: I remember thee, thy kindness of thy youth, the love of your espousals, when thou wendest after me in the wilderness, in a land that was not sown. 3. Israel was the holiness with the Lord, and the firstfruit of his increase, all that devour him shall offend; evil shall come upon them, saith the Lord.

Тот же текст в современном виде в Holy Bible выглядит так:

The word of the Lord came to me: "Go and proclaim in the hearing of Jerusalem: I remember the devotion of your youth, how as a bride you loved me and followed me through the desert; through a land not sown, Israel was holy to the Lord, the first fruits of his harvest; all who devoured her were held guilty, and disaster overtook them," declares the Lord.

Сравним два текста.

1. Авторы Holy Bible опустили слово moreover, посчитав, по-видимому, что оно ничего не добавляет к смыслу сказанного.

2. Красивый и вполне понятный оборот *Go and cry in the ears of Jerusalem* превратилось в менее яркое, но всё же достаточно выразительное *go and proclaim in the hearing of Jerusalem*. Можно сказать, что фраза стала спокойнее, убавилась патетика.

3. «Свадебная» метафора King James Version сохранена, но *kindness* правомерно заменено на *devotion*. Редкое и очень ёмкое *espousals*, которое, как известно, может означать как брачующихся, как бракосочетание, а также как поддержку, стало просто *bride*.

4. *The land not sown*: уточнено, что речь идёт о *desert*, пустыне, хотя *wilderness* в KJV подчёркивало, вероятно, незаселённость места, где земля не возделывалась человеком.

5. Далее в KJV следует ещё одна метафора, где верный Господу Израиль уподобляется плодам с первого урожая. *Increase* в смысле «прибавление, прибыль» заменено на более понятное в этом контексте *harvest*.

6. *Devour* здесь означает «погубить, поглотить», современное основное значение «пожирать», по-видимому, не смутило авторов Holy Bible, но зато *offend*, совершенно непонятное современному читателю в требуемом смысле, стало *held guilty*, а *evil* заменилось на *disaster*.

Good News Bible, рассчитанная, по всей видимости, на ещё менее просвещённого читателя, излагает текст следующим образом:

The Lord told me to proclaim the message to everyone in Jerusalem. I remember how faithful you were when you were young, how you loved me when we were first married; you followed me through the desert, through a land that had not been planted. Israel, you belonged to me alone; you were my sacred possession. I sent suffering and disaster on everyone who hurt you. I, the Lord, have spoken.”

Весь отрывок представляет собой пересказ события бытовым языком, если не считать частично сохранённую метафору, где союз с Богом уподобляется брачному союзу (*when we were first married*). Правда, немного смущает *first*, с помощью которого может создаться впечатление, что речь идёт о «первом» бракосочетании. Торжественность и патетичность текста полностью снята во имя доходчивости.

Посмотрим теперь, как современные адаптаторы обращаются с текстом шекспировского шедевра. Вот подлинник, Отрывок из 2 акта, первой сцены «Макбета»:

BANQUO:

*What, Sir! not yet at rest? The king's a-bed:
He hath been in unusual pleasure, and
Sent forth great largesse to your officers.
This diamond he greets your wife withal,
By the name of most kind hostess, and shut up
In measures content.*

MACBETH:

*Being unprepared,
Our will became the servant to defect;
Which else should free have wrought.*

Пересказ из on-line edition No Fear Shakespear nfs.sparknotes.com/Macbeth/page_48.html:

BANQUO:

You're not asleep yet, sir?

The king's in bed. He's been in an unusually good mood and has granted many gifts to your household and servants. This diamond is a present from him to your wife for her boundless hospitality.

MACBETH

Because we were unprepared for the king's visit, we weren't able to entertain him as well as we would have wanted to.

Современный вариант свёлся к замене устаревших слов или значений, *largess* стало *gifts*, *officers – household and servants*. *Shut up in measurless content* опущено, по-видимому, как излишний повтор мысли о том, что король доволен приёмом. Упрощён сложный оборот *he greets your wife withal by the name of most kind hostess*.

Но особенно трудно пришлось, действительно, очень сложно выраженному ответу хозяина замка. Буквально сказанное им можно перевести разве что как: «Будучи неготовым, наше желание стало слугой недостатков, иначе оно бы действовало свободно». В современном варианте ответ Макбета расшифровывается без помощи красочной барочной фразы, понять которую, особенно на слух, если она произнесена со сцены, сегодня невозможно.

От шедевра английского перейдём к шедевру русскому. В 1967 г. в серии «Библиотека поэта» под редакцией Д.С. Лихачёва вышло «Слово о полку Игореве» в подлиннике и 15 переводах и переложениях (плюс поэтические вариации на ту же тему). Сравнение всех этих произведений могло бы стать темой самостоятельного исследования. Здесь ограничимся сравнением первых строк подлинника «Слова» и его переводов-переложений.

Подлинник (в современной орфографии):

Не лепо ли ны бяшет, братие, начати старыми словесы трудных повести о полку Игореве, Игоря Святославича? Начатию же ся ти песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню!

Академически точный перевод Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачёва и О.В. Творогова:

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнётся же эта песнь по былям нашего времени, а не по замышлению Бояна!

Перевод неизвестного автора XVIII века:

Коль мило будет нам, братцы! начать древним слогом жалобную повесть о сражении Игоря, Игоря Святославича? начнём же оную по течению деяний того времени, а не по вымыслу Боянову.

Перевод К. Бальмонта:

Нам начать не благо ль, братья, песню старыми словами, песнь, как полк в поход повёл он, славный Игорь Святославич?

По былинам лет тех бывших, не по замыслу Бояна.

Наконец, в качестве курьёза, приведём перевод «под Маяковского»:

М. Тарловский (1938)

Товарищи, старую быль взворошить

Не стоит ли нам для почина,

Чтоб Игорев конный марш изложить,

Рейд Святославова сына?

Мы слогом теперешним речь начнем,

На происшедшее глянув:

Певцу не к лицу изжитый прием,

Ветхий обычай Боянов.

Подведём итоги.

Подобно тому, как какой-нибудь природный предмет (камень, дерево) или артефакт – могила, просфора)) способны приобрести сакральное значение, стать предметом поклонения, но при этом сохранить своё первоначальное значение, т.е. оставаться камнем, деревом и т.д., слова бытового языка способны принять на себя груз священного термина или просто высокого стиля, оставаясь при этом мирским средством выражения смысла. Переводчики и адаптаторы сакрального текста используют эту способность, но одновременно чувствуют ущербность такой трансформации. В результате в большинстве случаев они стремятся сохранить величавость первоначального текста, по возможности придерживаясь прежнего ритма и подыскивая варианты современного вокабуляра, близкие к высокому стилю.

Другое дело, что в данном случае перед нами встаёт вопрос исключительной сложности. Ясно, что понимать тексты, далеко отстоящие от нашего времени, так, как их понимали их современники, мы заведомо не можем. Возможно, что если тексты прошлых веков кажутся нам звучащими, как «медь звенящая и кимвал бряцающий», то ещё вопрос «бряцали» ли они также и для современников? Иными словами, торжественно или по-бытовому просто звучало для слушателей пение «Слова» каким-нибудь слепым гусяром? Скорее всего, второе. Но тогда такое звучание следует воспроизводить и в наши дни, возможно даже в рифму, а не «по замыслению Бояна». Точно также можно усомниться, воспринимались ли тексты кумранских рукописей как сейчас воспринимается торжественный язык Писания, или это был бытовой язык, понятный пастухам и рыбакам того времени. Тогда даже «р-р-революционный» «перевод» М. Тарловского с его «товарищи», «рейд», «конный марш» и т.д. можно считать оправданным?

Однако существует и традиция, согласно которой сакральный текст – это всегда нечто торжественное, резко отличающееся по звучанию от обыденного разговора. Торжественность – неотъемлемая часть сакральности. Каждая идеология создаёт свои сакральные сущности (тексты, празднества, явления искусства, не только иконы), насыщенные духовностью. Вокруг этой сущности возникает соответствующая коннотация

И тогда попытка бытовым языком передать сакральное содержание обречена на неудачу.

Литература

Казаков Г. Социолингвистика сакрального. //Социолингвистические исследования в теории и практике. Междисциплинарный подход. Том1. Gdansk, Wydawnictwo Univewesytetu gdanskiego, 2014. pp.132-142.

Зенкин С.Н. Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2012. – 537 с.

Элиаде М. Священное и мирское. М. МГУ, 1994 – 144 с.

Слово о полку Игореве. Л., Изд. Советский писатель, Ленингр. отд. 2 изд. 1967. – 539 с.

SACRAL TEXT AS AN OBJECT OF CONVERSION INTO A MODERN LANGUAGE

Vladimir I. Zhelvis

Doctor of Philology

Professor of the Department of Foreign Languages and Literatures

Yaroslavl State Pedagogical University

e-mail: v.zhelvis@gmail.com

The author analyzes texts which are or are considered sacral, as the Bible, works of Shakespear, or The Lay of Igor's Campaign. An attempt is made to find out what happens to the sacral nature of the text transformed into a modern language. Relations of the sacral vs the profane are defined as entities of one and the same reality, the dividing line being rough-and-ready. The job of the translator is understood as the art of filling a seemingly profane text with a sacral meaning. Also considered is the stylistic problem of adapting elevated style of the sacral original to the needs of the modern reader.

Keywords: sacred, profane, arrangement.

References

Kazakov G. Sociolingvistika sakral'nogo [Sociolinguistics of the Sacral] // Sociolingvisticheskie issledovanija v teorii i praktike. Mezhdisciplinarnyj podhod. [Sociolinguistic Research in Theory and Practice. Interdisciplinary Approach] Tom1. Gdansk, Wydawnictwo Uniwesytetu gdanskiego, 2014. pp. 132-142.

Zenkin S.N. Nebozhestvennoe sakral'noe. Teorija i hudozhestvennaja praktika. [Undivine sacred. Theory and practice of art]. M.: RGGU, 2012. – 537 p.

Jeliade M. Svjashhennoe i mirskoe [The sacred and the secular]. M. MGU, 1994 144 p.

Slovo o polku Iгореve [The Tale of Igor's Campaign]. L., Izd. Sovetskij pisatel', Leningr. otd. 2 izd. 1967. 539 p.

УДК 81-114.4: 511.12 .35

**ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ КАТЕГОРИИ “ОБЩЕНИЕ”
В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Карданова Асият Каральбиевна

старший преподаватель кафедры английского языка

ИФИ и СМИ КБГУ

КБР, с. Шалушка, ул. Апажева, 37.

e-mail: asyata@yandex.ru

Статья посвящена описанию экспериментального исследования этносоциальной детерминации категории “общение” в поликультурной среде Кабардино-Балкарии. Соответственно объектом **исследования** является функционирование категории “общение” в условиях национальной республики, предметом – степень этносоциальной детерминации информационного и прескрипционного поля исследуемой категории. Материалом послужили данные, собранные в результате психолингвистического эксперимента, основанного на методе субъективных дефиниций. Целью эксперимента было определить наличие информационного ядра, центра и периферии категории, структурировать ее содержание, а также, опираясь на исследование М.В. Шамановой по выявлению субъективных дефиниций слов “общение/ общаться” у представителей русской лингвокультуры, выявить степень универсальности категории “общение”, равно как и возможность ее “обрастания”, или подверженности интерферирующим факторам той поликультурной и полилингвальной, а также социальной среды, в которой она функционирует. Полученные результаты позволили провести сравнительный анализ информационного поля категории «общение» в моно- и поликультурной среде, равно как и определить иерархическую модель предписывающих и запретительных прескрипций категории. В результате анализа полученных данных, автор приходит к выводу о значительном влиянии локальных лингвокультурных факторов на возникновение дополнительных культурно специфичных характеристик категории при сохранении ее универсальных, присущих русскому коммуникативному сознанию, признаков.

Ключевые слова: коммуникативные категории, поликультурная среда, этносоциокультурная интерференция, универсальное и культурно специфичное.

Введение

Исследование содержания коммуникативной категории предполагает обращение к языковому материалу средств ее номинативной и фразеопаремиологической реализации, и, что не менее важно, исследование ее практической объективации, которое позволяет с помощью психолингвистического анализа дополнить информационную и прескрипционную составляющие категории ее “психологически реальным” [Шаманова 2006: 216] или “бытийным” значением [Стернин 2002].

В этом контексте представляется релевантным выявление специфики этносоциальной детерминации категории “общение” в поликультурной среде. Эмпирическим материалом послужили результаты проведенного нами психолингвистического эксперимента, в котором приняли участие 212 свободно владеющих русским языком студентов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова в возрасте от 17 до 21 года, из них 125 – кабардинцев, 30 – балкарцев, 10 – русских и 15 представителей других национальностей Северного Кавказа (ингушей, чеченцев, осетин). Респондентам было предложено продолжить следующие определения, причем каждый мог предложить от двух до пяти дефиниций:

I. “Общение” – это...

1) ... 2)...3)...4)...5)...

II. “Общаться” - значит...

1)...2)...3)...4)...5)...

III. В общении следует...

1)... 2)... 3)... 4)... 5)...

IV. В общении нельзя...

1)... 2) ... 3) ... 4) ... 5) ...

Кроме того, поскольку содержание коммуникативной категории, как уже упоминалось ранее, не ограничивается ее лексической объективацией, каждому участнику эксперимента предлагалось дать развернутый ответ на вопрос “Что для Вас значит общение/общаться?”.

Целью эксперимента было определить наличие информационного ядра, центра и периферии категории, структурировать ее содержание, а также, опираясь на исследование М.В. Шамановой по выявлению субъективных дефиниций слов “общение/ общаться” у представителей русской лингвокультуры [Шаманова 2004], выявить степень универсальности категории “общение”, равно как и возможность ее “обрастания”, или подверженности интерферирующим факторам той поликультурной и полилингвальной, а также социальной среды, в которой она функционирует.

Этносоциокультурная детерминация информационного поля категории “общение” в поликультурной среде (сравнительный анализ)

Итоги эксперимента позволили, в первую очередь, определить, что для принимавших участие в нашем исследовании испытуемых слова “общение” и “общаться” оказались грамматически нетождественными, но содержательно релевантными. Соответственно, мы, вслед за М.В. Шамановой, объединили дефиниции вышеуказанных лексических единиц с незначительной и не искажающей значение слова грамматической корректировкой, например: “делиться эмоциями” на “возможность делиться эмоциями” и т.д. В итоге было получено 756 дефиниций категории “общение”:

1. обмен информацией (включая прием, передачу, возможность поделиться информацией) – 202, в том числе обмен опытом – 24, обмен мнениями, мыслями – 63; разговор – 12; задушевная беседа – 6;
2. дружба, друзья, дружеские отношения – 104, в том числе преданная дружба – 15;

3. необходимость, потребность человека, важная составляющая жизни – 72, в том числе сама жизнь – 10 (общаться – значит жить, а не выживать), дыхание, воздух – 3 (общение человеку необходимо как воздух);
4. социальные сети – 60;
5. возможность поделиться эмоциями, впечатлениями, ощущениями, переживаниями -41;
6. источник знания – 30;
7. умение выслушать собеседника – 29;
8. взаимная поддержка, взаимопомощь – 25;
9. взаимопонимание – 21;
10. знакомство с новыми/интересными людьми – 20;
11. времяпрепровождение (хорошее, веселое, классное, приятное) – 19;
12. радость – 16;
13. взаимодействие людей как членов общества – 14;
14. налаживание связей, контактов – 14;
15. поиск родной души, возможность найти единомышленника – 11;
16. разностороннее развитие – 12, в том числе развитие речи – 4;
17. общность взглядов, интересов – 10;
18. интересные темы для разговора – 10;
19. разговоры по телефону, sms – 8;
20. коммуникация, в том числе фатическая – 7;
21. любовь, встречи влюбленных – 7;
22. доверие – 5;
23. хорошее настроение/ позитивные эмоции – 5;
24. счастье – 4;
25. единичные дефиниции: открытие миру себя, избавление от чувства одиночества; нахождение в центре дружеской компании, социальная активность, польза, умение показать свое “я”, расширение круга знакомых; спор; смех, эстетическое удовольствие; нахождение на одной волне – 10.

Согласно полученным результатам, изменение содержания информационного поля исследуемой категории под влиянием этносоциокультурных факторов можно представить в виде таблицы (см. Таблица №1), где полученные нами результаты сопоставляются с обобщенными данными аналогичного, проведенного в монокультурной среде эксперимента М.В. Шамановой.

Таблица № 1

	В монокультурной среде (по результатам эксперимента, проведенного М.В. Шамановой, данные обобщены)	В поликультурной среде (по результатам собственного эксперимента)
--	---	--

ядро	беседа, разговор, взаимодействие, контакт (24%); обмен информацией, совместное времяпрепровождение и др. (21%); характер отношений собеседников (беседа на равных, тесное общение, деловая связь – 10%);	обмен информацией (26%); дружба (14%); необходимость (9.5 %);
центр	не выделен в оригинальном исследовании	соцсети (8%); возможность поделиться эмоциями, переживаниями (5.4%); источник знания (4%); умение выслушать собеседника (4%); взаимопомощь (3.3%); взаимопонимание (2.7%); знакомства (2.5%); приятное времяпрепровождение и оценочная эмоциональная характеристика общения, например “радость”, счастье, позитив (5.8%);
ближняя периферия	познание (7%); умение разговаривать (5%); круг общения - друзей, семьи, интересных людей (5%); необходимость, потребность (5 %); эмоциональная составляющая общения (4.5%)	взаимодействие (2.2%); налаживание связей (2.2%); поиск родной души (1.5%); развитие (1.5%); общность взглядов, интересов (1.3%); интересные темы для разговора (1.3%);
дальняя периферия	оценочная характеристика общения (в основном положительная – 4%); деловой результат (3%) география общения (3%); проявление качеств человека в общении (3%); эмоциональная характеристика, тематика, содержательность, широта общения, секс (всего 5.5%)	разговоры по телефону, sms (1%); коммуникация, в том числе фатическая (1%); любовь, встречи влюбленных (1%); доверие (0.6%); единичные дефиниции: открытие миру себя, избавление от чувства одиночества, нахождение в центре дружеской компании, социальная активность, польза, умение показать свое “я”, расширение круга знакомых; спор; смех, эстетическое удовольствие; нахождение на одной волне (всего 1.3 %)

По результатам эксперимента “**ядром**” информационного поля категории “общение” можно считать такие дефиниции, как *обмен информацией, дружеские отношения и необходимость*, причем все три в значительной степени пересекаются друг с другом, поскольку *обмен информацией* в половине случаев воспринимается как часть *дружеской беседы, разговоров, обмена мыслями, опытом, необходимое*

как воздух общение с близкими людьми. В этом плане полученные нами данные позволяют прийти к выводу об интерференции лексемы «общение» и замещении ею слов «дружить», «встречаться», «разговаривать». Мы полагаем, что содержание категории «общение» подвергается значительному влиянию культурных факторов в условиях национальной республики, так как *обмену информацией* и *общению* придается глубоко личностный, оценочный характер, с чем и связано смещение ядерных дефиниций, таких, как *разговор, беседа и обмен информацией* в исследовании М.В. Шамановой [Шаманова 2004], на *обмен информацией, дружбу и необходимость, потребность* в полученных нами данных. В этом случае при сохранении такой «базовой» универсальной характеристики, как «обмен информацией», акцент смещается не в сторону бесед и разговоров, а в сторону дружеских отношений, обмена мнениями, потребности человека в общении как дружбе: «Для меня общение – это, прежде всего, необходимая часть жизни, такая, как делиться новостями с друзьями, обмениваться мнениями, проводить вместе время и поддерживать друг друга» (Пример развернутого ответа на вопрос: «Что для вас значит общение/общаться?»)

Эта же ядерная, базовая составляющая информационного поля категории подтверждается ее **центральными** дефинициями, в которые входят *социальные сети* (как способ общаться с друзьями и заводить новых), *взаимная поддержка, взаимопомощь, возможность поделиться чувствами (эмоциями, переживаниями), времяпрепровождение* – хорошее, веселое, классное (которое опять-таки предполагает дружескую компанию), *знакомство с новыми интересными людьми* (как способ завести новых друзей). Совершенно очевидно, что подобная централизация процесса общения вокруг дружеских отношений и связанных с этим позитивных эмоций (радость), равно как и значительное количество реакций, связанных с социальными сетями, соотносится также с возрастом и социальным статусом испытуемых (студенты от 17 до 21), что является очередным подтверждением не только этнокультурной, но и социальной детерминации и интерференции коммуникативных категорий. Что же касается таких центральных определений категории, как *источник знания и умение выслушать собеседника*, то мы полагаем возможным считать их скорее универсальными, нежели культурно специфичными, поскольку желание быть услышанным или узнать что-то новое – это скорее общее свойство человеческой природы вне зависимости от национальной, культурной или социальной принадлежности отдельного человека. Однако степень объективации этого желания в языке и уровень его регламентации в общении представителей той или иной культуры может существенно различаться. Так, дефиниция «умение выслушать собеседника» может также быть обусловлена этнокультурным компонентом присущей для всех народов Северного Кавказа ментальной установкой (прескрипцией) проявлять уважение к собеседнику, в том числе внимательно его выслушивая.

На ближней **периферии** категории находятся и такие определения, как *взаимодействие людей как членов общества, налаживание связей, контактов; поиск родной души, возможность найти единомышленника; разностороннее развитие, в том числе развитие речи; общность взглядов, интересов; интересные темы для разговора.*

И, наконец, на дальней периферии – *коммуникация*, в том числе *фатическая, разговоры по телефону (sms)* и все единичные дефиниции, такие, как *польза, спор и умение показать свое “я”*. Интересно, что *фатическая коммуникация* как универсальная характеристика категории “общение” в большей степени представлена в реакциях жителей маленькой национальной республики, чем в ответах жителей мегаполисов (5 реакций у 212 респондентов в противовес единичной у более чем 900). Мы полагаем, что это связано с большей регламентацией процесса общения и соблюдении большего количества условностей, как, к примеру, необходимости при встрече со знакомым спросить его о здоровье и благополучии его ближайших родственников (данная составляющая информационного поля, в меньшей степени присущая русской лингвокультуре, находит отражение в лакунарных лексических единицах некоторых народов, проживающих на территории республики, например, в слове щIэупщIэн в кабардино-черкесском – дословно, спрашивать, интересоваться, справляться о здоровье близких) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999]. Разговоры по телефону и sms оказались в молодежной среде на дальней периферии вероятнее всего из-за замещения подобного средства общения соцсетями.

Что касается компонентов счастье, доверие, радость и любовь, то они, на наш взгляд, входят в состав таких ядерных и центральных дефиниций, как потребность, жизнь, времяпрепровождение (связанное с приятными эмоциями) и дружба.

Таким образом, информационное поле категории “общение” подвергается интерферирующим национальным и социальным факторам определенной среды, однако изменение его содержания заключается главным образом в смещении ядерных, центральных или периферийных дефиниций, а не в отсутствии или добавлении определений.

Этносоциокультурная детерминация прескрипционного поля категории “общение” в поликультурной среде

Пункты IV и V проводимого опроса были направлены на выявление предписывающих и запретительных прескрипций функционирования категории “общение” в поликультурной среде. Некоторые прескрипции, так же, как и при исследовании информационного поля, по сути повторяли друг друга. К примеру, предписывающая прескрипция “уметь слушать собеседника” пересекалась с запретительной “не перебивать”. Однако в данном случае нам представилось не совсем логичным объединение подобных установок в одну по той причине, что между выражениями “быть вежливым” и “не грубить” существует огромный слой всевозможных оттенков значения, соответственно принцип “разрешено все то, что не запрещено” не вполне применим к характеристике такой многообразной и негласно регламентируемой стороне человеческой жизни, как общение.

В результате обработки ответов на вопрос в виде продолжения фразы “В общении следует” (всего 340 ответов) мы смогли выделить следующие предписывающие прескрипции:

1. слушать/ уметь слушать собеседника – 60;
2. проявлять уважение к собеседнику – 38;
3. проявлять интерес, внимание к собеседнику – 31;
4. уметь воспринимать другую точку зрения, отличную от своей собственной – 28/ быть толерантным – 15, в том числе при споре – 5;

5. уважать старших – 17;
6. быть искренним, откровенным – 16;
7. ясно/логично/последовательно/ изъясняться - 16;
8. уделять внимание всем участникам общения – 14;
9. быть сдержанным - 13;
10. улыбаться и показывать доброжелательность – 12;
11. вести себя естественно - 12
12. поступаться при необходимости своими интересами – 10;
13. уметь аргументировать свою точку зрения - 10;
14. быть тактичным - 8;
15. смотреть в глаза собеседнику – 7;
16. относиться к собеседнику так, как он относится к тебе – 7;
17. учитывать уровень общей эрудиции собеседника – 7;
18. соблюдать субординацию – 6;
19. быть позитивно настроенным – 5;
20. следить за реакцией собеседника – 3;
21. единичные дефиниции – выбирать правильную тактику общения, учитывать невербальные средства общения, быть благоразумным, быть преданным, знать меру.

Запретительные прескрипции, полученные в результате обработки ответов респондентов (всего 389 ответов), указывают на то, что для принимавших участие в эксперименте испытуемых недопустимо:

1. перебивать собеседника – 87;
2. грубить, хамить – 65, в том числе если собеседник не давал повода – 17;
3. показывать свое безразличие собеседнику – 31;
4. быть высокомерным, считать себя умнее – 25;
5. повышать тон, кричать – 23;
6. задевать чувства собеседника – 22;
7. лгать, говорить неправду – 19;
8. отвлекаться на посторонние дела – 16;
9. нарушать границы личного пространства – 16; в том числе быть излишне откровенным относительно своей личной жизни – 7;
10. говорить в основном о себе – 14;
11. быть лицемерным и двуличным – 11;
12. поучать, критиковать собеседника – 12;
13. жевать жвачку (грызть семечки) во время беседы, разговора – 10;
14. использовать нецензурную лексику – 8;
15. навязывать свою точку зрения – 7;
16. сплетничать, обсуждать человека за спиной – 7;
17. смеяться/ издеваться над собеседником – 5;
18. говорить много лишнего – 4;
19. единичные ответы – мстить, быть фамильярным, быть раздражительным, создавать конфликты, поворачиваться спиной собеседнику, оспаривать мнение собеседника, поддакивать собеседнику.

Обобщенные результаты экспериментального исследования прескрипционной составляющей категории можно схематически представить в виде рисунка (см. *Рисунок № 1*), отображающего иерархические отношения предписывающих и запретительных прескрипций соответственно, где широкие основания соединенных пирамид – это необходимые и базовые законы, регламентирующие процесс общения, а их вершины – дополнительные правила, соблюдение которых позволяет достичь высокой степени эффективности общения.

Понятно, что базовыми предписывающими прескрипциями в данном случае являются все связанные с *уважительным отношением* к собеседнику, особенно к *старшему по возрасту, умением слушать, проявлять интерес и внимание, быть искренним и откровенным*. Логичным будет предположить, что данные установки являются универсальными для всех рассматриваемых лингвокультур.

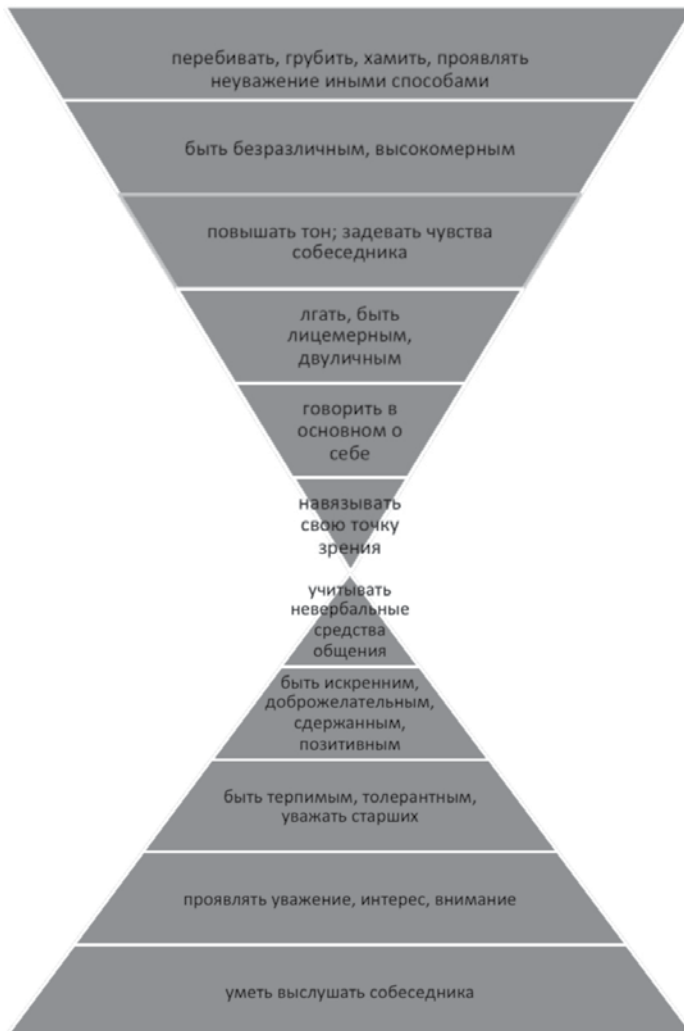

Рисунок № 1

Вместе с тем очевидно, что лидирующие позиции таких прескрипций, как *проявление уважения к старшим и проявление терпимости к противоположной точке зрения* могут также объясняться и этнокультурными факторами объективации исследуемой категории, равно как и такие занимающие если не ядерное, то центральное место установки, как *быть сдержанным и поступаться при необходимости своими интересами*. Остальные установки ближней и дальней периферии являются, как мы полагаем, общекультурными, или универсальными. К примеру, такие прескрипции, как *уметь аргументировать свою точку зрения, быть тактичным, быть позитивно настроенным*, возможно и в силу интерференции соответствующих установок англоязычной лингвокультуры, являются на данном этапе функционирования категории уже универсальными.

Соответственно в запретительных прескрипциях находят отражение такие национальные ментальные установки, как *запрет на перебивание собеседника, грубость, хамство, крики и любое проявление неуважения, в том числе попытки задеть чувства человека или проявить нетерпимость к его убеждениям*. Интересно отметить, что для испытуемых *безразличие* оказывается менее приемлемым в общении, чем *высокомерие, лицемерие и даже ложь*, что в целом соответствует такой характеристике категории “общение” в русской лингвокультуре, как стремление жить для людей и среди людей. Для представителей русской и кабардино-черкесской лингвокультуры *безразличие*, выступающее в качестве нормы для англосаксов, осуждается больше, чем *откровенная грубость*, а *высокомерие* оценивается еще негативнее, чем *использование нецензурной лексики*. Что касается периферийных значений запретительных прескрипций, таких, как *навязывание своей точки зрения, сплетен, и т.д.*, они в целом характеризуют негативную сторону общения в любой культуре.

Полученные в результате эксперимента данные позволяют нам прийти к следующим **выводам**:

~ Категория “общение” сохраняет определенные универсальные, а также присущие для русской лингвокультуры характеристики в полиэтнической среде Кабардино-Балкарской республики.

~ В то же время ее информационная и прескрипционная составляющие подвергаются значительной интерференции национальной культуры и социальных факторов.

~ Изменение содержания информационного поля исследуемой категории заключается в большей степени в смещении дефиниций, а не в их исключении или добавлении новых.

Литература

- Словарь кабардино-черкесского языка . 1-е изд. М.: Дигора, 1999. – 860 с.
- Стернин И.А.* Коммуникативное и когнитивное сознание //С любовью к языку. Москва-Воронеж, 2002. – С. 44-51.
- Шаманова М.В.* Направленный ассоциативный эксперимент как один из приемов исследования содержания коммуникативной категории // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы Международной научной конференции. Белгород, 11-13 апреля 2006 г.: В 2 ч. Белгород: БелГУ, 2006. Вып. 9. Ч. I. – С. 216-221.
- Шаманова М.В.* Психолингвистические методы изучения коммуникативной категории общение в русском языке // Вестник ВГУ.2004. Серия Филология. Журналистика. № 2. – С.96-106.

**ETHNOSOCIAL DETERMINATION OF THE “COMMUNICATION”
CATEGORY IN MULTICULTURAL ENVIRONMENT
(BASED ON A PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT)**

Asiyat K. Kardanova

Senior Teacher of the English department,
Institute of History, Philology and Mass Media,
the Kabardino-Balkar State University
37 Apashev St., Shalushka village, KBR
e-mail: asyata@yandex.ru

The article deals with the description of the experimental research aimed at revealing the degree of ethnosociocultural determination of the “communication” category in multicultural environment of the Kabardino-Balkar Republic. Accordingly its object is the functioning of the category in a national republic, and the subject consists in revealing the degree of ethnosocial determination of the researched category informational and prescriptive fields. The data got as the result of the psycholinguistic experiment based on the subjective definitions method, served as the material for study. The experiment was aimed at defining the category informational core, center and periphery, structuring its content and, with regard to the research held by M.V. Shamanova in revealing subjective definitions of the words “communicate” and “communication”, working out the universal features of the communication category as well as its ability to be interfered with the multilingual and multicultural sphere of its functioning. The results enabled the author to make a comparative analysis of the category informational field in mono- and multicultural environment as well as to define the hierarchy model of instructive and forbidding prescriptions of the category. A conclusion is made of a considerable local lingvocultural interference on the formation of culturally specific characteristics of the researched category, in addition to generally preserved universal ones, inherent in Russian communicative consciousness.

Keywords: communicative categories, multicultural environment, ethnosociocultural interference, the universal and the specific.

References

Slovar kabardino-cherkesskogo yazyika [The Kabardino-Circassian dictionary]. Moscow: Digora, 1999. 860 p.

Sternin I.A. Kommunikativnoe i kognitivnoe soznanie [Communicative and cognitive consciousness]. *S lyubovyu k yazyiku* [With love to language], 2002, pp. 41-51.

Shamanova M.V. Napravlennyiy assotsiativnyiy eksperiment kak odin iz priemov issledovaniya soderzhaniya kommunikativnoy kategorii [The directed experiment as a means of researching the content of a communicative category]. *Edinstvo sistemnogo i funktsionalnogo analiza yazyikovykh edinits: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The unity of linguistic units systematic and functional analysis: Materials of the international scientific conference], 2006, no. 9, pp 2016-2021.

Shamanova M.V. Psiholingvisticheskie metody izucheniya kommunikativnoy kategorii obschenie v russkom yazyike [Psycholinguistic methods of studying the category communication in Russian]. *Vestnik VGU. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. [VSU Bulletin. Series Philology. Journalism], 2004, no. 2, pp. 96-106.

УДК 81'23

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОПЫТЫ Ю.А.СОРОКИНА И ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА

Красильникова Варвара Георгиевна

доцент кафедры иностранных языков

Первого МГМУ им. И.М.Сеченова

Россия, 119991, Москва, ул. Б. Пироговская, д. 2-4

e-mail: iggdrassill@mail.ru

В статье описываются особенности обучения профессионально-ориентированному переводу студентов-медиков. За счет анализа ошибок в учебных переводах выявляются их причины. Предлагается инвариантная система заданий для методического моделирования занятий по переводу.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, обучение переводу, переводческая ошибка, компетенция, денотативная модель, сопоставительный анализ.

Предисловие

В памяти автора этой статьи Юрий Александрович Сорокин остался чутким наставником, оказывавшим неоценимую помощь молодым ученым и щедро делившимся с ними своим опытом и идеями. Личное знакомство автора статьи с Ю.А. Сорокиным произошло в 1992 году, когда начиналась работа над кандидатской диссертацией. Последняя была посвящена психолингвистическим проблемам художественного перевода и выполнялась под руководством ученика Ю.А.Сорокина, В.П.Белянина. В дальнейшем это знакомство переросло в плодотворное сотрудничество.

Проблема интерпретации художественного текста при переводе являлась одной из центральных в многогранном научном творчестве профессора Ю.А.Сорокина. Она до сих пор актуальна в отечественной психолингвистике, как остается актуальным и метод сопоставительного анализа оригинала и перевода, неоднократно используемый Ю.А. Сорокиным в работе с переводами одного художественного текста, предложенными разными переводчиками, либо текстов разных авторов, выполненных одним переводчиком [Сорокин 1998: 49-64].

Введение

Художественный текст, бывший объектом изучения Ю.А.Сорокина, принципиально создает «систематическую альтернативу реальному миру», и, следовательно, любая его интерпретация имеет право на существование и может быть оправдана интерпретационным диапазоном текста.

В переводах текстов другого функционального стиля, например научного, интерпретацией нельзя оправдать изменения, произошедшие в тексте. Поскольку такие тексты призваны отражать объективное знание о некотором фрагменте действительности, их перевод полностью укладывается в денотативную модель, и любое отступление перевода от исходного текста будет рассматриваться как ошибка переводчика.

Проблема переводческих ошибок привлекает к себе внимание исследователей в области переводоведения, методики обучения переводу, критики перевода, а также переводчиков-практиков. Тем не менее, общепринятое определение переводческой ошибки до сих пор отсутствует. Под переводческой ошибкой принято понимать как «грубую неточность, отклонение от нормативного, стандартного, правильного, отступление от правил, нарушение требований» [цит. по Зиновьева 2013]. А также как необоснованное отступление от нормативного требования эквивалентности (т.е. содержательного соответствия перевода оригиналу (по А.Д. Швейцеру), как меру несоответствия перевода оригиналу (по К.В. Миньяр-Белоручеву), или как меру дезинформирующего воздействия на читателя (по В.Н. Комиссарову). Как видим, авторы данных определений в основном оперируют такими синонимами слова «ошибка», как «неточность» или «несоответствие». Они, в свою очередь, часто несут отрицательную коннотацию - «дезинформирующее воздействие». В столь же негативном ключе зачастую осмысляются и причины возникновения ошибок. По Н.К. Гарбовскому, причиной переводческих ошибок является «недостаточная образованность переводчика» [Гарбовский 2004: 514]. Выделяя типы переводческих ошибок, исследователь отмечает, что в их основе лежит следующее: «1) **недостаточное** владение языком оригинала; 2) **недостаточный** когнитивный опыт (т.е. **недостаток** знаний об описываемом в исходном тексте фрагменте окружающей действительности); 3) **невнимательное** отношение к системе смыслов, заключенной в тексте, т.е. **непонимание** того, что автор говорит о предмете; 4) **неумение** различать особенности индивидуального стиля автора исходного речевого произведения» (выделено нами) [Гарбовский 2004: 514-515]. К этому можно было бы добавить неумение пользоваться словарем и справочными источниками, нежелание редактировать текст перевода и т.д.

За обилием негатива скорее всего скрывается здоровое и справедливое раздражение, которое вызывают переводческие ошибки. Однако трудно себе представить, чтобы даже «не обладающий достаточными знаниями и опытом» переводчик добровольно взялся за явно непосильную для себя задачу. Тем более, что в данном случае Н.К. Гарбовский рассматривает перевод только в качестве вида профессиональной деятельности как «общественную функцию коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключённой в исходном сообщении» [Гарбовский 2004: 102].

В учебной же ситуации, когда перевод осуществляется не столько для других, сколько для себя (например, с целью улучшить собственное понимание иноязычного текста или обогатить собственные знания о предметной области за счет иноязычных источников) гораздо важнее понять, на каком именно этапе происходит сбой, приводящий к ошибочному выбору варианта перевода.

Рассмотрим существующие на сегодняшний день классификации переводческих ошибок.

Т. А. Зиновьева и Н. Ю. Никулина [Зиновьева 2013] отмечают, что в переводческой практике обычно наблюдается два основных типа переводческих ошибок: 1) ошибки, возникающие под влиянием родного языка (возникают под влиянием межъязыковой интерференции), 2) ошибки, причины которых коренятся в структуре самого иностранного языка (возникают под влиянием внутриязыковой интерференции). То есть причиной ошибки может быть несформированная у переводчика языковая компетенция.

В другой классификации подчеркиваются связи ошибок с тем уровнем, при переводе которого допущена ошибка, и выделяются ошибки логического, лексического, синтаксического и стилистического характера [Гарбовский 2004: 516]. Последние три уровня имеют отношение к системе языка, а первый – к человеческому мышлению. Таким образом, если последние три типа также представляют собой компетентностные ошибки, то первый тип нельзя объяснить ни с лингвистической, ни с методической точки зрения.

Пытаясь увязать друг с другом разноплановые явления, Н.К. Гарбовский подразделяет ошибки на три группы: 1) ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста (ошибки на уровне «знак-понятие», ошибки на уровне «знак-сложное понятие», ошибки на уровне «знак-суждение»); 2) ошибки понимания предметной ситуации; 3) ошибки на этапе перевыражения смыслов (невозможность подобрать эквивалент в языке перевода, стилистические ошибки).

Иными словами, первая группа ошибок связана с восприятием языковой формы исходного текста, вторая – с недостатком фоновых знаний, третья – с производством текста на языке перевода.

Классификация, предложенная Д.М. Бузаджи и др. [Бузаджи 2009] в целом соотносится с классификацией, упомянутой выше, но включает четыре группы ошибок: 1) нарушения при передаче смысла, связанные с денотативным содержанием текста; 2) нарушения, связанные с передачей стилистической характеристики оригинала; 3) нарушения, связанные с передачей авторской оценки; 4) очевидные нарушения нормы и узуса переводящего языка.

Комментируя возможные причины возникновения ошибок в тексте перевода, авторы указывают, что ошибки первой группы (*нарушения, связанные с передачей денотативного содержания текста*) могут являться следствием недостаточной языковой подготовки (переводчик неверно понимает значения слов, смысл высказываний, фрагментов, не умеет правильно интерпретировать логическую и логико-коммуникативную структуру высказывания). Ошибки второй группы (*нарушения, связанные с передачей стилистических черт оригинала*) чаще всего возникают от недостаточно чёткого представления о типологических различиях английского и русского языков. А также от непонимания необходимости различения языкового и авторского в оригинале и переводе, и от непонимания закономерного характера ряда переводческих преобразований. Упомянутые преобразования должны выполняться с учётом частотности соответствующих языковых явлений в ИЯ и ПЯ в целом, в аналогичных функциональных стилях и жанрах ИЯ и ПЯ. Ошибки третьей группы (*нарушения, связанные с передачей авторской оценки*) нередко возникают от неумения оценивать смысл целостного текста с учётом фактора автор-

ской позиции. А также определять, какая система языковых средств для выражения авторской оценки присутствует в тексте оригинала, и каковы возможности её воспроизведения в переводе средствами ПЯ (которые могут частично не совпадать со средствами ИЯ). Наконец, ошибки четвёртой группы говорят о недостаточной нормативно-узуальной языковой компетенции (грамотности) переводчика в ПЯ.

Из сказанного выше становится ясно, что предложенная классификация была разработана для оценки качества перевода безотносительно к функциональному стилю и жанру исходного текста. Но она может не работать, если мы имеем дело с переводом как учебным заданием на материале профессионально-ориентированного текста, соотносимого с научным стилем.

Наконец, нельзя не упомянуть классификацию ошибок, традиционно применяемую для оценки учебного перевода, в согласно которой ошибки подразделяются на ошибки смысловые, грамматические, лексические, стилистические, орфографические и пунктуационные. Недостаток данной классификации состоит в том, что смысловые ошибки могут рассматриваться как лексические или грамматические и, наоборот, в зависимости от точки зрения преподавателя, проверяющего работу. В учебном процессе это приводит к выбору неадекватных методических приемов для предотвращения ошибок (например, работа со словарем вместо работы с текстами, описывающими реальную ситуацию), а во время проверки контрольных или экзаменационных работ – к необъективной их оценке.

Ошибки денотативного плана в учебных переводах студентов-медиков

Работая со студентами-медиками в рамках учебного курса «Основы медицинского перевода», мы столкнулись с большим разнообразием ошибок, которые не укладываются в традиционные классификации. Возможно, это происходит потому, что переводческая деятельность, в рамках которой они созданы, не является профессиональной. С психолингвистической точки зрения, они четко распределяются по этапам порождения речевого высказывания, и часто действия преподавателя при работе с такими ошибками являются очевидными. Тем не менее, в учебных переводах встречаются ошибки, которые буквально ставят преподавателей в тупик. Мы условно назвали их «ошибками вне классификации»

Под «ошибкой вне классификации» мы будем понимать «продленную» ошибку, возникающую в учебном переводе, реализованную на протяжении речи от простого предложения до сверхфразового единства. Отличие ее от обычной смысловой ошибки состоит в том, что весь производимый на языке перевода текст с очевидностью лишен смысла. Студент не может объяснить, что он имел в виду, создавая его, какую, по его мнению, автор описывал ситуацию на исходном языке, и утверждает: «Я не знаю, что это значит, но здесь так написано».

Примерами такой «продленной ошибки» могут быть следующие фрагменты:

Digested food leaves the stomach in the form of chyme. - Пищеварение осуществляется листочками желудка под звон колокольчиков.

Bones of the lower limbs are fastened to pelvic bones, those of the upper extremities extend from the shoulder girdle. - Кости верхних конечностей исходят из нижних конечностей.

The mitotic apparatus of plant cell is different from that of animal cell. - Митотический аппарат растительных клеток отличается от растительных клеток животных.

I know the structure of the heart better than that of the lungs. - Я знаю, что структура сердца лучше, чем структура легких.

Преподаватели часто отказываются анализировать такие ошибки, но с нашей точки зрения необходимо всегда рассматривать тот положительный результат, которого достиг студент при работе с текстом.

Проанализировав первый пример, мы можем отметить, что студент корректно опознал лексические значения двух слов-терминов: «digested» и «stomach», то есть, правильно определил общую профессиональную тематику текста. Поняв общую тему, студент произвел на языке перевода очевидно бессмысленное предложение, записал его, перечитал и сдал преподавателю. Предположительно ошибка вызвана не недостатком знаний о предметной ситуации: ситуация не сложна и знакома студентам еще по школьному курсу биологии. Очевидно, что наличествует мотив для производства речевого высказывания, так как имеется само высказывание (сущность этого мотива может быть предметом отдельного исследования). Наличествует тема (о чем высказывание), но нет ремы (то, что говорится о теме, лишено смысла). Таким образом, причины порождения «продленных» ошибок можно отнести к этапу формирования замысла высказывания. С другой стороны, мы имеем дело не с невозможностью, а с нежеланием извлекать из исходного текста смыслы. В реальной жизни при отсутствии мотива речевое высказывание не производится. В учебной ситуации подлинный мотив - выразить определенное смысловое содержание, подменяется иным - например, сдать письменную работу. «Продленные» ошибки свидетельствуют также об определенном отношении к тексту оригинала как потенциально не подлежащему осмыслению. А само чтение текста, его перевод и процедура сдачи работы преподавателю, как и само присутствие на занятии, приобретают в современной карьерной образовательной среде условно-игровой (близкий к формализованному ритуалу) характер.

Следующая группа ошибок охватывает достаточно широкий круг случаев, который можно объяснить сбоями на разных этапах производства речевого высказывания. Первый вид подобных ошибок можно было бы назвать неуместным употреблением терминов и общенаучной лексики. Например:

Bones of the lower limbs are fastened to pelvic bones, those of the upper extremities extend from the shoulder girdle. - Кости нижних конечностей прикреплены к ключицам.

The heart is located in pericardial cavity. - *Сердце находится внутри легкого.*

From the left ventricle the blood is pumped into the aorta. - *Из левого желудочка сердце попадает в аорту.*

Composition of air in the lungs... - *Образование воздуха в легких...*

Physiologists consider the hypophysis to be the chief endocrine gland. - *Гипофиз считается главной цитовидной железой.*

The bladder is emptied through the urethra. - Мочевой пузырь проходит через уретру.

Такие ошибки обычно возникают при выполнении письменного задания, фиксируются на письме, не замечаются студентом при проверке работы и, следовательно, не редактируются. Обычно студент правильно реагирует на просьбу

преподавателя: «Покажите, где находятся ключицы; покажите, где находятся кости нижних конечностей». То есть эти ошибки не связаны с незнанием студентом предметной ситуации, описанной в исходном тексте. Как правило, после этого студент обнаруживает собственную ошибку и исправляет ее. Такие ошибки нельзя в полной мере считать ошибками-описками, так как отсутствие самокоррекции в данном случае может свидетельствовать о неверном ассоциировании термина с понятием. Именно требования корректного соотношения понятийного и терминологического профессионального метаязыка является содержанием профессиональных компетенций. Следовательно, подобные ошибки можно считать компетентностными.

Еще один вид ошибок затрагивает как терминологическую, так и нетерминологическую лексику. Он соотносим с этапом лексико-грамматического развертывания высказывания. Сформировав грамматически верную схему будущего высказывания, неопытный переводчик заполняет ее лексическими единицами, значения которых, как ему кажется, ему известны, поэтому он не дает себе труд проверить их по словарю. Неверный выбор можно объяснить похожим звучанием и написанием слов в английском языке. В следующих примерах путаница возникла за счет похожего звучания и написания слов: *stomach (E) – stomata (Lat); invite (E) – invade (E); heat (E) – heart (E) – head (E); oxytocin (E) – oxygen (E)*.

Например:

All or part of the walls and lining of internal organs such as the heart, the stomach, the intestines and the blood vessels are muscular. - *Вся или часть стенок или впадин внутренних органов, таких как сердце, зубы, кишки или кровеносные сосуды, состоит из мышц.*

Parasites invade the body. - *Паразиты приглашают тело.*

Galen thought that the heart was the source of heat in the body. - Гален считал, что сердце было источником в теле головой.

The posterior lobe of the hypophysis secretes oxytocin. - Задняя доля гипофиза секретирует кислород.

Ошибки подобного рода также можно считать компетентностными. Но если в предыдущем случае речь шла о недостаточно сформированной профессиональной компетенции, то в данном – о языковой.

То обстоятельство, что очевидная бессмысленность предложений на русском языке не вызывает потребности их отредактировать и разобраться в системе смыслов исходного текста, косвенно свидетельствует об отсутствии образа результата. И это снова возвращает нас к мотивационному уровню производства речевого высказывания.

При переводе многозначных слов студенты ориентируются на первое (или единственное) значение слова, которое они обнаруживают в доступном им словаре.

Например:

The liver is a solid reddish-brown organ. - *Печень – это твердый красноватый орган.*

This pain refers to the left shoulder or elbow. - Боль относится к левому плечу или локтю (вариант перевода: Боль ссылается на левое плечо или локоть).

The heart consists of 4 chambers. - *Сердце состоит из четырех комнат.*

The heart is a hollow organ. - Сердце – это пустой орган.

В результате при переводе порождается предложение, противоречащее ситуации в действительности (как в первом и третьем примерах) или нарушается сочетаемость переводящего языка (как во втором примере). Такие ошибки не корректируются студентом самостоятельно, и на них необходимо указывать. Хороший результат при этом достигается, если попросить студента припомнить, например, какова печень на ощупь и насколько она твердая. Такие просьбы возвращают студента от текста к ситуации в действительности и, как правило, он делает выбор в пользу более корректного (соответствующего ситуации) варианта перевода.

Обсуждение речевого материала

Рассмотрение переводческих ошибок как своего рода «отрицательного материала», позволяющего по косвенным данным судить о процессах производства высказывания, происходящих при переводе, имеет свою историю. А. Б. Шевнин, например, выделяет эрратологию (своего рода теорию ошибок) как отдельное направление в переводоведении [Шевнин 2005].

М. Дебрэнн, в свою очередь, употребляет схожий термин - «девиат» и, соответственно, «девиатология». «...Объектом девиатологии можно считать условия возникновения девиатов и сами девиаты в речи тех, кто изучает Я 2 [иностраннный язык]...» [Дебрэнн 2006].

В рамках этой теории, ошибки в речи обучающихся рассматриваются как положительное явление, свидетельствующее о формировании «переходной компетенции». Не обсуждая возможность построения какой-либо теории профессиональной переводческой деятельности, рассмотрим, какой материал для понимания процесса обучения переводу как виду речевой деятельности может дать анализ ошибок в учебных переводах студентов-медиков.

Рассмотренные нами выше три вида переводческих ошибок демонстрируют своеобразное отношение студентов к тексту. Для них как будто существует два рода действительности: «действительность жизни» и «действительность текста», которые иногда пересекаются, но имеют друг к другу весьма косвенное отношение, то есть они представляются им изоморфными. Например, в «текстовой действительности» *сердце может находиться внутри легкого, человеческий организм может содержать растительные клетки* и, наверное, *вследствие этого выделять кислоту*. В «действительности жизни» подобные фрагменты картины мира студентами отрицаются. Следовательно, у студента отсутствует представление о том, какая информация может содержаться в тексте научного стиля, а какая нет, что объясняется недостаточностью развития языковой компетенции.

Предотвращению подобных ошибок вряд ли будет способствовать работа со словарем, потому что студенту непонятно, на что ориентироваться при поиске необходимого значения слова. Более логичным представляется предварять занятие по переводу работой с текстами-образцами, предъявляемыми в качестве рецептивной основы для предпереводческой рефлексии. Таким образом, мы сможем вернуть их к денотату при использовании в обучении переводу соответствующей модели – денотативной модели перевода.

Резюме

Ошибками денотативного плана не исчерпываются «девиации» в учебных переводах студентов-медиков. Однако если другие виды ошибок связаны с недостаточным развитием компетенций в области родного или иностранного языка, то ошибки денотативные далеко не всегда отражают связь термина с несоответствующим ему денотатом (что соотносимо с одной из профессиональных компетенций).

Для предотвращения денотативных ошибок может быть выработана система упражнений, включающая рецептивные задания для проверки предпосылочных знаний на русском и иностранном языках, работу с микротекстами на русском и иностранном языках с задачей соотнести их с темой и обосновать свое решение, а также работу с текстами-образцами по поиску языковых клише, характеризующих научный стиль речи (словосочетания или предложения), и специальных терминов по соответствующей тематике сначала на русском языке, потом – на иностранном языке.

Изучение денотативных ошибок может быть полезно для понимания начального этапа обучения переводу, не зависимо от типа переводимого текста.

Литература

Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М.: ВЦП, 2009. – 120 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004. – 544 с.

Дебрени М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии. Новосибирск: НГУ, 2006. – 375 с.

Зиновьева Т.А., Никулина Н.Ю. Переводческая ошибка. Понятие, причины, классификация// Современная филология. Уфа: Лето: 2013. – С. 107-109.

Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск: Ульяновский ГУ, 1998. – 138 с.

Шевнин А.Б. Эрратология и межъязыковая коммуникация// Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 2. – С. 36-44.

Шевнин А.Б. Эрратология. Екатеринбург: Уральский ГПУ, 2003. – 205 с.

**TRANSLATION EXPERIMENTS OF Yu. A. SOROKIN
AND THE PROBLEM OF PROFESSIONALLY-ORIENTED TRAINING
IN TRANSLATION**

Varvara G. Krasilnikova

Associate Professor

Department of Foreign Languages

I.M.Sechenov First Moscow State Medical University

2-4 Bolshaya Pirogovskaya st., Moscow 119991, Russia

e-mail: iggdrassil1@mail.ru

The article describes special aspects of teaching medical students translation for professional purposes. The failure to produce a coherent text in Russian is analyzed through translation mistakes.

Keywords: professionally-oriented training, translation practice, translation mistake, competency, denotative approach.

References

Buzadji D.M., Gusev V.V., Lanchikov V.K., Psurtsev D.V. Novyj vzglyad na klassifikatsiju perevodcheskikh oshibok [A new outlook for translators' mistakes classification]. M.:VTSP, 2009. 120 p.

Garbovskij N.K. Teorija perevoda [Theory of translation]. M.: MGU, 2004. 544 p.

Debrenn M. Teoreticheskiye i prikladnyje aspekty mezhjazykovej deviatologii [Theoretical and applied aspects of interlingual deviatology]. Novosibirsk: NGU, 2006. 375 p.

Zinovjeva T.A., Nikulina N.Ju. Perevodcheskaya oshibka. Ponyatiye, prichiny, klassifikatsiya [Translation mistake. Concept, causes, classification]// *Sovremennaja filologija*. Ufa: Leto, 2013. P.107-109

Sorokin Ju.A. Vvedeniye v etnopsycholingvistiku [Introduction to ethnopsycholinguistics]. Uljanovsk: Uljanovskij GU, 1998. 138 p.

Shevnin A.B. Erratologija i mezhjazykovaja kommunikatsija [Erratology and interlingual communication]// *Vestnik VGU. Serija "Linguistika i mezhkulturnaja kommunikatsija"*. 2004. #2. pp. 36-44.

Shevnin A.B. Erratologija [Erratology]. Jekaterinburg: Uralskij GU, 2003. 205 p.

**ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ РУССКИХ
АВТОРОВ)****Масленникова Евгения Михайловна**

доцент кафедры английского языка, Тверской государственной университет
170043, Тверь, Октябрьский проспект, д. 79, кв. 19
e-mail: e-maslennikova@inbox.ru; evegeniyam@mail.ru

Художественный ТЕКСТ изначально ориентирован на ценности, понятия, концепты, образы, закреплённые в нём как национально-специфические составляющие параметры соответствующего национально-лингво-культурного сообщества. Переводчик часто начинает с того, что толкует и излагает ограничения своего социума, «реконструируя» исходный текст, руководствуясь личностной установкой («что—есть—текст—для—меня—здесь—и—сейчас»), в том числе исходя из степени (не) актуальности оригинала относительно идеологической картины мира, сложившейся в принимающей текст культуре. В попытке добиться определённого коммуникативного эффекта переводчик ориентируется на конкретного читателя, существующего в системе принимающей культуры. Перевод как вторичный текст представляет собой результат особой полноценной двуязычной текстовой коммуникации и способен стать инструментом мощного идеологического воздействия. Первые англоязычные переводчики произведений русских авторов, выбирая и отбирая тексты для перевода, руководствовались несколькими параметрами: дать историко-страноведческую информацию о России; подтвердить или опровергнуть сложившиеся стереотипные представления о России и о русских; представить и описать национально-культурную спецификацию страны и её жителей. Рассматриваются случаи использования переводов в качестве инструмента идеологического воздействия на принимающую аудиторию.

Ключевые слова: текст, перевод, интерпретация, лингвокультурные сценарии, стереотипы.

Художественный текст репрезентирует модель определённой культуры и систему присущих ей норм и ценностей, представляя читателю совокупность лингвокультурных сценариев и культурологической информации. Часто воплощаемая в текстах культура становится тем источником, по которому не-носитель языка начинает ориентироваться относительно её национально-специфических компонентов. В ситуации перевода, где переводчик получает статус билингвальной личности, наиболее активно проявляется специфика индивидуального и национального сознания. Если образ мира есть «пятое психологическое измерение мира и, следовательно, это создание личности», то для процесса формирования образа мира личности детерминантами будут «воспринимаемый объект и субъект восприятия, помещённый в открытый для субъекта реальный мир, уже освоенный субъектом и служащий для него системой ориентиров» [Тарасов 2008: 9].

Сложившейся на Западе мифологизированный образ РУССКИХ в большей степени связан с устоявшимися лингвокультурными сценариями и легко опознаваемыми типажам, постепенно перешедшими в оппозицию СВОЙ « ЧУЖОЙ. Анализ данных из «Исторического корпуса американского английского» (<http://corpus2.byu.edu/coha>), «Британского национального корпуса» (<http://bnc.bl.uk>), «Британского национального корпуса» (<http://corpus.byu.edu/bnc>), «Корпуса современного американского английского» (<http://corpus.byu.edu/coca/>), художественных произведений и публицистики английских и американских авторов показал, что в образе THE RUSSIAN(S) преобладает ярко выраженный эмотивно-оценочный компонент. THE RUSSIAN(S) получают следующие оценочные характеристики: храбрость, показная набожность, азарт, неуважение к чужой и собственной жизни, беспечность, неорганизованность, склонность к тирании, продажность, готовность к предательству ради денег, двуличность, доносительство, мстительность, любовь к выпивке, лень [Масленникова 2012, 2014].

Первые сведения о России и её жителях, их обычаях, нравах и образе жизни англичане получали из путевых дневников и воспоминаний первых путешественников. Р. Гаклюйт / Richard Hakluyt (1522? –1616) упоминает о посещении в 1243 году неким англичанином земель татар и самоедов (Samoedos) и подробно пишет о приёме, оказанном английскому мореплавателю Р. Ченселору / Richard Chancellor (?–1556) царём Иваном Грозным [Hakluyt 1589]. Интересный историко-литературный факт представляют собой стихотворные послания, отправленные поэтом Дж. Тербервилем / George Turberville (ок. 1540 – до 1597) на родину из Москвы, куда он попал в 1568 году в качестве секретаря посольства. Эти три письма, изобилующие многочисленными реалиями (*colpacke, rubasca, portkies, suba* и т.д.), входят во все переиздания книги Р. Гаклюйта.

Дж. Тербервиль объясняет черты характера русских суровым климатом страны (*But that the countrey is too colde, the people beastly bee*) и тяжёлыми условиями труда на земле (*The hardnesse of the soile, and eke the maners of the men*). Кстати, позднее английский политик и филолог Дж. Гаррис / James Harris (1709–1780) подверг сомнению возможность существования досуга и литературы в стране с необычайно холодным климатом и долгой зимой [Harris 1781]. Побывавший в России У. Кокс / William Coxe (1747–1828) не соглашается с авторами, которые объясняют отсутствие литературы в России её холодным климатом: ведь в те времена, когда Польша и Швеция не имели письменности, инок Киево-Печерского монастыря Нестор работал над своими летописями [Coxe 1784]. В XIX в. Ф.Р. Грэм / F.R. Grahame (1838–1923), наоборот, объясняет повышенный интерес у русских к литературе долгими зимами, когда требуется занять время и избавиться от скуки («... literature will become in greater request than it is even at present, to beguile the long tedium of the winter snows»). При этом созерцательность и склонность русских к философствованию («The Russian character <...> appears to be far more philosophical and contemplative than active and mechanical, and hence more adapted to literary pursuits than to the development of extraordinary inventions in machinery and science...») способствует развитию литературы, но препятствует техническому прогрессу [Grahame 1865]. Интересно, что Дж. Свифт (1667–1745) в «Битве книг» / «A Full and True Account of the Battel Fought Last Friday, etc.» (1697) называет местожительством Литературной Критики архипелаг Новая Земля / Nova Zembla.

Итак, какими увидели русских первые английские путешественники? Грубые русские (*people passing rude*) подвержены различным порокам (*to vices vile inclinde*), главным из которых является пьянство (*Folke fitting to be of Bacchus' trayne, so quaffing is their kinde, / Drinke is their whole desire, the pot is all their pride*): гости стараются напиться, а не наесться (*And if he goe unto his neighbour as a guest, / He cares for litle meate, if so his drinke be of the best*). Русские толстые, потому что много едят (*The Russie men are round of bodies, fully faste, / The greatest part with bellies bigge that ouerhang the waste*). Дж. Тербервиль отмечает азартность русских (*At play when siluer lacks, goes saddle, horse, and all...*).

Дж. Тербервиль подробно описывает долгие холодные русские зимы, особенности земледелия и скотоводства в России. Свои дома русские строят исключительно из дерева и конопатят их мхом (*No stonework is in use, their roofes of rafters be, / One linked in another fast, their walls are all of tree; / Of masts both long and large, with mosse put in betweene*), в окна вставляют не стекло, а слюду (*They have no English glasse, of slices of a rocke, / Hight Sluda, they their windowes make, that English glass doth mocke*). На дровах русские не экономят (*In euery roome a stoue, to serue the winter turne, / Of wood they haue sufficient store as much as they can burne*). Наверное, в качестве одной из причин, заставляющих переводчиков обращаться к «Сказке о рыбаке и рыбке» (1833, опубликована – 1835) А.С. Пушкина (1799–1837), можно назвать сложившиеся идеалистические представления о патриархальной России. Существует 17 (!) переводов сказки на английский язык, но её первыми переводчиками стали выходцы из России: участник революционного движения Г.Е. Гуревич (1854–1929), эмигрант из России и основатель «Общества русской культуры им. А.С. Пушкина» / «The Pushkin Society» Б.Л. Бразоль / Boris Brasol (1885–1963), дочь эмигрантов Э. Бубешко / Emilia Bubeshko (1911–1987).

Н.В. Уфимцева указывает, что «именно Православие является тем системообразующим фактором, который определял и определяет внутреннюю суть русской культуры (центральную зону культуры) и менталитета русских» [Уфимцева 2008: 66]. Дж. Тербервиль обращает внимание своих корреспондентов на набожность русских (*The stranger bending to the god, the ground with brow must beat*), в доме которых обязательно имеется образ Божий (*Their idoles haue their heartes – on God they never call, / Unless it be (Nichola Bough) that hangs against the wall. / The house that hath no god or paynted saint within, / Is not to be resorted too – that rooffe is full of sinne*). Однако он подвергает их благочестие сомнению: ведь оно облачено в тряпье и грязные одежды (*Their crosses, unto which they crooch, and bless themselves with / Devoutly downe they ducke with forehead to the ground, / Was neuer more deceit in ragges and greasie garments found*). Англичанин шокирован привычкой женщин сильно и ярко красить лицо (*Upon some womens cheekes the paynting how it lies, / In plaister sort for that too thick, her face the harlot dies*), чем они напоминают ему падших женщин (*harlot*).

Если Дж. Тербервиль пишет, что при ведении торговых дел русские способны обмануть (*And yet they follow fleshly lustes, their trade of living badde. / It is no shame at all accounted, to defile / Anothers bedde, they make no care their follies to concile*), то путешествующего по России журналиста М. Бэринга [Baring 1910] удивила необычайная открытость русских и их способность признаваться в постыдных поступках, нарушениях норм морали и даже трусости.

Над томом «The Humour of Russia» [The Humour ... 1895] из выпущенной серии «Library of Humour» работали Э.Л. Войнич / Ethel Lillian Voynich (1864–1960) и революционер-народник С.М. Кравчинский (1851–1895), чья пропагандистская «Сказка о копейке» (1873) о том, как *выдумал чёрт попа, барина и купца и напустил их на мужика*, также вошла в сборник. Нашедшие убежище в Англии русские революционеры оказали огромное влияние на рост антирусских и антироссийских настроений в мире [Peaker 2006]. В Лондоне в круг русских политических иммигрантов входила не только Э.Л. Войнич, но и переводчица К. Гарнетт / Constance Garnett (1861–1946). Русский юмор представлен 19 произведениями, среди которых «Женильба» (1833–1835), «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя (1809–1852), пьесы «Не сошлись характерами» (1858) и «Семейная картина» (1847) А.Н. Островского (1823–1886), скетчи И.Ф. Горбунова (1831–1896) о необразованных купцах «Травиата» (1872), из русского быта «У мирового судьи» (1870) и «У квартального надзирателя» / (1870), где показана продажность правосудия. При переводе из рассказа «Спевка» / (1862) В.А. Слепцова (1836–1878) осталась только та часть, где говорится о том, что репетиция церковного хора закончилась совместным распитием водки регентом и дьячком. О «вреде» излишней образованности можно узнать из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) «Орёл-меценат» (1884), жанр которой представлен как басня (fable). По мнению С.М. Степняка-Кравчинского мораль другой сказки «Самоотверженный заяц» (1886) в том, что царский режим привил людям чувство рабской верности и покорности («... the feeling of loyalty under a regime which consists of brutal violence erected into a system»). Живший в России журналист, писатель и поэт М. Бэринг [Baring 1910] также отмечает среди черт русского национального характера пассивность и покорность перед судьбой, причём эта покорность напоминает ему восточный фатализм. Проглоченного крокодилом чиновника из фантастической повести Ф.М. Достоевского (1821–1881) «Крокодил» (1865) больше всего беспокоит реакция начальства на происшедшее. Рассказы Г.И. Успенского (1843–1902) «Паровой цыплёнок» (1889) и «Маленькие недостатки механизма» (1882) показывают трагедию «маленького человека», который подвергается различным унижениям. Предложенный отрывок из книги «Помпадуры и помпадури» (1863–1874) М.Е. Салтыкова-Щедрина, получившего в переводе название «The Recollections of Onesime Chenapan», позволил высмеивать бюрократический аппарат царской России, систему политического сыска, поощряемые доносительство и провокации. Английскому читателю показали образ француза, готового за деньги даже поменять веру. Псевдо-воспоминания француза пародируют нелепости и неточности, которые часто встречаются в мемуарах иностранцев, написанных после их возвращения из России, или в книгах на псевдорусские сюжеты. Э.Л. Войнич выбирает для перевода шуточную миниатюру «Письмо из Эмса (XVII века)» / (1874) И.Ф. Горбунова, написанную в виде стилизации под письмо знатного боярина, направившегося за границу по приказу царя. Оказавшись в городе-курорте Эмсе, популярном в 1870-годы месте отдыха многих известных россиян, в числе и Ф.М. Достоевского, псевдо-боярин шлёт свой отчёт, из которого следует, что его соотечественники пьют вино, играют в рулетку и бездумно тратят деньги. Э.Л. Войнич выбрала рассказ «The Dog's Passport» С.М. Степняка-Кравчинского, написанный от имени крестьянина, где высмеиваются особенности паспортной системы

царской России, когда беспаспортный человек становился полностью бесправным, что и объяснено в сноске к переводу («... it is a penal offence for a householder to take in any inmate who cannot show police certificates»).

Англичанину Дж. Тербервилю не нравится не только холодный климат и грубые русские (*The colde is rare, the people rude, the prince so full of pride*), но и правящий царь-тиран, а именно Иван Грозный (*In summe, I say, I never saw a prince that so did raigne, / Nor people so beset with saints, yet all but vile and vaine*). При переводе «The Story of a Kopeck» Э.Л. Войнич убирает призыв *подняться нам против злодеев наших и принять муку и смерть за братьев своих*: призыв установить царство божие на земле и свергнуть строй звучал бы странно в стране, управляемой монархом. Позднее Э.Л. Войнич [Six lyrics... 1911] издаёт свой перевод поэмы «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1838) М.Ю. Лермонтова (1814–1841) в одном томе со стихотворениями пострадавшего от режима Т.Г. Шевченко (1814–1861). В целом подборка произведений русских писателей для издания «The Humour of Russia» носит агитационно-пропагандистский и обличительный характер: подборка текстов направлена против существующего государственного строя царской России. Переведённые тексты показывают пьянство, склонность к обману и лжи, чиновничество, самодурство и ограниченность высокопоставленных лиц, духовную безнравственность общества.

Личностное отношение к текстовому сообщению организует выборочный характер восприятия у читателя. Если при создании текста значительную роль играют авторская интенция и коммуникационные стратегии, то для читателя, а переводчик – это, прежде всего, первичный читатель, важными становятся ожидание-предвосхищение, интерпретационные стратегии и информационные потребности.

Когда американская феминистка, журналист и писательница Элис Стон Блэкуэлл / Alice Stone Blackwell (1857–1950) издаёт на собственные средства сборник «Songs of Russia» [Blackwell 1906], то в него вошли переводы тех 25 русских поэтов, кто, по её мнению, выступает за свободу (Russian lovers of freedom). В предисловии Э. Блэкуэлл обличает неэффективность, неспособность и коррупционность правительства царской России. В сборник вошли «Песня о буревестнике» (1901) М. Горького (1868–1936), стихотворение принимавшего в студенческие годы участие в революционном движении В.В. Башкина (1880–1909) «Сосны» (1903), стихотворение С.Я. Надсона (1862–1887) «Мы спорили долго...» (1882), где показана атмосфера кружка свободомыслящих молодых людей России, «Размышления у парадного подъезда» (1858) и «Внимая ужасам войны...» (1855 или 1856) Н.А. Некрасова (1821–1877/78), стихотворения отсидевшего 18 лет в Шлиссельбургской крепости народовольца и эсера П.С. Поливанова (1859–1903) и приговорённого к каторге поэта, писателя, переводчика и революционера М.Л. Михайлова (1829–1865). От кого могли быть получены тексты стихотворений П.С. Поливанова, написанные им в заключении, ведь согласно электронному каталогу «Российской государственной библиотеки» они были опубликованы только один раз женеваской типографией Партии социалистов-революционеров (1903)? Как и многие первые переводчики произведений русских авторов, Э. Блэкуэлл работала по подстрочникам, а среди оказавших ей помощь была родившаяся на территории царской России Dr. Antoinette Kopikow или доктор А. Конилова (1869–1946), которая познакомилась в Цюрихе с

революционером Г.В. Плехановым (1856–1918) и принимала участие в основании Коммунистической партии США. Единственной поэтессой, чьи произведения были переведены, стала активно участвующая в либерально-демократическом движении того времени Г. Галина (1873–1942). За образами её аллегорического стихотворения «Лес рубят – молодой, нежно-зелёный лес...» (1901), получившего в переводе название «To the Youth of Russia» (буквально ‘Молодёжи России’) стоят реальные события: призыв в армию 183 киевских студентов вызвал возмущение среди революционно настроенной молодёжи и, как следствие, репрессии среди студентов. Таким образом, при отборе текстов для перевода Э. Блэкуэлл и её помощники руководствовались политической оппозиционностью авторов, их гражданской позицией и (в некоторых случаях) формой романтического протеста. Кстати, Э. Блэкуэлл участвовала в 1903 году в реорганизации «Общества друзей русской свободы» / «Society of Friends of Russian Freedom» (SAFRF), поддерживающего революционное движение в России, среди членов которого были С.М. Степняк-Кравчинский и Э.Л. Войнич.

Одним из помощников Э. Блэкуэлл был родившейся на территории Российской империи полиглот, историк литературы, преподаватель Гарварда, лингвист и переводчик Лео Винер / Leo Wiener (1862–1939), чей сын Н. Винер / Norbert Wiener (1894–1964) стал одним из основоположников кибернетики и математической теории связи. Двухтомная антология самого Л. Винера [Wiener 1902], получившая признание как одна из лучших и полных, продолжает переиздаваться. Л. Винер посвятил антологию своему коллеге А. Кулиджу / Archibald Cary Coolidge (1866–1928), одному из первых американских специалистов по России и кто прочитал первый в истории Гарварда курс её истории (1908–1928) повышенной сложности (advanced course in Russian history). А. Кулиджер был секретарём дипломатической миссии в Санкт-Петербурге (1890–1891), позднее консультировал Государственный департамент США по вопросам ситуации в Восточной Европе и России (1918, 1919). Неудивительно, что в предисловии к первому тому антологии Л. Винер пишет о необходимости ввести изучение русского языка в учебную программу американских университетов. При отборе текстов для перевода Л. Винер руководствовался тем, чтобы тексты служили наглядной иллюстрацией к важным событиям из истории России и оказались полезным для студентов-историков: в первом томе содержатся сведения, охватывающие период с X в. по XVIII в., во втором томе – с конца XVII в. до начала XX в. Например, включены два отрывка из сочинения сбежавшего в Швецию бывшего подъячего посольского приказа Г.К. Котошихина (1630–1667) «О воспитании детей царских, и о научении их, и о бережении» и «О житии бояр, и ближних, и иных чинов людей», где представлены жестокие телесные наказания. Отрывок из мемуаров изобретателя артиллерийских орудий М.В. Данилова (1722–1790) также касается жестоких методов воспитания детей и обращения со слугами. Переведено сочинение князя М.М. Щербатова (1733–1790) «О повреждении нравов в России», где резко критикуется политика правительства и нравы придворной среды, из-за чего оно было опубликовано только А. Герценом в Лондоне (1858). Несомненно, одной из причин включения отрывка из пьесы «Вадим Новгородский» (1789) Я.Б. Княжнина (1740–1791) стала тема патриотизма и борьбы с тиранами, из-за чего её сожгли по приказу Екатерины II. Как и Ч.Э. Тёрнер [Turner 1882], Л. Ви-

нер выбирает отрывок из незаконченной автобиографической повести «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» Д.И. Фонвизина (1744/45–1792) о том, как дворянские дети жульничают на экзаменах. Поскольку первые западные путешественники отмечали наивную веру русских в сверхъестественное и в магические силы, то в качестве иллюстрации этой черты национального характера был включён отрывок из комической оперы А.О. Аблесимова (1742–1783) «Мельник – колдун, обманщик и сват» (1779).

Американский историк и дипломат Джордж Банкрофт / George Bancroft (1800–1891) упрекал в недалёковидности всех тех, кто получает знания о России исключительно из анекдотов на исторические темы или рассказов, высмеивающих нравы царского двора и высшей аристократии [Bancroft 1855]. Американский писатель, журналист и переводчик Б. Тейлор / В. Taylor (1825–1878), служивший в России на должности секретаря посольства США (1862–1863), создаёт свой рассказ «Beauty and The Beast (A Story of Old Russia)» для сборника «Beauty and the Beast and Tales from Home» (1879) на материале повести П.И. Мельникова-Печерского (1818–1883) «Старые годы» (1857), но специально не оговаривает, что это перевод с русского языка. Отдельные эпизоды из «русской жизни» были сочинены самим Б. Тейлором: например, описание подачи к княжескому столу живой стерляди (*sterlets*) полуобнажёнными рыбаками. Пересказ повести «Старые годы» стал главой «Private Life of a Russian Nobleman» о нравах дворянства в книге «The Russians at home: unpolitical sketches» [Sutherland 1861], написанной британским журналистом и писателем Г. Сазерландом / Edwards H. Sutherland (1828–1906), освещавшим по заданию газеты «Таймс» в 1856 году коронацию российского императора Александра II. Внимание Г. Сазерланда привлёк эпизод о праздновании княжеских именин, где, с одной стороны, изображены небывалое гостеприимство русского вельможи и размах праздника, а, с другой стороны, чинопочитание, варварский обычай держать в доме юродивых, немых и карликов. Выбранное произведение показывает негативные черты русских: пьянство, веру в сверхъестественное, их склонность к насилию.

Межкультурное непонимание во многом основывается на культурно-языковых предрассудках. В высказываниях некоторых авторов изданных в XIX в. работ по истории России и антологий русской литературы продолжают проследиваться сложившиеся в английском обществе этнокультурные стереотипы и предрассудки относительно морального и духовного превосходства нации над представителями других народов. Ч.Э. Тёрнер [Turner 1882] указывает, что русские во многом отличаются от европейцев («... a nation whose history and civilization differ in many essential points from the history and civilization of Western Europe»).

Что касается гостеприимства русских, то эту черту национального характера специально комментирует в сноске к эпизоду о праздновании именин Татьяны Лариной (*Постели стелют; для гостей / Ночлег отводят от сеней / До самой девичьи...*) первый переводчик романа в стихах «Евгений Онегин» (1823–31, полностью – 1833) Генри Сполдинг / Henry Joseph Spalding (1840–1907), опубликовавший своего «Eugene Onéguine» с подзаголовком «A romance of Russian life» [Pushkin 1881]. Профессиональный военный Г. Сполдинг, оказавшийся в России благодаря службе при английском посольстве в Санкт-Петербурге, называет гостеприимство (*hospitality*) русских их национальной добродетелью (*a national virtue*).

После возвращения из путешествия по странам Европы, во время которого он посетил Испанию, Францию, Бельгию, Голландию, Россию и Швецию (1819–1820), британский чиновник, предприниматель и экономист Дж. Бауринг / John Bowring (1792–1872) издаёт на собственные средства первый том «Российская антология» [Bowring 1821]. Интерес читателей к книге был огромен: в Англии том выдержал два издания в 1821 году, в 1822 году в Бостоне выходит пиратское издание [Bowring 1822], а американский поэт и священник Дж. Пьерпон / John Pierpont (1785–1866) рекомендует его переводы для детского чтения [Pierpont 1823]. Над вторым томом [Bowring 1823] Дж. Бауринг работал, находясь в одиночном заключении в Булонской тюрьме (1822). Во введении он пишет, что только поэзия славян поддерживала его дух в тяжёлые дни заключения. По мнению Дж. Бауринга, русскую поэзию создали люди с сильными чувствами, но живущие в деспотичном обществе, а язык русских поэтов сочетает в себе необузданность восточного характера вместе с европейской непреклонностью, рассудительностью и серьёзностью.

Первой изданной в США антологией произведений русских авторов стала книга «The Bakhchessian Fountain, and Other Poems» [Lewis 1849] У. Льюиса / W.D. Lewis (1792–1881), выучившего язык во время десятилетнего пребывания в России (1814–1824), где фирма его старшего брата «Lewis & Willing» имела торговое представительство в Санкт-Петербурге. В посвящении он выражает благодарность русским друзьям за проявленную доброту и называет Россию самой гостеприимной страной (*their most hospitable country*).

Оба – Дж. Бауринг и У. Льюис – переводят оду Г.Р. Державина «Бог» (1784) и знаменитый «Марш Донских казаков (Грянул внезапно гром над Москвой...)» (1812) о победоносной русской армии Н.М. Шатрова. Среди стихотворений о России, созданных Р. Саути, У. Вордсвортом, Дж. Байроном, П. Шелли, Б. Тейлором, И.-В. Гёте, В. Гюго, в своей антологии поэт Г. Лонгфелло / Henry Wadsworth Longfellow (1807–1882) публикует «Марш Донских казаков» Н.М. Шатрова и «Жил был в свете добрый царь...» из незаконченной мелодрамы «Пётр Великий» Н.М. Карамзина (1766–1826) в переводе Дж. Бауринга [Poems of places... 1878].

Первым опубликованным в США исследованием по славянским языкам и литературам считается работа «Historical view of the languages and literature of the Slavic nations: with a sketch of their popular poetry» [Talvi 1850], написанная принадлежит Терезой Альбертиной Луизой Робинсон / Therese Albertine Luise von Jakob-Robinson (1797–1870), родившейся в семье преподававшего в Харькове профессора Л.Г. фон Якоба / Ludwig Heinrich von Jakob (1759–1827). Она провела детство в России, в 1816 году вернулась с семьёй в Германию, в 1828 году вышла замуж за американского учёного, доктора богословия и доктора права Э. Робинсона / Edward Robinson (1794–1863). Как пишет Талви, только поэзия (popular poetry) отражает настоящие черты характера славян. Поскольку меланхоличность является отличительной чертой русской народной музыки, то она переводит стихотворение А.А. Дельвига (1798–1831) «Русская песня (Соловей мой, соловей...)» (1825) в качестве текста, воплотившего в себе всю «русскость».

Самым востребованным автором с точки зрения количества имеющихся переводов на разные языки считался баснописец И.А. Крылов (1768/69–1844). Причём причиной феноменального успеха его басен считали склонность русских искать во всём скрытый смысл [Sutherland 1861].

В Великобритании и США интерес к России, её истории и литературе стал возрастать, начиная со второй половины XIX в., что было обусловлено в основном историческими событиями. Если первоначальный интерес был связан с ростом англо-русских торговых связей, то Крымская война (1853–1856) между Россией и Турцией, на стороне которой выступила Великобритания, а затем начатая Японией при поддержке Великобритании и США русско-японская война (1904–1905), революции 1905–1907 года и 1917 года заставили по-другому взглянуть на северного соседа.

В 1891 году в Лондоне выходит сборник русской поэзии [Rhymes from the Russian... 1891] в переводе Джона Поллена / John Pollen (1848–1923). Книга посвящена маркизу Ф. Дафферину-Ава (1826–1902), который пробудил в переводчике интерес к изучению русского языка. Маркиз Ф. Дафферин-Ава выполнял обязанности посла в России (1879–1881), а в 1884 году был назначен вице-королём Индии, где Дж. Поллен поступил на правительственную службу в 1871 году. Датированное 21 марта 1891 года введение к сборнику было написано в Севастополе, знаковом городе для русско-английских отношений, вошедшем в историю героической обороной своих защитников в 1854–1855 годах в ходе Крымской войны. Не все отобранные для перевода авторы являются профессиональными литераторами в современном смысле этого слова. Дж. Поллен выбирает «Песнь Севастополю», написанную протоиереем Константином Дорошкевичем, чьё имя внесено в списки священников-героев Крымской войны и обороны Севастополя (http://svoim.info/201131/?31_6_1; <http://wap.kortec.borda.ru/?1-5-0-00000025-000-90-0>). Заметим, что в качестве специального корреспондента газеты «Daily Mail» Дж. Поллен жил в Санкт-Петербурге (1905).

На заседании в «Королевском Объединённом институте оборонных исследований» (Royal United Services Institution), состоявшемся 8 января 1892 года под председательством генерального директора военного образования сэра Р. Биддольфа / Sir Robert Biddulph (1835–1918), который, кстати, участвовал в Крымской войне и в осаде Севастополя, с докладом «The Russian language and literature» [Cazalet 1892] выступил Эдвард Казалет / Edward Alexander Cazalet (1836–1923). О себе он сообщил собравшимся, что он – родившийся в России британский подданный, для которого русский язык стал первым («Although an Englishman and a British subject, I was born and partly educated in Russia, and spoke Russian before knowing English»). Действительно, семья Э. Казалета имела многолетние связи с Россией: его предок Н. Казалет / Noah Cazalet (1757–1800) переехал в Санкт-Петербург, где занялся производством судовых канатов. Цель доклада была обосновывать необходимость основания в Лондоне специального «Literary Society and Debating Club» с целью обеспечить изучающим русский язык студентам языковую практику. Как следует из стенограммы заседания, Э. Казалет прочитал стихотворение «Ангел» М.Ю. Лермонтова на русском языке и в переводе Дж. Поллена, а также несколько переводов басен И.А. Крылова. В 1893 году Э. Казалет стал одним из основателей «Англо-русского литературного общества» / «Anglo-Russian Literary Society», призванного способствовать развитию и укреплению англо-русских культурных связей, пропагандировать изучение русского языка и литературы в Великобритании, и выполнял обязанности его президента до 1922 года. Попечителями общества были Николай

II (1894) и его супруга Александра Фёдоровна (1897). Первое заседание общества открылось лекцией Дж. Поллена «Russian language and literature» [Shattock 1999].

Когда Дж. Поллен издаёт вторую книгу своих переводов [Russian songs... 1917], то он предполагал направить прибыль от продажи в фонд помощи русским солдатам, постоянно спасающим Европу от крупных катастроф и опасностей. Кроме «классических» поэтов, Дж. Поллен перевёл стихотворения, написанные на актуальные для 1916 года темы, связанные с событиями Первой мировой войны: так, А.Н. Кремлёв (1859–1919) в своих стихотворениях обращается к британцам за поддержкой и выступает против воинственной Германии. В приложение вошло стихотворение «England, Russia, and India» Дж. Поллена, назвавшего Россию и Британию дружественными силами (*England and Russia – friendly Powers*), призванными обеспечить мировой порядок и спокойствие (*But why should England cross the Russ? / We both have kindred work to do!*), объединившись против общего врага в лице Германии (*In truth, the “Teuton” is thy foe*). Дж. Поллен пишет о своей любви к России (*I learned to love thy much-wronged race, / Thy misread Past aright to see, / Thy glorious Destiny to trace*), характеризуя её жителей как великих, храбрых, всепрощающих и отзывчивых людей с добрыми сердцами, готовых помочь обиженным (*A people great, with kindly heart, / Helping the hurt, forgiving all*).

Выводы.

Существующие в коммуникативной среде стереотипы и предрассудки в той или иной степени задают и направляют стратегии текстопонимания и текстосприятия. На выделение авторских доминантных смыслов читателем как активным интерпретатором текста влияют не только социокультурные и исторические факторы, но и имеющиеся у него культурно-коммуникативные экспектации, установки и индивидуальные характеристики, а также его социальный опыт, предварительное знание как сумма фоновых знаний и тезаурус.

Отличительной особенностью первых книг по истории русской литературы, первых переводов произведений русских поэтов и писателей на английский язык, первых англоязычных хрестоматий и антологий является то, что их авторы, переводчики и составители имели тесные связи с Россией. Однако при подборе текстов для перевода они часто ориентировались на имеющиеся у их вторичных читателей представления о России, многие из которых являются стереотипными. Например, первый анонимный переводчик романа «Герой нашего времени» (1838–1840) М.Ю. Лермонтова, воспринимаемого в XIX в. англоязычной критикой продолжателем традиций байронизма, несмотря на то, что называет себя *a Russe, many years resident amongst the various mountain tribes* (буквально ‘русский, проживший много лет среди горных племён’), описывает во введении Россию как огромную страну восточного типа с полуцивилизованным населением («Russia <...> possesses an immense superficies of territory, and is inhabited by a singular half-civilised and reserved population. Their boundaries are their desert wastes of snow-clad steppes; their architecture is semi-oriental and whimsical...») и «украшает» перевод дополнительным восточным колоритом [Sketches of Russian Life... 1853]. Аноним пишет, что Россия остаётся последним прибежищем авантюристов, но препятствием на их пути может стать паспортная система («The Russians are also essentially an exclusive people, and the passport system is of the severest kind. Thus it is that Russia is the last country or the wanderer, the fortune-seeker, or the adventurer»).

Интерес первых переводчиков русской поэзии вызвали медитативные стихотворения, где представлены картины русской природы, местные суеверия, а также произведения, раскрывающие источник поэтического вдохновения, или посвящённые чувству безответной любви. В переведённых прозаических произведениях показаны различные пороки: пьянство, ругань, склонность к обману и лжи, чинопочитание, духовная безнравственность и т.д. Если для первых переводчиков выбор материала был обусловлен в большей степени их внутренними потребностями, то с середины XIX переводчики начали руководствоваться культурно-политическими и идеологическими причинами. На первый план выходят потребности, интенции, индивидуальный опыт переводчика и его политические взгляды. Степень включённости личностной области переводчика в его деятельность предопределяет ту или иную проекционную направленность для получаемого вторичного текста.

Практически все изданные за период с конца XIX в. до середины XX в. антологии русской литературы и отдельно изданные переводы произведений русских авторов имеют введение или предисловие, где их составители или переводчики попытались описать базовые составляющие параметров образа русских как «чужих». Отличительными чертами русской литературы признаны лиричность, песенность, эгоцентризм, созерцательность, фатализм, мистицизм, что фактически соотносится с выделенными А. Вежицкой [1996] признаками русского самосознания, а именно с эмоциональностью, иррациональностью, неагентивностью, любовью к морали.

Литература

Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

Масленникова Е.М. RUSSIANS как особые типы в англоязычной лингвокультуре // Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения. – Ч. II. Образ России в иноязычных культурах. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 62-72.

Масленникова Е.М. Образы русских в англоязычной литературе: мифы и гендеростереотипы // Межэтническое общение: контакты и конфликты / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: ИЯз РАН–МИЛ, 2012. – С. 158-170.

Тарасов Е.Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 8. – С. 6-10.

Уфимцева Н.В. Москва – третий Рим: миссия или утопия // Образ России: извне и изнутри. – Калуга: Изд-во «Эйдос» (ИП Кошелев А.Б.), 2008. – С. 65-77.

Bancroft, G. (1855). Literary and historical miscellanies. New York: Harper & Brothers. 517 p.

Baring, M. (1910). Landmarks in Russian literature. New York: Macmillan. 332 p.

Blackwell, A.S. (1906). Songs of Russia. [Dorchester, Mass.] The author. 75 p.

Bowring, J. (1821). Российская антология. Specimens of Russian poets, with preliminary remarks and biographical notices. 2nd edition. London: R. and A. Tailor. Vol. 1. 281 p.

Bowring, J. (1822). Specimens of the Russian poets; with preliminary remarks and biographical notices. Boston: Cummings and Hilliard. 240 p.

Bowring, J. (1823). *Российская антология. Specimens of the Russian Poets, with introductory remarks.* London: G. and W.B. Whittaker. Vol. 2. 301 p.

Cazalet, E. (1892). *The Russian language and literature.* London: Harrison. 23 p.

Coxe, W. (1784). *Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark, interspersed with historical relations and political inquiries.* London: Printed by J. Nichols, for T. Cadell. Vol. 1-3.

Grahame, F.R. (1865). *The Progress of Science, Art and Literature in Russia.* London: James Blackwood & Company. 480 p.

Hakluyt, R. (1589). *The principall navigations, voiages, and discoveries of the English nations.* – London : Imprinted at London by George Bishop and Ralph Newberie, deputies to Christopher Barker, printer to the Queen's Most Excellent Majestie. 825 p. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=aeu.ark:/13960/t20c5qh1x> (дата обращения: 6.01.2016).

Harris, J. (1781). *Philological inquiries.* London: C. Nourse. Vol. 1-2.

Lewis, W.D. (1849). *The Bakchesarian Fountain, and Other Poems.* Philadelphia: H.C. Sherman. 72 p.

Peaker, C. (2006). *We are not Barbarians: Literature and the Russian Émigré Press in England, 1890–1905 // Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century.* 2006. № 3. URL: <http://www.19.bbk.ac.uk/articles/abstract/10.16995/ntn.451/>; URL: <file:///C:/Users/%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/Downloads/451-385-1-PВ.pdf> (дата обращения 15.09.2015).

Pierpont, J. (1823). *The American first class book; or, Exercises in reading and recitation: selected principally from modern authors of Great Britain and America; and designed for the use of the highest class in publick and private schools.* Boston: T.P. & J.S. Fowle. 480 p.

Poems of Places: An Anthology in 31 Volumes / Ed. by Henry Wadsworth Longfellow. Boston: James R. Osgood & Co., 1876–1879. Russia. 1878. Vol. XX. 265 p.

Pushkin A.S. *Eugene Onéguine: a romance of Russian life in verse / Translated from the Russian by Lieut.-Col. Spalding.* London: Macmillan, 1881. 276 p.

Rhymes from the Russian; being faithful translations of selections from the best Russian poets, Pushkin, Lermontof, Nadson, Nekrasof, Count A. Tolstoi, Tyoutchef, Maikof, Lebedef, Fet, K.R., etc. London: K. Paul, Trench, Trübner & co., Ltd., 1891. 148 p.

Russian songs and lyrics: being faithful translations of selections from some of the best Russian poets, Pushkin, Lermontof, Nadson, Nekrasov, Tolstoi, Tyoutchev, Maikov, Lebedev, Fet, K. R., Klushnikov, Anatole, Kremlev, Myatlev, etc. London: East and west, Ltd., 1917. 218 p.

Shattock, J. (1999). *The Cambridge Bibliography of English Literature: 1800–1900.* Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1536 p.

Six lyrics from the Ruthenian of Tarás Shevchénko, also The song of the merchant Kaláshnikov from the Russian of Mikhaíl Lérmontov. London: E. Mathews, 1911. 78 p.

Sketches of Russian life in the Caucasus. By a Russe, many years resident amongst the various mountain tribes. London: Ingram, Cooke, & Co., 1853. 315 p.

Sutherland, Edwards H. (1861). *The Russians at home.* London: W.H. Allen and co. 432 p.

Talvi (1850). Historical view of the languages and literature of the Slavic nations: with a sketch of their popular poetry by Talvi [pseud.]. New York: G.P. Putnam. 433 p.

The Humour of Russia. London: Walter Scott, Ltd.; New York: Charles Scribner's Sons, 1895. 394 p.

Turner, C.E. (1882). Studies in Russian literature. London: S. Low, Marston, Searle & Rivington. 407 p.

Wiener, L. (1902). Anthology of Russian literature from the earliest period to the present time. New York: G.P. Putnam. Vol. 1. 486 p.

Wiener, L. (1902). Anthology of Russian literature from the earliest period to the present time. From the tenth century to the close of the eighteenth century. The nineteenth century. New York, London: G.P. Putnam's Sons, 1902. Vol. 2. 534 p.

TEXT AS MEANS OF IDEOLOGICAL INFLUENCE: FIRST TRANSLATIONS OF RUSSIAN AUTHORS INTO ENGLISH

Evgeniya M. Maslennikova

Associate Professor of the English Language Chair at the Faculty of Foreign Languages and International Communication, Tver State University
170043, Oktyabrsky prospect, house 79, flat 19
e-mail: e-maslennikova@inbox.ru; evegeniyam@mail.ru

Acquaintance with other culture and its "otherness" takes place mainly via texts, which have been initially focused on values, ideas, concepts, images of this culture and mirror nationally and culturally specific parameters and components of the living community. Translation is seen as a process and as a result, when the choice of translation strategies and solutions is affected by current communication tasks and conditions of existing communication, social order and conditions of its implementation, etc. Translators often begin by interpreting and setting out the limits of their society, especially when "reconstructing" the source text. They can be guided by their personal inclinations and ideas because of the "what-this-text-is-to-me-here-and-now" principal and according to the degree of relevance or irrelevance due to the current ideological world view in the host culture. Translation as a secondary target text is the result of a full bilingual text communication, but it is able to become a powerful tool for forming ideological impact. When choosing and selecting texts for translation, the first English-speaking translators of Russian authors were guided by the following parameters: to give historical and social information on Russia; confirm or deny prevailing stereotyped views about Russia and the Russians; present and describe the national-cultural specification of the country and her inhabitants. The article considers cases of using translations as an instrument of ideological influence on the host audience.

Keywords: text, translation, interpretation, linguistic and cultural scenarios, stereotypes.

References

- Vezhbitskaya A.* Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari, 1996. 416 p.
- Maslennikova E.M.* RUSSIANS kak osobye tipazhi v angloyazychnoy lingvokul'ture [RUSSIANS as special character types in the English-speaking culture]. *Lingvostranovedenie: metody analiza, tekhnologii obucheniya* [Linguistica and area studies: methods of analysis, teaching technologies]. Part II. *Obraz Rossii v inoyazychnykh kul'turakh* [The image of Russia in the foreign-language cultures]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2014, pp. 62–72.
- Maslennikova E.M.* Obrazy russkikh v angloyazychnoy literature: mify i geterostereotipy [Images of Russian in English literature: myths and heterostereotypes]. *Mezhetnicheskoe obshchenie: kontakty i konflikty* [Interethnic communication: communication and conflicts]. Moscow: IYaz RAN–MIL, 2012, pp. 158–170.
- Tarasov E.F.* Obraz mira [Picture of the world]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2008, no. 8, pp. 6–10.
- Ufimtseva N.V.* Moskva – tretiy Rim: missiya ili utopiya [Moscow as the Third Rome: the mission or utopia]. *Obraz Rossii: izvne i iznutri* [The image of Russia: the outside and inside]. Kaluga: Izd-vo «Eydos» (IP Koshelev A.B.), 2008, pp. S. 65–77.
- Bancroft, G.* (1855). *Literary and historical miscellanies*. New York: Harper & Brothers. 517 p.
- Baring, M.* (1910). *Landmarks in Russian literature*. New York: Macmillan. 332 p.
- Blackwell, A.S.* (1906). *Songs of Russia*. – [Dorchester, Mass.] The author. 75 p.
- Bowring, J.* (1821). *Российская антология. Specimens of Russian poets, with preliminary remarks and biographical notices*. 2nd edition. London: R. and A. Taylor. Vol. 1. 281 p.
- Bowring, J.* (1822). *Specimens of the Russian poets; with preliminary remarks and biographical notices*. Boston: Cummings and Hilliard. 240 p.
- Bowring, J.* (1823). *Российская антология. Specimens of the Russian Poets, with introductory remarks*. London: G. and W.B. Whittaker. Vol. 2. 301 p.
- Cazalet, E.* (1892). *The Russian language and literature*. London: Harrison. 23 p.
- Coxe, W.* (1784). *Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark, interspersed with historical relations and political inquiries*. London: Printed by J. Nichols, for T. Cadell. Vol. 1-3.
- Grahame, F.R.* (1865). *The Progress of Science, Art and Literature in Russia*. London: James Blackwood & Company. 480 p.
- Hakluyt, R.* (1589). *The principall navigations, voiajes, and discoveries of the English nations*. – London : Imprinted at London by George Bishop and Ralph Newberie, deputies to Christopher Barker, printer to the Queen's Most Excellent Majestie. 825 p. [Electronic resource]. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=aeu.ark:/13960/t20c5qh1x> (accessed at 6.01.2016).
- Harris, J.* (1781). *Philological inquiries*. London: C. Nourse. Vol. 1-2.
- Lewis, W.D.* (1849). *The Bakchesarian Fountain, and Other Poems*. Philadelphia: H.C. Sherman. 72 p.
- Peaker, C.* (2006). *We are not Barbarians: Literature and the Russian Émigré Press in England, 1890–1905 // Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century*. 2006.

№ 3. [Electronic resource]. URL: <http://www.19.bbk.ac.uk/articles/abstract/10.16995/ntn.451/>; URL: <file:///C:/Users/%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/Downloads/451-385-1-PB.pdf> (accessed at 15.09.2015).

Pierpont, J. (1823). The American first class book; or, Exercises in reading and recitation: selected principally from modern authors of Great Britain and America; and designed for the use of the highest class in publick and private schools. Boston: T.P. & J.S. Fowle. 480 p.

Poems of Places: An Anthology in 31 Volumes / Ed. by Henry Wadsworth Longfellow. Boston: James R. Osgood & Co., 1876–1879. Russia. 1878. Vol. XX. 265 p.

Pushkin A.S. Eugene Onéguine: a romance of Russian life in verse / Translated from the Russian by Lieut.-Col. Spalding. London: Macmillan, 1881. 276 p.

Rhymes from the Russian; being faithful translations of selections from the best Russian poets, Pushkin, Lermontof, Nadson, Nekrasof, Count A. Tolstoi, Tyoutchef, Maikof, Lebedef, Fet, K.R., etc. London: K. Paul, Trench, Trübner & co., Ltd., 1891. 148 p.

Russian songs and lyrics: being faithful translations of selections from some of the best Russian poets, Pushkin, Lermontof, Nadson, Nekrasov, Tolstoi, Tyoutchev, Maikov, Lebedev, Fet, K. R., Klushnikov, Anatole, Kremlev, Myatlev, etc. London: East and west, Ltd., 1917. 218 p.

Shattock, J. (1999). The Cambridge Bibliography of English Literature: 1800–1900. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1536 p.

Six lyrics from the Ruthenian of Tarás Shevchénko, also The song of the merchant Kaláshnikov from the Russian of Mikhaíl Lérmontov. London: E. Mathews, 1911. 78 p.

Sketches of Russian life in the Caucasus. By a Russe, many years resident amongst the various mountain tribes. London: Ingram, Cooke, & Co., 1853. 315 p.

Sutherland, Edwards H. (1861). The Russians at home. London: W.H. Allen and co. 432 p.

Talvi (1850). Historical view of the languages and literature of the Slavic nations: with a sketch of their popular poetry by Talvi [pseud.]. New York: G.P. Putnam. 433 p.

The Humour of Russia. London: Walter Scott, Ltd.; New York: Charles Scribner's Sons, 1895. 394 p.

Turner, C.E. (1882). Studies in Russian literature. London: S. Low, Marston, Searle & Rivington. 407 p.

Wiener, L. (1902). Anthology of Russian literature from the earliest period to the present time. New York: G.P. Putnam. Vol. 1. 486 p.

Wiener, L. (1902). Anthology of Russian literature from the earliest period to the present time. From the tenth century to the close of the eighteenth century. The nineteenth century. New York, London: G.P. Putnam's Sons, 1902. Vol. 2. 534 p.

In memory of Yuriy A. Sorokin

**CROSS-CULTURAL INVESTIGATION OF THE CONCEPT OF BUSINESS:
A NEW STEP IN THE DEVELOPMENT OF THE LACUNA THEORY**

Irina Yu. Markovina,

Head of the Department of Foreign Languages,
Sechenov First Moscow State Medical University,
Moscow, Trubetskaya Ul, 8|2
e-mail: irina_markovina@mail.ru

Istvan Lenart

Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Sechenov First Moscow State Medical University,
Moscow, Trubetskaya Ul, 8|2
e-mail: istvan_lenart@hotmail.com

The article deals with a new comprehensive approach to cross-cultural investigations based on the Lacuna theory as the research methodology. Multicomponent research identifies and discusses culture-specific concept of business through Hungarian-Vietnamese linguistic and cultural comparison. The research presented contributes to the development of the Lacuna Theory in general, identifies new types of linguistic and cultural lacunas, and discusses the ways of practical application of the results obtained.

Keywords: Lacuna Theory, lacuna classification network, intercultural communication, language consciousness, Hungarian-Vietnamese comparison, culture-specific concept of business.

Introduction

Ethnopsycholinguistic research in Russia is based on the theories that have been developed and are being developed by the Russian/Moscow psycholinguistic school. It is, first of all, the theory of Speech Activity by A.A. Leont'jev which is sometimes used the psychological Theory of Activity developed by an outstanding Russian scholar A.N. Leont'jev. Then, it is the Theory of Language Consciousness.

Language consciousness is an equivalent, though incomplete, of an ethnic consciousness. Ethnic consciousness may be defined as a set of knowledge, concepts and ideas about the world, which is shared by all members of an ethnos (a nation) [Tarasov 1996]. The language consciousness is a complex of verbally externalized mental images that contain concepts of man (i.e., a human being), and his activities as well as of objects and phenomena of the world developed by the members of a certain culture [Tarasov 1996: 7].

Ethnopsycholinguistics studies the specificity of various ethnic language consciousnesses. The research shows that it is the lack of knowledge of systemic characteristics of culture objects that conflicts of misunderstanding in intercultural communication result from. In other words, non-congruence in the ethnic-specific images of the coconsciousness may be regarded as the major factor causing misunderstanding between intercultural communicants. To investigate the ethnic-specific images of the

coconsciousness as well as images of the world as a whole created by different nations, ethnopsycholinguistics uses intercultural communication both as an object and as a means of research. Intercultural communication is viewed as the ontological field for the investigation of language consciousness.

In line with the psycholinguistic approach to intercultural communication, we have to agree that successful communication implies achieving mutual understanding between intercultural dialogue partners. The challenge of mutual understanding in intercultural communication necessitates the search for causes of misunderstanding. To identify, investigate and interpret the cross-cultural mechanisms of understanding/misunderstanding we have to move beyond language. For this reason, the phenomenon of *culture* is included in the investigational field of Ethnopsycholinguistics. We view *culture* as a means to externalize ethnic consciousness. *Language* is another semiotic form of consciousness existence, which unites people into one ethnic group (ethnic integration) and at the same time differentiates one ethnic group from another (ethnic disintegration). Language objectifies consciousness images and arranges them into an ethnic linguistic image of the world. Via the national language, it is possible 'to gain access' to the ethnic consciousness and to reconstruct its somewhat incomplete equivalent, language consciousness [Tarasov 1996; Tarasov 2004; Ufimtseva 2014a; Ufimtseva 2014b].

The research into the non-congruence of the ethnic-specific images of the consciousness, which in fact reflects the differences in ethnic cultures, is often conducted using the ethnopsycholinguistic Lacuna Theory [Markovina/ Sorokin 2006a; Markovina, /Sorokin 2006b]. In a broad sense, lacunas are gaps on the 'semantic map' of a language, text, or culture as a whole, i.e. on the 'semantic map' of a certain ethnic (language) consciousness. The gaps can be identified only through comparison of two national languages, texts, or cultures (two language consciousnesses). Such comparison typically occurs in the process of intercultural communication. The method of lacuna identification serves as the tool, and the lacuna classification - as a terminological nomenclature for describing and qualifying exposed discrepancies in communicating languages and cultures [Markovina 2007].

The recent research this article presents convincingly demonstrates the effective use of the Lacuna Theory to investigate the culture specific concept of business through Hungarian-Vietnamese linguistic and cultural comparison.

The research discussed aims to investigate the culture specific concept of business through Hungarian-Vietnamese linguistic and cultural comparison. The comprehensive approach developed in the research may be regarded as a new step in the development of Lacuna Theory.

Methodology of the comprehensive approach¹

Our research is an action research, which targeted to reveal the differences of Hungarian and Vietnamese communication in a real-life situation. We intend to share

¹ In the framework of the dissertation Intercultural lacunae in Hungarian-Vietnamese communication, with emphasis on entrepreneurial interactions, completed at the Intercultural Linguistics doctoral program of Eotvos University in Budapest we aimed at gaining an insight to Hungarian-Vietnamese bilateral communication in general and in entrepreneurial interactions in particular through the application of Lacuna Theory. In this article we highlight some of the findings of the work [Lenart 2016].

its results with all those who are or will potentially be involved in the development of Hungarian-Vietnamese bilateral economic relations. A subsequent research may develop a communication program that prepares Hungarian individuals for efficient communication, hence for doing business successfully when entering into Vietnamese environment. From a wider perspective, this research presents a new pattern to do comprehensive linguistic-cultural comparison into any specific field based on Lacuna Theory.

One of our key purposes is to identify and observe lacunas in the Hungarian-Vietnamese relation based on a survey, as well as examining intercultural linguistic similarities and differences between the two countries. Methodology relies on a *questionnaire-based research* conducted in the form of personal interviews with a target group selected out of Vietnamese citizens who graduated from Hungarian universities, consequently, they have a solid knowledge of Hungarian language and culture.

We used six different sets of questionnaire. Some of those contained exclusively closed questions (i.e.: Questionnaire No. 4: *Statements*) thus can clearly be defined as a questionnaire, while in other cases (such as Questionnaire No. 3: *Case studies*; Questionnaire No. 7: *Habits, lacunas*) we can rather talk about structured interviews. Consequently, we alternately use the terms *questionnaire*, *interview* and *respondent*, *interviewee*, *interviewer*.

Interviews were conducted personally after pre-arranging an appointment with the respondents. We included those individuals to the above mentioned sample who (1) still master Hungarian language at a relatively high level; (2) who are either still active or have just recently retired from business life or from public administration. We completed the research with 638 *questionnaires filled in by 127 individuals*. Each individual respondent completed two, four or six questionnaires.

Hungarian language skills were checked by a conversation prior to the interviews to filter out those who lost contact with Hungary in the previous decades. Active connections with or interest in Hungary was ensured by choosing members of the *Vietnam-Hungary Friendship Association* for the role of interviewee.

The main concept of the methodology of the survey is to *apply different approaches* and compile the results, draw conclusions based on several different methods. The following sets of questionnaires were elaborated and used in the research: *stereotypes*, *case studies*, *statements*, *associations*, *proverbs* and *habits/lacunae*.

In the first set of questionnaire (*stereotypes*), in line with the studies of Markovina [Markovina 2011] and the research methodology of Ertelt-Vieth [Ertelt-Vieth 2003] as well as relying on the authors' preliminary studies [Lenart 2013], *auto- and hetero-stereotypes* have been collected about (1) *a good businessperson*, (2) *Hungarians*, (3) *Vietnamese*, (4) *Hungarian businesspersons* and (5) *Vietnamese businesspersons*.

The second questionnaire consists of four *case studies* from the Vietnam-Hungary relation. All interviewees listened to the short stories about specific intercultural encounters (two of them in business settings, another two with general background), and after each story was told they were requested to comment on them. The source of all four case studies was real-life situations.

Our first *case study* dealt with a misunderstanding based on the lack of knowledge of *addressing forms* in Vietnamese. The second case study highlighted another misunderstanding related to time management and connected to religion and superstition

as well. In the third case study we introduced a story when the mother *disposes of the money of her daughter* without consulting her beforehand. The last one is a complex situation in the setting of a scientific conference where an unexpected event occurs as one of the participants suddenly asks the panel leader to allow him to *sing a song*. They interrupt the program of the conference and participants listen to him singing.

A set of ten *statements* in the form of closed questions has been introduced to respondents, five out of those related to Vietnamese businesspersons, another five to Hungarian entrepreneurs. We measured the answers on a scale from 1 to 9 the level of agreement/disagreement. We introduce below those seven statements that directly referred to business life such as: (1) *business ethics*; (2) *sensitivity and the role of silence in communication*; (3) *long-term and short-term thinking (horizon)*; (4) *reliability of businesspersons*; (5) *differences between Southern and Northern Vietnam*; (6) *directness of communication* and (7) *willingness to cooperate with foreigners*.

In the *associations* part interviewees were requested to freely associate about (1) *Hungary*; (2) *Vietnam*; (3) *a Hungarian person* and (4) *a Vietnamese person*. When requesting respondents to evoke their memories on Hungary or a Hungarian person then they are very likely to focus on those fields, experiences, characteristics which they remember for the reason of being unexpected, strange for them, therefore we expected to identify further lacunae through these questions as well.

Proverbs were collected in four groups such as: (1) *Vietnamese proverbs on money*; (2) *Hungarian proverbs on money*; (3) *Vietnamese proverbs* and (4) *Hungarian proverbs*. Through this questionnaire we hoped to gain valuable linguistic information which can further sophisticate the answerer's view on the two countries and their cultures in general and about business-related activities in particular.

The last, sixth questionnaire was elaborated with a focus on *habits and lacunae* with the objective to identify lacunae in the most direct way: by asking respondents to enlist them. We note here that our target group was set up expressly with a purpose to find such individuals who have a dual identity and know both of the studied culture well.

Based on the definition of lacuna by Ertelt-Vieth² we asked interviewees to list out similar "*strange*", "*unfamiliar*" or "*awkward*" experiences from the time they spent in Hungary. In another question we investigated on respondents' changed habits after returning to Vietnam. The next question aimed at gaining insight to intercultural lacunas, for this purpose interviewees were asked to enlist *differences perceived* when living in Hungary. In our fourth question we requested respondents to give specific examples of Hungarian-Vietnamese *intercultural differences in terms of communication, behavior and doing business*.

Examples and comments

Due to limitations of space we hereby restrict ourselves to present examples mainly from the below questionnaires: *stereotypes, statements* and *habits/lacunae*. Some of the results of the remaining questionnaires will only be mentioned in brief.

² "Gaps or – using a Latin term – lacunas between cultures refer to something strange, unfamiliar, possibly awkward, possibly memorable", In: [Ertelt-Vieth 2003: 2].

Stereotypes

In the first questionnaire (*stereotypes*) we asked the respondents to describe Hungarian and Vietnamese businesspersons.

Hungarian businesspersons are generally characterized by positive terms both in relation to their personal features and their business skills. 114 stereotypes were identified in total. According to the answers Hungarian entrepreneurs are perceived as *straight* people who *are able to do business very well*. They are seen as *friendly, sharp-witted, kind, enthusiastic, diligent, hospitable, well-educated, dynamic, sensitive, heartfelt, honest, intelligent, decisive, reliable partners in business, cautious and careful*. Some negative evaluations are connected to them such as: *not too clever, impatient in negotiating, sometimes too heartfelt*, still without *much success in Vietnam*.

Table 1

Comparison of stereotypes on Hungarian and Vietnamese businesspersons (top 4 results)		
	<i>Hungarian businesspersons are...</i>	<i>Vietnamese businesspersons are...</i>
1.	Straight\Downright	Dynamic
2.	Intelligent	Hard-working\Diligent
3.	Not good at catching opportunities	No long-term view and strategy \Run after short-term profits\Short-sighted
4.	Able to do business very well Knowledgeable Professional Successful	Don't abide by the law\Dodge the law\ Evade taxes

Regarding the evaluations connected to business Hungarians are considered to *know how to adapt to the market* and work with *comprehensive coordination*. Hungarians are seen as *clever in business* and having *high social consciousness, definitive goals and flexible methods*. They always *appreciate profit*. They *abide by the law* and *rarely evade taxes*. They *are not acquainted with the Vietnamese way of thinking, working and business environment*. However, they are said to be having *low capital* and sometimes they are *not able to trade efficiently*. Due to their open-mindedness they are considered as ones who *can easily get tricked*. Their way of *considering transactions carefully sometimes makes them miss opportunities*. Their *cooperation spirit* is seen as *not too high*.

Evaluation of **Vietnamese businesspersons** also shows a positive image, however, more negative aspects are mentioned than in the case of their Hungarian counterparts. 125 different descriptions were collected. The most frequently arising characteristics of Vietnamese are being *dynamic, diligent* and *hard-working*. They *always make efforts to achieve their goals*. They are *clear-headed, decisive, friendly, sensitive, pain-taking, flexible, go-ahead, eager to learn, sharp-witted*. At the same time they are *small and weak, not far-sighted* and have a *limited vision* and *low discipline*. *As Vietnam is a market-oriented socialism, businessmen need to have a good relationship with their superiors*. A connection is presumed between the many wars Vietnam suffered along its history ("*Vietnam is a heroic nation*") and the recent development of the country.

In contrast to Hungarians, Vietnamese are said usually *not to respect* or even *dodge the law* and to *evade taxes*. They are seen as individuals who *do not do business very well* and are sometimes *hasty* and *live by makeshift*. Their *English is poor* and they have *weak management skills*. They *live from hand to mouth* and *don't have solidarity in business*. Their *success ratio is not high*. Communication problems can be partly due to the fact that *Vietnam transits from poor state economy to market economy*, where *a peasant or a worker can become an entrepreneur*. Vietnamese entrepreneurs also have *limited opportunities* to contact with foreign countries and are *in short of foreign support*.

In Table 1 above we summarized the four most frequently evoked characteristics of Hungarian and Vietnamese businesspersons. This indicates clearly the considerable amount of differences between members of the two groups: we cannot find any similarities in the top 4 results.

Statements (abbreviated summary)

Table 2 below shows a simplified summary of the results whereas (1) seven out of ten statements are introduced (only those with very direct reference to business life) and (2) responses were scored from 1 to 9 where score 1 means that the respondent fully agrees with the statement, meanwhile score 9 stands for complete disagreement. However, for the sake of clarity we merged scores 1-3 to one common category of *complete agreement*, similarly 4-6 means *neutral approach* or *no opinion* and 7-9 a *complete disagreement*.

Replies to the statement ***“In Vietnam ethical business behavior is not an obligatory norm.”*** show general disagreement. Interviewees state that a considerable difference exists between Vietnam and Hungary or in a wider sense between *“Europe”* or *“Western countries”* (and *“USA”*) in this regard. They agree that ethical behavior in business is a must for many reasons including: *“to create value for the country and for society”*; to *“create high-quality products, maintain prestige and attract customers”* as well as for *“contributing to the country’s development”*; *“creating profits, expanding, developing and for sustainable development”* and *“for stable development”*.

The second statement – ***“When communicating, Hungarian businessmen are too sensitive and unable to bear silence from their partner’s side.”*** – referred directly to communicational aspects of Hungarian-Vietnamese business relations. A rather strong agreement was expressed from the answerers’ side. This statement yielded in several opinions on the communicative role of silence in general and in business, including: *“Hungarians don’t like silence as time-consuming and no communicative purpose”*; silence *“probably happens when no one understands the other – in this case to do business is impossible”*; *“businessmen they need to give their opinion (cannot keep silent)”*; *“in business silence means doubt or disagreement”*.

Table 2

Evaluation of statements on business life in Hungary and Vietnam							
		Completely agree	Neutral, no opinion	Completely disagree	Sum	Avg.	Diff.
1	<i>In Vietnam ethical business behavior is not an obligatory norm.</i>	20	22	46	88	5.8	0.8

2	<i>When communicating, Hungarian businessmen are too sensitive and unable to bear silence from their partner's side.</i>	40	37	10	87	3.9	-1.1
3	<i>Vietnamese businessmen are only willing to make any efforts if the project offers a very short-term financial return. They don't like to fight for vague and long-term goals.</i>	42	33	13	88	4.0	-1.0
4	<i>Vietnamese partners are amongst the most unreliable ones in Asia.</i>	12	29	49	90	6.3	1.3
5	<i>Northern and Southern Vietnam are two completely different regions in terms of business environment.</i>	42	45	8	85	3.8	-1.2
6	<i>Hungarian businessmen speak forthright on the topic (they do not «beat around the bush»).</i>	43	55	1	89	3.4	-1.6
7	<i>When Vietnamese businessmen see a profitable business opportunity, they prefer to solve the funding within their own circles, and are reluctant to involve a foreigner.</i>	35	42	8	85	4.1	-0.9
	Total:	234	263	135	612	4.5	-0.5

The general approach to the statement(s) *“Vietnamese businessmen are only willing to make any efforts if the project offers a very short-term financial return. They don't like to fight for vague and long-term goals.”* is agreement, though 33% of all respondents were confident that Vietnamese businesspersons do efforts only in the case

of short-term projects: *“only a small part of Vietnamese businessmen is interested in not prompt business”* or *“another reason is their lust for immediate profit”*. Personal characteristics of Vietnamese were mentioned: *“Vietnamese are short-sighted, the term ‘instant noodle’³ is applied in all social and business activities”* or *“Vietnam is an agricultural country, people are short-sighted”*. According to respondents private companies more frequently concentrate on short-term projects than state-owned ones: *“private companies work for short-term goals, they do small, quick business”*.

The strongest disagreement was experienced when evaluating reactions to the statement ***“Vietnamese partners are amongst the most unreliable ones in Asia.”*** Respondents emphasized the reliability of Vietnamese businesspersons when stating: *“although Vietnamese businessmen are short-sighted, they do not try by trickery”* or *“Vietnamese partners are reliable”*. A minority of answerers (11%) agreed with the statement, arguing that *“Asian partners are generally less reliable than European ones”*. Some respondents involved other nationalities to the comparison implying that *“in Asia Japanese businessmen are the most honest ones”* and *“in China there are also many unreliable partners: Vietnamese are still trying to make a good impression on business partners”*.

Only 9% of respondents disagreed completely with the statement ***“Northern and Southern Vietnam are two completely different regions in terms of business environment.”*** Generally, replies can be described as strongly agreeing with the above sentence. Southern entrepreneurs are seen as more professional and reliable than Northerners: *“Southern businessmen are more professional, industrious and reliable compared to Northerners”* or they are *“more decisive and reliable in negotiating a contract”*. The most common argument for the differences is that South bears the characteristics of European/Western countries: *“South is Western style, North shows Asian features”*, *“Northern people’s style resembles Asians’ while Southerners are influenced by European people’s style”*.

When asked about directness in speech in the statement ***“Hungarian businessmen speak forthright on the topic (they do not «beat around the bush»).*** an overwhelming majority of respondents agreed that Hungarians speak straight on the topic (*“yes, this is Hungarian nature”*; *“they speak fast and straight on the topic”*, *“Hungarians are very straight, put all their goods in the window”*) while most of them stated that Vietnamese tend to *“beat around the bush”*. Respondents see Hungarians as straight people (29%), both in general and in business, while one respondent claimed that *“related to doing business, sometimes they are not very straight and honest”*.

A high proportion, 49% of respondents stayed neutral when expressing their opinion on the statement ***“When Vietnamese businessmen see a profitable business opportunity, they prefer to solve the funding within their own circles, and are reluctant to involve a foreigner.”*** while only 9% of respondents disagreed with the statement. Those 41% who agreed argued that Vietnamese are *“reluctant to involve foreigners, they want to gain all profit”*, or *“they prefer to stand on their own feet”*. Vietnamese businesspersons usually *“try to solve from their own circles: if it doesn’t work then they involve foreigners”*. It was added: *“if the co-operation brings lots of profits, they are willing to use foreign sources”*.

³ Instant noodle is a widespread nutrition as well as one of the cheapest options for a quick meal in Vietnam.

Habits/lacunae

In the questionnaire about *habits and lacunae* a more direct method was applied. We encouraged interviewees in four questions (1) to share *differences they experienced when living in Hungary*; as well as (2) *differences and similarities between Hungarians and Vietnamese*; (3) to list out *strange, unexpected events* they remember from this period of their lives; and (4) to share which of their *habits changed after returning* to their motherland, Vietnam.

Table 3

Habits/lacunae		
	No. of items (differences/ experiences/habits)	Categorization (groups)
1. Differences when living in Hungary	175	18
2. Differences between Vietnamese and Hungarians	120	6
3. Strange, awkward experiences in Hungary	55	19
4. Changed habits	141	9
Total:	491	52

We identified a total number of 175 opinions on differences when living in Hungary, 120 differences between Hungarian and Vietnamese individuals, 55 strange or awkward experiences when staying in Hungary and 215 utterances about 141 different changed habits after returning to Vietnam. A total number of 491 differences have been identified (see Table 3).

Differences when living in Hungary

We identified 175 differences and set up 18 groups out of those such as follows (in brackets the number of revealed differences): *personal characteristics (55)*; *life, society (31)*; *communication (13)*; *physical environment (12)*; *behavior (8)*; *business, economy (8)*; *environment protection (8)*; *attitude to law, rules (7)*; *work, study (7)*; *food, cuisine (6)*; *habits (5)*; *mindset, emotions (4)*; *traffic (4)*; *housing (2)*; *methods (2)*; *gender (1)*; *history (1)*; *relation to elderly (1)*.

With reference to the main topic of this article we summarize those gained differences that have direct connection with *business, economy* and *communication* in Table 4 below.

Table 4

Differences when living in Hungary (extract)	
Communication	Business, economy
1. Addressing forms are more equal	1. Developed agriculture
2. Communication is open-minded	2. Developed country
3. Different communication: Hungarians are straightforward, speak directly on the topic	3. Embezzlement rarely occurs
	4. Ethical business

4. Different in terms of communication	5. Hungarians are really economic, everything involved in economy is considered carefully
5. Don't talk loudly in public places (train, bus)	6. In Vietnam besides high technology, employees need to learn how to integrate themselves with their bosses: in Hungary similar situation hardly occurs
6. Gentle behavior: always say thank you and sorry	7. Personal ownership is very clear in Hungary unlike Vietnam
7. Hungarians speak gently (in public places)	8. They spend in a planned way
8. In terms of communication: gentle, peaceful	
9. Often say "thank you" and "sorry"	
10. Rarely call the other loudly	
11. Vietnamese laugh loudly	
12. Vietnamese are like Asians: like to "beat around the bush"	
13. Vietnamese often speak long and "beat around the bush"	

Hungarians are seen as being more *punctual* and *conscious on time* than Vietnamese as well as living in a more *scientific*, *disciplined* and *planned* way (the Vietnamese original of the adjective *scientific* is *khoa học*: a term referring to a specific lifestyle connected to health and a theoretically correct way of living).

Environment protection and *cleanness/clean streets* is one of the key differences identified. Hungarians are also seen as much more typically *following rules* and *abiding by the law* when compared with Vietnamese. Some further lacunas we highlight here including: *more punctual public transportation* and the habit of *queuing up* without *barging* in an orderly way in Hungary, as well as *no missing products* in Hungarian stores and the habit of *bargaining* in Vietnam. Hungarians *spend money in a more planned way*, they *celebrate Christmas more economically*. Furthermore In Vietnam *several generations live under the same roof* in contrast with the Hungarian nuclear family model. Hungarians as a European nation is seen to *live along principles*, meanwhile Vietnamese *live by emotions*.

Differences between Vietnamese and Hungarians

The 120 differences found in this point we divided into main groups according to the content such as those related to: (1) *doing business*; (2) *communication*; (3) *lifestyle, society*; (4) *personal characteristics*; (5) *cisine* and (6) *language*. Among the utterances of respondents we found two main types of statements: firstly those oppositions which contrast Hungarians and Vietnamese directly (i.e.: Hungarians *don't ask about the age*, meanwhile Vietnamese *do so*); and secondly those which express a unilateral opinion on either Hungarians or Vietnamese (i.e.: *Vietnamese businessmen only want to sell*). Taking the above into account we marked the first type of oppositions by double arrows (↔) in Table 5 below.

When mapping communicational differences (Table 5 below) respondents highlighted that Hungarians are Westerners/Europeans who are *straight*, *cautious* and *humble*. They *speak more directly and definitively*, by contrast Vietnamese are Asians who are *warmer* and *sometimes considered to be more curious*. They *behave flexibly*,

cleverly, esteem sentiment and relationship. Hastiness and carelessness is also attributed to Vietnamese with reference to their Asian origin. Hungarians are seen as *calmer*, more *self-confident, more open-minded* and *speaking calmer*. Vietnamese are *noisier in communication, less polite and calm* and sometimes seem to be too *curious*. They don't refrain from *asking about the age* of their conversational counterparts, at the same time they are seen as more *timid* and *less self-confident in communication* than Hungarians. Another communicational difference evoked when describing Hungarians is that they tend to *say sorry*.

Table 5

Differences between Hungarians and Vietnamese	
Hungarians	Vietnamese
Communication	1. As Western people: speak directly, definitively ↔ Like Asians: warmer, sometimes considered to be more curious
	2. Calm in communication, behavior ↔ Noisier in communication, behavior
	3. Careful /Considerate /Sensitive/ Cautious/Vigilant ↔ Brisk and hasty
	4. Confident/speak confidently / confident in communication ↔ Sometimes, are more timid
	5. Don't ask about the age ↔ Usually ask about the age
	6. Like everything clear, detailed and concrete ↔ Prefer general and unspecific
	7. Like Westerners: straight, cautious and humble ↔ Like Asians: sometimes hasty and careless
	8. More equal ↔ Less equal
	9. More intimate ↔ Less intimate
	10. More open-minded ↔ Less open-minded
	11. More polite and kind ↔ Less polite and kind
	12. More self-confident, honest ↔ More timid, less honest
	13. Speak more gently ↔ Speak loudly
	14. Straight ↔ Mealy-mouthed
	15. Straighter ↔ Often beat around the bush
	16. Straighter ↔ Less straight
17. Punctual	23. Are defensive;
18. Sensitive;	24. Like
19. Speak directly;	Asians: behave flexibly,
20. They have the art of communication;	<i>cleverly, esteem sentiment and relationship;</i>
21. Willing to help unconditionally;	25. Open-minded;
22. Willing to say "sorry"	26. Wise

Doing business	1. Hungarians are less close (less friendly less sociable)	↔	Vietnamese people are closer (more friendly, more sociable)
	2. Rarely negotiate at a meal or party	↔	Often negotiate at a meal or party
	3. Speak straight on the topic	↔	They beat around the bush
	4. Straighter	↔	Less straight
	5. Patient; 6. Want to widen the relations; 7. Work according to a planned schedule		8. Sometimes they are not honest;
			9. Vietnamese businessmen only want to sell

Differences were pinpointed in terms of doing business including: Vietnamese *often negotiate at a meal or party* while Hungarians rarely do so; Hungarians *work according to a planned schedule* and *Vietnamese businessmen only want to sell*. No clear borderline can be drawn between differences in doing business and in communication: under this point we collected those responses which have direct relevance in business life though.

New types of lacunas and comments

Based on the above introduced results of the research and in connection with the application of Lacuna Theory we would like to make a brief comment on some of our observations of new types of lacunas.

Tonal lacunas. One of the most striking differences of Vietnamese language for foreigners is its tonal system. Vietnamese consists of 6 tones marked by diacritics. Lexemes are monosyllabic, tones may bring about a change of meaning. Besides the obvious difference between Hungarian and Vietnamese languages in terms of the fact that Vietnamese is a tonal language, meanwhile Hungarian is not, we mention here a lacuna faced when analyzing Vietnamese proverbs. In several cases we observed that idioms and proverbs contain pun, a game with words based on two similar lexemes with identical vowel and consonants, with one single difference: tones. In the top 13 results of Vietnamese proverbs we identified 4 cases where a game with the tones can be revealed. The most frequently evoked Vietnamese proverb was *Có tiền mua tiên cũng được* (With money a fairy can be bought) while the fourth placed one proved to be *Tiền là Tiên, là Phật* (Money is a Fairy, a Buddha). Even after a literal translation or an interpretation of the abstract meaning of both proverbs we cannot perceive the pun that lies in the similar form of *tiền* (money) and *tiên* (fairy). The first noun is pronounced with a low-falling, the second one with a mid-level tone).

Classifiers. In Vietnamese classifiers form a special part of speech and can be considered as examples of lacunae. According to Dựng (Dựng 2010) classifiers in Vietnamese can be grouped into 5 categories as follows: (1) classifiers for people (i.e. *physician: thầy thuốc = [classifier for teachers] medicine*), (2) classifiers for things (i.e. *table: cái bàn = [classifier for objects in general] table*), (3) classifiers for emotions (i.e. *joy: niềm vui = [classifier for emotions] joy*), (4) classifiers for various groups (i.e. *association: hội ái hữu = [classifier for groups] love, friendship*), and (5) classifiers for social activities (i.e. *main dish: món chính = [classifier for dishes] main*). It is interesting

to mention that classifiers can also be used independently, i.e.: *Năm quả thôi!* (five [classifier for round-shaped fruits] [final particule for stressing the content]).

Final particles. Vietnamese final particles such as *thôi* form another group of words, which does not exist in Hungarian. *Thôi* as well as *nhé, nhi, nha, a, à* etc. do not have a denotative meaning but can express emotions or add a subjective approach to the content, moreover can express politeness. According to Dũng [Dũng 2010: 45-46] final particles can be divided into 3 categories as follows: 1) interrogative particles (i.e. *không*) that transform a declarative sentence into an interrogative one (*Cô khỏe không?* = “How are you?”); 2) interrogative-expressive particles (i.e. *à*) which just add a nuance of surprise to the question (*Cô mệt à?* = “Are you tired?”) and 3) expressive particles (i.e. *chứ, quá*), words that adds stress, exclamation, surprise, anger or other emotions (*Tôi biết chứ!* = “Surely I know it!”).

Kinship terms. When we try to identify the equivalents of Hungarian personal pronouns in Vietnamese we realize that in the latter language several different lexical items can take the same function as personal pronouns in Hungarian. Those can be grouped into 4 main categories⁴ such as 1) personal pronouns by lexical meaning (i.e. *tôi, “I”; mình, “I”; tao, “I”; mày, “you”; nó, “he/she”; hắn, “he/she”; họ, “they”; chúng, “they/we”*); 2) kinship terms (*bố, “father”; mẹ, “mother”; anh, “elder brother”; chị “elder sister”, em “younger brother” or “younger sister”*); 3) nouns denoting occupations (*giáo sư “professor”; bác sĩ, “doctor”*) and 4) personal names (Hùng, Mai, Thắng, Thủy). Usage of such terms introduced in 1-3. in the function of personal pronouns, reflecting relative age, kinship relations, level of intimacy and/or social status we also consider as intercultural lacunae when Vietnamese and Hungarian languages are contrasted.

Phonemes. On the level of phonetics some respondents mentioned difficulties connected to this area when learning Hungarian. They most commonly took note of the sound “c” which does not exist in Vietnamese, therefore interviewees gave account of the fact that they needed to practice the pronunciation of this sound by repeating Hungarian words such as *cica* (“kitten”). On the other hand they also claimed that they faced problems when trying to differentiate between the sounds “s” and “sz” in Hungarian. This sometimes led to humorous misunderstandings when mixing up for instance *sör* (“beer”) and *szőr* (“hair on human body”).

Lexical lacuna as focal point of research. A substantial implication of the results of our research is the presumption that the further study as well as the more precise classification of lacunas from the Intercultural Linguistic point of view must be done based on *lexical lacunae*. These are the most tangible artifacts of linguistic studies. As Gibson states [Gibson 2010: 25]. Intercultural Communication needs to be grasped along nodes, connecting points of different sciences such as anthropology, sociology, psychology, linguistics etc. Finke adds [Finke 2002: 39. In: Földes 2007] that linguistics should be considered as a network rather than an autonomous, separate field as well. In all circumstances, if Intercultural Linguistics would like to use Lacuna Theory as a consistent method of describing intercultural communication from the linguistic aspect then in first step a clear and concise definition as well as coherent classification of lexical lacunas is needed.

⁴ Classification and examples are from Ngô Như Bình, Bình (2010), 19.p.

Multiple/complex lacunas. As a finding of our research we stated that in real-life situations lacunas typically *do not appear in an isolated manner*, but usually several lacunas are simultaneously present. We set forth such an example among the case studies about a Hungarian female participant of a scientific conference who experienced a shocking scene when another participant of the event sang a song during the panel discussions. In this situation it seems to be unavoidable to embed the analysis of the situation in a complex setting. The general background of the mentioned case is a *scientific conference* with its specific rules and protocol, the Hungarian participant is *female (gender dimension)*, the *social role of singing and music* differs in the two countries. Consequently we need to take a minimum number of 3 lacunas into consideration when analyzing the situation. These types of lacunas we name *complex or multiple lacunas*.

The Lacuna Paradox

Following Labov we call it the *Observer's Paradox* when the observation itself distorts the results of the research: "*the aim of linguistic research in the community must be to find out how people talk when they are not being systematically observed; yet we can only obtain this data by systematic observation*" [Labov 1972: 209]. The personality and mindset of the person conducting the research can significantly influence the results of the research. Hofstede for instance was criticized that even in his cross-cultural research the formation of the questionnaires and the research objectives is deeply connected to his "*culturally programmed*" mindset.

In our study we identified a similar deficiency – we named it the *Lacuna Paradox* – which is present in all cases of intercultural comparisons when we use at least two languages in our research. Results of the survey will necessarily be distorted due to the lacunas within the survey itself (i.e. in the questionnaires, in the utterances of respondents etc.). Our study was even more affected by this phenomenon as we used a third language, English as an intermediary language between Hungarian and Vietnamese. We have mentioned a handful of examples, including the adjective *nhật tình (enthusiastic: in a meaning of helpful and wholehearted)*, the adjective *khoa học (scientific: in the meaning of a specific lifestyle connected to health and a theoretically correct way of living)* or the adjective *gần gũi (meaning: close in the meaning of friendly, relying on each other, helpful)*. All of the above examples illustrate that the lexical items cannot accurately be translated into another language, for this reason they can be regarded as lacunas.

Conclusion: Lacuna Theory pragmatics

The lacuna classification network developed by Y. Sorokin and I. Markovina [Antipov/Donskikh/Markovina/Sorokin 1989; Markovina/Sorokin 2006a, Markovina/Sorokin 2006b; Markovina 2007; Markovina/Sorokin 2010; Markovina 2011] and further elaborated by other researchers [Ertelt-Vieth 2003; Grodzki 2003; Panasiuk 2005; Panasiuk 2006; Panasiuk/Schröder 2006; Turunen 2006; Lenart 2016]⁵ provides a conceptual framework which can be used to identify, describe and interpret differences and similarities in the ways various nations comprehend themselves, other peoples as well as the world as a whole. In other words, the lacuna classification network allows registering, categorizing and assessing cross-cultural differences in various forms of language consciousness externalisation.

⁵ Only international researchers are mentioned here.

As for the research discussed in the article, in our view the further study of intracultural lacuna in Vietnam could yield valuable additional results. *Northern and Southern Vietnam* for example seem to differ both culturally and linguistically thus could be a rich area for future research. Taking the findings of our research into account we can state that assembling a practical *manual for businesspersons* in the Hungary-Vietnam (or in another) relation *based on intercultural lacunas* would raise effectiveness of bilateral economic interactions. Instead of the widespread *Do's and Don'ts* approach that frequently strengthen stereotypical approach of the new, unknown culture, a Business Manual listing out lacunas with examples and case studies could contribute to the success of publications and trainings in the field of intercultural management.

From a wider perspective, the Lacuna Theory used in the research discussed as the methodological basis has – as Prof. Yuriy A. Sorokin pointed out – the marked heuristic value, theoretical and practical implications that have not been demonstrated to the full yet.

References

Antipov, G.A./Donskikh, O.A./Markovina, I./Sorokin, Y. (1989): *Tekst kak yavleniye kulturi* (Text as the phenomenon of culture). Novosibirsk: Nauka, 1989, 197 p.

Bình, Ngô Như (2010), *The Vietnamese Language, Learning Framework, Part One: Linguistics*, Harvard University, In: <http://www.seasite.niu.edu/jsealt/past%20issues/volume%2010/VN%20LLF%20Part%20I.pdf>.

Dụng Trân Ngọc (2010), *Câm Nang Ngữ Pháp Tiếng Việt* (Vietnamese Grammar Handbook), Tủ Sách Tinh Hoa Việt Nam, printed in the USA, 129-146.p.

Ertelt-Vieth, A. (2003), *How to analyze and Handle Cultural Gaps in German Everyday Life (from the perspective of Exchange Students)*, Interculture-Online, No. 4/2003, In: www.interculture-online.info, data retrieved 8 January, 2014.

Földes, Cs. (2007a), „*Interkulturális kommunikáció*”: *konceptiók, módszerek, kérdőjelek*, In: *Fordítástudomány*, 9/1, pp. 14-39.

Gibson, Robert (2010), *Intercultural Business Communication*, Oxford University Press. 123 p.

Grodzki, Erika M. (2003), *Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising*, Peter Lang, Frankfurt am Main, 23-68.; pp.109-161.

Labov, W. (1972): *Sociolinguistic Patterns*, University of Pennsylvania, Philadelphia. 209 p.

Lénárt I. (2013): *How do Vietnamese and Hungarian Businessmen Communicate?* In.: *Hoi Thao Khoa Quoc Te Ngon Ngu Hoc Viet Nam trong Boi Canh Doi Moi va Hoi Nhap, International Conference on the Linguistics of Vietnam in the Context of Renovation and Integration*, ed.: Nguyen Van Hiep, Hanoi, pp. 60-61.

Lénárt I. (2016): *Intercultural lacunae in Hungarian-Vietnamese communication, with emphasis on entrepreneurial interactions*, doctoral dissertation at Eotvos University. 226 p.

Markovina, I. (2007): *Investigating and teaching multiliteracy: an ethnopsycholinguistic approach*. Elsner, D. & Küster, L. & Viebrock, B. (Hrsg.). *Fremdsprachenkompetenzen für ein wachsendes Europa. Das Leitziel "Multiliteralität"*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, pp. 61-74.

Markovina, I. (2011): *Teoriya lakun v issledovanii problem mezhkulturnogo obscheniya. Etnopsikholingvisticheskiye osnovi lakunologii* (The lacuna theory in the investigation of the problems of intercultural communication. Ethnopsycholinguistic basics of lacunology). LAP LAMBERT Academic Publishing. 212 p.

Markovina, I./Sorokin, Y. (2006a): Systematisierungsvergleich linguistischer und kultureller Lakunen. In: *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung*. Igor Panasiuk und Hartmut Schröder (Hrsg.). Münster-Berlin-Hamburg-London-Wien, pp. 21-34.

Markovina, I./Sorokin, Y. (2006b): The lacuna phenomenon and the problem of foreign culture comprehension: An experimental study of lacuna elimination strategies. Panasiuk, I./Schröder, H. (Hrsg.). *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung*. Berlin: LIT Verlag, pp. 154-160.

Markovina, I./Sorokin, Y. (2010): *Kultura i tekst. Vvedeniye v lakunologiyu* [Culture and text. Introduction to lacunology]. Moskva: GEOTAR Publ. 138 p.

Panasiuk, I. (2005): *Kulturelle Aspekte der Übersetzung: Anwendung des ethnopsycho-linguistischen Lakunen-Modells auf die Analyse und Übersetzung literarischer Texte*. Dissertation. Münster etc.: LIT Verlag.

Panasiuk, I. & Schröder, H. (Hg.). (2006): *Lakunen-Theorie. Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung*. Berlin: LIT Verlag.

Panasiuk, I. (2006): *Lakunen-Theorie und Äquivalenzproblematik. Voprosi psikholingvistiki (Problems of Psycholinguistics)*, Moskva: Russian Academy of Science Institute of Linguistics. 3, pp.187-215.

Tarasov, E. (1996): *Mezhkulturnoye obshcheniye – novaya ontologiya analiza yazikovogo soznaniya* [Intercultural communication: new ontology of verbal consciousness analysis]. *Etnokulturnaya spetsifika yazikovogo soznaniya*. Moskva: Russian Academy of Science Institute of Linguistics, pp. 7-22.

Tarasov, E. (2004): *Yazikovoye soznaniye (Language consciousness)*. *Voprosi psikholingvistiki (Problems of Psycholinguistics)*. Moskva: Russian Academy of Science Institute of Linguistics, 2: 34-47.

Turunen, N. (2006): *Feststellung von Lakunen im finnischen Russischunterricht*. Panasiuk I./Schröder H. (Hg.). *Lakunen-Theorie. Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung*. Berlin: LIT Verlag, pp. 260-266.

Ufimtseva N. V. (2014a): *The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World* // *Procedia. Social and Behavioral Sciences*, 2014, v. 154, p. 36-44, ISSN 1877-0428.

Ufimtseva Natalia V. (2014b): *Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication* // *International communication studies*, vol. XXIII:1, 2014. pp.1-13 (ISSN 1057 7769, indexed in EBSCO).

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БИЗНЕСЕ: НОВЫЙ ШАГ В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ ЛАКУН

Ирина Юрьевна Марковина

заведующая кафедрой иностранных языков,
Первый Московский государственный медицинский университет
имени И.М. Сеченова
e-mail: irina_markovina@mail.ru

Иштван Ленарт

доцент кафедры иностранных языков,
Первый Московский государственный медицинский университет
имени И.М. Сеченова
e-mail: istvan_lenart@hotmail.com

В статье представлен новый комплексный подход к кросскультурным исследованиям с использованием теории лакун. Путем многоаспектного анализа выявляется и описывается специфика представлений о бизнесе на материале венгерско-вьетнамских сопоставлений. Авторы развивают теорию лакун, выявляют новые разновидности лингвистических и культуррологических лакун, предлагают варианты практического использования подобных исследований.

Ключевые слова: теория лакун, классификационная сетка лакун, межкультурная коммуникация, языковое сознание, образы сознания, образ мира.

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛЬНОСТИ ФРАНЦУЗОВ И ФРАНКОГОВОРЯЩИХ ШВЕЙЦАРЦЕВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТЕРЕОТИПОВ

Метельская Людмила Николаевна

доцент кафедры французского языка МГИМО(У) МИД РФ
119454 Москва, проспект Вернадского, д.76
e-mail: ludmilamet@mail.ru

В статье предпринимается попытка выявить особенности ментальности французов и франкоязычных швейцарцев путем сопоставления наборов стереотипов, которые существуют в их культурах друг о друге. Исследование основано на теоретических представлениях об онтологической оппозиции «свой-чужой» как постоянного принципа культуры. При этом создание стереотипов рассматривается не только как попытка упорядочить многообразие представлений о мире, но и возможность рефлексии над собственной системой ценностей и её трансляции во внешний мир. Материалы для исследования взяты из франкоязычных блогов и электронных версий франкоязычных изданий.

Ключевые слова: оппозиция «свой – чужой», этноцентризм, стереотип, ментальность, французы, франкоговорящие швейцарцы

Оппозиция «свое – чужое» является универсальным феноменом, организующим все формы человеческого существования. Когнитивная ценностно-оценочная система знаний об окружающем мире отдельно взятой личности обусловлена особенностями культуры, к которой принадлежит этот человек. Каждый этнос обладает определённой «сеткой координат», при помощи которой он воспринимает окружающий его реальный мир. Именно эта «сетка» определяет тот особенный угол зрения, в силу которого представитель одной культуры склонен открывать в окружающем его материальном и духовном мире одни аспекты, а выходцы из другой культуры – иные.

Поскольку всё новое познается через старое, т.е. опираясь на уже имеющиеся знания и представления о мире, человек склонен воспринимать и оценивать явления окружающей действительности с точки зрения «своей» этнической общности, рассматриваемой в качестве некоего эталона. При этом наиболее естественной психологической реакцией на новое является недооценка «чужого» и переоценка «своего» [Сорокин 1994: 3-9]. Вместе с тем иррациональное положительное представление о своей этнической общности (этноцентризм) не обязательно подразумевает формирование отрицательного или даже враждебного отношения к представителям других этнических общностей. Характер этноцентризма определяется типом общественных отношений, идеологией, содержанием национальной политики, а также личным опытом каждого отдельно взятого индивида. Однако в любом случае этноцентризм является мощным стимулом внутригрупповой консолидации [Крысько 2003: 398].

Междисциплинарный подход к изучению оппозиции «свой-чужой» объясняется возросшей актуальностью проблемы толерантности, тесно связанной с категоризацией окружающего мира с позиций этноцентризма. Толерантность, постулирующая терпимое отношение к иному мировоззрению и образу жизни, не означает безусловного

принятия «чужого» или безразличного отношения к нему, что противоречило бы психической сущности человека. Толерантность в межкультурном общении заключается в предоставлении другим права жить в соответствии с их собственным мировоззрением.

Оппозиция «свой-чужой» как постоянный принцип культуры лежит в основе этнического самосознания и проявляет себя на разных уровнях: этнических, языковых, конфессиональных, социальных и т.д.

При изучении оппозиции «свой-чужой» на межэтническом уровне исследователями выделяются две основные функции [Кишина 2011: 174]:

1) этнодифференцирующая, выражающаяся в противопоставлении этнической специфики разных народов (наша культура – их культура, наш менталитет – их менталитет);

2) этноинтегрирующая, способствующая осознанию единства своей нации (осознание некоторой группой самой себя как «своих» в отличие от «чужих»).

«Категоризация окружающей реальности по принципу «своё – чужое» может рассматриваться как с позиций индивидуализированного Я, так и с позиции социальной группы. ... Для определения границы между «своим» и «чужим» необходимо осознание себя как Я в противопоставлении ДРУГОМУ. Оппозиция Я – ДРУГОЙ, организующая единство семантического образования «свой – чужой», является производящей основой для образования групп более сложного характера, предполагающих не только различие, но и потенциальное взаимодействие:

Я – МЫ (выражение человеческой общности);

Я – ТЫ (процесс коммуникации с другими людьми);

Я – Я (процесс автокоммуникации, внутренний диалог с собой);

МЫ – ОНИ (взаимодействие на уровне разных социальных общностей);

Я – ОНИ (противопоставление себя социальной группе).

Разноуровневая категоризация обуславливает нетождественный характер отождествляемых денотатов: с позиций Я категоризации подвергаются объекты реальной действительности и ментальные образования, наделяемые определёнными личностно-ценностными смыслами, с позиций совокупного МЫ такому членению подвергаются различные образования социально-ценностного характера. [Кишина 2011: 176]

В данной статье функционирование представления о «своём-чужом» рассматривается на примере взаимодействия двух близких лингвокультурных общностей: французов, живущих на границе со Швейцарией, и франкоязычных швейцарцев.

Общеизвестно, что национальный язык выступает как самый специфичный для данной культуры способ оформления и осмысления мира, являясь неотъемлемым и самым устойчивым признаком нации. Отличительной особенностью предмета нашего изучения является отсутствие полноценной оппозиции на языковом уровне. Многочисленные исследования направлены на изучение несоответствий в *suisse romand* (швейцарский французский) и *français de référence* (стандартный французский), однако общепринятым положением является тот факт, что языковой нормой французского языка Швейцарии является литературный язык Франции, а гельветизмы, безусловно присутствующие в швейцарском варианте, могут рассматриваться только как разновидность нормы.

Уникальность социолингвистической ситуации Швейцарии состоит в том, что несмотря на языковую близость к культурам метрополий (Германии, Франции и Ита-

лии) соответственных кантонов, в Швейцарской Конфедерации сформировалась собственная культурная надстройка, отражающая особенности исторического развития, политического, административного и социального устройства этого уникального государства. Сформировались собственные швейцарские ценности, благодаря которым люди, разговаривающие на разных языках, чувствуют себя единой нацией.

В условиях объединенной Европы оппозиция «свой-чужой» функционирует скорее по модели МЫ-ОНИ, подразумевающей тесное взаимодействие на уровне разных социальных общностей. На терминологическом уровне более корректным было бы говорить об оппозиции «свой – другой», поскольку историческое, языковое и культурно-бытовое взаимопроникновение этих этносов настолько велико, что на данном этапе социально-общественного развития речь не может идти о глубинном отрицательном, а тем более враждебном отношении. С позиции совокупного МЫ в основном категоризации подвергаются надстроечные образования социально-ценностного характера.

Поскольку коллективная память не безгранична, представления о «своих» и «чужих» закрепляются в ней в виде стереотипов, когнитивную основу которых составляют характеристики «чужого», полученные при сравнении со «своим». При формировании стереотипов включаются процессы генерализации и переноса, которые выражаются в том, что обыденное сознание переносит признак одного объекта на ряд объектов того же класса, в результате чего происходит редукция индивидуальных признаков объекта и формируется обобщенное, упрощенное представление о нем. Такая информация часто недостоверна или неполна.

Стереотипы о «своих» и «чужих» имеют когнитивную и аффективную составляющие, при этом аффективный компонент оппозиции имеет значимые проявления как при формировании, так и при функционировании стереотипа.

Этнические стереотипы могут быть двух видов — автостереотипы (описание собственного этноса) и гетеростереотипы (описание другого, не своего, этноса). Для автостереотипов характерно стремление внести в их содержание идеалы собственного этноса, поддержание наиболее самобытных качеств национального характера. Для гетеростереотипов характерна склонность к антропостереотипам, то есть обусловленности стереотипа внешним обликом индивида. В гетеростереотипах, на уровне обыденного сознания, внешний облик представителя соответствующего этноса связывают с определенными психическими чертами. На основе этнических стереотипов возникают соответствующие типы поведения и общения между представителями разных этносов. Этнический образ, основанный на автостереотипах, может значительно отличаться от этнического образа, основанного на гетеростереотипах.

Очевидно, что вследствие действия процессов генерализации и переноса этнический образ, как основанный на автостереотипе, так и на гетеростереотипе, является обобщенной характеристикой и может не совпадать с индивидуальными характеристиками отдельных членов этноса.[Кашкин 2005: 250]

Таким образом, система стереотипов — это не просто попытка создать упорядоченное представление о многообразной и порой хаотичной реальности, не только сокращённый или упрощённый путь к её восприятию и познанию. Создание системы стереотипов о «чужом» («другом») неизбежно является **рефлексией над содержанием собственного сознания**. Стереотипы о «чужом» («другом») проецируют во внешний мир **осознание собственных ценностей**, они всегда окрашены аффективно, наполне-

ны чувствами, предпочтениями, приятной или неприятной, ассоциируются со страхами, желаниями, влечениями, гордостью, надеждой.

Для данного исследования автором на основе электронных версий французской и швейцарской франкоязычной прессы и франкоязычных блогов были выделены наборы стереотипов швейцарцев о французах и французов о швейцарцах. Мы не претендуем на полноту и завершенность этих наборов, поскольку целью данного исследования была попытка создать некий конструкт этнического образа французов и швейцарцев, основанный на их стереотипных представлениях о соседях.

Выделенные нами наборы гетеростереотипов (французы о швейцарцах, швейцарцы о французах) были разделены по определенным тематическим признакам: особенности социального поведения, отношение к языку и отношение к Швейцарии. Актуальность первой и третьей темы объясняется соседством двух стран, повседневным соприкосновением в быту и неизбежным сравнением образа жизни и поведения представителей двух этносов. Вторая тема всегда актуальна для всех франкофонов, отличающихся трепетным отношением к своему родному языку. Здесь необходимо отметить тот факт, что швейцарцев, особенно проживающих в глубинке, по мнению многих исследователей (P. Singy, Ладыгина) отличает комплекс языковой неуверенности (*insécurité linguistique*). «Этот комплекс в частности проявляется в том, что язык французов, прежде всего парижан, представляется им более престижным и правильным, чем их собственный французский язык» [Singy 1998: 35]

При сопоставлении наборов стереотипов (французы о швейцарцах, швейцарцы о французах) проявляются, с одной стороны, дифференцирующие признаки, восходящие к историческому прошлому, общественно-политическому устройству, ментальности общности, с другой стороны, выявляются ценностные ориентации этносов.

Таблица 1

Швейцарцы о французах	Французы о швейцарцах
Шовинисты, имеют тенденцию возносить и преувеличивать свои национальные достижения Всегда всем недовольны, много говорят, самоуверенны, легко повышают голос Французы плохо водят машину, опасны на дорогах Французские мужчины – бабники, считают себя неотразимыми	Придерживаются крайне правых взглядов Ни о чем не имеют своего мнения В Швейцарии нет безработных Специалисты в приготовлении фондю, обожают шоколад, разбираются в часовом деле

При анализе первой группы стереотипов становится очевидным, что для швейцарцев нормой общения является сдержанность, доброжелательность, при этом повышенные тона в разговоре считаются отступлением от нормы и сразу привлекает внимание. Для французов же ценностным качеством является наличие четко сформулированного собственного мнения по любой проблеме. Законопослушность и приверженность швейцарцев соблюдению правил, как и их признание харизматичности соседей нашли своё отражение в вышеприведенных примерах. Бытующий среди французов стереотип об отсутствии безработицы в Швейцарии не столько является ложным по сути, сколько свидетельствует об остроте этой проблемы в самой Франции и является следствием представления о Швейцарии как о вожделенной стране, где нет

экономических проблем и огромные зарплаты. Это представление не мешает им посмеиваться над соседями, которые на референдуме отказались от 6-недельного отпуска (существующего во Франции) в пользу традиционного 4-недельного.

Таблица 2

Отношение к языку

Французы (по мнению швейцарцев)	Швейцарцы (по мнению французов)
Считают парижское произношение эталоном для всех франкофонов Неспособны к иностранным языкам, невозможно понять француза, говорящего на иностранном языке, потому что он все слова пытается произнести на французский манер	В швейцарском французском много смешных слов, швейцарцы говорят медленно и растягивают слова Все швейцарцы говорят на трех языках

Данное сопоставление стереотипов указывает, с одной стороны, на признание швейцарцами превосходства французов во владении французским языком, с другой стороны – о признании французов факта о том, что швейцарцы гораздо больше подготовлены к межкультурному общению, чем они сами. В швейцарской прессе появилось рекламное объявление языковой школы на английском языке: « Learn French. It is much easier than to understand French speaking English.» (Изучайте французский. Это гораздо легче, чем понять француза, говорящего на английском.) Не все швейцарцы говорят на трёх языках, но в своём большинстве они говорят на английском лучше, чем французы.

Таблица 3

Швейцария и швейцарцы

По мнению швейцарцев	По мнению французов
Мы патриоты своей страны, мы упорны и пунктуальны Все, что производится в Швейцарии, очень надежно. У нас чисто Соседи из соседних стран создают проблемы	Нейтралитет Швейцарии опасен аннексией Уникальный пейзаж альпийской страны в опасности Можно легко обойти правила (напр., проехать без билета), поскольку многое построено на доверии

В данном случае мы имеем возможность сопоставить наборы авто и гетеростереотипов о Швейцарии и швейцарцах. Становится очевидным, насколько различается угол зрения, под которым представители разных этносов видят один и тот же объект, насколько их мнения обусловлены своими собственными ценностями и чаяниям, той самой системой координат, о которой мы говорили выше.

Проанализировав полученные данные, мы позволили себе создать два конструкта этнических образов французов и швейцарцев, основываясь на стереотипах, бытующих в их культурах друг о друге. Эти реконструированные портреты высвечивают некие черты, которые не всегда представлены в автостереотипных описаниях, но, являясь проекцией гетеростереотипов, выявляют нечто подсознательное, поскольку человек отмечает в новой для него ситуации те черты, которые являются для него либо непривычными и неожиданными, либо представляют для него особую ценность.

Используя данную методику, мы пришли к следующим выводам, представленным в нижеприведенной таблице:

Таблица 4

французы	швейцарцы
Привержены республиканским ценностям Большое значение придают умению дискутировать, формулировать и отстаивать собственное мнение Фокусируются на социальных проблемах общества (безработица), при этом с легкостью готовы нарушать правила и нормы Язык является национальным достоянием французов Признают своим недостатком плохое владение иностранными языками Искренне заинтересованы кулинарией	С пиететом относятся к своей стране, возможно, считают, что её роль на международной арене несколько недооценена по сравнению с соседями Самодостаточны, уравновешены, не любят (или не умеют) привлекать к себе внимания Законопослушны, пунктуальны, вежливы Испытывают определенный комплекс лингвистической неполноценности по отношению к французам, но не оспаривают их превосходства во владении родным языком

Литература

Балясникова О.В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дис... канд. филол. наук. М., 2003. – 224 с <http://www.dissercat.com/content/svoi-chuzhoi-v-yazykovom-soznanii-nositelei-russkoi-i-angliiskoi-kultur>

Кашкин В. Б., Смоленцева Е. М. Табуированные темы и этностереотипы в межкультурной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. Воронеж : ВГУ, 2005. – С. 246–252.

Кишина Е.В. Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник КемГУ. 2011 . №4. – С.179 – 179.

Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. Спб.: Питер, 2003. – 416 с

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. – Самара: Русский лицей, 1994. – 94 с.

Singy P. L'insécurité linguistique en Suisse romande, quelle pertinence accorder au critère sexuel ? // Singy P. Les femmes et la langue: L'insecurité linguistique en question. Lausanne-Paris: 1998. – 59 с.

<http://www.yapaslefeuaulac.ch/vision-de-la-suisse-par-une-normande-expatriee/> (дата обращения: 09.10. 2015)

<http://www.yapaslefeuaulac.ch/la-suisse-vue-par-une-empat-francaise/> (дата обращения: 05.09.15)

<http://www.ville-geneve.ch/> (дата обращения: 10.07.16)

<http://www.yapaslefeuaulac.ch/les-cliches-sur-les-francais/> (дата обращения: 10.08.16)

www.hebdo.ch/les-blogs/falconnier-isabelle-redacteur-lhebdo (дата обращения: 26.08.16)

MENTALITY PARTICULARITIES OF THE FRENCH AND THE FRENCH-SPEAKING SWISS THROUGH THE PRISM OF STEREOTYPES

Liudmila N. Metelskaya

Associate professor at the French Language Department of MGIMO University
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow 119454
e-mail: ludmilamet@mail.ru

The article makes an attempt to identify mentality particularities of the French and the French-speaking Swiss by comparing a series of stereotypes existing in their cultures about each other. The research is based on theoretical concepts of ontological opposition “own-alien” as a constant principle of culture. The development of stereotypes herewith is considered not only as an attempt to organize the multitude of views of the world but also as an opportunity to reflect on their own system of values and its broadcast to the outer world. The research data was taken from French blogs and French digital publications.

Keywords: opposition «own – alien», ethnocentrism, stereotype, mentality, the French, the French-speaking Swiss.

References

Baliasnikova O.V. «Svo-chujo» v iazykovom soznanii nositelej ruskoj i angliskoj kultur [« own-alien « in language consciousness of carriers of the Russian and English cultures]: dis... kand. filol. nauk. Moscow: 2003. 224 p

Kashkin V. B., Smolenceva E. M. Tabuirovannye temy i etnostereotipy v mejkulturnoj kommunikacii [The tabooed subjects and ethnostereotypes in cross-cultural communication] // Kulturnye tabu i ih vliianie na rezultat kommunikacii : Voronej. 2005. pp. 246—252.

Kishina E.V. Semanticheskaia oppoziciia «svo - chujo» kak realizaciia ideologo-manipuliativnogo potenciala politicheskikh diskursov [Semantic opposition « own-alien « as realization of ideologo-manipulative potential of political discourses]//Vestnik KemGU, 2011. no 4. pp.179 – 179

Krysko V.G. Slovar-spravochnik po socialno psihologii.[Dictionary of social psychology]- Spb.: Piter, 2003. 416 p

Sorokin U.A. Etnicheskaia konfliktologija. [Ethnic Conflictology] Samara: Russki licei, 1994. 94 p

Singy P. L'insécurité linguistique en Suisse romande, quelle pertinence accorder au critère sexuel ? // Singy P. Les femmes et la langue: L'insecurité linguistique en question. Lausanne-Paris: 1998. 59 p

<http://www.yapaslefeuaulac.ch/vision-de-la-suisse-par-une-normande-expatriee/> 09.10. 2015

<http://www.yapaslefeuaulac.ch/la-suisse-vue-par-une-expat-francaise/> 05.09.15

<http://www.ville-geneve.ch/> 10.07.16

<http://www.yapaslefeuaulac.ch/les-cliches-sur-les-francais/> 10.08.16

www.hebdo.ch/les-blogs/falconnier-isabelle-redacteur-lhebdo/ 26.08.16

**ТЕКСТ И ЕГО «ПРОЕКЦИИ»:
ПАМЯТИ Ю.А. СОРОКИНА И А.И. НОВИКОВА**

Нестерова Наталья Михайловна

профессор Пермского национального исследовательского политехнического
университета
Россия, Пермь, Комсомольский проспект, 29
e-mail: nest-nat@yandex.ru

Система представлений (смыслов) и составляет, по-видимому, ту проекцию текста, которая формируется у реципиента при взаимодействии его с некоторой знаковой продукцией.

Ю.А. Сорокин

В статье рассматриваются Текст как объект исследований Ю.А. Сорокина и А.И. Новикова. Как известно, оба лингвиста изучали текст с точки зрения его восприятия и понимания, для чего оба пользовались термином «проекция», который был предложен Н. Рубакиным для описания взаимодействия текста и реципиента. Используя этот термин, А.И. Новиков дает определения понятиям «содержание текста» и «смысл текста», что позволяет выявить принципиальное различие между этими двумя результатами понимания текста. Сквозь призму теории текста А.И. Новикова рассматривается и феномен перевода, который также входил в круг научных интересов Ю.А. Сорокина.

Ключевые слова: текст, сознание, проекция, значение, смысл, содержание, перевод, переводческое решение.

Предварительные замечания

Юрий Александрович Сорокин и Анатолий Иванович Новиков – два человека, два выдающихся лингвиста, которых связывала не только человеческая дружба, но и общий научный интерес, а именно Текст. Для меня же они оба связаны с моей первой диссертацией, которая писалась в Институте языкознания. Один из них (А.И. Новиков) был руководителем, второй (Ю.А. Сорокин) – оппонентом. Когда в 2003 году ушел из жизни Анатолий Иванович, мы (ученики и сотрудники сектора, которым он руководил) планировали издать научный сборник, посвященный Анатолию Ивановичу. Одним из первых, кто откликнулся на предложение участвовать в этом проекте, был Юрий Александрович. Им была написана статья «Поэтический текст: в чем его тайна и притягательность?». Сборник, к сожалению, так и не увидел свет. Статья, возможно, была опубликована, но я хочу вспомнить так называемую «мини-преамбулу», с которой начинался текст Юрия Александровича. Приведу ее почти полностью, т. к. в ней отражена атмосфера Института тех лет: «С Толей Новиковым (написать: «С Анатолием» или «Анатолием Ивановичем») рука не поднимается) мы встречались по вторникам и четвергам в Институте. Он приходил на работу пораньше. Я тоже. Ставили чайник. Пили что было: чай или кофе – растворимый, конечно: по одежке протягивай ножки. Разговаривали, пока «народ» не набегал в его Сектор, и о делах житейских <...>, и о том, чем оба интересовались: ТЕКСТОМ, его структурой, ЗНАЧЕНИЕМ и СМЫСЛОМ, возможностью препарировать текст и заглянуть в его нутро. Особенно он подбивал меня

на разговоры о значении и смысле, от которых я старался увернуться: «Кто ученик Жинкина? Ты. Тебе и карты в руки. Ты и разъясняй – и себе, и мне. Одного не могу понять: как эта застывшая лава, этот канон по имени Значение может совмещаться со смыслом, который всегда температурит» (Выд. автора)[Сорокин, рукопись]. Далее Сорокин добавляет, что его очень интересовали новиковские приемы анализа текста: сверху, а не снизу, не с «половиц», а с «крыши, со стропил».

Как мы видим, в этой «минипреамбуле» Ю.А. Сорокин обозначил проблематику, интересовавшую их обоих: *текст, значение и смысл, текст и реципиент*.

Текст в зеркале исследований Ю.А. Сорокина и А.И. Новикова

Итак, как пишет сам Ю.А. Сорокин, оба ученых интересовались Текстом, думали о том, как его «препарировать и заглянуть в его нутро». Результаты раздумий вылились в две монографии «Психолингвистические аспекты изучения текста» (Сорокин 1985) и «Текст и его смысловые доминанты» (Новиков 2007)¹. Обе монографии начинаются с объяснения всплеска интереса к феномену текста. Так, Ю.А. Сорокин пишет: «Анализ текста как весьма **сложного и полифункционального знакового образования** занимает в последнее время все большее место в работах специалистов-гуманитариев самого различного профиля» (Здесь и далее выд. наше –Н.Н.) [Сорокин 1985: 5]. Далее он подчеркивает, что одной из существенных проблем, от которой зависит коммуникация, является именно проблема **адекватного восприятия, понимания и оценки текста**.

Объясняя интерес к феномену текста, ученый говорит и о той самой вечной проблеме — проблеме смысла и значения, о проекциях, образующихся «в процессе восприятия, понимания и оценки текста реципиентами (возникновение вторичных текстов на основе исходного текста, служащего пусковым механизмом для возникновения проекций-семантем)» [Op. cit.: 5].

Книга А.И. Новикова, которая была написана много позже, также начинается с указания на неослабевающий, а, наоборот, усиливающийся интерес к Тексту и на актуальность его изучения. Ученый с сожалением констатирует, что за прошедшие 30 лет интенсивных исследований не была создана единая теория текста. В частности, он отмечает, что «вместо единого учения, на роль которого в свое время претендовала лингвистика текста, появились такие достаточно самостоятельные дисциплины, как функциональная лингвистика, коммуникативная лингвистика, когнитивная лингвистика, теория дискурса и др. И дело здесь, вероятно, не только в **многогранности текста** как объекта исследования. Большую роль здесь играют причины более принципиального характера. Это — прежде всего само **понимание природы текста, его основных свойств и признаков**» [Новиков 2007: 10]. Объясняет он такую ситуацию с изучением текста его спецификой, которая «заключается в том, что он представляет собой **целостный комплекс языковых, речевых и когнитивных факторов, неразрывное единство и взаимодействие которых и определяет его внутреннюю смысловую сущность**» [Op. Cit.: 10].

В приведенных выше цитатах выделено то основное в феномене текста, что занимало умы обоих ученых. Это, как мы видим, *сложность и многогранность природы текста, его основные свойства и признаки, функционирование текста, восприятие и оценка текста реципиентом*. Как известно, Ю.А. Сорокин высоко ценил исследования Н.А. Рубакина и пользовался его термином «проекция» (см.

эпиграф к данной статье), под которой Рубакин понимал результат восприятия текста некоторым реципиентом [Рубакин 1977: 55-56]. Согласно Рубакину, содержание текста нужно рассматривать как стимул для формирования тех или иных проекций в сознании реципиентов, воспринимающих текст.

Итак, термин «проекция» в концепции Ю.А. Сорокина становится принципиальным для описания «взаимодействия» между текстом и реципиентом. А.И. Новиков в своих последних работах также использует данный термин для дефиниций содержания и смысла текста, для выявления их сущностного различия. Таким образом, можно сказать, что случилось то, о чем один ученый просил другого: «ученик Жинкина» начал разъяснять себе и другим, как содержание «может совмещаться со смыслом, который всегда температурит», причем начал «сверху, а не снизу, не с «половиц», а с «крыши, со стропил» [Сорокин, рукопись].

И вот появляются одна за другой работы А.И. Новикова, в которых разрабатывается смысловая проблематика («Содержание и смысл текста», «Смысл: семь дихотомических признаков», «Смысл как особый способ членения мира в сознании», «Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста» и, наконец, монография «Текст и его смысловые доминанты»). Приступая к изучению феноменологической сути смысла, ученый писал: «Смысл относится к тем загадочным явлениям, которые считаются как бы общеизвестными, поскольку постоянно фигурируют как в научном, так и быденном общении. Но на самом деле он не только не имеет сколько-нибудь строгого общепринятого определения, но и на описательном уровне существует большой разброс суждений о том, что это такое» [Новиков 2007: 162]. А.И. Новиков и поставил перед собой задачу дать релевантное определение понятию «смысл текста». В результате интенсивных экспериментальных исследований и теоретического осмысления полученных результатов формируется теория смысла. На основании проведенных экспериментальных исследований соотношения содержания и смысла в тексте Новикову удалось найти ту демаркационную линию, которая разделяет данные понятия. Нашел он ее в способе проецирования содержания и смысла на сферу сознания, что и сделало возможным выявить принципиальное феноменологическое различие между этими понятиями и дать им соответствующие определения, согласно которым содержание — это **проекция** текста на сознание, а смысл — это обратная **проекция** сознания на текст. Таким образом, содержание и смысл, будучи оба результатами понимания, представляют собой разные ментальные образования, и, соответственно, в основе их формирования лежат различные речемыслительные механизмы: «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл — это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное «положение вещей» в мире. Смысл же базируется в определенной степени на уяснении «сути дела», запрограммированной автором в замысле текста, который при восприятии предстает как некоторый код, который следует расшифровать» [Новиков 2007: 143]. Из вышесказанного можно сделать вывод: содержание объективно (и поэтому его можно моделировать), смысл же всегда субъективен. Отсюда еще одно очень важное заключение: «Текст сам по себе не имеет смысловой структуры. Смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст» [Новиков 2007: 179].

Итак, смыслу, который, как говорил Ю.А. Сорокин, «всегда температурит», дано вполне релевантное, операциональное, не противоречащее здравому смыслу определение. Ученик Жинкина выполнил «задание», данное ему его другом и коллегой.

Смысл и перевод

В круг научных интересов Ю.А. Сорокина, как известно, входил и перевод. Юрий Александрович был не только переводчиком-практиком, но и теоретиком перевода, который имел свой собственный взгляд (чуть-чуть эпатажный) на проблемы перевода. Достаточно взглянуть на содержание его небольшой книжки под названием «Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры». Там мы найдем такие главы – вопросы: «Что ждет переводчика – рай или ад?», «Существует ли художественный перевод?», «Зачем существуют переводы и переводчики: размышления не для себя».

Размышляя о переводе, Ю.А. Сорокин пишет о влиянии степени креативности переводчика на перевод и его результат — текст перевода. А И. Новиков, никогда не занимавшийся переводом сам, предложил мне заняться проблемой вторичности в переводе. Так родилась тема «Вторичность как онтологическое свойство перевода».

В процессе исследования различных переводов стало очевидно, что вторичность не является абсолютной характеристикой текстов перевода, что ее степень зависит от нескольких факторов, в том числе, и от личности переводчика, и его **креативности: чем выше креативность, тем ниже степень вторичности перевода**. Это не вызывало и не вызывает сомнений, это бесспорный факт. Но хотелось бы подчеркнуть другое, а именно проблему смысла в переводе.

Аксиоматичным считается, что объектом перевода является смысл. Со времен Цицерона и Иеронима известен главный принцип перевода: *Non verbum de verbo, sed sensum de sensu exprimere*. Однако возникают вопросы: Как может переводиться то, что «постоянно температурит», то, чего нет в тексте, что есть лишь проекция сознания на текст? Какой (чей) смысл в этом случае мы переводим?

Если следовать теории смысла А.И. Новикова, то ответ на этот вопрос может быть следующим. Создавая текст перевода, переводчик вербализует свою собственную проекцию на переводимый текст, которая, в свою очередь, формируется у него как «реакция» на содержание, которое, в свою очередь, есть проекция текста на сознание. И здесь снова возникают вопросы: Что можно считать критерием сохранения смысла в переводе? Какую проекцию сознания переводчика на текст оригинала можно признать адекватной, а какую нет? Что считать ошибочной проекцией, а что верной? Становится понятным и актуальным вопрос Ю.А. Сорокина: «Что ждет переводчика – рай или ад?» Его собственный ответ – Чистилище. Почему? Потому что «Чистилище – это место пребывания медленного времени. Его хватит, чтобы расщелкаться с самим собой, и прежде всего за торопливость в нахождении переводческих ответов [Сорокин 2003: 69].

Рассмотрим один из таких «переводческих ответов», основываясь на теории текста А.И. Новикова. Речь идет о романе английского писателя-постмодерниста Питера Акройда «The Lambs of London». Точный перевод этого заглавия должен бы звучать как «Лэмы из Лондона» или «Лондонские Лэмы», т.к. the Lambs – это

Чарльз и Мэри Лэм, авторы переведенных на многие европейские языки популярных рассказов для детей по сюжетам У. Шекспира. Лэмы хорошо известны английским читателям.

В России роман вышел под названием «Лондонские сочинители». Переводчик Инна Стам, переосмыслив название романа, заменила фамилию Лэм на многозначное слово «сочинители». И вот перед нами два заглавия: «The Lambs of London» и «Лондонские сочинители». Их смысловое различие очевидно.

Заглавие, как известно, играет очень большую роль в восприятии текста. Будучи первой и сильной позицией текста, оно в значительной степени влияет на формирование проекции сознания читающего на текст, т.е. на формирование смысла. Именно заглавие часто становится камнем преткновения для переводчика, поскольку, как писал С.Д. Кржижановский, оно «вправе выдавать себя за главное книги». [Кржиновский 1931: 3]. Ему же принадлежит афористическое высказывание об отношении книги и заглавия: «книга и есть развернутое до конца заглавие, заглавие же — стянутое до объема двух-трех слов книга» [Op. Cit: 3]. Такая роль заглавия накладывает особую ответственность на переводчика, если мы говорим о сохранении «главного книги». Уместно вспомнить и У.Эко, который считал, что «название должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их. Ничто так не радует сочинителя, как новые прочтения, о которых он не думал и которые возникают у читателя» [Эко 201: 3].

Вернемся к «Лондонским сочинителям». Насколько оправдан такой «переводческий ответ» на вызов, который «бросает» переводчику автор? Лэмы – это имя, которое хорошо известно английским читателям, но для большинства русских читателей оно ничего не говорит. Это то, что Ю.А. Сорокин и И.А. Марковина назвали «лакуной культурного фонда», такая лакуна указывает «на несовпадение в том комплексе (запасе) знаний, которым владеют "типичные" представители различных лингвокультурных общностей» [Марковина, Сорокин 2010: 62].

Говоря об оригинальном названии романа П. Акройда, нужно отметить, что помимо того, что оно содержит лакуну культурного фонда, оно еще и «запутывает мысли», поскольку главным героем произведения оказывается фальсификатор Уильям Айрленд, умело подделавший якобы обнаруженные им рукописи У. Шекспира, в то время как Лэмы становятся «фоновыми» персонажами, вовлеченными в историю фальсификации Айрленда. Именно это и явилось причиной эффекта обманутого ожидания, если судить по отзывам англоязычных читателей, которые полагали, что их ждет беллетризованный рассказ о жизни Чарльза и Мэри Лэм.

Очевидно, что «точный» перевод данного заглавия невозможен, если ориентироваться на русскоязычного читателя, поэтому рождается новое заглавие «Лондонские сочинители». Не знаю, как бы принял такое переводческое решение Ю.А. Сорокин, но мне оно представляется удачным. Попытаемся интерпретировать данное решение переводчика в терминах теории А.И. Новикова, т.е. в терминах проецирования. В предложенном заглавии выразилась проекция И. Стам на текст. Но сначала возникла проекция текста на сознание, т.е. было сформировано ментальное образование, соответствующее содержанию текста, которое, по словам А.И. Новикова, является моделью фрагмента действительности, представленного в тексте. Эта модель отражает объективное «положение вещей» в мире [Новиков

2007: 143] «Положение вещей» в романе Акройда таково, что всех героев так или иначе можно назвать сочинителями в разном значении данного русского слова. Это сочинители — писатели, это и сочинители – выдумщики, даже обманщики.

Такое «положение вещей» порождает обратную проекцию сознания переводчика на текст, т. е. тексту приписывается смысл, который и заключается в том, что все, что происходит в романе – это сочинительство, это игра. Но это уже моя проекция на русский текст романа, на формирование которой, несомненно, повлияло заглавие.

Заключение

В заключение хотелось бы сказать, что интерес к Тексту, который был объектом исследования и Ю.А. Сорокина и А.И. Новикова, не угас. По-прежнему продолжают попытки его препарировать, понять его «устройство», вскрыть механизмы смыслопорождения. И если в 70-е годы прошлого столетия возникла так называемая лингвистика текста, то сейчас мы можем говорить и о психолингвистике текста, заслуга в формировании которой принадлежит обоим ученым.

Сегодня мы можем наблюдать и все возрастающий интерес к феномену перевода, исследования которого поражают количеством и разнообразием подходов к его пониманию. Представляется, что психогерменевтическое «переводоведение» Ю.А. Сорокина и психолингвистическая теория текста А.И.Новикова могут предложить новый ракурс в исследованиях перевода как опосредованного вида межъязыкового и межкультурного общения.

Подводя итог, хочется также отметить, что перевод – это не только искусство потерь, как считал М.Л. Лозинский, но и искусство приобретения, примером чего, как нам кажется, и является русскоязычный вариант перевода заголовка романа П. Акройда «Лондонские сочинители» («The Lambs of London»). Смысл, заложенный в названии текста оригинала, был утерян при его переводе, вместе с тем в названии переведенного текста появился другой. Так и возникают «новые прочтения» текста, которые, по словам У. Эко, очень радуют сочинителя. Это дает возможность предположить, что есть переводчики, которых ждет Рай.

Литература

- Акройд П.* Лондонские сочинители / Пер. И. Стам. М.: Иностранка, 2008. – 272 с.
- Кржижановский С.Д.* Поэтика заглавий. М.:Никитинские Субботники, 1931. – 32 с.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. – 144 с.
- Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н.В.Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.
- Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977. – 263 с.
- Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. – 168 с.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. – 160 с.
- Ackroyd P.* The Lambs of London. London: Vintage, 2005. – 224 p.

**TEXT AND ITS “PROJECTIONS”:
in Memoriam of Yuriy A. Sorokin and Anatoliy I. Novikov**

Natalia M. Nesterova

Professor of Perm National Research Polytechnic University,
29 Komsomolsky prospekt, Perm, Russia.
e-mail: nest-nat@yandex.ru

The article discusses the text as a research object of Yuriy A. Sorokin and Anatoliy I. Novikov. As is known both linguists studied the text from the point of view of its perception and comprehension and they both used the term «projection», which was proposed by Nikolay Rubakin for describing the interaction between the text and the recipient. Using this term A.I. Novikov defined such concepts as «text content» and «meaning of the text», which made possible to reveal the fundamental difference between the two results of text understanding. As Y.A. Sorokin was interested not only in the phenomenon of text but also in the phenomenon of translation the author of the paper considers the latter as well and does it in the terms of Novikov's theory of text.

Keywords: text, consciousness, projection, meaning, content, translation, translation solution.

References

Akroyd P. Londonskie sochiniteli / Per. I. Stam [Ackroyd P. London writers]. Moscow, Inostranka, 2008. 272 p.

Krzhizhanovskij S.D. Pojetika zaglavij [Krzhizhanovskij S.D. Poetics of Titles]. Moscow, Nikitinskie Subbotniki, 1931. 32 p.

Markovina I.Y., Sorokin Y.A. Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiju: ucheb. Posobie [Markovina I.Y., Sorokin Y.A. Culture and Text. Introduction to Lacunology: Manual] Moscow, GEOTAR-Media, 2007. 144 p.

Novikov A.I. Tekst i ego smyslovye dominanty / Pod red. N.V.Vasil'evoj, N.M. Nesterovoj, N.P. Peshkovojoj [Text and Its Semantic Dominants /Ed. by N.V.Vasil'eva, N.M. Nesterova, N.P. Peshkova] Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2007. 224 p.

Rubakin N.A. Psihologija chitatelja i knigi. Kratkoe vvedenie v bibliologicheskiju psihologiju. [Philology of Reader and Book. Short Introduction to Bibliologicheskaya Philology]. Moscow, Kniga, 1977. 263 p.

Sorokin Y.A. Psiholingvisticheskie aspekty izuchenija teksta [Sorokin Y.A. Psycholinguistic Aspects of Text Studies]. Moscow, Nauka, 1985. 168 p.

Sorokin Ju.A. Perevodovedenie: status perevodchika i psihogermenevticheskie procedury. M.: Gnozis, 2003. 160 s. Sorokin Yu.A. Perevodovedeniye: status perevodchika i psikhogermenevticheskiye protzedury [Translation Studies: the status of the translator and psycho-hermeneutic procedures]. Moscow, Gnozis., 2003. 160 p.

Akroyd P. The Lambs of London. London: Vintage, 2005. 224 p.

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСПРИЯТИЯ
ИЗОБРАЖЕНИЙ И ИХ ОПИСАНИЙ**

Нистратов Александр Алексеевич

научный сотрудник,
МГУ им. Ломоносова
Москва, Моховая ул., д. 11
e-mail: a.nistratov@mail.ru

Семина Татьяна Викторовна

научный сотрудник,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, ул. Остоженка, 38
e-mail: semina@mail.ru

Тарасов Евгений Федорович,

Заведующий отделом психолингвистики
Института языкознания РАН
Москва, Большой кисловский пер., д. 1, стр. 1
e-mail: eft35@mail.ru

Данная работа направлена на изучение специфики восприятия не только изображений, но и текстов, построенных на основе этих изображений, в том числе на изучение различий при восприятии вербальной и невербальной информации об одном и том же объекте. С помощью семантического дифференциала (вариант Е.Ю. Артемьевой) [Артемьева 1999: 61] испытуемые оценивали изображение на фотографии. После чего фотографии собирались, и испытуемых просили описать изображение десятью предложениями. Полученные массивы текстов по каждой фотографии сводились в один; на следующем этапе шесть текстов оценивались по тем же шкалам другими группами. Таким образом, первой основной гипотезой явилось предположение, что существуют различия при восприятии изображения и его описания. Доказательством этому будет служить разница в оценках фотографии и текста.

Также проблема восприятия изображений была затронута с новой, мало изученной стороны. Перед исследователями стояла задача изучить и описать особенности восприятия объекта (фигуры) на семантически разных фонах. Таким образом, наше исследование посвящено семантическим аспектам восприятия изображений и их описаний, позволяет сделать предварительные выводы о специфике восприятия вербальных и невербальных сообщений. Авторы ставили перед собой цель определить различия и сходства в содержании изображения и его письменного описания при восприятии.

Ключевые слова: семантический дифференциал, семантические пространства, эффекты восприятия, стратегии восприятия, психосемантика, контент-анализ, факторный анализ.

Введение

Изучение сложного многопланового процесса восприятия остается по-прежнему актуальным. Многочисленные исследования, как в психологии, так и в рамках других, смежных наук, позволили подробно описать процесс перцептивно-отражения, его виды, свойства, эффекты и феномены. Тем не менее, существует еще множество неразрешенных вопросов.

Так, например, в самой психологии недостаточно внимания уделяется исследованию восприятия текстов, в то время как эта проблема стоит наиболее остро, прежде всего, в условиях массового распространения СМИ.

Данная работа направлена на изучение специфики восприятия не только изображений, но и текстов, построенных на основе этих изображений, в том числе на изучение различий при восприятии вербальной и невербальной информации об одном и том же объекте. Также проблема восприятия изображений была затронута с новой, мало изученной стороны. Перед исследователями стояла задача изучить и описать особенности восприятия объекта (фигуры) на семантически разных фонах. В какой степени фон влияет на восприятие объекта, на построение целостного образа изображения? Будет ли это влияние прямым и непосредственным (например, семантически негативный фон при восприятии будет также негативно действовать на формирование образа фигуры), или есть некоторые опосредующие условия и переменные?

Таким образом, наше исследование посвящено семантическим аспектам восприятия изображений и их описаний, позволяет сделать предварительные выводы о специфике восприятия вербальных и невербальных сообщений. Авторы ставили перед собой цель определить различия и сходства в содержании изображения и его письменного описания при восприятии.

Теоритические предпосылки

Современная психология восприятия располагает множеством разнообразных подходов, методов и частных концепций. В качестве основы для данного исследования были выбраны несколько теоретических положений.

В первую очередь, это представления о восприятии, сформированные в рамках деятельностного подхода. Восприятие в широком смысле - это «осознание чувственно данного предмета или явления» [Рубинштейн 2002: 177]. Под восприятием, с одной стороны, понимается процесс непосредственного отражения явлений окружающей действительности, построения перцептивного образа. Процесс, который включает в свой состав «анализ и синтез воспринимаемых признаков, принятие решения» [Лурия 1974: 33] и который «аналогичен по своей структуре процессам, лежащим в основе более сложных форм познавательной деятельности» (там же). С другой стороны, восприятие – это результат такого процесса, субъективный образ предмета или явления.

Важную роль в восприятии играют язык и речь. Так, еще А.Р. Лурия [Лурия 1974: 33] писал о зависимости восприятия от системы кодов, привлекаемой человеком для переработки поступающей информации и для принятия решения, относящего воспринимаемый объект к определенной категории (в этом смысле восприятие, по мнению автора, сближается с процессами наглядного мышления). Участие

речи и языка в восприятии создает возможность абстракции и обобщения свойств предметов и явлений путем их словесного обозначения.

Восприятие самой речи (или в терминах И.А. Зимней «осмысление речи») в свою очередь имеет ряд особенностей. Во-первых, этот процесс в силу специфической природы своего объекта носит опосредствованный характер. Другими словами, осмысление речи – это раскрытие опосредствованных словом связей и отношений. Во-вторых, результативная сторона этого процесса, по мнению И.А. Зимней [Зимняя 1976: 262], может быть положительной или отрицательной. Положительный результат заключается в понимании, отрицательный результат выражается в непонимании. Непонимание, в таком случае, – это не отсутствие процесса осмысления, а только его отрицательный результат.

В данной работе авторы опирались также на представления о восприятии фигуры и фона, сформированные впервые в рамках гештальтпсихологии (забегая вперед, необходимо пояснить, что в качестве стимульного материала в первой серии эксперимента участвовали 6 фотографий, на которых изображена одна и та же маленькая девочка на разном фоне). Из основных положений феномена восприятия фигуры и фона можно перечислить следующие: фигура как таковая невозможна без фона; фон, закрываясь фигурой, лежит позади нее, не прерываясь ею; фон кажется менее структурированным и оформленным, меньше привлекает внимание.

Особенности восприятия фигуры и фона привлекали внимание представителей и других направлений, например, когнитивных психологов. В свете затрагиваемой проблемы укажем на работу А.В. Антонова [Антонов 1988: 188], в которой изучалось восприятие изображений с и без функционального фона.

Экспериментальное исследование

В основу работы легло предположение о том, что результат восприятия некоторого изображения будет отличаться от результата восприятия его описания. По мнению авторов, одним из возможных объяснений этих различий является тот факт, что в процессе оречевления (овнешнения) мысли часть информации, которая необходима для передачи содержания и которая изначально содержится в речевой программе, в самом сообщении (в данном случае в письменном тексте) не будет представлена. Выразим иначе: в процессе овнешнения мысли некоторая часть информации теряется, а некоторая, наоборот, приобретает. Это происходит в силу специфической природы языковых знаков. В значениях слов неизбежно закреплена информация (знания), как необходимая для передачи задуманного, так и балластная, искажающая задуманное содержание, привносящая новые смысловые оттенки.

Для проверки этого предположения было проведено следующее экспериментальное исследование. Группам испытуемых предъявлялись 6 фотографий маленькой девочки, изображенной на разном фоне. С помощью семантического дифференциала (вариант Е.Ю. Артемьевой) [Артемьева 1999: 61] испытуемые оценивали изображение на фотографии. После чего фотографии собирались, и испытуемых просили описать изображение десятью предложениями. Полученные массивы текстов по каждой фотографии сводились в один; на следующем этапе шесть текстов оценивались по тем же шкалам другими группами. Таким образом, первой основной гипотезой явилось предположение, что существуют различия при восприятии изображения и его описания. Доказательством этому будет служить разница в оценках фотографии и текста.

Вторая гипотеза, которая проверялась в исследовании, связана с особенностями стимульного материала: для изображения маленькой девочки были подобраны шесть разных фонов (у каждой группы была своя фотография). Предполагалось, что одна и та же маленькая девочка на семантически разных фонах будет восприниматься и, соответственно, описываться по-разному. Другими словами, фон будет формировать различия в содержании образа ребенка.

Выбор подходящих изображений стал важным этапом в проведении эксперимента. Сначала отдельно выбиралась фотография с изображением девочки и отдельно – фотографии, которые впоследствии могли стать фоном (затем изображения совмещались друг с другом). В результате полученные 14 фотографий в ходе пилотажного эксперимента методом сортировки были распределены испытуемыми по группам. Кластерный анализ выборов позволил определить несколько семантических групп, из которых впоследствии были отобраны искомые 6 фотографий. Кратко опишем изображения, участвовавшие в эксперименте.

Фотографии №1 (девочка на фоне поля) и №2 (девочка на фоне пляжа) принадлежат одной семантической группе, условно названной испытуемыми «на природе», и, по мнению группы, имеют положительно окрашенное значение. Фотографии № 11 (на фоне стены) и №14 (на фоне городских развалин) также входят в одну семантическую группу «разруха, грязь» и имеют негативную окраску (в ходе пилотажного исследования велся протокол, который позволил зафиксировать объяснения выбора каждого участника). Из одной и той же семантической группы намеренно отбирались сразу по две фотографии с целью проверить, будет ли различаться восприятие изображений, принадлежащих одной смысловой группе.

Нейтральный фон фотографии №5 позволил нам сравнивать воспринимаемый образ ребенка на этой фотографии с теми образами, которые формируются в процессе восприятия изображений с негативным и положительным фоном.

Фотография №10 не вошла ни в одну из групп, и была выбрана нами для эксперимента произвольно.

В исследовании принимали участие студенты московских вузов в возрасте от 17 до 24 лет, всего 180 человек (12 групп по 15 человек в каждой).

Результаты

Результаты эксперимента (оценки фотографий и текстов по шкалам, а также 95 описаний) обрабатывались тремя способами: контент-анализ, сравнение средних оценок по шкалам и факторный анализ.

Контент-анализ.

При помощи контент-анализа 15 описаний одной фотографии были сведены в единый текст, что было необходимо для второй стадии эксперимента. Также этот метод позволил провести качественный анализ полученного массива текстов, проверить истинность вербальных ответов испытуемых (объективно сравнить фотографии и их описания). Перейдем к более подробному рассмотрению результатов, полученных этим методом.

Неопределенный фон на фотографии №5 дает нам право предполагать, что он незначительно будет влиять на восприятие и оценивание изображения. Девочку на этой фотографии, с одной стороны, испытуемые меньше, по сравнению с другими изображениями, называли счастливой (только 1 человек). С другой стороны,

чаще, чем в других случаях, ее описывали как серьезную, загадочную, напряженную. По мнению испытуемых, взгляд девочки немного взрослый, серьезный. При описании этой фотографии группа активно предлагала собственную интерпретацию поведения девочки, особенностей ее образа жизни, что она в тот момент делала, что любит (играть в куклы, красоваться перед зеркалом); какой у нее характер; из какой она страны (южных кровей, восточного типа) и т.д. В данном эксперименте подтвердилось предположение, высказанное в других исследованиях: неопределенный фон дает возможность сформировать несколько версий понимания содержания (в случаях неопределенности, зашумленности фона/изображения возрастает роль процессов воображения).

В текстах по фотографии №1 (девочка на фоне поля), также как и в предыдущем случае испытуемые приписывают девочке некоторые привычки (любит шоколад и сладости), пытаются определить из какой она страны (на этот раз девочка типично славянского типа). Мнения группы по поводу, какая погода на фотографии, разделились: два человека описали чистое небо и солнце (которого на самом деле нет на фотографии), пять человек описали кучевые облака, еще двое написали, что собирается гроза. Один испытуемый описал речку, которая виднеется на втором плане (реки нет на фотографии). В этом случае наиболее ярко заметны элементы придумывания (которые проявились во всех случаях) – наличие в тексте фактов, несуществующих на фотографии.

Девочку, изображенную на фоне пляжа (фотография №2), испытуемые описали как веселую и беззаботную. Шесть человек указали, что девочка гуляет не одна, а с кем-то из взрослых (родители, няня). «Мужчина с лежаком», идущий на заднем фоне, в описаниях заменялся «мамой, которая несет лежак и пляжный зонт». В случае этой фотографии все действие, с точки зрения группы, происходит в Италии или Испании. Испытуемые описывали в волосах девочки заколку (которой на самом деле нет).

Фотография №10 - девочка на фоне каменных колонн. По мнению испытуемых, время года на фотографии – лето (вероятно, это объясняется легким белым платьем, которое надето на девочке). Место действия – Греция или Италия (в этом случае, возможно, особую роль сыграли колонны на заднем фоне, которые ассоциируются с архитектурой Древнего Рима и Греции). Так же, как и в предыдущих случаях, испытуемые указывали, что девочка, возможно, гуляет (в парке) со своими родителями: мамой или папой.

Заброшенный дом, выбитые окна (фотография №11) в описаниях испытуемых ассоциируются с войной. В целом, этот дом, и особенно сухая ветка дерева, символизируют какую-то беду. Девочка на фоне мрачного дома, по мнению испытуемых, тем не менее, все равно выглядит счастливой. Сами испытуемые объясняют это контрастом между маленькой девочкой и серым фоном: благодаря эффекту контраста отрицательный фон усиливает положительные качества девочки.

Фотография № 14 - девочка на фоне городских развалин. В случае этой фотографии наиболее сильно проявил себя эффект контраста: девочка чаще, чем в случае других изображений, называлась счастливой. Испытуемые называли ее доброй, общительной; глаза девочки блестят, у нее теплая улыбка, вся она как бы светится от счастья. Никто из группы не указал на серьезный, взрослый взгляд маленькой девочки (как это наблюдалось в случае с фото № 5).

Таким образом, основываясь на результатах контент-анализа, можно говорить о пяти тенденциях, свойственных всем фотографиям и их описаниям:

- эффект контраста, который обнаруживается в случаях с негативным фоном на фотографии. Его суть состоит в том, что отрицательный фон усиливает положительные качества девочки.

- элементы придумывания - наличие в тексте фактов, несуществующих на фотографии.

- приписывание девочке черт характера, особенностей взаимоотношений с окружающими, привычек, интересов и т.д. (самые распространенные: добрая, кокетливая, веселая, любима). Описание ее судьбы: как прошлого, так и будущего (в случае с фото № 5 – эффект «неопределенного фона»).

- эффект «неопределенного фона» (фото №5). При восприятии изображений неопределенный фон дает возможность сформировать несколько версий понимания содержания.

- образ девочки неизменно связывается с образом взрослого (девочка не гуляет одна, а с кем-то: мамой, папой, няней).

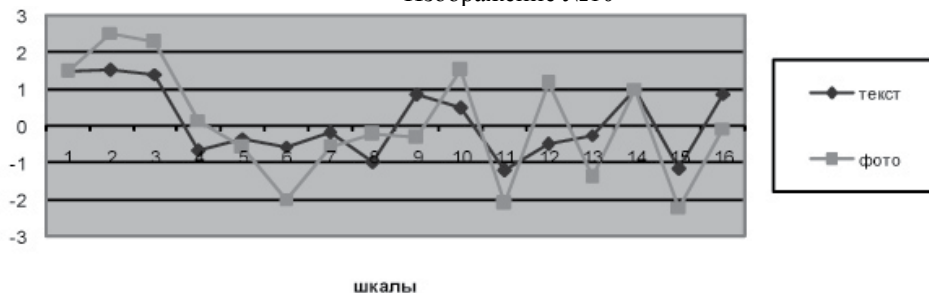
- национальность девочки (откуда она родом) каждый раз менялась в зависимости от фотографии (фона).

Выводы, полученные по результатам контента-анализа, позволяют говорить о правомерности наших предположений о влиянии фона на формирование целостного образа объекта. Подобное влияние может быть прямым, если вспомнить, как менялось представление испытуемых о национальности девочки в зависимости от фотографии; а может быть и обратным: в случаях с изображением маленькой девочки на негативном фоне. Также были обнаружены несколько дополнительных эффектов (эффект неопределенного фона, элементы придумывания и приписывания), которые описывают особенности восприятия изучаемых изображений. Так, характерно, что образ маленького ребенка ассоциируется именно с кем-то из взрослых, а не, допустим, с другими детьми. Причем эта ассоциация возникает независимо оттого, что на фотографиях указаний на присутствие кого-либо еще, кроме самой девочки, нет (за исключением фото №2).

Сравнение средних оценок фотографий и текстов по шкалам.

На основе средних значений по шкалам были построены шесть графиков, позволяющих видеть различия в оценках изображения и текста. В данной статье в качестве примера приведем описание и интерпретацию графика, отображающего средние оценки для изображения №10 и его описания.

Изображение №10

На представленном графике можно видеть полное или частичное совпадение в оценках по некоторым шкалам (отметим: некоторое совпадение является необходимым условием, означающим, что коммуникация состоялась – без этого было бы невозможно понимание между людьми, невозможно общение в целом).

Небольшие различия (разница в 1 балл) наблюдаются по шкалам №2 (добрый-злой), №3 (чистый-грязный), №4 (горячий-холодный), №8 (громкий-тихий), №9 (медленный-быстрый), №13 (горький-сладкий), №15 (несчастный-счастливый). Характерно, что средние значения по названным шкалам для текста ниже, чем для фотографии. В категориях, заданных шкалами, текст был воспринят испытуемыми как менее добрый, чистый, молодой, сытый, счастливый.

По шкалам № 6 (старый-молодой) и №12 (активный-пассивный) наблюдаются существенные различия в оценках. Как и в случае предыдущих шкал, оценки по тексту ниже оценок изображения. Изображение в восприятии испытуемых молодое и активное, текст, наоборот, пассивный, оценка по шкале «старый-молодой» близка нулю (0,5).

Понижение средних оценок для текстов по сравнению с изображениями (в случаях разных фотографий – снижение происходит по разным шкалам) является закономерностью для всех шести случаев.

Можно заметить, что оценки по шкалам №4 (горячий-холодный), №8 (громкий-тихий), №9 (медленный-быстрый), №16 (сильный-слабый) для фотографии неопределенны (близки нулю), оценки текста по тем же шкалам равны соответственно -0,69 (холодный), -1 (тихий), 0,83 (медленный), 0,86 (сильный). Вероятно, по некоторым шкалам испытуемым было трудно оценить изображение, в то время как это становится возможным для его вербального описания. Так, например, неопределенность в оценках по шкале №8 сменяется определенностью в случае оценивания текста. Это происходит, по нашему мнению, благодаря привнесению в текст при помощи слов новых смысловых оттенков и связей.

В результате анализа сходств и различий средних оценок по всем шести графикам были получены следующие выводы. В тех случаях, когда средние оценки по фотографии и тексту существенно различаются, оценки по текстам оказываются ниже. Такая тенденция свойственна всем фотографиям: как с положительным или нейтральным, так и с негативным фоном. Эта закономерность подтверждает основную гипотезу эксперимента о различиях в восприятии изображений и их описаний, об искажениях, которые происходят в процессе оречевления мысли (потеря необходимой для передачи мысли информации или, наоборот, привнесение новой, балластной).

Одинаковое снижение оценок по текстам, независимо от описываемого изображения (соответственно и фона) свидетельствует также о том, что феномен восприятия фигуры и фона в текстах не проявляется настолько ярко (или не проявляется вовсе), как это наблюдается в форме наглядных изображений (несмотря на то, что фон, на котором стоит девочка, описывается во всех текстах).

Также было обнаружено, что по некоторым шкалам испытуемым было трудно оценить фотографию (средняя оценка по таким шкалам равна нулю), в то время как это становилось возможным для ее вербального описания. Возможное объяснение – привнесение в текст при помощи слов различных смысловых связей и оттенков. Трудности в оценке разных объектов по одним и тем же шкалам могут служить также подтверждением факта, уже известного в психологии: что разные

типы информации требуют разных форм предъявления; одна информация легче воспринимается в текстах, другая – в форме наглядных изображений (схемах, графиках, фотографиях).

Факторный анализ. Полученные факторы позволили нам построить семантические пространства, в которых расположились изучаемые объекты, а также описать изучаемый процесс восприятия изображений и текстов в дробных категориях.

В результате обработки данных по принципу *equatax* было выделено 3 основных фактора: оценка, активность.

Каждый фактор включает следующие шкалы, перечисляемые в порядке убывания факторной нагрузки:

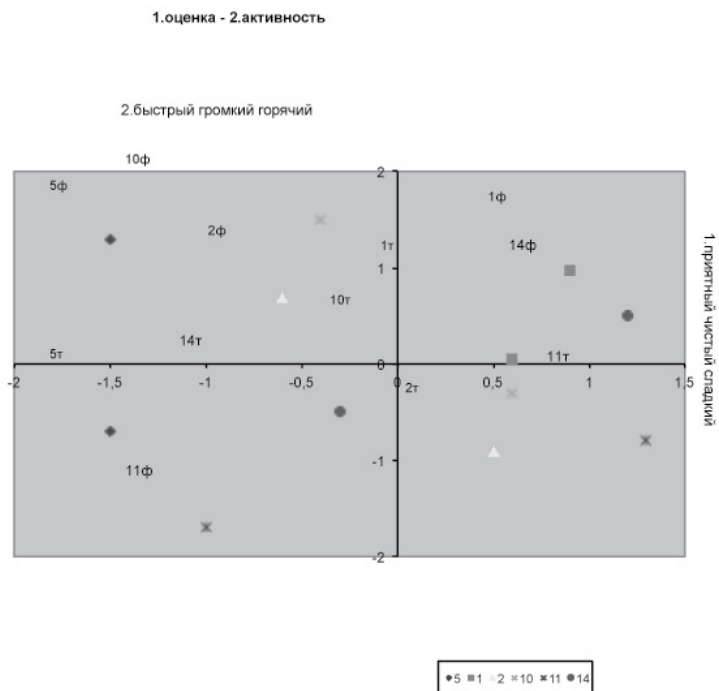
«оценка»: фактор обладает наибольшим весом (32 %). Включает шкалы: противный-приятный, грязный-чистый, горький-сладкий, злой-добрый, несчастный-счастливый, старый-молодой, глупый-умный.

«активность»: факторный вес – 22 %. В фактор «активность» входят следующие шкалы: быстрый-медленный, громкий-тихий, сытый-голодный, горячий-холодный.

«сила»: факторный вес – 20 %. Включает шкалы: сильный-слабый, смелый-трусливый, твердый-мягкий.

На основе значений факторов для фотографии и для текста были построены семантические пространства, каждое из которых представляет собой координатную плоскость. Оси координатных плоскостей отображают значения полученных факторов.

Рассмотрим размещение изучаемых объектов на примере двух факторов: оценка и активность (цифрами в рамке обозначены номер фотографии и текста).

На графике можно видеть, что расположение в пространстве фотографии и текста в каждом отдельном случае не совпадает. Исключение составляет только №1 – «девочка на фоне поля». Фотография и ее описание находятся в непосредственной близости в семантическом пространстве. Значения по фактору «оценка» несущественно различаются. По фактору «активность» значения выше у фотографии (расположена выше в пространстве). Фотография испытуемыми была воспринята как более активная.

В случае № 5 значения для фотографии и текста равны по фактору «оценка», но существенно отличаются по фактору «активность»: 1,3 у фотографии, –0,7 у текста.

В остальных случаях значения факторов по фотографиям и текстам диаметрально противоположны, что также может служить подтверждением основной гипотезы эксперимента.

Заключение

Наше исследование позволило изучить сложный процесс восприятия изображений и их описаний; выявить и описать соотношение содержания изображения и его письменного описания в восприятии.

В итоге проведения эксперимента и обработки полученных данных были получены следующие результаты:

– в результате контент-анализа было описано несколько эффектов восприятия изображений и текстов (эффект контраста, эффект «неопределенного фона», элементы «придумывания», приписывания и др.). Эффект контраста наблюдается только в случаях с негативным фоном, в случаях с положительным – эффект не был обнаружен (поскольку сам образ маленькой девочки не контрастирует с положительным фоном). Далее авторами планируется изучение обратной ситуации, а именно: будет ли положительный фон усиливать изначально отрицательные свойства фигуры?

– анализ сходств и различий средних оценок по шкалам для фотографий и текстов показал, что в тех случаях, когда средние значения существенно различаются, оценки по текстам оказываются ниже оценок по фотографиям. По некоторым шкалам испытуемым было трудно оценить фотографию (средняя оценка по таким шкалам равна нулю), в то время как это становилось возможным для ее вербального описания.

– в результате проведения факторного анализа были выявлены три фактора: оценка, активность, сила. Значения факторов для различных фотографий и их описаний расходятся в большинстве случаев, что также может служить подтверждением основной гипотезы.

Литература

- Антонов А.В.* Информация: восприятие и понимание. – Киев: Наук. думка, 1988. – 188 с.: ил.
- Артемьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 128 с.
- Зимняя И.А.* Смысловое восприятие речевого сообщения //«Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации)». Под ред. Леонтьева А.А и Т.М. Дридзе. – М.: Наука, 1976. – 262 с.
- «Исследования речевого мышления в психолингвистике». Отв. ред. Тарасов Е.Ф. - М.: «Наука», 1985. – 241 с.
- Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. - М.: Наука, 1974. – 171 с.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1988. – 208 с.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.

**SEMANTIC CHARACTERISTICS OF IMAGE PERCEPTION
AND THEIR DESCRIPTION**

Aleksandr A. Nistratov

research worker,
Moscow State University,
Moscow, Mokhovaya st., 11
e-mail: a.nistratov@mail.ru

Tatjana V. Seomina

research worker,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Ostozhenka st., 38
e-mail: semina@mail.ru

Evgeniy F. Tarasov

Chief of the Department of the Psycholinguistics
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Bolshoiy Kislovskiy st. 1
e-mail: eft35@mail.ru

This paper is devoted to semantic aspects of pictures perception and their descriptions. In the research several groups of respondents evaluated six pictures of a little girl in various backgrounds with the help of 'semantic differential' (in the version of Elena Yu. Artemyeva) and described them. The analysis of written texts allowed determining some strategies and effects of perception (addition of facts to the texts that were absent in the picture; attribution of certain qualities to the girl, description of her 'story' etc.). At the next stage the obtained texts were analyzed from the point of view of content. At the second stage another group of respondents evaluated the texts using the same rating scales. The text evaluations were compared, similarities and differences were analyzed. The results of the analysis allowed us to describe the process of picture and text perception in subdivided categories.

Keywords: semantic differential, semantic space, effects of perception, strategy of perception, factor analysis, psychosemantics, content analysis.

References

Antonov A.V. Informaciya: vospriyatie i ponimanie [Information: perception and understanding]. – Kiev: Nauk. dumka, 1988. 188 p.: il.

Artem'eva E.YU. Psihologiya sub`ektivnoj semantiki [Psychology of subjective semantics]. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. 128 p.

Zimnyaya I.A. Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (Semantic perception of speech communication) //Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyah massovoj kommunikacii [Semantic perception of narration (in terms of mass communication)]. Pod red. Leont'eva A.A i T.M. Dridze. – M.: «Nauka», 1976. 262 p.

Isslედovaniya rechevogo myshleniya v psiholingvistike [Research of the speech thinking in the psycholinguistics]. Otv. red. Tarasov E.F. – M.: «Nauka», 1985. 241 p.

Luriya A.R. Ob istoricheskom razvitiі poznavatel'nyh processov [On the historical development of cognitive processes]. – M.: Nauka, 1974. 171 p.

Petrenko V.F. Psihosemantika soznaniya [Psychosemantics of consciousness]. – M.:Izd-vo Mosk. Un-ta, 1988. 208 p.

Rubinshtejn S.L. Osnovy obshchej psihologii [Basics of General Psychology]. – SPb.: Piter, 2002. 720 p.

Фото №5

Фото №1

Фото №2

Фото №11

Фото №14

**AVANT-TEXTE AS A METHODOLOGICAL TOOL IN TRANSLATION
PROCESS RESEARCH¹**

Vitaly A. Nuriev

senior researcher,

Institute of Linguistics, RAS

Institute of Informatics Problems, FRC CSC RAS

1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky lane, 125009 Moscow, Russian Federation

e-mail: nurieff.v@gmail.com

The paper is aimed to show through concrete examples how avant-textes mirror the genesis of literary translation. While largely developed in the field of genetic criticism, the notion of avant-texte seems to be underestimated by translation scholars and practitioners, since this effective research tool is used only sporadically in translation studies. The article makes an attempt to reconsider the status of avant-texte in literary translation, suggesting its flexibility and showing the complexity of the phenomenon. To that end, *The Ocean at the End of the Lane* (2013), the highly acclaimed novel by Neil Gaiman, is taken. It provides fruitful material on how avant-textes could help to elucidate the genesis of literary work and its translation. The analysis presented in the paper involves studying a finished manuscript and two official published versions of the novel, along with drafts of its Russian translation.

Keywords: avant-texte, literary translation, psycholinguistics of translation, translation studies, genetic criticism, language-specific words, translation process.

First and foremost I am grateful to my late research advisor, Youri Sorokin.

Reading his works always provides me with a long list of ideas to ponder. Thank you also to Chiara Montini and Anthony Cordingley, without whom this paper would not be possible.

Introduction

The Russian edition of *The Ocean at the End of the Lane* [Gaiman 2013] has an afterword where its translator² speaks about several versions of the English original he worked with while translating. In October 2012, he received a finished manuscript from Gaiman's literary agent in order to start translation. On 18 June 2013, the English book came out, and then he had a published variant that proved to be different. For instance, chapter 4 acquired several lines at the end. With chapter 10 already translated, he encountered yet another version of the novel, and it also had some differences. According to the translator, all the way to the end of the story and his work on the text, he was constantly comparing the manuscript and two published versions of the novel. He happened to get three texts that turned into three avant-textes for the Russian edition of *The Ocean at the End of the Lane* and provided much aid in shaping it.

¹ This research was supported under Grant No. 16-04-00291 and Grant No. 16-04-00373 from the Russian Foundation for Humanities.

² The author of this article is the translator who performed the Russian translation of *The Ocean at the End of the Lane*.

The notion of *avant-texte* introduced by Jean Bellemin-Noël [1972] appears to open up new possibilities in a genetic analysis of literary translation. Interestingly, it remains largely foreign to translation research. Studying the *avant-texte* that could be a manuscript or a rough draft, or different kinds of notes [Deppman, Ferrer, Groden 2004] would help to reveal the genetics of translation on several levels. Most importantly, the *avant-texte* encompasses the productive aspect. It suggests more clearly the deep structure³ of the source text and shows how this structure was built. The *avant-texte* exposes the combinatory organizing features and depicts the construction of the literary utterance, renders the intonation, choice of words and their disposition in the structural whole of the text. This could bring the understanding of meaning production at all the stages of pretextual and textualisation processes [Zavala 1987].

Not only does the paper show what research tools genetic criticism provides in the field of translation studies, it also demonstrates how literary translation enlarges the boundaries of *avant-texte*, extending the common limits and paving the path for a wider definition of the term. This has important implications for genetic criticism, translation studies (namely psycholinguistics of translation), and translation practice.

Methodologically, the article follows the approach proposed by Jean-Louis Lebrave and Almuth Grésillon [2009]. The paper relies on the comparative analysis of genetic texts, which necessarily proceeds along the chronological axis, and adopts such concepts as substitution, variant, reformulation, ambiguity, etc. Certainly, comparative methods and the mentioned concepts are not foreign to translation studies, however, rethought from a genetic criticism perspective they could be even more helpful for this research field.

1. The author and his novel

Neil Gaiman is a famous English writer. He is an author of short fiction, novels, comic books, non-fiction and films. His notable works include the comic book series *The Sandman* (ongoing) and novels *Stardust* (1999), *American Gods* (2001), *Coraline* (2002), *The Graveyard Book* (2008), *The Ocean at the End of the Lane* (2013), etc. He has numerous literary awards, including the Hugo, Nebula, and Bram Stoker ones, as well as the Newbery and Carnegie medals. Aged only 55, he has already inspired four extensive biographical writings [Baker 2008; Campbell 2014, 2015; Wagner et al. 2008] and volume 66 in the series *Popular Culture and Philosophy* [Bealer et al. 2012].

The back cover of *Prince of Stories: The Many Worlds of Neil Gaiman*, one of those biographies, reads: “Over the past twenty years, Neil Gaiman has developed into the premier fantasist of his generation, achieving that rarest of combinations—unrivaled critical respect and extraordinary commercial success. [...] he bridges the vast gap that traditionally divides lovers of ‘literary’ and ‘genre’ fiction. Gaiman is truly a pop culture phenomenon, an artist with a magic touch whose work has won almost universal acclaim” [Wagner et al. 2009].

The Ocean at the End of the Lane is a novel by Neil Gaiman. In 2013, it was listed #1 on *The New York Times* Best Seller list for hardcover fiction, was voted Book of the Year in the British National Book Awards, and won the Goodreads Choice Awards. In 2014, it won the Locus Award for Best Fantasy Novel.

³ The deep structure of a text is understood as its gist or, in other words, the essence that sometimes becomes hidden by surface linguistic structures (cf. [Базылев, Сорокин 2000: 12; Сорокин, 2003: 89; Мей 1998: 1002]).

It tells the story of a man who is in his early 50s and who has to return in the places of his childhood for attending a funeral ceremony. A once common scene, winding roads of Sussex, England, make him feel an urge to reexplore the territory, which leads to an astonishing remembrance of long forgotten events, the ones that were as if ripped off from his memory. The relatively short novel combines definite elements of fantasy and psycho-drama to speak about such things as broken childhood, search of self-identity, and refusal to grow up. For all that, it makes a shield of fantasy and pseudo-scientific truth somehow confusing the reader. The narrative evolves around clarifying childhood memories to suggest the role magic plays in structuring our reality and to tell us how the universe was formed.

What is more, the author made *The Ocean at the End of the Lane* the antithesis of *Mary Poppins* and published the novel in two different versions [Нуриев 2013: 85-87].

2. Avant-texte and text: the boundaries question

The question is often raised: “When is a work a text and when does it become an avant-texte?” A number of scholars claim that there appear to be no very clear-cut distinctions between them [Базылев, Сорокин: 18-24; Jensen 2015: 86; Ramsden 2004: 226]. To tackle this question, it would not be unnecessary to recall a functional typology of genetic documentation by Pierre-Marc de Biasi that is grounded in the thorough analysis of the writing process. The typology shows an evident attempt to clearly delimit and mark the frontiers between an avant-texte and a text. In doing so, it appeals to the formal principle, and thus a text is a document that is relatively finished and approved by its author for publishing. De Biasi’s functional typology divides the writing process into several phases, each of which has its operational functions that give rise to different sorts of genetic documents. For instance, an avant-texte goes through precompositional, compositional, and prepublishing phases. The latter phase performs finishing touches and preparing for publication to eventually produce corrected proofs [de Biasi 1996: 26-58]. This typology is well-elaborated and detailed, and hence very fruitful for genetic criticism.

Yet one cannot deny that the question cited above is quite reasonable. Those who raise it may easily name some known cases where an avant-texte gets published changing its status and transforming itself into a text. One of those is the following. In 1971, Francis Ponge, famous French poet and writer, published the avant-texte of his poem *Le pré* (1964) and the poem itself together, which undermined the border between avant-texte and texte. That was what happened to Marcel Proust and his *A la recherche du temps perdu*, Miguel de Cervantes and *Don Quixote*, Nikolai Gogol and *Dead Souls 2*. Probably, this is why, thirteen years after her landmark work “Éléments de critique génétique: Lire les manuscrits modernes” [1994] came out, Almuth Grésillon questions the frontiers of avant-texte and doubts its stability much more than a decade ago. She argues that the two time boundaries of the writing process, its beginning and its end, today appear to her much more flexible and mobile than she used to believe driven by the need to have reliable and stable indices in her previous genetic explorations (cf. [Grésillon 2007: 33]).

Writing perpetually plays with the status of its product; this play is almost a kind of treachery since it brings up very uncommon and unpleasant issues. It asks the questions even more serious and far more unsettling than that mentioned above. They become increasingly urgent as the new technologies make their way in the world of tomorrow. Where is the text? Where is the written work? What limits does the electronic medium

imply? What editions should publishers make to involve today's reader? Should avant-textes be "legitimized" and confront their texts into the same books? Should an editor's task be to establish a single, unique text that precisely and irreversibly represents an author's design? In 2006, these questions were formulated and asked by Francisco Rico [2006: 3-13]. He managed to answer some of them and only to sketch answers for others. The fact that seems fairly undisputable is that the literary work is a constant process, the development of which does not necessary finish with its publication or at some other stage of its creation. It revolves in endless change under the influence of many factors of linguistic and social nature. When separated from the author, it contacts the reader and starts reproducing itself through the reader's voice.

This might be one of the clues as to why the status of avant-texte tends to be unstable with certain writers. Over time, they see better their ideal reader, they come to a deeper knowledge how to address this reader and how to make their writings work more effectively. To that end, they start not only to make changes in yet unpublished manuscripts but to alter the already published works. Neil Gaiman is known for this. For instance, his *Stardust* (1999) was done in two versions in different covers—one was thickly illustrated with art nouveau styled pictures by Charles Vess, the other performed a text with no illustrations at all. His *Fortunately, the Milk* (2013) also came out in two versions with different covers and got illustrated by Chris Riddell and Skottie Young, respectively. The *American Gods* novel (2001) was subject to massive revision on the occasion of its 10th anniversary edition. To publish the book in 2001, the editor asked Gaiman to abridge the text that would be eventually restored 10 years later. As a result, the anniversary edition became about twelve thousand words longer than the initially published version [Gaiman 2011: 14].

Together with this, there are cases where the change in the status of avant-texte does not depend on the author's will. Mostly, one could see it when literary classics get restored long after the death of their creators. It is largely commercial, extremely complex, and multifaceted question that provokes debates. The books often sell under the slogan: "Author's Preferred Text". In 2009, *Moveable Feast: The Restored Edition* by Ernest Hemingway was published. According to Patrick Hemingway, Ernest Hemingway's brother, this newly restored edition is "a less edited and more comprehensive version of the original manuscript material" [Hemingway 2009: 5].

But when writers have not personally approved a manuscript for publication, could one figure out what their intentions were? Nevertheless, the book was immediately translated into French and Russian. The French translation was only partial and intended to complete previously missed passages, whereas the Russian one was an entire retranslation, made by one of the most talented translators Viktor Golyshev, and was aimed to replace the 1st Soviet translation. In this way, the draft of *Moveable Feast*, say, an avant-texte, changed its status and was transformed into a text.

3. Literary translation and the uncertain status of avant-texte

When entering the territory of literary translation, the status of avant-texte becomes even more obscure. It goes without saying that a translator should, if possible, assemble all the genetic documents, all the avant-textes of the source text (ST) in question in order to rebuild the creative logic of literary construction. Reading this, one may ask him- or herself: Why would a literary translator do that? In so doing, a translator recreates

the aesthetics of the original by trying not only to reproduce its author's idiosyncratic language but also to restore the whole textual edifice brick by brick on the new linguistic ground [Базылев, Сорокин 2000: 79-81]. The need to assemble all the genetic documents of the ST arises for a translator especially when (s)he deals with the author that explores many cultural and/or social horizons performing their complex historical interplay. This is obviously the case of the famous French writer Pascal Quignard. According to the eminent translator Irina Volevich, who translated his 12 novels into Russian, despite her numerous questions he refused any assistance. She had to search for possible genetic documents of the ST and make abundant footnotes in her translations.

Another question is whether it would be really possible to recollect all those documents. Getting free access to the writer's literary laboratory appears to be an unattainable dream or an ideal construct. We have certainly some exceptions.

Maureen Freely began to translate Orhan Pamuk eleven years and six books ago. She has known Orhan Pamuk since the late 1960s, when they attended brother and sister lycées in Turkey. Starting by Freely's 1st translation, they have developed a system that suggested going over her finished working draft together. Once finished, the draft is sent off to the writer who spends several weeks reviewing it. Then they meet to argue their way through the draft, sentence by sentence. That worked for many reasons. They are friends and both novelists, and English is Pamuk's second language. Importantly, while working, they are aware that the English translation might form the basis for most translations into other languages [Freely 2013: 144-146]. Similarly, two French translators work with their authors following the same model. Luba Jurgenson translates Leonid Girshovich making the writer read closely all the translation drafts and discussing every minor liberty. Anne Cauldéfy-Faucard's work on translations of texts by Vladimir Sorokin usually results in an extensive correspondence with him, which helps to speed up decision-making and overcome some "translation traps".

Speaking of *avant-textes* in literary translation, we should mention retranslations that are likely to stay apart. This predominantly concerns the texts already seen as classics, and thereby continuously retranslated. The practice of multiple retranslation exists in many literatures. Retranslations broaden the boundaries of the original, offering it new readings, opening up new ways of its understanding, giving new possibilities of interpretation of the ST. Once a text gets retranslated, it returns into a flow of writing and reconverts into another *avant-texte*. If we develop this logic further, then posterior retranslations could be "comparable to *avant-textes* since they too are a series of reworkings and metamorphoses wherein various motivations and strategies can be pinpointed" [Deane-Cox 2014: 192].

Most commonly, however, the translator has the only initial *avant-texte*. (S)he transforms the text of the ST into it. This transformation, as Clive Scott [2006: 109] stresses, "unfinishes" the ST, gives it multiple possibilities of being. The ST starts being projected into a new time-space continuum that possesses some traits possibly very external to the ST. In other words, "the transformation of text into *avant-texte* hypothesizes literature. The ST that came into existence did it so accidentally, by the accident of choice—and who can guarantee right choices?—and despite that fact, the 'work', the outcome of an ongoing sequence of *avant-textes* remains, in some senses, hypothetical" [Scott 2006: 109, emphasis in the original]. In reading and reinterpreting the ST, the translator is usually constrained to speculatively imagine its own *avant-textes*. The target text (TT) is then built on this imaginary ground. The model is working, which could be illustrated with the following example:

Go back? When your people ripped the hole in Forever, I seized my chance. I could have ruled worlds, but I followed you, and I waited, and I had patience. I knew that sooner or later the bounds would loosen, that I would walk the true Earth, beneath the Sun of Heaven [Gaiman 2012: 115].

This is a line in a dialogue spoken by an unnatural creature that seeks to imprison the protagonist and rule the world. Besides its very aggravated style, the line has two specific phrases—the *true Earth* and the *Sun of Heaven*. The research shows that the *true Earth* refers to Plato's *Phaedo* and the *Sun of Heaven* is easily found in Emanuel Swedenborg's *A treatise concerning Heaven and its wonders, and also concerning Hell*. These textual roots match the plot, thus indicating a likely direction of further research. The translator has to find translations of the avant-textes in the target language and try to put needed equivalents in the draft, provided that the target literature has those translations and their quality is good.

Still, sometimes the decision-making pathway is not so clear. The translator may have some doubts or ideas about the whole literary construction of the ST that there is no obvious possibility to dissipate or to prove. In the case of *The Ocean at the End of the Lane*, the translator noticed a striking similitude between the novel and *Mary Poppins* (1934) by P.L. Travers, which should probably arrest the reader's attention from the very beginning of the story. If this should be so, the translator has to study *Mary Poppins* and its translations into the target language for seeing how the same effect could be achieved. Gaiman was then impossible to connect and the evidence came from the English literary reviewers who stressed the idea of the deliberate similarity between the two works. Other literary critiques also spoke about some intertextual connections artfully camouflaged in the novel. The ties were brought to light in the form of detailed comparisons with source texts. Such considerations were then collected by the translator in order to take them into account in the TT, which made a literary critique function as a genetic document.

Heuristically, for the literary translation the inventory of genetic documents—called avant-textes—can therefore be extended to include critical literary reviews of the original that might also largely influence the shaping of the TT.

4. The avant-texte and the genesis of literary translation

4.1. The source text and its facets

In *The Ocean at the End of the Lane* in his *Acknowledgments*, Neil Gaiman says when he finished that book, he sent it to many of his friends to read and to tell him what needed work. The story of the Russian translation presents some evidence that Gaiman corrected his almost finished manuscript even after it had been sent to the foreign publisher for purchasing translation rights. Since we have two officially published and different versions, we may assume the manuscript got corrected at least twice.

The most obvious changes were made to proper names: Mr and Mrs Weller changed their family name to become Wollery. But alterations did not stop there. The text was massively revised. The grammar of time and temporality was more carefully designed, time playing a crucial role in organizing the structure of the novel:

I *did* my duty in the morning, spoke the words I was meant to speak, and I meant them as I spoke them, and then, when the service was done, I got in my car and I drove... [Gaiman 2012: 5, my emphasis]

I *had done* my duty in the morning, spoken the words I was meant to speak, and I meant them as I spoke them, and then, when the service was done, I got in my car and I drove... [Gaiman 2013: 19, B., my emphasis]⁴

Some prepositions were corrected, and gestures and movements found themselves modified:

I drove along winding Sussex country roads I only half-remembered, until I found myself headed *into* the town centre, so I turned down another road, and took a left, and a right. It was only then that I realised where I was going, where I had been going all along, and I *shook my head* at my own foolishness [Gaiman 2012: 5, my emphasis].

I drove along winding Sussex country roads I only half remembered, until I found myself headed *towards* the town centre, so I turned, *randomly*, down another road, and took a left, and a right. It was only then that I realised where I was going, where I had been going all along, and I *grimaced* at my own foolishness [Gaiman 2013: 19, B., my emphasis].

The same happens to the names and shapes of things. A *bowl* is substituted by a *cat bowl*, a *balcony* is changed into a *tiny balcony*, and a *serious road* is transformed into a *wide street*, as if the author adjusts the picture that hides in the back of his mind. Evidently, this is the method Gaiman uses to outweigh the fictional reality, to construct it with precise details borrowed from our world, and thus to make his fantasy live.

The comparison of the manuscript and two versions demonstrate that some sentences were reformulated, possibly in order to decrease ambiguity and reduce vagueness in descriptions:

...so at night I could hear the comforting buzz of adult conversation *up the stairs*, through my half-open door... [Gaiman 2013: 38, B., my emphasis]

...so at night I could hear the comforting buzz of adult conversation *coming from below*, through my half-open door... [Gaiman 2013: 14, A., my emphasis]

In places, italics emphasis and suspension points were added. However, the author's and his editors' goal was not only to adjust minor details. The novel got some passages extended. For instance, one already complex sentence in *Prologue* lengthened in published versions:

...they would ask me about my marriage (failed a decade ago, a relationship that had slowly frayed until eventually, as they always seem to, it broke) and whether I was seeing anyone (I wasn't; I was not even sure that I could, not yet) and they would ask about my work, *which is my art*... [Gaiman 2012: 6, my emphasis]

⁴ When the examples from *The Ocean at the End of the Lane* are cited, the information into the brackets contains capital letters B. and A. They refer to the British and to the American versions of the novel, respectively. The American version is published by William Morrow and presented in References as an electronic book. When the manuscript and the British version are identical, then only the latter one is cited. When the British and the American versions are identical, then the former one is cited.

...they would ask me about my marriage (failed a decade ago, a relationship that had slowly frayed until eventually, as they always seem to, it broke) and whether I was seeing anyone (I wasn't; I was not even sure that I could, not yet), and *they would ask about my children (all grown up, they have their own lives, they wish they could be here today)*, and work... [Gaiman, 2013: 20, B., my emphasis]

Chapter 4 acquired several lines at the end, something that substantially alters the plot. This is where two published versions began to differ:

“...Still, no damage done.”

Then she said, “But I wish you hadn't let go of my hand.” [Gaiman 2012: 61]

I was glad that she had taken me with her.

Then she said, ‘I wish you hadn't let go of my hand. *But still, you're all right, aren't you? Nothing went wrong. No damage done.*’

I said, ‘I'm fine. Not to worry. I'm a brave soldier.’ That was what my grandfather always said. Then I said, ‘No damage done.’

She smiled at me, a bright, relieved smile, and I hoped I had said the right thing. [Gaiman 2013: 103, B., my emphasis]

I was glad that she had taken me with her.

Then she said, “I wish you hadn't let go of my hand. But still, you're all right, aren't you? Nothing went wrong. No damage done.”

I said, “I'm fine. Not to worry. I'm a brave soldier.” That was what my grandfather always said. Then *I repeated what she had said*, “No damage done.”

She smiled at me, a bright, relieved smile, and I hoped I had said the right thing. [Gaiman 2013: 35, A., my emphasis]

As the plot reaches its climax, the differences between two versions become more substantial, and the British one sticks more to the manuscript. The corrections made in three versions, including the manuscript, testify to the author's explicit effort, his intention of enhancing the plot and sharpening the motivation of the characters. With such corrections, the novel grows more coherent, hence more powerful, extracting and displaying the behavior logic:

I ran and I hated myself for running, as I had hated myself the time I had jumped from the high board at the swimming pool, *knowing* there was no going back, that there was no way that this could end in anything but pain [Gaiman 2013: 317, B., my emphasis].

I ran and I hated myself for running, as I had hated myself the time I had jumped from the high board at the swimming pool. *I knew* there was no going back, that there was no way that this could end in anything but pain, *and I knew that I was willing to exchange my life for the world* [Gaiman 2013: 106, A., my emphasis].

Interestingly, through those alterations one could locate a specific work on the chronological axis. This kind of comparative analysis, which focuses on the comparison of different genetic documents, might be an effective research tool in literary translation studies. Using it, one can state with much certitude that the American version was the most recent. So it became the basic *avant-texte* for the Russian edition of *The Ocean at the End of the Lane*.

4.2. Translation drafts: versions, corrections, cuts

The work on the Russian translation of *The Ocean at the End of the Lane* started in April 2013 and was done in August 2013. From three available versions, the most recent was chosen to be the ST, but the translator attempted to track the writer's decision-making through the comparison of all texts and to make advantage of every possibility, which gave rise to a hybridized version in Russian. According to the translation drafts, specific points of hesitation were quite naturally the places that differed in all versions. In the avant-textes, these places are marked with multiple corrections. It is clear that deciding what ST to follow the translator had to thoroughly analyze the part a certain word (sentence, passage) played in the whole of the novel.

There were also other corrections in the translation drafts not related with differences between versions of the original. The ST contains hidden quotations from popular songs, literary classics, philosophical and mystical works, which challenges the translator who has to decide if he should keep them and how he would integrate them into the receiving culture. For instance:

I stared at the house, remembering less than I had expected about my teenage years: *no good times, no bad times* [Gaiman 2013: 20, B., my emphasis].

No good times, no bad times are the words taken from the *Overs* song by Simon & Garfunkel, the fourth track on 1968's *Bookends*. It gives a reflection of what it feels like when a relationship is ending. The song serves as a perfect setting of the scene and implicitly locates the interior time of the main character. How to render it in Russian, given that the song is unknown to the Russian readership? Footnotes or endnotes could be a simple way out. But if there were none in the original, why would we use any in the translation? The decision was made to add something—to rebuild the initial line that was abridged in the text of the song. The translation reads: “*No good times, no bad times. There's no times at all*”. One of the drafts, however, has a detailed information on the song and its complete text.

Another huge issue was the religion question. *The Ocean at the End of the Lane* does not have a pronounced religious basis, in the same time it has something to do with different branches of religion. Cousin *Japeth* went off to fight in the *Mouse Wars*. This may refer to Antiquity and the story of the frog and mouse battles or to the Christian tradition where *Japeth* was one of Noah's sons. The drafts show two ways of spelling *Japeth*. The evil creature, the antagonist, is named *Skarthach of the Keep*, which sends the reader to Celtic mythology. Translating it into Russian involved the special study, in which some eminent scholars took part. Finally, in the target language *Skarthach* became *Shartakh*. On the other hand, the novel uses some scientific foundations to speak about the *Big Bang* and *Dark Matter*. So for the *matter* there were two variants: *matter* and *beginning*. *Beginning* was chosen to draw the parallels between the text and Philip Pullman's *His Dark Materials* where the Russian title uses the same word.

Neil Gaiman often puts poems in his writings. In one episode, the protagonist, the boy, remembers poems to distract himself. First, this is the poem that was told by the mouse from *Alice in Wonderland*. *Fury said to the mouse that he met in the house let us both go to law I will prosecute you...* The poem was more than once translated into Russian, there are at very least four official translations with different structure of

rhythms and rhymes. The problem is that Gaiman gives a very exact visual picture of what the poem should look like. In that copy of *Alice*, “the words of the poem curled and shrank like a mouse’s tail”. What complicates the situation is that the boy sees himself as a trapped mouse, so it should not be a she-mouse in the translation, and in Russian a mouse is of feminine grammatical gender. The Russian drafts reproduce all the variants of this poem and the finished manuscript chooses the least gender-marked variant.

Chapter 7 describes a situation of extreme danger where the main hero is chased by his nanny who is a disguised monster. When he is almost captured, the nanny says: “*Oh, sweetie-weety-pudding-and-pie, you are in so much trouble*”. Despite that the name of the protagonist is never explicitly pronounced in the novel, the reader knows that his father addressed the boy as “*Handsome George*” in his very early childhood [Gaiman 2013: 276, B.]. Supposedly, “*sweetie-weety-pudding-and-pie*” partially refers to the following nursery rhyme:

Georgie Porgie, Puddin’ and Pie,
Kissed the girls and made them cry,
When the boys came out to play
Georgie Porgie ran away.

To the question how to translate these nanny’s words there is no ready-made answer. The Russian translation manuscripts testify about decision-making difficulties. Firstly, the translation variant simply read: “*Дорогой, у тебя крупные проблемы*” = [Oh, Dear, you have big troubles]. The finished manuscript has: “*Ах ты, душа-дорогуша, испугалась, а ведь дело твое дрянь, доигралась*” = [roughly: Oh, Dear, Dear, your game is over, you have such a fear]. The fragment grew in length but became closer to the ST. In its final variant, it looks more like a nursery rhyme and it sounds more menacing. It addresses childhood experience of the Russian reader who certainly read such classic poems composed by Kornei Chukovsky as *The Chatterbox Fly* (Mukha-Tsokotukha, 1924) or *Fedora’s Misery* (Fedorino gore, 1926). In their form, the poems imitate English nursery rhymes. Consistently, the Russian translation of “*sweetie-weety-pudding-and-pie*” copies Chukovsky’s verse model. The difference between the initial variant of the TT and the final one marks the moments of self-reading and self-listening in the translation process, showing the stylistic means the translator uses to recreate the author’s individual style. The translator’s choice here shows how the TT expands the inventory of avant-textes that the ST had.

Chapter 7 cites *The Lord Chancellor’s Nightmare* from Gilbert and Sullivan’s *Iolanthe* (1882), an excerpt that resulted in multiple corrections in the Russian translation manuscripts:

*You’re a regular wreck with a crick in your neck
and no wonder you snore for your head’s on the floor
and you’ve needles and pins from your sole to your shins
and your flesh is a-creep for your left leg’s asleep
and you’ve cramp in your toes
and a fly on your nose*

*you’ve got fluff in your lung and a feverish tongue
and a thirst that’s intense and a general sense that you
haven’t been sleeping in clover...* [Gaiman 2013: 284, B., emphasis in the original]

On the one hand, it is due to the fact that *Iolanthe* has never been translated into

Russian, the genre of comic opera not enjoying much popularity in this culture. On the other hand, *The Lord Chancellor's Nightmare* is quite difficult to render in another language system as the poem has a changing syllable scheme: in the fragment above, some lines count 12 or 13 syllables while others may have no more than 6. It comes from the 19th century and the TT should depict this in various ways—via its lexis, syntax, etc. The rhymes have to be simple and distinct, otherwise it would be impossible for the 7-year-old protagonist to easily memorize it. And finally, the translation should offer the opportunity to sing it to Sullivan's music as much as the original poem does. The average word length in English is approximately 5 characters [Harkins 2010: 130] or 2 syllables, whereas the average word length in Russian is 4-5 syllables [Бродский 1982], which challenges the translator who has to follow the original metric model.

This is to say that the encounter of English and Russian is complicated by their peculiarities.

To mention the least, the Russian language is far less tolerant to repetitions. For instance, the already finished translation was revised four times to diminish the number of personal pronouns. Since the novel is written from the first-person narrator's singular point of view, the "I" pronoun is omnipresent as subject there. In contrast to English, Russian is a synthetic language, so it has more possibilities to mark the person by verb endings and omit the pronoun itself.

The system of tenses shows an asymmetry between two languages, the English one being more nuanced. English words can sometimes be language-specific: they do not exist in Russian and therefore cannot have one word equivalents. For example, *grandmotherliness* or *after-image*:

It was as if the essence of *grandmotherliness* had been condensed into that one place, that one time [Gaiman 2013: 193, B., my emphasis].

Словно вся забота, внимание и доброта, какими окружают нас бабушки, без остатка собрались вдруг здесь [Гейман 2013: 165, my emphasis].

= [It was as if *all the warmth, care and cordiality which we get from our grandmothers* had been gathered into that one place, that one time]

I looked at her as long as I could bear to look, and then I turned my head, screwing my eyes tightly shut, unable to see anything but a pulsating *after-image* [Gaiman 2013: 322, B., my emphasis].

Я смотрел на нее сколько мог, а потом отвернулся, крепко зажмурившись, и видел лишь пульсирующее яркое пятно [Гейман, 2013: 273, my emphasis].

= [I watched her as long as I could and then turned away with my eyes tightly shut and I saw nothing but a *bright pulsating patch*]

Perhaps it was an *after-image*... [Gaiman 2013: 358, B., my emphasis]

Может быть, слишком долго смотрел на луну... [Гейман 2013: 307, my emphasis]

= [Perhaps I watched the moon for too long]

Language-specific words are usually absent in bilingual dictionaries and, if present, do not offer suitable equivalents. Generally, they have to be cut and substituted with paraphrased explanations that are repeatedly reformulated as the translation progresses. The recollection of these reformulated variants from translation manuscripts could

narrow gaps in lexicographical descriptions of language-specific words, which would be a significant contribution to the development of bilingual lexicography.

In translation manuscripts, there are continuous corrections of introductory speech verbs in dialogues. Compared to the ST, these verbs are constantly diversified. Where the English text has a chain of *say (said)*, the Russian one tries to use more synonyms in a clear attempt to meet the preferences the target literature shows. Along with the other corrections found in translation manuscripts, they demonstrate the general translation strategy that is domestication. But more than this, they provide a chronological picture of how the translator proceeds, how he changes his means and his whole strategy.

Conclusion

By its very nature, the literary translation broadens the borders in which avant-textes operate. The translator could have access to some genetic documents that gave birth to the ST–avant-textes in the common meaning of the term. In this case, (s)he uses them in shaping the TT. Otherwise, the translator has nothing but the ST as a finished entity, the text separated and estranged from its author by the fact of publication. Translating the literary work decodes, deconstructs it. In literary translation, the ST makes into an imaginary model entirely built from some verbal material. Under this guise, the ST reenters the continuous flow of writing and turns itself into a second-order avant-texte that has its own avant-textes. Normally, the translator would need to reimagine them, since (s)he will then consciously manipulate and combine them in order to make the TT work and live in the receiving culture.

These imaginary possible avant-textes are extremely different; they vary in shape, nature, and length. Strictly speaking, they include every possible reference that has been probably put in the ST. And if a real-time contact with the author is difficult, literary critiques might also play the part of an avant-texte, as well as previous translations and retranlations. This substantially widens the common definition of the term.

Sometimes the translator enjoys the comparison of several versions of the ST. To what extent would this be helpful in translation practice/translation studies? Answering the question, one should clearly see the limits. The investigative potential of such a plural vision is undoubtedly high. The translator (and the researcher) could track the logic of the writer's decision-making and mimic the genesis of artistic creation in the TT. Discrepancies and inconsistencies are exposed there. But still, many questions raised remain unanswered as many problems unsolved. To tackle them, the translator has to rely on his/her own efforts, and the researcher has to persuade the translator to expose manuscripts and rough drafts afterwards.

Speaking of relationships between literary translation studies and genetic criticism, it would also be necessary to point out the heuristic potential the latter has. It offers specific analytical tools that add a chronological dimension to translation research, opening interesting perspectives. With the help of genetic documents, literary translation could be studied as process. Exploring translation avant-textes is a way to see how the translation strategy is gradually shaped, what the translation difficulties are, how language-specific units are dealt with, etc. All this might contribute to historiography of translation (research of a translator's creative work and its evolution), translation didactics, psycholinguistics of translation, and bilingual lexicography.

References

- Базылев В.Н., Сорокин Ю.А.* Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс. – Ульяновск: УЛГУ, 2000. – 134 с.
- Бродский И.* О Достоевском // *Russica-81*. – New York: Russica Publishers, 1982. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_dost.txt_Ascii.txt (дата обращения: 01.08.2016)
- Гейман Н.* Океан в конце дороги. – М.: АСТ, 2013. – 320 с.
- Нуриев В.* Дело пахнет романом (интервью с Нилом Гейманом). *L'Officiel Россия*. – 2013. – № 11. – С. 84-87.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 160 с.
- Baker, B.* (2008). Neil Gaiman on His Work and Career (Talking With Graphic Novelists). New York: Rosen Publishing Group. 118 p.
- Bealer, R.L., Luria, R., & Yuen, W.* (Eds.). (2012). Neil Gaiman and Philosophy. *Gods Gone Wild!* Chicago: Open Court Publishing Company. 288 p.
- Bellemin-Noël, J.* (1972). *Le texte et l'avant-texte: les brouillons d'un poème de Milosz*. Paris: Larousse. 143 p.
- Bellemin-Noël, J.* (2004). Psychoanalytic Reading and the Avant-texte. In J. Deppman, D. Ferrer, & M. Groden (Eds.), *Genetic Criticism: Texts and Avant-textes (Material Texts)* (pp. 28-35). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Campbell, H.* (2014). *The Art of Neil Gaiman*. New York: Harper Design. 320 p.
- Campbell, H., Niffenegger, Au.* (2015). *The Art of Neil Gaiman: The Story of a Writer with Handwritten Notes, Drawings, Manuscripts, and Personal Photographs*. New York: Harper Design. 320 p.
- de Biasi, P.M.* (1996). What is a literary draft? Toward a functional typology of genetic documentation. *Yale French Studies*, p. 89, pp. 26-58.
- Deane-Cox, Sh.* (2014). *Retranslation: Translation, Literature and Reinterpretation*. London & New York: Bloomsbury Academic. 224 p.
- Freely, M.* (2013). Misreading Orhan Pamuk. In E. Allen & S. Bernofsky (Eds.), *Translation: Translators on Their Work and What It Means*. New York: Columbia University Press. pp. 143-153.
- Gaiman, N.* (2011). *American Gods: The Tenth Anniversary Edition*. New York: William Morrow. 560 p.
- Gaiman, N.* (2012). *The Ocean at the End of the Lane*. Unpublished manuscript. 317 p.
- Gaiman, N.* (2013). *The Ocean at the End of the Lane* [Adobe Acrobat Reader Version]. Retrieved from <https://archive.org/details/TheOceanAtTheEndOfTheLane> (reference date: 01.08.2016)
- Gaiman, N.* (2013). *The Ocean at the End of the Lane*. London: Headline Publishing Group. 259 p.
- Grésillon, A.* (1994). *Eléments de critique génétique. Lire les manuscrits modernes*. Paris: PUF. 258 p.
- Grésillon, A.* (2007). Nous avançons toujours sur des sables mouvants. Espaces et frontières de la critique génétique. In P. Gifford & M. Schmid (Eds.), *La création en acte. Devenir de la critique génétique*. Amsterdam & New York: Editions Rodopi B.V. pp. 29-40.

Grésillon, A., Lebrave, J.-L. (2009, March 23). Linguistique et génétique des textes: un décalogue. Retrieved from <http://www.item.ens.fr/index.php?id=434571> (reference date: 01.08.2016)

Harkins, M. (2010). *Basics Typography 02: Using Type*. Lausanne: AVA Publishing SA. 184 p.

Hemingway, E. (2009). *Moveable Feast: The Restored Edition*. New York: Scribner. 240 p.

Jensen, K. (2015). *Reimagining Process: Online Writing Archives and the Future of Writing Studies*. Carbondal: SIU Press. 192 p.

Mey, J.L. (Ed.). (1998). *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. Oxford: Elsevier Ltd. 1180 p.

Ramsden, M.A. (2004). Jean Santeuil and the Notion of avant-texte. In H. Bloom (Ed.), *Marcel Proust*. Broomall: Chelsea House Publishers. pp. 221-242.

Rico, F. (2006). Scholarly Editions and Real Readers. In L. Giuliani, H. Brinkman, & G. Lernout (Eds.), *Texts in Multiple Versions: Histories of Editions* (pp. 3-13). New York & Amsterdam: Editions Rodopi B.V.

Scott, C. (2006). Translating the literary: genetic criticism, text theory and poetry. In S. Bassnett & P. Bush (Eds.), *The Translator as Writer*. London & New York: Continuum. pp. 106-118.

Wagner, H., Golden, Ch., & Bisette, S.R. (2008). *Prince of Stories: The Many Worlds of Neil Gaiman*. London: St. Martin's Press. 560 p.

Zavala, I.M. (1987). The manuscript and its interpreters: notes on the 'omniscient reader' of the poetics of the lyric. In: I.M. Zavala, T.A. van Dijk, & M. Diaz-Diocaretz (Eds.), *Approaches to Discourse, Poetics and Psychiatry: Papers from the 1985 Utrecht Summer School of Critical Theory*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing. pp. 131-148.

АВАНТЕКСТ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В ИССЛЕДОВАНИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Нуриев Виталий Александрович

старший научный сотрудник,

Институт языкознания РАН,

Институт проблем информатики ФИЦ ИУ РАН
125009 РФ, г. Москва, Б. Кисловский пер. 1, к. 1

e-mail: nurieff.v@gmail.com

В статье демонстрируется, как авантекст отражает процесс создания художественного перевода. Понятие авантекста, широко применяемое в генетической критике, еще не вошло в терминологический обиход теории перевода, несмотря на большой исследовательский потенциал авантекста как методологического инструмента. Автор предпринимает попытку пересмотреть статус авантекста применительно к переводоведению и показать сложную природу данного феномена. В качестве практического материала привлекается роман-бестселлер Н. Геймана «Океан в конце дороги» (2013 г.): при анализе сопоставляются рукопись романа, две его официально опубликованные версии и черновые варианты русского перевода.

Ключевые слова: авантекст, художественный перевод, психоллингвистика перевода, переводоведение, генетическая критика, лингвоспецифичные слова, процесс перевода.

References

Bazylev V.N., Sorokin Yu.A. Interpretativnoe perevodovedenie: propedeuticheskiy kurs [Interpretative theory of translation: an introductory course]. Ul'yanovsk: UIGU, 2000. 134 p.

Brodsky J. O Dostoevskom [On Dostoevsky] // Russica-81. New York: Russica Publishers, 1982. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_dost.txt_Ascii.txt (reference date: 01.08.2016)

Gaiman N. Okean v kontse dorogi (Translated into Russian. Original: The Ocean at the End of the Lane, 2013). Moscow: AST, 2013. 320 p.

Nuriev V. Delo pakhnet romanom (interv'yu s Nilom Geymanom) [It smells like a novel (interview with Neil Gaiman)]. *L'Officiel Rossiya – [L'Officiel Russia]*, № 11, 2013. pp. 84-87.

Sorokin Yu.A. Perevodovedenie: status perevodchika i psikhogermenevticheskie protsedury [Translation studies: the translator's status and psycho-hermeneutical procedures]. Moscow: ITDGK «Gnozis». 160 p.

Baker, B. (2008). Neil Gaiman on His Work and Career (Talking With Graphic Novelists). New York: Rosen Publishing Group. 118 p.

Bealer, R.L., Luria, R., & Yuen, W. (Eds.). (2012). Neil Gaiman and Philosophy. Gods Gone Wild! Chicago: Open Court Publishing Company. 288 p.

Bellemin-Noël, J. (1972). Le texte et l'avant-texte: les brouillons d'un poème de Milosz. Paris: Larousse. 143 p.

Bellemin-Noël, J. (2004). Psychoanalytic Reading and the Avant-texte. In J. Deppman, D. Ferrer, & M. Groden (Eds.), Genetic Criticism: Texts and Avant-textes (Material Texts) (pp. 28-35). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Campbell, H. (2014). The Art of Neil Gaiman. New York: Harper Design. 320 p.

Campbell, H., Niffenegger, Au. (2015). The Art of Neil Gaiman: The Story of a Writer with Handwritten Notes, Drawings, Manuscripts, and Personal Photographs. New York: Harper Design. 320 p.

de Biasi, P.M. (1996). What is a literary draft? Toward a functional typology of genetic documentation. *Yale French Studies*, 89, 26-58.

Deane-Cox, Sh. (2014). Retranslation: Translation, Literature and Reinterpretation. London & New York: Bloomsbury Academic. 224 p.

Freely, M. (2013). Misreading Orhan Pamuk. In E. Allen & S. Bernofsky (Eds.), Translation: Translators on Their Work and What It Means. New York: Columbia University Press. pp. 143-153).

Gaiman, N. (2011). American Gods: The Tenth Anniversary Edition. New York: William Morrow. 560 p.

Gaiman, N. (2012). The Ocean at the End of the Lane. Unpublished manuscript. 317 p.

Gaiman, N. (2013). The Ocean at the End of the Lane [Adobe Acrobat Reader Version]. Retrieved from <https://archive.org/details/TheOceanAtTheEndOfTheLane> (reference date: 01.08.2016)

Gaiman, N. (2013). *The Ocean at the End of the Lane*. London: Headline Publishing Group. 259 p.

Grésillon, A. (1994). *Eléments de critique génétique. Lire les manuscrits modernes*. Paris: PUF. 258 p.

Grésillon, A. (2007). Nous avançons toujours sur des sables mouvants. Espaces et frontières de la critique génétique. In P. Gifford & M. Schmid (Eds.), *La création en acte. Devenir de la critique génétique*. Amsterdam & New York: Editions Rodopi B.V. pp. 29-40.

Grésillon, A., Lebrave, J.-L. (2009, March 23). *Linguistique et génétique des textes: un décalogue*. Retrieved from <http://www.item.ens.fr/index.php?id=434571> (reference date: 01.08.2016)

Harkins, M. (2010). *Basics Typography 02: Using Type*. Lausanne: AVA Publishing SA. 184 p.

Hemingway, E. (2009). *Moveable Feast: The Restored Edition*. New York: Scribner. 240 p.

Jensen, K. (2015). *Reimagining Process: Online Writing Archives and the Future of Writing Studies*. Carbondal: SIU Press. 192 p.

Mey, J.L. (Ed.). (1998). *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. Oxford: Elsevier Ltd. 1180 p.

Ramsden, M.A. (2004). Jean Santeuil and the Notion of avant-texte. In H. Bloom (Ed.), *Marcel Proust*. Broomall: Chelsea House Publishers. pp. 221-242.

Rico, F. (2006). Scholarly Editions and Real Readers. In L. Giuliani, H. Brinkman, & G. Lernout (Eds.), *Texts in Multiple Versions: Histories of Editions*. New York & Amsterdam: Editions Rodopi B.V. pp. 3-13.

Scott, C. (2006). Translating the literary: genetic criticism, text theory and poetry. In S. Bassnett & P. Bush (Eds.), *The Translator as Writer*. London & New York: Continuum. pp. 106-118.

Wagner, H., Golden, Ch., & Bisette, S.R. (2008). *Prince of Stories: The Many Worlds of Neil Gaiman*. London: St. Martin's Press. 560 p.

Zavala, I.M. (1987). The manuscript and its interpreters: notes on the 'omniscient reader' of the poetics of the lyric. In: I.M. Zavala, T.A. van Dijk, & M. Diaz-Diocaretz (Eds.), *Approches to Discourse, Poetics and Psychiatry: Papers from the 1985 Utrecht Summer School of Critical Theory*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing. pp. 131-148.

АССОЦИАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКИХ ЛАКУН

Палкин Алексей Дмитриевич

доцент Московского педагогического
государственного университета

Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 88

e-mail: p-alexis@yandex.ru

В статье на материале ассоциативных экспериментов рассматриваются три русских безэквивалентных единицы по отношению к японскому языку. Прослеживается эволюция взглядов русских респондентов за период с начала 1990-х гг. по середину 2000-х гг. Особое внимание уделяется нравственному содержанию реакций, предложенных респондентами.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, лакуны, смысловые компоненты, воля, выпивка, дать.

В одной из наших предыдущих статей мы рассматривали японские лакуны по отношению к русскому языку [Палкин 2008]. В данной статье мы обратим внимание на некоторые русские лакуны по отношению к японскому языку. Эта статья готовилась для очередного сборника о лакунах под редакцией Ю.А. Сорокина. Публикации сборника помешала смерть ученого. Тема лакун, изучение которых благодаря трудам Ю.А. Сорокина [Марковина, Сорокин 2008; Сорокин 1977; 2003] вышло на новую высоту, заслуживает пристального внимания, поэтому проведенное нами исследование несколько не утратило актуальности. Настоящая статья, таким образом, является своего рода продолжением проблематики, начатой в указанной выше статье 2008 г.

Количество научных работ, посвященных лакунам, огромно. Мы не будем приводить здесь соответствующую литературу, так как в предыдущих номерах журнала «Вопросы психолингвистики», посвященных проблеме лакун, можно найти обширную библиографию на данную тему. Поэтому просто отошлем читателей к соответствующим номерам журнала [Вопросы психолингвистики 2006; 2010].

В свете нашего исследования необходимо подчеркнуть, что встречаются как межъязыковые, так и внутриязыковые лакуны. Для вычленения лакуны достаточно и одного языка, когда рассматриваются отдельные его аспекты. В частности, внутриязыковые лакуны «обнаруживаются внутри парадигм одного языка – например, отсутствие слова с противоположным значением, отсутствие единицы с определенной синтаксической отнесенностью, отсутствие какой-либо морфологической формы слова и др.»; как в случае межъязыковых, так и в случае внутриязыковых лакун можно говорить о лакунах номинативных, стилистических и частеречных. В равной степени можно выделить лакуны предметные и абстрактные, родовые и видовые, мотивированные и немотивированные [Стернин и др. 2003: 207–210].

Если рассматривать межъязыковые лакуны, то необходимо сопоставление конкретных языков. Дело в том, что некоторое отдельно взятое слово может оказаться лакуной по отношению к одному языку, но в то же время иметь эквиваленты

в ряде других языков. В связи с этим мы сразу оговариваемся, что те образы, которые подлежат нашему рассмотрению, являются лакунарными по отношению к японскому языку, не являясь таковыми по отношению ко многим другим языкам.

В основу нашего исследования лег ассоциативный эксперимент, проведенный преимущественно среди студентов вузов Москвы и Московской области, в результате которого в нашем распоряжении оказалось по 140 реакций русскоязычных респондентов (из них 70 мужчин и 70 женщин) на интересующие нас стимулы. Для сравнения мы пользовались данными «Русского ассоциативного словаря» [Русский ассоциативный... 2002], которые содержат реакции русскоязычных респондентов начала 1990-х гг., то есть, условно говоря, постперестроечного периода. Итак, мы не просто рассмотрим безэквивалентные для японского языка русские лексемы, но и проследим динамику изменения представлений русских респондентов о затронутых нами образах.

Описывая соответствующие ассоциативные поля, мы разбиваем их на четыре смысловых компонента, основываясь на идее, высказанной в коллективной монографии «Ментальность россиян» [Ментальность... 1997: 268–277]. Несколько преобразовав схему, предложенную на страницах этой книги, мы будем разделять ассоциативные поля на следующие компоненты: логико-понятийный (знания, основанные на понятийной обработке чувственных данных), телесно-перцептивный (знания, опирающиеся непосредственно на представления о чувственно-телесной реальности), ценностно-смысловой (знания, связанные с духовными идеалами) и эмоционально-аффективный (знания, возникшие на основе субъективных переживаний). Все реакции, набравшие в нашей выборке не менее 1,25% (то есть не менее 1,5% в округленном значении), вошли в сводную таблицу реакций. Все вошедшие в таблицу реакции (или – при необходимости – группы реакций, выделенные по принципу семантической близости) пронумерованы. Эти цифры получают расшифровку в приводимой после таблицы легенде. Для каждого компонента и для каждой выборки в конце каждой строки таблицы в скобках приводится суммарный удельный вес всех членов данной строки.

В общей сложности мы рассмотрим три лакуны русского языка по отношению к японскому языку.

* * *

В первую очередь обратимся к стимулу «воля». Если быть предельно точными, то следует отметить, что лексеме «воля» соответствуют два омонима. Первый имеет семемы «способность осуществлять поставленные перед собой цели», «сознательное стремление к осуществлению чего-либо», «пожелание, требование», «власть, возможность распоряжаться», а также употребляется в ряде выражений в качестве вводного слова. Второй омоним означает «свободу в проявлении чего-либо», а также «свободное состояние». Разумеется, эти семемы на японский язык должны переводиться при помощи различных лексем, тогда как в русском языке все они выражаются при помощи одной лексемы «воля». Самое интересное заключается в том, что предъявленный вне контекста стимул «воля» никоим образом не конкретизирует, какой из двух омонимов имеется в виду. Респонденты вольны трактовать предложенное им слово так или иначе. Хотя лексикографы и говорят о существовании двух разных слов «воля», в языковом сознании русских воля пред-

стает как сплав свободы и внутренней силы. По этой причине рассмотрение данного стимула вне контекста способно в наиболее точной форме выявить структуру образа воли в этической картине мира русских.

Рассмотрим смысловые компоненты ассоциативного поля «воля» в двух русских выборках.

Сводная таблица 1.

Разбиение ассоциативного поля «воля» по смысловым компонентам.

	Логико-понятийный компонент
P1	5; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15 (26,5%)
P2	3; 4; 5; 6; 9; 10 (22%)

	Телесно-перцептивный компонент
P1	7 (4%)
P2	8; 13 (3,5%)

	Эмоционально-аффективный компонент
P1	2; 4 (14%)
P2	7 (2%)

	Ценностно-смысловой компонент
P1	1; 3; 11; 12 (27,5%)
P2	1; 2; 11; 12 (43%)

Легенда

P1 (реакции русских из PAC)	P2 (реакции русских 2006 г.)
1: сила + сильная + сильнющая (7% + 7% + 0,5% = 14,5%)	1: сила + сильная + сильна + сильный (17% + 4% + 0,5% + 0,5% = 22%)
2: вольная + вольному (8% + 0,5% = 8,5%)	2: свобода (18%)
3: свобода + к свободе (7% + 0,5% = 7,5%)	3: разум + и разум (6% + 5% = 11%)
4: ваша + твоя (3,5% + 2% = 5,5%)	4: стремление + желание (2% + 1,5% = 3,5%)
5: неволя (5,5%)	5: моя (2%)
6: железная (4,5%)	6: неволя (2%)
7: простор + просторы + степная + степь (1% + 1% + 1% + 1% = 4%)	7: Павел (2%)
8: к победе + победа (2,5% + 1% = 3,5%)	8: путь + дорога (1,5% + 0,5% = 2%)
9: за замком + нары + тюрьма (1% + 1% + 1% = 3%)	9: тюрьма (2%)
10: земля + и земля (2% + 1% = 3%)	10: власть (1,5%)
11: к жизни + жизнь (2% + 1% = 3%)	11: выдержка + упорство + усердие (0,5% + 0,5% + 0,5% = 1,5%)
12: Божья (2,5%)	12: жизнь + жить + к жизни (0,5% + 0,5% + 0,5% = 1,5%)
13: доля (2,5%)	13: поле (1,5%)
14: моя (2,5%)	
15: и разум + разум (1% + 1% = 2%)	

Группировка реакций в ходе разбиения на смысловые компоненты четко продемонстрировала, что образ силы несколько опередил образ свободы в обеих выборках, однако опережение это не столь существенное, чтобы его можно было

назвать значимым. Можно считать, что бинарность семантемы «воля» проявилась в ответах наших испытуемых в полной мере. Так, если судить по ценностно-смысловому компоненту, то для одних воля – это в первую очередь стремление, для других – свободное состояние. Обе группы респондентов указывают и на связь образов воли и жизни, подчеркивая значимость образа воли. О реакции «Божья» уже было сказано выше, а вот пункт 11 из легенды к выборке 2006 г. свидетельствует о некотором повышении уверенности в себе у русских начала XXI в.

В процентном отношении реакции из второй русской выборки несколько опережают реакции из первой, однако разрыв этот не настолько велик, чтобы говорить о существенных расхождениях. Наличие небольшого разрыва можно объяснить тем, что «в русском языке *свобода* представляет собою более центральный компонент, чем *воля* (в соответствующем смысле). Частотность этих двух слов нельзя подвергнуть непосредственному сравнению вследствие многозначности слова *воля* (1. желание, 2. свобода), но частотность однокоренных прилагательных *свободный* и *вольный* (198 против 25) говорит сама за себя» [Вежицкая 1999: 461].

Обратимся к логико-понятийному компоненту. Здесь бросается в глаза значимая разница в удельном весе реакции «неволя» между двумя выборками. Выше, рассматривая стимул «свободный», мы уже констатировали, что русские начала XXI в. более положительно относятся к свободе, то есть ощущают себя несколько более свободными, чем в начале 1990-х гг. Это суждение подтверждается и в данном случае: русские начала XXI в. вспоминают о неволе заметно реже.

Вместе с тем высокоранговую реакцию «свобода» можно рассматривать не как синоним стимула «воля», а как своего рода противопоставление. Как указывает А.Д. Шмелев, «*свобода* означает мое право делать то, что мне представляется желательным, но это мое право ограничивается правами других людей; а *воля* вообще никак не связана с понятием права» [Шмелев 2005: 61]. В связи с этим бросается в глаза реакция «власть» (из второй русской выборки), хотя она и является низкочастотной. Респонденты, предложившие данную реакцию, по всей видимости, считают, что власть обладает свободой, не ограниченной правом. Это, по-видимому, свидетельствует о повышении коррумпированности в российских властных структурах по сравнению с началом 1990-х гг.

Возможности пенитенциарной системы, способной ограничить волю-свободу человека, описаны в пунктах 9 из легенды к обоим ассоциативным полям. В данном случае перед нами реалистичная оценка предложенного стимула. Другим примером такой реалистичной оценки является высокоранговая реакция «разум» из русской выборки начала XXI в. Данная реакция указывает на связь образов воли и разума, присущую русскому языковому сознанию. В выборке РАС аналогичная реакция находится на периферии рассматриваемого ассоциативного поля. Можно предположить, что рационалистический подход, выраженный реакцией «разум», вытеснил идеалистические призывы, характерные для советской эпохи (такие как «железная» и «к победе»). Что касается реакции «железная» из первой русской выборки, то ее было достаточно сложно атрибутировать к одному из компонентов: здесь и телесно-перцептивная, и ценностно-смысловая составляющие. Но мы посчитали, что основную смысловую нагрузку в данном случае несет указание на необходимость упорства и целеустремленности, что в большей степени соответствует логико-понятийному компоненту.

В телесно-перцептивный компонент вошли реакции, указывающие на особенности российского ландшафта. О влиянии бескрайних просторов страны на менталитет ее жителей было сказано уже неоднократно и не только нами.

В части эмоционально-аффективного компонента реакции из выборки РАС заметно опережают реакции 2006 г. по удельному весу. Следует, однако, иметь в виду, что речь здесь идет о реакциях, свидетельствующих о неготовности респондентов к серьезному размышлению над стимулом. Обычно такая неготовность связана с повышенной эмоциональной напряженностью. Бурные изменения условий жизни, происходившие в начале 1990-х гг., не могли иметь иного результата, кроме как смятения и дезориентации в системе ценностей. Отсюда и обилие ничего не значащих реакций в выборке РАС. В выборке 2006 г., как несложно заметить, таких реакций значительно меньше. О сути пункта 7 из легенды ко второй русской выборке мы уже говорили выше.

Таким образом, восприятие образа воли в русской культуре не отличается большими сдвигами в ту или иную сторону. И в XX в., и в XXI воля рассматривается как олицетворение свободы и как выражение духовной силы человека.

Абсолютно права А. Вежицкая, указывающая на комплементарность значений «желание» и «свобода» в семантеме «воля». Слово «воля» предполагает, что человек может жить «по желанию, по своей воле, делать все, что захочется». Кроме того, А. Вежицкая отмечает следующий интересный момент: тогда как образ свободы может иметь и «положительную», и «отрицательную» направленность («свобода для» и «свобода от»), никакой *воли от в значении «свобода» никогда не существовало. Образ воли в этом значении имеет исключительно «положительную» направленность [Вежицкая 1999: 462].

Воля, подчеркнем, – знаковый образ для русской культуры. Ломка устоявшихся стереотипов и обилие стрессогенных ситуаций и удручающих новостей в начале 1990-х гг. привели к тому, что заметный пласт русских респондентов предпочел уйти от прямого размышления над предъявленным стимулом. В РАС в изобилии обнаруживаются реакции, несущие минимальную смысловую нагрузку. Это, однако, не умаляет достоинств респондентов начала 1990-х, которые демонстрируют свою любовь к русской литературе, что весьма информативно постольку, поскольку выражает их эстетические пристрастия. Того же нельзя сказать о респондентах 2006 г.

Во второй русской выборке также прослеживается некоторое нежелание задумываться над предложенным образом, но гораздо громче звучит осознание тесной связи воли и разума – их нерасторжимости и взаимозависимости.

Объединяет обе выборки, помимо отмеченных уже моментов, образ бескрайних просторов родной земли, который непосредственно увязывается респондентами с образом воли. «Смысловое ядро русской культуры, проанализированной Г. Федотовым на примере творчества А. Блока, – самосознание оседлой, но сохранившей тягу к духовному кочевничеству цивилизации, сознание, обремененное мучительным беспокойством, неразрешимой раздвоенностью, тоской по утраченной и, быть может, никогда более не достижимой воле... Бесконечность равнины и пролегающего по ней пути с неведомой целью – это и есть характерный и специфический для русской культуры *хронотоп* – смысловое единство специфических для нее

времени и пространства» [Кондаков 2007: 48]. Если сравнить отношение к природе в русской и японской культурах, то становится очевидным, что японцы, живущие на сравнительно небольшой территории, привыкли относиться к природе с восхищением и по возможности бережно, а русские, живущие на беспримерно большей по протяженности территории, привыкли относиться к природе с пиететом, но высокомерно. О «непредусмотрительности» русского человека в отношении окружающей среды удачно отозвался тот же И.В. Кондаков: «Подобное же – небрежное и беспечное – отношение к природе (к лесу и полезным ископаемым, к рекам и водоемам, к охране среды и радиационной опасности) стало характерной особенностью национального природопользования в России... и запечатлелось не только в менталитете русской культуры, противоречивом и драматичном, но и в самом типе российской цивилизации, с одной стороны, почти не дистанцирующейся от природы (ни в хозяйственном, ни в смысловом отношении), гордящейся своей ничем не замутненной естественностью, отталкивающейся от технического прогресса и западной «машинной цивилизации», а с другой – не оберегающей свою природу, не считающей ее ценностью, стремящейся ее «одолеть» любыми, в том числе самыми варварскими средствами, а потому как бы «не знающей» экологии (вплоть до самого последнего времени, да и то относящейся к ней во многом формально, легкомысленно, по принуждению)» [Там же]. Лучше, пожалуй, и не скажешь.

Наконец, отметим тот факт, что в обоих выборках констатируется существование ограничений, которые способны так или иначе стеснить волю человека, что снова подчеркивает отсутствие существенных расхождений во взглядах на образ воли у русских начала 1990-х гг. и начала XXI в.

* * *

Вторая лакуна, которую мы рассмотрим, – «выпивка». Выпивка – это не просто прием напитков, а прием спиртных напитков. Одновременно это собирательный термин для спиртных напитков. В японском языке прямых аналогов нет, поэтому для японского языка слово «выпивка» – типичная лакуна.

Злободневность проблемы алкоголизма в советской, постсоветской и современной России не нуждается в дополнительных комментариях. Эту проблему мы и затронем, анализируя стимул «выпивка». Важно здесь то, что рассмотрение образа выпивки позволит нам проследить тенденции, существующие у русских в отношении употребления спиртного. В толковом словаре это слово эксплицируется достаточно тривиально: «то же, что попойка»; «спиртные напитки». В какой степени русские осознавали и осознают опасность, которую несет в себе алкоголь? Для ответа на этот вопрос обратимся с смысловым компонентам.

Сводная таблица 2.

Разбиение ассоциативного поля «выпивка» по смысловым компонентам.

	Логико-понятийный компонент
P1	1; 4; 5; 6; 8; 9; 12; 13; 14; 16 (43,5%)
P2	1; 3; 4; 7; 9; 12; 15; 16; 17; 18; 19 (51,5%)
	Телесно-перцептивный компонент
P1	2; 3; 17 (21,5%)
P2	6; 8; 14 (8%)

	Эмоционально-аффективный компонент
P1	11 (2%)
P2	10 (2%)

	Ценностно-смысловой компонент
P1	7; 10; 15 (8%)
P2	2; 5; 11; 13 (20%)

Легенда

P1 (реакции русских из РАС)	P2 (реакции русских 2006 г.)
1: водка (12,5%)	1: пиво + возня с пивом + пивко (10% + 0,5% + 0,5% = 11%)
2: закуска (10,5%)	2: зло (10%)
3: бутылка + в бутылках (8% + 1% = 9%)	3: водка (9%)
4: вечеринка + гулянка + праздник (2% + 2% + 2% = 6%)	4: алкоголь + спирт + спиртное (5,5% + 0,5% + 0,5% = 6,5%)
5: похмелье + жуткое утро, похмелье (5% + 1% = 6%)	5: гадость + вред + дрянь + отравка + яд (2% + 1,5% + 1,5% + 0,5% + 0,5% = 6%)
6: алкаш + алкоголик + пьяный + пьянь (2% + 1% + 1% + 1% = 5%)	6: закуска + еда + запивка (2% + 1,5% + 0,5% = 4%)
7: вредная + гадость + грязь (1% + 1% + 1% = 3%)	7: вино (3,5%)
8: пиво (3%)	8: стакан + бокал + кружка (1,5% + 0,5% + 0,5% = 2,5%)
9: пьянка (3%)	9: алкаш + пьяный (1,5% + 0,5% = 2%)
10: хорошая (3%)	10: веселье (2%)
11: веселье (2%)	11: нельзя + не нужна + нет + нет, спасибо (0,5% + 0,5% + 0,5% + 0,5% = 2%)
12: дармовая + на халяву (1% + 1% = 2%)	12: пятница (2%)
13: друзей + друзья (1% + 1% = 2%)	13: хорошо + приятно (1,5% + 0,5% = 2%)
14: крепкая (2%)	14: бутылка (1,5%)
15: нельзя + нехорошее занятие (1% + 1% = 2%)	15: бухло (1,5%)
16: не состоялась + нету (1% + 1% = 2%)	16: выходной + выходные + праздник (0,5% + 0,5% + 0,5% = 1,5%)
17: стакан (2%)	17: компания (1,5%)
	18: пить (1,5%)
	19: пьянство (1,5%)

В обеих русских выборках большую половину ассоциативного поля «выпивка» занимает логико-понятийный компонент. Совпадают и входящие в него реакции, о процентных расхождениях которых мы уже говорили в преамбуле к таблице. Еще раз подчеркнем смещение приоритетов в пользу пива: безусловное лидерство популярности водки в начале 1990-х гг. сменилось небольшим лидерством пива.

Предложенные респондентами реакции свидетельствуют о том, что, в целом, русские начала XXI в. стали пить несколько меньше: реже, чем в начале 1990-х, упоминаются такие сопровождающие выпивку факты, как «праздник», «похмелье», «пьянка», а также такие личности, как «алкаш» и «алкоголик». Русские и в начале XXI в. заслуженно «прославились» чрезмерным употреблением спиртного, однако наши данные показывают, что в начале 1990-х гг. ситуация была заметно хуже.

Из логико-понятийного компонента отметим также реакцию «вино». Эта реакция набирает достаточно высокий процент, причем только во второй русской выборке. Интересна она еще и тем, что все 3,5%, приходящиеся на данную реакцию, обеспечены ответами испытуемых женского пола. Русские женщины, следовательно, демонстрируют положительную тенденцию: предпочтение более «благородным» спиртным напиткам, подавая хороший пример мужчинам, которые в 2006 г. не проявили солидарности с представительницами слабого пола. Также следует подчеркнуть, что и реакция «гадость» из ценностно-смыслового компонента (выборки того же 2006 г.) была упомянута исключительно женщинами. Следовательно, именно женщины в России XXI в. оказывают решающее влияние на эволюцию этических норм. Мы делаем этот вывод, основываясь только на стимуле «выпивка», так как явно негативный образ выпивки получает большее количество критики именно со стороны русских респонденток. В то же время о ведущей роли женщины в российском обществе говорят и психологи. Вот что пишет Т.В. Андреева, рассматривающая отношения внутри российской семьи: «В России явно преобладание женского начала в семьях, которое проявляется часто и в самой структуре семьи, и в психологическом плане как принятие всех основных решений за семью женщиной (женой или матерью)... Вследствие этого и в воспитании детей, и в их личностном становлении происходят определенные искажения – такие, как феминизация мальчиков и юношей. К примеру, появление такого феномена, как комитет солдатских матерей (матери – в защиту своих сыновей, служащих в армии), является, хотя и справедливым, но весьма своеобразным знаменем времени и культуры. Если исторически обычным явлением была защита отцами, братьями и сыновьями – матерей, жен и сестер, то в настоящее время молодой человек (призывник или солдат) воспринимается как существо беззащитное, а защищать его может не кто иной, как женщина-мать» [Андреева 2005: 82].

Продолжим рассмотрение ценностно-смыслового компонента. Несложный подсчет показывает, что в первой русской выборке насчитывается 5% реакций, отражающих отрицательное отношение респондентов к выпивке, и 3% реакций, отражающих положительное отношение респондентов к выпивке, то есть, разрыв между одобрением и осуждением довольно небольшой. В выборке начала XXI в. уже 18% русских высказываются о выпивке неодобительно, и только 2% имеют противоположное мнение. Очевидно, что вне зависимости от пола представители русской культуры в большинстве своем пришли к четкому осознанию пагубности злоупотребления спиртными напитками. Логическим продолжением такого осознания должен стать отказ от вредной привычки. И здесь необходим толчок – грамотная просветительская работа и обеспечение постоянной занятости населения. В начале 1990-х гг. толчок был сделан в другую сторону: резкое увеличение рекламы алкогольных напитков (в том числе крепких) и разрушение привычных социально-экономических

связей. В начале XXI в. произошла определенная «работа над ошибками», но толчка в обратную сторону не наблюдается: пропаганда здорового образа жизни явно недостаточна, а уровень безработицы сложно назвать низким (особенно в сельской местности). В связи с этим необходимо подчеркнуть, что следует различать употребление алкоголя как таковое и чрезмерное употребление алкоголя. Как справедливо заметил В.В. Владимиров, «проблемой является не употребление алкоголя вообще, а неумеренное его употребление». Образ выпивки как раз и подразумевает прежде всего неумеренное употребление спиртного. Главную причину пьянства в России В.В. Владимиров видит в дезорганизации духовной и эмоциональной сферы, в отсутствии понимания смысла жизни [Владимиров 2006: 399].

О снижении потребления спиртного в России свидетельствует телесно-перцептивный компонент. Необходимые атрибуты выпивки – «закуска», «стакан» и «бутылка» в начале XXI в. набрали почти втрое меньше процентов, чем в начале 1990-х гг. Очевидно, что количество ситуаций (обычно совместного) распития спиртных напитков за 15 лет, прошедшие с распада СССР, уменьшилось.

Тем не менее сохранилось представление о том, что выпивка доставляет человеку удовольствие и веселье. Об этом можно судить по реакции «веселье», вошедшей в эмоционально-аффективный компонент, – реакции пусть и низкочастотной, но представленной в обеих выборках.

Итак, к началу XXI в. русские стали относиться к образу выпивки более негативно, чем раньше. Более того, они в гораздо большей степени, чем 15 лет назад, осознают вред чрезмерного употребления спиртного. Правда, общий удельный вес реакций, отсылающих к тому или иному крепкому напитку, оказывается даже несколько выше, чем в первой русской выборке. Однако если вспомнить о ситуации с реакцией «похмелье», напрашивается вывод о том, что в XXI в. русские стали пить менее интенсивно, при этом ассортимент потребляемых ими спиртных напитков расширился. Можно также предположить, что русские стали пить осторожнее, приоритеты сместились в сторону не очень крепких напитков. Состояние похмелья – уже не столь обыденное явление, как в начале 1990-х гг. Если тогда прием спиртных напитков в хорошей компании рассматривался как привычное и чуть ли не обязательное явление, то теперь этот «ритуал» начал утрачивать свои позиции. Однако, несмотря на все это, проблема алкоголизма в России по-прежнему остается крайне острой. Даже в выборке 2006 г. четыре разных наименования спиртных напитков вошли в ядро ассоциативного поля «выпивка», оставив реакцию «зло» в гордом одиночестве.

Чего не хватает для дальнейшего улучшения ситуации? Не хватает должных разъяснений о вреде алкоголя. Объем открытой и скрытой рекламы спиртных напитков превышает объем информации об их вреде. Пока что интересы коммерческой выгоды оказываются выше интересов органов здравоохранения. Но и этого мало. Необходимо комплексное улучшение бытовых и материальных условий жизни в России, снятие социальной напряженности, но тут мы в очередной раз вынуждены остановить поток наших рассуждений, так как вплотную приблизились к границе лингвистической науки, за которую мы не считаем возможным выходить.

Заканчивая рассмотрение стимула «выпивка», подчеркнем переход россиян на употребление менее крепких спиртных напитков и уменьшение числа людей,

страдающих от похмельного синдрома. В то же время обе русские выборки объединяет осуждение людей, страдающих алкоголизмом. Пьют русские примерно те же спиртные напитки, что и раньше (правда, разнообразился их ассортимент), и пьют теперь чаще по выходным. Да, русские стали пить осторожнее, но это относится в большей степени к женщинам, чем к мужчинам.

Мы выяснили, что у многих русских появилось осознание пагубности спиртного. Не хватает целеполагающих внешних стимулов, которые способствовали бы дальнейшему улучшению ситуации.

* * *

Третья лагуна, которую мы рассмотрим, – «дать». Это может показаться парадоксальным, но на японский язык слово «дать» невозможно перевести однозначно. Если быть предельно точным, то «дать» – это относительная (а не абсолютная) лагуна по отношению к японскому тезаурусу. Перечень эквивалентов, которые уместно было бы употребить при переводе русского глагола на японский язык, получится очень длинным. Не будем его здесь приводить, а обратимся к дефинициям.

В толковом словаре русского языка первой указана семема «отдать в руки, непосредственно». По сути, она и является основной. Так вот в японском языке для передачи этой семемы необходимо учитывать, кто, кому и в каких обстоятельствах (социальное положение участников общения, их возраст, текущий стиль общения и т. п.) совершает акт передачи. В зависимости от комбинации этих факторов следует употреблять различные глаголы, то есть только первой семеме глагола «дать» соответствуют японские глаголы *ageru, kureru, kudasaru, sashiageru, yaru*. При переводе других семем лексемы «дать» на каждую приходится менее внушительные списки, но глаголы все равно разные. По удачному замечанию В.М. Алпатова, который рассматривал глагол несовершенного вида «давать», «мы не можем однозначно сказать, как будет по-английски *рука*: сначала надо уточнить, о какой части руки (*hand* или *arm*) идет речь. Но так же нельзя и сказать, как будет по-японски *давать*: глаголов там пять, и они не синонимичны» [Алпатов 2008: 81]. Таким образом, стимул «дать» включает в себя большое количество семем, выражаемых в японском языке при помощи намного большего числа глаголов. Укажем остальные семемы русского глагола «дать»: «то же, что предоставить»; «доставить, принести как результат чего-либо»; «устроить, осуществить»; «определить возраст»; «в сочетании с существительным выражает действие по значению данного существительного»; «осуществить то, что приводит к значительному результату»; «ударить»; «то же, что задать». Конечно, первая семема стимула «дать» нашла наибольшее отражение в реакциях русских респондентов, но и другие семемы не остались без внимания.

Обратимся к разбору смысловых компонентов данного образа.

Сводная таблица 3.

Разбиение ассоциативного поля «дать» по смысловым компонентам.

	Логико-понятийный компонент
P1	2; 4; 5; 6; 7; 8; 9 (37,5%)
P2	2; 4; 7; 9; 13 (19,5%)

	Телесно-перцептивный компонент
P1	1; 3; 10 (27,5%)
P2	1; 3; 10; 11; 12 (45,5%)
	Эмоционально-аффективный компонент
P1	
P2	
	Ценностно-смысловой компонент
P1	
P2	5; 6; 8 (11%)

Легенда

P1 (реакции русских из РАС)	P2 (реакции русских 2006 г.)
1: взять + бери + брать (16,5% + 0,5% + 0,5% = 17,5%)	1: взять + брать (32% + 3,5% = 35,5%)
2: займы + в долг (10% + 1% = 11%)	2: денег + деньги (6,5% + 2% = 8,5%)
3: по морде + по шее + пощечину + в глаз + в зубы + в морду + в рожу + по лбу + по лицу (1,5% + 1,5% + 1,5% + 1% + 1% + 0,5% + 0,5% + 0,5% + 0,5% = 8,5%)	3: в глаз + в морду + по морде + по рожу + + по ушам + пощечину (2% + 1,5% + 0,5% + 0,5% + 0,5% + 0,5% = 5,5%)
4: взятку + взятка (7% + 1% = 8%)	4: займы + в долг (3,5% + 2% = 5,5%)
5: сдачи + сдачу + сдача (5,5% + 2% + 0,5% = 8%)	5: помочь + помощь (4,5% + 0,5% = 5%)
6: деньги + денег (2,5% + 0,5% = 3%)	6: жизнь (4,5%)
7: ответ (3%)	7: подарить + дарить (2% + 0,5% = 2,5%)
8: время (1,5%)	8: бескорыстно (1,5%)
9: подарить (1,5%)	9: взятка + взятки + взятку (0,5% + 0,5% + 0,5% = 1,5%)
10: руку + рука (1% + 0,5% = 1,5%)	10: отдать (1,5%)
	11: отнять (1,5%)
	12: руку (1,5%)
	13: совет (1,5%)

Изучение логико-понятийного и телесно-перцептивного компонентов показывает отсутствие существенных различий между двумя русскими выборками. Хотя и наблюдается некоторый разрыв между выборками с точки зрения совокупного удельного веса соответствующих реакций, этот разрыв не столь велик, чтобы признать его существенным. Совпадают и реакции-лидеры: русские обоих временных периодов в первую очередь актуализируют семему «отдать в руки, непосредственно». Реакция «взять» является антонимичной стимулу, поэтому несет в себе

немалый логико-понятийный заряд, однако мы учли, что данный ответ подразумевает передачу чего-либо из рук в руки, поэтому предпочли отнести наиболее частотную реакцию к телесно-перцептивному компоненту, равно как и реакции «отдать», «руку» и им подобные.

К телесно-перцептивному компоненту мы отнесли и реакции, относящиеся к семеме «ударить», группа которых (в обеих выборках – пункт 3 легенды) имеет достаточно высокий ранг в соответствующих ассоциативных полях. У русских, таким образом, сохраняется латентная* агрессивность, которая при условии стечения определенных обстоятельств готова выплеснуться наружу. Показательно, что все гипотетические удары респонденты предложили нанести в область головы, видимо, имея в виду, что тем самым достигается весьма эффективное воздействие на объект нападения.

Любопытным образом распределились реакции в логико-понятийном компоненте. В первой русской выборке несколько большее число респондентов указали на возможность дать «взаймы», несколько меньшее – на возможность передачи «денег». Во второй русской выборке, напротив, сначала вспоминают о возможности дать «денег», а потом уже о деньгах «в долг». Выше, анализируя стимул «деньги», мы отметили, что из двух русских выборок только представители первой активно жалуются на нехватку денег. Денег в начале 1990-х в России действительно многим не хватало. Думается, именно по этой причине умы россиян постперестроечного периода были озабочены преимущественно вопросами займа либо одалживания денег. Так как к началу XXI в. благосостояние россиян улучшилось, необходимость занимать деньги у них уменьшилась; при этом у них появились деньги, которые можно было бы отдавать (давать) для покупки необходимых товаров или для каких-либо других нужд. Стала редкостью и привычка считать сдачу при расчетах. Если в начале 1990-х гг. большая часть населения России считала, образно выражаясь, каждую копейку семейного бюджета, то в начале XXI в. многие люди не видят необходимости в том, чтобы забирать сдачу при расчетах в магазине либо ресторане, так как они не считают необходимым экономить небольшие суммы денег. В связи с этим вполне естественно заметно большая популярность реакции «сдачу» в выборке РАС.

Камнем преткновения выступает реакция «взятку», которая входит в ядро ассоциативного поля «дать» в случае с первой русской выборкой, оставаясь лишь на периферии в случае со второй выборкой. Известно, что уровень коррумпированности в России за исследуемый 15-летний период не снизился. Тема дачи взяток активно муссируется и в средствах массовой информации, и в уличных разговорах. Откуда такой разрыв цифровых значений? Нам представляется разумным следующее объяснение: к началу XXI в. произошла смена приоритетов, русские открыли для себя новые, точнее, на время забытые ценности и перестали мыслить «приземленными» категориями. Вместо многочисленных реакций, указывающих на возможность дачи взятки, появились такие, которые непосредственно указывают

* О латентной агрессивности мы говорим по той причине, что удельный вес каждой отдельно взятой реакции из данной группы сравнительно невелик, поэтому и обнаруженная агрессивность пребывает в скрытом виде, а реальное ее проявление/непроявление находится в зависимости от случая.

на высшие моральные ценности. В результате во второй русской выборке в связи со стимулом «дать» не раз упоминались образы жизни и бескорыстия, что не характерно для выборки начала 1990-х гг. Показательно, что в ценностно-смысловой компонент вошли только реакции из второй русской выборки. В особенности отметим реакцию «помочь», выделяющуюся исключительно во второй русской выборке. Она свидетельствует о повышении готовности русских к взаимной поддержке.

Коррупционированность – характерная черта российского государства. С ней временами с переменным успехом боролись, но до конца искоренить не удавалось никогда. А. Я. Флиер, анализируя причины укоренения коррупции в современных властных структурах, выделяет четыре фактора, способствовавших развитию коррупции в России: 1) государственная практика отказа от оплаты труда чиновников (или осуществление ее в символических размерах) и ориентация их на ограбление населения; 2) нарушение принципа отбора по способностям, образованию и уровню профессионализма и приход к власти профессионально неподготовленных людей; 3) ослабление властного и общественного контроля за деятельностью чиновников; 4) приток в чиновничью среду лиц с криминальным прошлым и размывание традиционной корпоративной культуры людьми «из ниоткуда» (в постсоветские годы корпоративная солидарность чиновников строилась преимущественно на «воровском законе», т. е. была чисто криминальной) [Флиер 2007: 37–38]. Можно допустить, что к началу XXI века коррупционеры стали в меньшей степени выделяться в обществе: взятки уже не принято давать открыто; в языковой узус прочно вошел жаргонный термин «откат», или, попросту говоря, скрытая форма взятки; несколько снизилась криминализированность властных структур. Это, по всей видимости, и повлияло на снижение удельного веса реакции «взятку» к началу XXI в. Важно отметить, что коррупция в России процветает не только во властных структурах. Подчиненные (по давней традиции) берут пример со своих начальников и тоже не гнушаются брать «легкие деньги» (различаются только размеры взяток, «откатов» и пр.). Вместе с тем хорошо известно, что берут взятки потому, что их дают. Простые (как и не совсем простые) граждане во взятке видят способ решения многочисленных своих проблем, поэтому считают вполне допустимым «договариваться полюбовно», когда возникает такая необходимость. Фактически низшие слои населения копируют поведение, характерное для слоев более высокого уровня.

Наконец, заканчивая рассмотрение стимула «дать», заметим, что особых эмоций он не вызвал ни у русских постперестроечного периода, ни у русских начала XXI в.: нами не было зарегистрировано повторяющихся реакций, которые можно было бы отнести к эмоционально-аффективному компоненту.

В заключение подчеркнем, что отношение русских испытуемых обоих временных срезов к глаголу «дать» во многом совпадает. Различия касаются изменения удельного веса реакций, выражающих ряд ценностных факторов. К началу XXI в. мы можем наблюдать у русских рост ценности человеческой жизни. Русские стали проявлять готовность к взаимопомощи, чего практически не наблюдалось в начале 1990-х гг. Между тем было бы неверно говорить об утрате русскими агрессивных настроений: некоторое снижение соответствующих показателей не означает исчезновения. Начало 1990-х гг. характеризовалось серьезными экономическими проблемами в стране, что отразилось и на обычных людях. Уровень коррупции к началу XXI в. не снизился, но приобрел новые формы, не столь заметные простым

обывателям. При этом респонденты начала 2006 г. испытывают меньше финансовых затруднений, чем 15 годами ранее; это прослеживается как среди высококачественных реакций, так и на периферии ассоциативного поля «дать».

* * *

Итак, мы рассмотрели три лакуны русского языка по отношению к японскому – «дать», «воля» и «выпивка». Все они обладают своими особенностями. Все они достаточно разнолики. Между ними сложно, да и не стоит проводить параллелей. Упомянем лишь о том, что восприятие всех трех упомянутых образов не претерпело кардинальных изменений в этической картине мира русских, но ряд важных изменений все же произошел. Отрадно, что к началу XXI в. наметились положительные сдвиги, связанные с ростом нравственной сознательности представителей русской культуры.

Литература

- Алпатов В.М.* Япония: язык и культура. – М., 2008. – 208 с.
- Андреева Т.В.* Психология современной семьи. – СПб., 2005. – 434 с.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 776 с.
- Владимиров В.В.* Смысл русской жизни. – М., 2006. – 542 с.
- Вопросы психолингвистики. – 2006. – №3. – 278 с.
- Вопросы психолингвистики. – 2010. – №11. – 157 с.
- Кондаков И.В.* Культура России: краткий очерк истории и теории. – М., 2007. – 360 с.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст. Введение в лакунологию. – М., 2008. – 144 с.
- Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И.Г. Дубова. – М., 1997. – 474 с.
- Палкин А.Д.* Лакуна как межкультурное явление // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2008. – Вып. 4. – С. 73–83.
- Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Под ред. Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. – М., 2002. – 784 с.
- Сорокин Ю.А.* Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2003. – С. 3–11.
- Сорокин Ю.А.* Метод установления лакун как один из способов выявления специфики культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977. – С. 120–136.
- Стернин И.А., Попова З.Д., Стернина М.А.* Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2003. – С. 206–225.
- Флиер А.А.* Коррупция – как элемент культуры власти // Обсерватория культуры. – 2007. – №1. – С. 34–38.
- Шмелев А.Д.* Широта русской души // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005. – С. 51–63.

ASSOCIATION RESEARCH OF RUSSIAN LACUNAE

Alexey D. Palkin

associate professor of Moscow State Pedagogical University;
Russia, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 88;
e-mail: p-alexis@yandex.ru

The article – on the basis of associative experiments – dwells on three Russian non-equivalent units as related to the Japanese language. Russian respondents' views evolution is examined for the period from early 1990s to mid 2000s. Special attention is attributed to the moral content of reactions offered by the respondents.

Keywords: associative experiment, lacunae, sense components, will/freedom.

References

- Alpatov, V.M.* Yaponiya: Yazyk i kultura [Language and Culture]. M., 2008. 208 s.
- Andreeva, T. V.* Psikhologiya sovremennoy semyi [Psychology of Modern Family]. SPb., 2005. 434 p.
- Vezhbitskaya, A.* Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov [Semantic Universals and Languages Description]. M., 1999. 776 p.
- Vladimirov, V. V.* Smysl russkoy zhizni [Sense of Russian Life]. M., 2006. 542 p.
- Voprosy psikholingvistiki [Problems of Psycholinguistics]. 2006. – №3. 278 p.
- Voprosy psikholingvistiki [Problems of Psycholinguistics]. 2010. – №11. 157 p.
- Kondakov, I.V.* Kultura Rossii: kratkiy ocherk teorii i istorii [Russia's Culture: Brief Outline of Theory and History]. M., 2007. 360 p.
- Markovina, I.Yu., Sorokin Yu.A.* Kultura i tekst. Vvedeniye v lakunologiyu [Culture and Text. Introduction into Lacunology]. M., 2008. 144 p.
- Mentalnost rossiyan (Spetsifika soznaniya bolshikh grupp naseleniya Rossii) [Russians' Mentality (Specificity of Russia's Population Large Groups' Consciousness)] / Pod red. I.G. Dubova. M., 1997. 474 p.
- Palkin, A.D.* Lakuna kak mezhekulturnoye yavleniye [Lacuna as intercultural phenomenon] // Lakuny v yazyke i rechi. [Lacuna in language and speech]. – Blagoveshchensk, 2008. – Vyp. 4. pp. 73–83.
- Russkiy assotsiativniy slovar [Russian Association Dictionary]. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktsii / Pod red. Yu.N. Karaulova, G.A. Cherkasovoy, N.V. Ufimtseyev, Yu.A. Sorokina, Ye.F. Tarasova. M., 2002. 784 p.
- Sorokin, Yu.A.* Lakuny: yeshcho odin rakurs rassmotreniya [Lacunae: one more aspect of consideration] // Lakuny v yazyke i rechi. [Lacuna in language and speech]. – Blagoveshchensk, 2003. pp. 3–11.
- Sorokin, Yu.A.* Metod ustanovleniya lakun kak odin iz sposobov viyavleniya spetsifiki kultur (khudozhestvennaya literatura v kulturologicheskom aspekte) [Method of lacunae fixation as a way of discovering cultures specificity (fiction in culturological aspect)] // Natsionalno-kulturnaya spetsifika rechevogo povedeniya. [Cultural identity of linguistic behavior]. M., 1977. pp. 120–136.

Sternin, I.A., Popova, Z.D., & Sternina, M.A. Lakuny i kontsepty [Lacunae and concepts] // Lakuny v yazyke i rechi. [Lacuna in language and speech]. Blagoveshchensk, 2003. pp. 206–225.

Fliyer, A.Ya. Korruptsiya – kak element kultury vlasti [Corruption as power culture element] // Observatoriya kultury. [Cultural observatory]. 2007. – №1. pp 34–38.

Shmelyov, A.D. Shirota russkoy dushi [Width of Russian soul] // Zaliznyak, Anna A., Levontina, I. B., & Shmelyov, A. D. Klyucheviye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. M., 2005. pp 51–63.

**РЕМАРКИ О НЕПОЛНОЭКВИВАЛЕНТНОСТИ НАЗВАНИЙ
ЭМОЦИЙ В ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ****Перфильева Светлана Юрьевна**кандидат филологических наук, доцент Институт Языкознания РАН
Москва 125009 Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1
sperfilyeva@gmail.com

Слова естественного языка называют эмоции человека, воплощая в нем весь национально-специфический опыт их индивидуального переживания людьми – носителями данного языка. Эмоции свойственны человеку и объективны, а слова – названия эмоций кодированы национальными языками и, следовательно, отражают национально-специфичную картину мира. При переводе с одного языка на другой неизбежно возникают лакуны смыслов, так как смысловая и эмоциональная нагрузка слова одного из языков неполноэквивалентна смысловой и эмоциональной нагрузке слов другого. Особенно интересно в связи с этим явлением исследовать слова – названия эмоций на материале нескольких языков. Сопоставительный семантический анализ словарных дефиниций нескольких языков позволяет выявить и описать лакуны толкований исследуемой лексики, описать предсказуемые проблемы перевода данных лексических единиц с одного языка на другой, задуматься о возможном механизме компенсации подобной лакунизированности. Экспериментальные психолингвистические исследования позволяют обсудить понимание носителями языка материала исследования, слов - названий эмоций, в их непосредственном существовании в сознании носителей языка (с помощью, например, ассоциативного эксперимента или эксперимента шкалирования), выявить связи внутри эмоциональной сферы (эмотивикона) человека для разных национальных языков и сопоставить их.

Ключевые слова: слова – названия эмоций, лакунизированность, психолингвистический эксперимент.

«Чувства, вместе с эмоциями, из которых они происходят, не роскошь. Они служат внутренними путеводителями, и они помогают нам сообщить другим те сигналы, которые могут направить и их. И чувства ни эфемерны, ни неуловимы. В противовес традиционному научному мнению, чувства настолько же когнитивны, как и другие объекты/результаты перцепции» [Дамазио 1994: 269, xiv].

Эмоции ни рациональны, ни иррациональны. Некоторые из них невероятно глупы, другие - провидчески гениальны. Ницше писал, что любая страсть имеет фазу, когда она просто губельна, и ее жертва катится по наклонной плоскости под грузом этой глупости, но затем он доказывает, что это не причина для отказа от страстей, а повод для их воспитания. И, несмотря на всевозможные, убедительно обоснованные классификации эмоций человека, современные ученые задаются вопросом, есть ли вообще в природе «базовые» эмоции, или существует только один огромный первозданный хаотический фон разнообразных эмоций, в котором они смешиваются между собой, переплетаются как разноцветные нити необъятного го-

белена с таким сложным узором, что лишь немногие из людей имеют возможность увидеть и понять больше, чем его частицу [Calhoun, Solomon 1984].

Слова естественного языка называют человеческую эмоцию, наделяя одно слово глубиной ощущений и переживаний каждого из живущих и когда-либо живших носителей конкретного языка. Любое слово любого языка эмоционально нагружено, поскольку оно употребляется человеком в каком-то конкретном контексте с некоторой целью (см. напр.: [Мягкова 1990]).

Эксперимент на дефиницию слов – названий эмоций [см.: Перфильева 1998а] показывает, что информанты склонны скреплять свои эмоции с той ситуацией/теми ситуациями, которая их вызывает, т.к. велико число определений, описывающих ситуацию, в которой (у них) возникает данная эмоция; определения начинаются словом «когда» или глаголом, информанты часто определяют предложенные слова-названия эмоций как «чувство от...»; «ощущение от...».

Такая подмена следствия причиной, возможно, происходит потому, что эмоциональная реакция на ситуацию происходит практически одномоментно. Похожий эффект описан в книге Ю.А.Сорокина «Почему живут и умирают книги» [1991], текст осуществляется, живет, возникает только в сознании читателя. Закрытая книга на полке – мертва. Слова – названия эмоций пробуждают образ личного пережитого эмоционального состояния. И, обозначая переживаемую, пережитую эмоциональную ситуацию словом, мы вписываем свой опыт в бескрайнюю череду человеческих переживаний подобного рода, категоризируем ее в рамках своего родного языка.

В ходе экспериментальных и лексикографических исследований [Перфильева 1997] – типичных способах изучения языкового сознания как в его закрепленно-письменном, так и в активно-деятельностном видах предположение о том, что смыслы слов – названий эмоций в английском и русском языках не совпадают ни по объему, ни по «наполнению», получило подтверждение. Очевидно и то, что эмоциональная «ткань» демонстрирует разный «узор плетения» на исследуемом материале в русском и английском языках (см. рис.1 и рис.2 в: [Перфильева 1998а]).

Таким образом, налицо существование лакун (см.: [Сорокин 1981]) в их хрестоматийном проявлении: имеется явление (или даже целое древо явлений) и отсутствует его внятное толкование (толкование, идущее дальше, чем просто название главы в учебнике психологии). Ю.А. Сорокин в «Этнической конфликтологии» [1994] пишет о «...лакунизации одного семиотического продукта относительно другого <...>...среди них частичные, полные и компенсированные лакуны: субъектные (характерологические и культурноэмотивные), деятельностно-коммуникативные (ментальные и поведенческие), культурного пространства (перцептивные, этнографические, культурного фонда), текстовые...», и в случае с эмоцией имеется некая тотальная лакуна, безотносительно языков ее (их эмоций) названия или выражения в различных лингвокультурных общностях.

О межъязыковых различиях в семантическом наполнении языковых единиц – названий эмоций много писали. Эти несоответствия объясняются не только различиями «...в содержании эмоциональных ассоциациях культурных концептов, но и в их эмоциональных осмыслениях и оязыковлениях» [Голикова, 2013: 21].

В.И. Шаховский, объясняет: «...многоплановость взаимодействий языка, культуры и эмоций манифестируется по-разному в разных национальных и гео-

графических сферах. В языковой семантике присутствует не только общечеловеческий культурный компонент, но и облигаторный национальный, неповторимый. Поэтому в межъязыковом общении существует лингвокультурный барьер, ведущий к коммуникативным помехам, как *minimum*, или к коммуникативным провалам, как *maximum*. <...> культурные концепты, будучи национальными по духу, могут быть непереводаемыми (неперевыражаемыми) на другие культурные планеты, что и объясняет языковую лакунарность... Эта лакунарность особенно ощутима в сфере человеческих эмоций, как в их номинации, так и в средствах их выражения» [Шаховский, 1996: 85-86].

Попытки компенсации этой лакуны (или лакунарности) продолжаются в разных отраслях антропоцентрической (антропофилической – Ю.А. Сорокин) науки.

Экспериментальный интерес проявляется не только психолингвистами, но и филологами, и психологами. Попытки определить эмоции и найти базовый список (гамму, палитру?) приводят к разнообразнейшим результатам – от семи до трехсот единиц, и оставляют привкус упрощения феномена. Эмоции каждого человека индивидуальны, и, одновременно, очень трудно удержаться от их типизации.

Е.С. Иванова [2009] пишет, что главная проблема исследователей-лингвистов при попытке найти обоснования объема исследуемых понятий в психологии эмоций, обусловлена отсутствием четких критериев того, что в психической организации личности следует относить к сфере эмоций, чувств, состояний, а что нет. В результате, исследователям психологии и лингвистики эмоций приходится довольствоваться либо подходом, предлагаемым сторонниками теории «базовых» эмоций, которые все многообразие мира чувств сводят к ограниченному набору «фундаментальных» переживаний (см., например, [Изард 2000]), либо использовать формальный подход, основанный на частоте употребления тех или иных названий эмоций в различных словарях, художественных произведениях, в естественном языке. Е.С. Иванова убеждена в необходимости разработки словаря эмоций, и обусловлено это не только интересами лингвистов, но и целым рядом проблем, накопившихся в психологии эмоций, психологическом консультировании, психотерапии, психолингвистике, психологии развития.

Понимая ограниченность обоих подходов, можно привести несколько примеров нашего лексикографического исследования, в котором осознанно был выбран первый путь и были отобраны лексические единицы русского языка, называющие эмоции человека (список названий базовых эмоций). Затем этот список был переведен на английский язык.

Список русских слов – названий эмоций: ВОЛНЕНИЕ, ГНЕВ, ГОРДОСТЬ, ГОРЕ, ЗАВИСТЬ, ЖАЛОСТЬ, ЖЕЛАНИЕ, ЛЮБОВЬ, ЛЮБОПЫТСТВО, НЕНАВИСТЬ, ОТВРАЩЕНИЕ, РАДОСТЬ, СТРАХ, СТЫД, УДИВЛЕНИЕ.

Список английских слов – названий эмоций: EXCITEMENT, ANGER, PRIDE, GRIEF, ENVY, PITY, DESIRE, LOVE, CURIOSITY, HATERED, DISGUST, JOY, FEAR, SHAME, ASTONISHMENT.

Далее производился анализ дефиниций этих слов по Толковому словарю русского языка [Ожегов, Шведова 2006], Webster Desk Dictionary of the English Language, Oxford student's dictionary of current English [Hornby 1983].

В обоих языках ВОЛНЕНИЕ EXCITEMENT описывается как состояние (в русском языке ожидания, в английском желания сделать что-либо) и как внеш-

нее проявление эмоции. В английском языке добавляется компонент «ощущения боли». В обоих языках обнаружены связи с другими эмоциями. В русском со СТРАХОМ и СТЫДОМ, в английском с DISGUST, FEAR, DESIRE, ANGER. Из данного сопоставления можно сделать вывод о невысокой степени лакунизованности словарно-закрепленного значения названия данной эмоции.

Дефиниции понятий ГОРДОСТЬ PRIDE явно неполноэквивалентны, т.е. лакунизованы в паре русский / английский. В русском языке это понятие амбивалентно, его «отрицательность или положительность» определяется реальной или нереальной причиной (верой); в английском толковом словаре [Hornby 1983] дается только положительно окрашенное значение, а в американском [WDD] только отрицательное с набором подзначений. Связи с другими эмоциями, однако, сходны: в русском языке с РАДОСТЬЮ, в английском с JOY, LOVE, «non-SHAME». Опираясь на это знание, можно говорить о предсказуемых проблемах при использовании слова PRIDE для перевода слова ГОРДОСТЬ в разнообразных контекстах.

Как в русском, так и в английском языках понятия ЖЕЛАНИЕ DESIRE описаны как сильные чувства, являющиеся движущей силой эмоций. В английском языке у этого понятия больший круг дефиниционных связей по сравнению с другими эмоциями; в британском варианте ЖЕЛАНИЕ это проявление любого чувства или ментального состояния. Однако семантика русского и английского слов несколько расходится: в английском языке это – hope, faith, expectation; в русском положительное отношение, стремление к обладанию. Русское понятие связано с ГОРЕМ, ЛЮБОВЬЮ; английское с ANGER, ENVY, EXCITEMENT, GRIEF, FEAR, JOY, LOVE.

В обоих языках понятие ЛЮБОВЬ LOVE описывается одинаковыми прилагательными, но семантически эти единицы неравны. В русском языке словом ЛЮБОВЬ обозначается постоянная привязанность; в английском представлена богатая палитра оттенков от теплого чувства до страсти, американский толковый словарь добавляет значение предпочтения одного предмета другому. Интересно, что сема «верности» отмечена в русском и американском словарях и отсутствует в английском. Связи с другими эмоциями также различаются: в русском языке можно проследить связь с ЖЕЛАНИЕМ; в английском с DESIRE, JOY, PRIDE (полный список см.в: [Перфильева 1998б]).

Различия в этих толкованиях позволяют сделать вывод о «наводимой» языком разнице понятий, обозначающих универсальные явления. Эмоции объективны, но «типологическая структура эмоциональной лексики не совпадает в разных языках» [Гридин 1983: 115]. Эта «типологическая структура» имеет национальную специфику, так как представление об эмоции в каждом языке самобытно. Это подтверждает слова Л.Г. Бабенко [1989: 56]: «Все множество эмотивной лексики передает национальную картину чувств, и их группировка по исходным эмотивным смыслам – универсальную картину чувств».

В дефинициях толковых словарей английского и русского языков, которые представляют собой «общественно закрепленные значения», обнаружены заметные расхождения. Но, чтобы установить реальное существование и функционирование концептов эмоций в языке и сознании людей какого-либо лингвокультурного сообщества, необходимо экспериментальное исследование слов, обозначающих эти понятия, с участием носителей данного языка в роли испытуемых.

Слова – названия эмоций, являясь частью лексикона, образуют эмотивикон (наряду с грамматиконом, лексиконом, семантиконом – составляющими языкового сознания [см.: Караулов, 1994]). Не вызывает возражений мнение о том, что мы говорим не словами, а предложениями и текстами. «Можно согласиться и с тем, что если предложение – мост между значением и представлением, то текст – мост между реальностью и Homo Loquense» [Шаховский и др 1998: 37]. Чтобы оживить и очеловечить данные словарного сопоставления (а, возможно и верифицировать анализ русскоязычных) толкований слов – названий эмоций, с ними была проведена серия психолингвистических экспериментов – дефиниционный эксперимент, ассоциативный эксперимент и эксперимент шкалирования.

При чтении текстов – продуктов эксперимента создавалось впечатление (подтвержденное статистически, см.: [Перфильева 2001]), что слова – названия эмоций обозначают что-то, балансирующее между двумя «агрегатными состояниями»: активность/ процессуальность/ изменчивость/ энергетичность и т. д., с одной стороны, и (versus?) пассивность/ стабильность/ устойчивость/ вещность и т. д. – с другой. По результатам эксперимента можно сказать, что оба состояния характерны для всех названных эмоций. Обобщив данные эксперимента, мы пришли к выводу о том, что «активность» свойственна следующим словам – названиям эмоций: ВОЛНЕНИЕ, ГНЕВ, ЖАЛОСТЬ, ОТВРАЩЕНИЕ, СТРАХ, СТЫД, УДИВЛЕНИЕ, а «пассивность» характерна только для ГОРЯ и ЛЮБВИ. Самым двунаправленным в этом отношении оказалось ЖЕЛАНИЕ. Метафоры, часто используемые ии. в текстах: «путь к ненависти», «пришли в гнев», «гнев уступил место», а также «период горя и ненависти» указывают, что сердце (душа) – это локус переживания и нахождения (хранения?) эмоций; глаза – микролокус радости и любви (кстати, сердце, душа, грудь, глаза – частотные ассоциации, а осанка – проявление горя). Необходимо сказать и о часто наблюдаемом явлении группировки слов – названий эмоций («слипание» самих эмоций?). Наиболее частотные из них сочетания НЕНАВИСТЬ + ОТВРАЩЕНИЕ, СТРАХ+ ВОЛНЕНИЕ, ГНЕВ+ НЕНАВИСТЬ, ЛЮБОВЬ+ НЕНАВИСТЬ, СТРАХ+ СТЫД.

Интересно, что в русских словарных дефинициях такое «слипание» подтверждения не находит, а дефиниции английских толковых словарей указывают на связь таких вышеупомянутых пар эмоций, как ОТВРАЩЕНИЕ+НЕНАВИСТЬ; СТРАХ+ВОЛНЕНИЕ; ГНЕВ+НЕНАВИСТЬ.

Показатели употребительности всех слов – названий эмоций, полученные при шкалировании (см.: [Перфильева, 1998,б]), довольно низки (по сравнению с оценками по другим параметрам); наиболее частотны, по мнению ии., ЛЮБОВЬ+ 1,5; РАДОСТЬ+ 1,4; ЖЕЛАНИЕ+ 1,4. Отрицательные эмоции оцениваются как очень редко употребляемые. Но такие данные шкалирования косвенно согласуются с результатами эксперимента на контекстуальное употребление слов – названий эмоций: перечисленные существительные, действительно, наиболее часто употребляются и повторяются, а названия отрицательных эмоций игнорируются. Это происходит, возможно, неосознанно. Результаты эксперимента с этими лексемами по методике «free listing» говорят о значительном преобладании употребления названий положительных эмоций. Называя (тем более записывая!) положительные эмоции, ии. не только указывают на некие психологические состояния, но, осознавая

их (моделируя их в сознании), автоиндуцирует их переживание (в латентной форме). Отрицательные эмоции не употребляются при перечислении и избегаются в текстах (да и называются так) именно потому, что они отвергаются человеком интуитивно – их переживать неприятно. Это косвенно подтверждает идею А.М.Эткинда о том, «...что самооценка является не столько «отражением реального состояния эмоциональной сферы, сколько оценкой» социальной желательности» данного свойства» (цит. по: [Хомская, Батова 1992: 30]). То есть тексты, полученные в эксперименте на контекстуальное употребление слов – названий эмоций русского языка, при всей индивидуальности их сюжетов, стилей и объемов, возвращают эмотивикон на уровень национальной культуры (закрепленный в словарях), т. к. описывают «социально-желательные» формы переживания эмоций и употребляют названия своих эмоций в «социально-желательных», и потому грамматически, синтаксически и т. д. верных сочетаниях.

Хочется отметить, что проблематика национально-языковой специфичности и лакунизированности поля названий эмоций продолжает вызывать интерес и получает развитие на разнообразном языковом материале (см., например, [Дмитриева 2015]).

Литература

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. – 184 с.

Гридин В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистическиепроблемысемантики. – М., 1983. – С. 113-119.

Голикова Т.А. Эмоциональная картина мира русских и алтайцев (сравнительный аспект)//Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – С. 21-26.

Дмитриева Н.А. Сопоставительный анализ семантической структуры лексических единиц, вербализующих концепт «Эмоция» в лингвокультурах русского, английского, французского и итальянского языков // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – М., 2015. №1. – С. 81–93.

Иванова Е.С. Психосемантический подход к разработке «Словаря эмоций» // Актуальные вопросы современной науки. 2009. №9-1. – С. 58–65.

Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб: Питер, 1999. – 464 с.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн.1. – М., 1994. – С. 190-218.

Мяжкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж, 1990. – 106 с.

Ожегов С.И. , Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2006 – 944 с.

Перфильева С.Ю. Специфика значения слов – названий эмоций в английском и русском языках. – Курск, 1997. – 115 с.

Перфильева С.Ю. Исследование словарных дефиниций слов – названий эмоций русского и английского языков. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: 'Филология, 1998а. Вып. 5. – 124 с.

Перфильева С.Ю. Исследование слов – названий эмоций методом шкалирования // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. – Тверь, 1998б. – С. 121-127.

Сорокин Ю.А. Лакуны как сигналы специфики лингво-культурной общности // Аспекты изучения текста. – М., 1981. – С. 93-101.

Сорокин Ю.А. Почему Живут и умирают книги? Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты. – М.: Педагогика, 1991. – 159 с.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология: (теоретические и экспериментальные фрагменты). – Самара, 1994. –94 с.

Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Волг.гос. пед. ун-т, 1996. – С. 80-96.

Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998. 149 с.

Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование. – М., 1992. – 180 с.

A. Damasio Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain, Putnam, 1994. 312 pp.

Ch. Calhoun, R.C. Solomon. What is an emotion? NY–Oxford University Press, 1984. 124 pp.

Hornby A.S. Oxford Student's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1983. 770 pp.

(WDD) – Webster's desk dictionary of the English language. NY., 1990. 1078 pp.

REMARKS ON INCOMPLETE EQUIVALENCE OF EMOTION NAMES MEANINGS IN NATURAL LANGUAGES

Svetlana Yu. Perfiljeva

PhD, lecturer, Foreign Languages Department of
Linguistics Institute of Russian Academy of Science,
Moscow 125009 Bolshoy Kislovskiy per.1 build. 1
e-mail: sperflyeva@gmail.com

Words of natural language denote human emotions, embodying the whole national-specific experience of their individual experiences of people – the actual carriers of the language. Emotions are innate and objective, and the names of emotions are encoded in national languages and, therefore, reflect the national-specific view of the world. When translating from one language to another the gaps (lacunas) inevitably show in meanings because semantic and emotional weight of the words of one language is non-equivalent to the meaning and emotional weight of the other language words. In this context it is particularly interesting to explore the phenomenon of the emotion names on the material of different languages. Comparative semantic analysis of the dictionary definitions in different languages allows to identify and to describe the gaps in word-interpretations – lacunas, to study vocabulary to better describe and predict the problems of translating lexical elements from one given language to another, to discuss the possible compensation mechanism for such lacunarity. Experimental psycholinguistic studies enable us to discuss the semantic status of the research material, the emotion names in their immediate existence in the minds of native speakers (via, for example, the association experiment, or scaling experiment), to identify relationships within the emotional sphere of a person (human emotivikon) for different national languages and contrast them.

Keywords: emotion names, lacunarity, psycholinguistic experiment.

References

Babenko L.G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazike [lexical means of emotions denomination in the Russian language]. Sverdlovsk, Izdatelstvo Uralskogo Universiteta [Sverdlovsk, Urals university Publishing House], 1989. 184 p.

Gridin V.N. Semantika emotsionalno-ekspressivnykh sredstv yazika [Semantics of emotio-expressive instruments of language] Psikholingvisticheskiye problemy semantiki [Psycholinguistic problems of semantics], Moscow. 1983. pp. 113-119.

Golikova T.A. Emotsionalnaya kartina mira russkikh i altaytsev (sravnitelnyi analiz) [Emotional view of the world of the Russian and the Altaian (comparative aspect)] Chelovek v kommunikatsii: ot kategorizatsii emotsiy k emotivnoy lingvistike [Person in communication: from emotion categorization to emotive linguistics]: Sbornik nauchnikh trudov, posvyaschenniy 75-letiyu professor V.I. Shakhovskogo [Scientific papers to celebrate 75th anniversary of Prof. V.I. Shakhovskiy], Volgograd, 2013. pp. 21-26.

Dmitriyeva N.A. Sopostavitelnyi analiz semanticheskoi struktury leksicheskikh edinit, verbalizuyushchikh kontsep «Emotsiya» v lingvokulturakh russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo i italyanskogo yazykov [Comparative analysis of semantic structure of lexical units verbalizing the concept of «Emotion» in linguacultures of the Russian,

English, French and Italian languages] Vestnik RUDN [RUDN Newsletter] Lingvistika [Linguistics], 2015. №1. pp. 81-93.

Ivanova E.S. Psikhosemanticheskiy podhod k razrabotke “Slovyara emotsiy” [Psycholinguistic approach to the compilation of “Emotions Reference book”] [Aktualniye voprosy sovremennoy nauki [Actual issues of modern science], 2009. № 9-1. pp. 58-65.

Izard K.E. Psikhologiya emotsiy [Psychology of Emotions], translation from English, Saint Petersburg, 1999. 464 p.

Karaulov Yu.N. Russkiy assotsiativnyi slovar kak novi istochnik i instrument analiza yazikovoi sposobnosti [Russian associative dictionary as a new source and instrument for the language ability analysis] Russkiy assotsiativnyi slovar [Russian associative dictionary]. Book.1, 1994. pp. 190-218.

Myagkova E.Yu. Emotsionalnaya nagruzka slova: opyt psikholingvisticheskogo issledovaniya [Emotional weight of the word: psycholinguistic research experience] Voronezh, 1990. 106 p.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovislovarrusskogoyazika [Russian dictionary], 2006. 944 p.

Perfilyeva S.Yu. Spetsifika znacheniya slov – nazvaniy emotsiy v angliyskom i russkom yazikakh [Specifics of the meanings of emotion names in the Russian and English languages]. Kursk, 1997, 95 p.

Perfilyeva S.Yu. Issledovaniye slovarnikh definitsiy slov – nazvaniy emotsiy russkogo i angliyskogo yazykov [Study of dictionary definitions of emotion names in the Russian and English languages] Yazyk, Soznaniye, Kommunikatsiya. Sbornik statei pod redaktsiei Krasnykh V.V., Izotov A.I. [Language, Mind, Communication. papers. Ed. by Krasnykh V.V., Izotov A.I.], Moscow, Phililigia, 1998a. N 5. 124 p.

Perfilyeva S.Yu. Issledovaniyeslov – nazvaniy emotsiy medodom shkalirovaniya [Study of emotion names trough the scaling technic] Semantika slova i teksta: psikholingvisticheskiye issledovaniya [Word and text semantics: psycholinguistic studies], Tver, 1998b. pp. 121-127.

Sorokin Yu.A. Lakuny kak signaly spetsifiki lingvo-kulturnoy obschnosti [Lacunas as signals for lingua-cultural unity] Aspekty i sucheniya teksta [Aspects of text study], 1981. pp. 93-101.

Sorokin Yu.A. Pochemu zhivut i umirayut knigi? [Why do books live and die?] Bibliopsikhologicheskie i etnokulturologicheskiye suzhety [Bibliopsychological and ethnoculturological stories], 1991. 159 p.

Sorokin Yu.A. Etnicheskaya konfliktologiya (teoreticheskiye i eksperimentalnyie fragmenty) [Ethnic conflictology (theoretical and experimental fragments)] Samara, 1994. 94 p.

Shakhovskiy V.I. Emotsionalnye kulturnye kontsepty: paralleli i kontrasty [Emotional cultural concepts: parallels and contrasts] Yazikovaya lichnost: kulturnyye kontsepty [Languag personality: cultural concepts], Volgograd, 1996. pp. 80-96.

Shakhovskiy V.I., Sorokin Yu.A., Tomasheva I.V. Tekst i yego kognitivno-emotivnyie metamorfozy (Mezhkulturnoye ponimaniye i lingvoekologiya) [Text and its cognitive-emotive metamorphoses (intercultural understanding and linguoecology)], Volgograd, 1998. 149 p.

Khomskeya E.D., Batova N.Ya. Mozg i emotsii. Neiropsikhologicheskoye issledovaniye [Brain and Emotions. Neuropsycholinguistic study], 1992. 180 p.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ЛАНДШАФТА КАК СПОСОБА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ СОЦИУМЕ**

Пешкова Наталья Петровна

заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов,
профессор Башкирского государственного университета
Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 32
e-mail: peshkovanp@rambler.ru

В статье рассматриваются психолингвистические аспекты проблемы лингвистического ландшафта полиэтнического города на материале «городского текста» современной Уфы. Обсуждаются результаты экспериментального исследования, в задачи которого входило выявление вербальных реакций, сопровождающих восприятие и интерпретацию испытуемыми поликодового текста города, с целью построения модели восприятия городского лингвистического ландшафта; а также изучение полученных вербальных реакций языкового сознания молодежного социума с целью выяснения косвенным путем отношения участников эксперимента к проблемам глобализации, национальной самоидентификации, к культурным ценностям дореволюционного и советского периода в истории города.

Автор приходит к выводу о том, что особенности восприятия испытуемыми лингвистического ландшафта города отражают специфику межкультурного общения в полиэтническом социуме и свидетельствуют о динамике изменений, происходящих в языковом сознании носителей различных языков региона, принадлежащих разным поколениям, и, одновременно, об определенной стабильности базовых этнокультурных ценностей. Как показывают экспериментальные данные, подобные ценности сохраняются в вербальном сознании представителей городского социума Уфы, существующей как полиэтническая языковая и культурная среда на протяжении нескольких столетий.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, текст города, восприятие, интерпретация, метод «встречного текста», вербальные реакции, социопсихолингвистический анализ, языковое сознание, межкультурное общение.

Введение

Особый интерес к проблемам существования языка в полиэтнической среде и к методу исследования этих проблем, известному как анализ «лингвистического ландшафта», возник в условиях усиления тенденции глобализации, присущей современному обществу в целом. В национальных республиках нашей страны эта тенденция осуществлялась одновременно с процессами этнической самоидентификации их народов. В настоящее время обращение к проблемам такого рода неслучайно поскольку, они, по-прежнему, связаны с тем, что, по словам Ю.А. Сорокина, «может стать преградой и помехой в межкультурной коммуникации, т.е. в процессе общения представителей разных национально-культурных сообществ» [Сорокин 2003: 4].

Как известно, под лингвистическим ландшафтом обычно понимаются способы изучения сосуществования и соотношения нескольких языков в общественном пространстве многоязычного города или целого региона. В области языкознания первые системные работы по изучению языкового ландшафта начинают появляться около пятидесяти лет тому назад, в 70-80-ые годы прошлого века. Тем не менее, считается, что «лингвистический ландшафт» как самостоятельный метод исследования является относительно новой лингвистической дисциплиной [Кирилина 2013: 159].

Множество исследований по проблеме приходится на 90-ые и 2000-ые годы. Как известно, сам термин «linguistic landscape» впервые используется в трудах [Laundry, Bourhis 1997]. Появляются работы по моделированию городского лингвистического ландшафта в полиэтнической среде. В частности, представляет интерес трехкомпонентная модель, включающая условия автора письменного знака («sign-write» condition), его адресата («presumed reader» condition) и значимости (ценности) знака (symbol value condition) [Spolsky, Cooper 1991: 81-85]. Можно упомянуть более поздние разработки по проблемам моделирования [Reh 2004] и [Backhaus 2007].

Следует отметить, что существуют и другие термины, отражающие суть обсуждаемых проблем. Так, например, в исследованиях, посвященных языковому облику Красноярска, используется термин «лингвистическое градоведение» [Подберезкина 1998].

По нашему мнению, для характеристики понятие «языковой ландшафт города», как нельзя лучше подходит и термин «текст города». Здесь уместно еще раз вспомнить высказывание Ю.А. Сорокина о том, что текст вообще «...есть часть экстралингвистической реальности и по сути своей предстает как опосредованное отображение некоторого фрагмента окружающей действительности...» [Сорокин 2003: 4]. Такое определение, как нельзя лучше, на наш взгляд, подходит и для понятия городского текста. Когда же речь идет о переводе, с которым неизбежно приходится сталкиваться в полиэтническом городском тексте, в этом случае, как справедливо отмечает исследователь, «мы имеем дело не только с *дву-язычным* переводом, но с *дву-культурным*, *интерпретативным* переводом» [Op. cit.: 4-5].

Объектом нашего исследования является современный языковой ландшафт города Уфы, полиэтнической столицы Республики Башкортостан. Нужно сказать, что данный объект привлекал внимание региональных лингвистов с конца 90-х и начала 2000-х. Нельзя не вспомнить известные в республике и за ее пределами исследования Л.Л. Аюповой, посвященные исследованию языковой ситуации в Республике Башкортостан и проблемам билингвизма [Аюпова 1998]; Е.А. Яковлевой, занимавшейся изучением разнообразных форм существования языка города [Яковлева 2002]; а также работы их учеников, связанные с функционированием различных языковых подсистем в Уфе [Исмагилова 2007] и «жизнью» эргонимов в лингвистическом ландшафте нашего города [Емельянова 2007].

Следует отметить, что большинство подобных работ имело социолингвистический характер. Что касается психолингвистического аспекта проблемы, он до сих пор оставался без внимания со стороны региональных исследователей. Предмет нашего исследования, некоторые результаты которого предлагаются к обсуждению

в настоящей статье, составляют психолингвистические особенности восприятия лингвистического ландшафта Уфы ее обитателями, постоянными и временными, принадлежащими разным этническим, социальным и возрастным группам.

Характеризуя лингвистический ландшафт столицы нашей Республики, нужно сказать, что большая часть современного языкового ландшафта Уфы, представленная названиями улиц, магазинов, ресторанов, офисов и организаций, расположенных в историческом и культурно-деловом центре города, не является исключением в отношении общей для многих российских городов тенденции глобализации и вестернизации.

В то же время использование англицизмов и контаминаций, ставшее обычным для уличных вывесок нашего города, сочетается с тенденцией отражения в них, как дореволюционного губернского прошлого Уфы, так и истории, связанной с советской культурой. На вывесках с названиями улиц, можно встретить и ссылки на их дореволюционное прошлое, и цитаты из стихов известного российского и башкирского поэта Мустая Карима, и лозунги советского периода. Кроме того, если все названия улиц города представлены на двух языках – русском и башкирском, то в названиях центральных улиц добавляется английский язык.

Обсуждение результатов экспериментального исследования

Нужно отметить, что в своем исследовании мы намеренно попытались привлечь внимание участников нашего эксперимента к лингвистическому ландшафту Уфы, включающему в себя, прежде всего, названия улиц и магазинов, ресторанов и кафе, офисов и различных организаций, а также к текстам рекламы. Иными словами, к тому языковому пространству города, в котором они живут ежедневно. По словам наших испытуемых, именно оно наиболее востребовано и при этом *«наименее заметно для глаз постоянных жителей»*. Такую общую характеристику дали участники эксперимента лингвистическому ландшафту центральной части города во время блиц-опроса, предшествующего эксперименту и проводимого с целью выяснения, обращают ли жители Уфы внимание на «городской текст», и знакомы ли они с термином «лингвистический ландшафт».

Участниками блиц-опроса стали студенты, магистранты и аспиранты Башкирского государственного университета в возрасте от 18 до 23 лет, а также преподаватели и технические сотрудники университета, более широкого возрастного диапазона – от 25 до 65 лет. Мы опросили более ста респондентов, принадлежащих разным возрастным и социальным группам, более восьмидесяти из них стали участниками основного эксперимента.

Наиболее типичными ответами для 68-70% респондентов стали следующие: *«не обращаю внимания»*, *«идет фоном»*, *«смотрю по необходимости»*. Оставшиеся 30% будущих испытуемых ответили: *«всегда читаю рекламу»*, *«иногда читаю названия новых улиц»*, *«смотрю названия улиц, т.к. не все улицы знаю»*, *«читаю названия улиц, (ресторанов, офисов и т.п.) из любопытства»*.

Таким образом, руководствуясь результатами блиц-опроса, мы поставили перед испытуемыми задачу посмотреть более внимательно на окружающий их «текст города», оценить его, а затем, возможно, дать свои рекомендации, если таковые возникнут. Рекомендации и пожелания были, безусловно, добровольным заданием.

Нашей рабочей гипотезой стало предположение о том, что при восприятии и понимании языкового ландшафта может действовать тот же самый механизм «встречного текста», исследованием которого мы занимались на материале письменных текстов самых разнообразных типов. Однако в новой экспериментальной ситуации не было необходимости в использовании полной и подробной инструкции для испытуемых, применяемой в соответствии с оригинальной методикой. Мы также не ориентировали их и на выполнение задачи, связанной с формулированием извлеченного «смысла». Однако в большинстве случаев участники эксперимента спонтанно выражали в реакциях свои «индивидуальные смыслы» как результат интерпретации воспринимаемой информации. Можно допустить, что в силу особенностей организации эксперимента, его процедура отчасти приближалась к восприятию, происходящему в естественных условиях.

В процессе эксперимента мы предполагали решить две основные задачи. Во-первых, проанализировать полученные вербальные реакции, сопровождающие восприятие и интерпретацию испытуемыми поликодового текста города. Можно было прогнозировать, что в поле реакций будут преобладать оценка, мнение, ассоциация и т.д. При этом предполагалось обнаружение и иных видов, возможно, новых.

Во-вторых, путем анализа данных реакций, не прибегая к прямым вопросам, выявить некоторые особенности вербального сознания участников эксперимента, связанные с их действительным отношением к проблемам глобализации, национальной самоидентификации и к историческим ценностям, как дореволюционного, так и советского периода.

Основное экспериментальное исследование включало также два этапа, первый из них проводился в компьютерном классе. В задачи испытуемых входили: просмотр короткого видеofilmа, состоящего из десяти кадров-изображений различных вывесок; знакомство с пятнадцатью фотографиями, отображающими языковой ландшафт Уфы; анонимное письменное комментирование увиденного. Участники эксперимента могли свободно выбирать те изображения и фотографии, которые вызвали у них желание прокомментировать и оценить увиденное в свободной форме письменного высказывания.

На втором этапе испытуемые получили опросные листы, включающие ряд вопросов, связанных с оценкой содержания и формы лингвистического ландшафта Уфы, на которые их просили дать краткие ответы, а также, по желанию, высказать свои рекомендации по совершенствованию языковой среды города.

В результате осуществления первого этапа эксперимента мы получили более восьмидесяти «встречных текстов» испытуемых, представляющих собой наборы их вербальных реакций на оригинальный текст города, разных по объему, поскольку, как мы упомянули выше, они могли сами выбирать или отвергать объект своих комментариев. В целом полученные «встречные тексты» включали от 15 до 27 реакций в произвольной форме.

Наши предположения о качественном составе «встречных текстов» участников исследования во многом подтвердились. Практически все наборы реакций включают оценку или оценочное мнение, в большинстве случаев в краткой форме, с использованием эмотивной лексики. Меньшая часть оценочных реакций (приблизительно в соотношении 40% к 60%) включают элементы рассуждения или ар-

гументации, как правило, относительно того, почему нравится или не нравится та или иная вывеска, и характеризуются развернутостью. Нужно сказать, что оценка касается формы и содержания воспринимаемой информации, в равной степени.

Ниже мы приводим примеры наиболее типичной формы оценки лингвистического ландшафта нашего города. Как можно видеть, краткая эмоциональная оценка варьируется от одного слова до одного-двух предложений.

– *Красота!*

– *Отвратительно!*

– *Тьфу!*

– *Пошло и глупо.*

– *Лозунги рекламные – много пошлости.*

– *Хорошо оформлено. Чувство гордости за родной город.*

– *Матур лык салоны? Это Beauty Salon? – НЕкрасиво!*

Подробные оценки могут достигать пяти и более предложений:

– *Очень хорошо, что на трех языках и с указанием старого и дореволюционного названия. Думаю, это правильно. Может, кто-то давно здесь не был – легче ориентироваться. И старые названия полезны – это же история моего города. Мне это интересно и полезно.*

– *Нравится, что на 3-х языках. Но! В первую очередь мы живем в России, а потом в Башкирии. Поэтому, на мой взгляд, русское название следует обозначить более крупным шрифтом по сравнению с другими – башкирским и английским.*

– *Все вывески на трех языках – перегруз информации. Мелкий шрифт. Башкиро-татаро-говорящие всегда могут понять русские названия, а туристы и так будут пользоваться навигаторами. Лучшие одно название сделать в три раза крупнее. Будет видно издали, даже людям с плохим зрением.*

По частотности за оценкой следует мнение (оценочное мнение), маркированное наличием вводных слов «думаю», «считаю» и т.п. Ниже приведем несколько примеров, отражающих наиболее распространенные позиции наших испытуемых.

– *«Башкортостан – край дружбы и согласия». Думаю, это вызывает положительные эмоции. Такие цитаты нужны.*

– *Не очень люблю навязчивые лозунги, которые проповедуют любовь к Родине, столице, республике. Думаю, патриотизм нужно воспитывать по-другому. В лозунгах есть неискренность.*

– *Я считаю, дублирующая надпись на башкирском языке должна быть только на гос. учреждениях. На магазинах достаточно и на русском.*

– *Да, какая разница, как все это раньше называлось. Я не историк. И даже не все современные названия знаю. А для чего? Будет нужно, найду по навигатору.*

– *Мустай Карим – уверен, это хорошо. Может, кто-то и не читал, только слышал. Вдруг понравится цитата, захочется прочитать. А я его повести люблю с детства.*

Среди разных форм оценки и оценочного мнения особое место занимают реакции, комментирующие качество перевода названий улиц на башкирский язык. Понятно, что принадлежат они носителям языка и содержат критику, корректировку, а порой осознание приобретения новых знаний.

Анализ таких реакций показывает, что проблеме качества перевода много внимания уделяет довольно большая группа молодых испытуемых, в отличие от старших участников эксперимента. Последние оставили качество перевода, практически, без внимания, демонстрируя либо незнание языка, либо равнодушие к проблеме адекватности передачи названий на башкирском языке. Нужно сказать, что небольшая часть молодежи откровенно признается в недостаточном знании родного языка.

– *Яны ташлы – это не «Ново-мостовая» – это ново-каменная, я точно знаю. А как мостовая? Надо уточнить.*

– *Һыйырзар коло – рабкоры? Смешно. Дословный перевод. Надо было обратиться к специалистам. В конце концов, выйти на улицу, спросить жителей. Или это у переводчика такое чувство юмора? Или просто плохой переводчик.*

– *Странно, я не знала, что рабкор это һыйырзар коло. Я думала, что һыйыр это корова. А, так это – известие! Не очень знаю родной язык, вот и казус, стыдно.*

– *Все переводы, кроме фамилий, плохие, грубые, приблизительные. Смешно и обидно за неправильный перевод! Где хорошие переводчики с русского на башкирский?*

Достаточно частотными в нашем экспериментальном материале стали ассоциативные реакции. Некоторые из них является общими для многих испытуемых, они могут быть вызваны, например, известными историческими фамилиями – Чернышевский или Ленин. Другая часть представлена ассоциациями индивидуальными, многие из которых связаны с особыми ощущениями испытуемых, их личными переживаниями и т.п.

– *Чернышевского – Что делать?*

– *Ленина – Ленин – партия – комсомол!*

– *Валиди – университет, БашГУ!*

– *Заки Валиди. Легкое ощущение холода.*

– *Аксакова – светло, зеленый свет. Солнечно.*

– *Пушкина – тепло, блики солнца, сирень.*

– *Рабкоров – серый, или свинцовый.*

Выделяется группа ассоциаций, выраженных одним словом, передающим, как правило, сильные чувства или ощущения испытуемых, без каких-либо объяснений.

– *Гнев.*

– *Радость.*

– *Отвращение.*

Помимо упомянутых выше видов реакций, присутствующих в оригинальной методике «встречного текста», можно назвать и инфиксацию, т.е. завершение прочитанного предложения «своими словами».

«Не курить!» – ...*И не буду.*

«Захотела... И взяла кредит!» – ...*А теперь отдай назад (с процентом!).*

«Без перерыва / Без выходных» – ...*Качаем ваши деньги!*

Новыми и достаточно распространенными среди полученных реакций стали «корректировка» известной информации; констатация получения новой информации («открытия для себя»), часто сопровождаемые возникновением мотивации к

получению нового знания. Можно привести следующие примеры реакций подобного вида.

– Так, значит, Ленина была Лазаретной? Я думала, Центральной.
– Получается, бывшая Центральная-то теперешняя К. Маркса. Кто бы мог подумать. Центр сместился.

– Интересно, Менделеева – бывшая Большая Сергиевская. Ну, да, тут рядом Сергиевская церковь. И старое кладбище. Тоже, кажется, Сергиевское. Точно. Не думала. А, значит, была и Малая Сергиевская. А она-то где? Надо бы поинтересоваться.

– Как странно, Чернышевского бывшая ул. Колмацкая. Никогда не знал. Всю жизнь живу в Уфе, а историю родного города знаю плохо. Стыдно.

– Да, надо, пожалуй, почитать про старую Уфу. Что это Колмацкая? Колмацкая? Что это значит?

В результате качественного и количественного анализа реакций, основанного на методе «встречного текста», можно предложить следующую модель восприятия и интерпретации лингвистического ландшафта города и представить ее в форме следующей таблицы.

Таблица №1
Модель восприятия текста города

Вид реакции	Частотность (в %)
Оценка	48%
Мнение	20%
Ассоциация	14%
Коррекция известного + мотивация к получению нового знания	12%
Инфиксация	5%
Другие виды реакций	1%

Как можно видеть из таблицы № 1, оценка и мнение входят в «ядро» модели восприятия и интерпретации текста города. Нам также известно, что они составляют и так называемые «ядерные реакции» в моделях понимания письменных текстов любого типа [Пешкова 2013]; [Пешкова 2014]. Однако, значительное присутствие ассоциаций и инфиксации далеко не характерно для моделей понимания различных видов письменных сообщений. Особенностью представленной выше модели является и наличие в «ядре» упомянутой выше «коррекции» известной информации, сопровождаемой возникновением мотивации к получению нового знания.

Заключение

Итак, результаты первого этапа экспериментального исследования, обсуждаемого в настоящей статье, подробно представлены выше. К сожалению, нельзя не отметить тот факт, что второй этап, связанный с анкетированием испытуемых, по сути, не добавил дополнительной информации. Небольшое исключение составили лишь анкеты наиболее активных участников эксперимента в той их части, которая касалась добровольных предложений и пожеланий по усовершенствованию языкового ландшафта Уфы. Однако число подобных анкет достигает не более 15%. Таким образом, основным материалом для социо-психолингвистического анализа

также послужил массив «встречных текстов», позволивший нам прийти к следующим выводам.

Так, анализ реакций испытуемых показывает, что во многом негативное отношение региональных социологов и культурологов к процессам глобализации и вестернизации общества, отображаемым в лингвистическом ландшафте в форме англицизмов, которыми изобилует современная Уфа, не свойственно большинству представителей молодежного социума, независимо от их национальной принадлежности.

Более 90% оценок и оценочных мнений испытуемых молодежной группы от 18 до 27 лет характеризуются позитивным отношением к присутствию в языковой среде города английского языка наряду с русским и башкирским. Как следует из «встречных текстов», их авторы видят в этом определенную причастность к тому, что происходит в мире, выражение своего рода единства с внешним миром и, одновременно, подтверждение их собственного нежелания обособленности, замкнутости в своем локальном пространстве.

Следует заметить, что эта тенденция вполне естественно уживается с желанием знать и использовать свой родной язык. Молодежная группа участников эксперимента демонстрирует, в основном, неплохое знание родного башкирского наряду со знанием русского языка. Проведенное на основе оценки качества перевода сравнение знания национальных языков группой современной молодежи со знанием тех же языков их носителями, принадлежащими поколению молодежи 70-80-ых, составивших старшую группу наших испытуемых, явно свидетельствует в пользу поколения молодежи 2000-ых.

Нельзя не отметить и отрицательное отношение к использованию в городском лингвистическом ландшафте иностранных языков, присущее части наиболее возрастной группы испытуемых от 55 до 65 лет, достигающее 45-50%. Одна часть таких реакций носит открыто агрессивный характер, другая демонстрирует недовольство, зачастую объясняя его своим незнанием чужого языка.

Нужно сказать, что среди реакций «встречных текстов» молодежной группы не наблюдается и явных националистических проявлений в отношении того или языка. Например, один из вопросов, предложенных испытуемым, касался порядка следования языков в названиях улиц. Так, распространенным современным вариантом следования языков в названиях центральных улиц является следующий: русский – башкирский – английский; не менее популярным остается и другой вариант: башкирский – русский – английский. В младшей группе респондентов не наблюдается явных предпочтений в пользу того или иного варианта. В старшей группе, как уже отмечалось, высказываются предложения, прежде всего, убрать английское название, в отдельных случаях, составляющих около 2%, выражается желание оставить только один язык – русский или башкирский.

Тем не менее, в целом, просматривается стремление к равноправию языков, присущее и младшей, и старшей группам респондентов. Большинство из них проявляют осознанное понимание необходимости использования в языковом пространстве города русского и башкирского, хорошего знания русского, однако не в ущерб знанию и владению родным языком.

Независимо от национальной принадлежности проявляется очевидный интерес к знаниям дореволюционного периода истории города. Большинство испытуемых констатирует тот факт, что на сегодня их недостаточно, и проявляет желание к получению подобных знаний. Ощущается и определенный интерес к более близкой советской эпохе, которая для молодого поколения также представляет собой историю и города, и республики, и страны.

Хотелось бы также отметить, что данные, полученные путем представленного в настоящей статье эксперимента, имеют некоторые точки соприкосновения с результатами наших предшествующих исследований языкового сознания регионального студенческого сообщества [Пешкова 2012: 8-19]. В частности, как упоминалось ранее, в большинстве оценок и мнений молодежной группы, отсутствует агрессивный фон, что, на наш взгляд, является важной тенденцией, отражающей текущее состояние вербального сознания поколения студенческой молодежи от 18 до 23 лет, участвующей в ряде наших экспериментов в течение нескольких последних лет.

Кроме того, новые экспериментальные материалы свидетельствуют и о том, что особенности восприятия испытуемыми лингвистического ландшафта города отражают как динамику изменений, произошедших в языковом сознании носителей различных языков нашего региона, принадлежащих разным поколениям, так и определенную стабильность базовых этнокультурных ценностей. Последние, как можно было еще раз убедиться, сохраняются в вербальном сознании представителей городского социума Уфы, существующей как полиэтническая языковая и культурная среда на протяжении нескольких столетий.

Литература

Аюпова Л.Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект: дисс. д-ра филол. наук. – Уфа: БашГУ, 1998. – 335 с.

Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города: на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы: дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2007. – 170 с.

Исмагилова Н.В. Язык города Уфы: функционирование различных языковых подсистем и билингвизма: дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2007. – 299 с.

Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – № 24. – Выпуск 5. – 2013. – С. 159-167.

Пешкова Н.П. Региональные особенности языкового сознания российской молодежи // Вопросы психолингвистики – № 2(16). – 2012. – С. 8-19.

Пешкова Н.П. Психолингвистическая интерактивная модель понимания текста (на материале текстов различных типов) // Вестник Томского гос. ун-та. Серия «Филология». – № 5 (25). – 2013. – С. 48–54.

Пешкова Н.П. Из опыта экспериментальных исследований понимания речи в русле психолингвистики текста А.И. Новикова // Вопросы психолингвистики – №2 (20). – 2014. – С. 113-123.

Подберезкина Л.З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты

речевого общения. – Научно-методический бюллетень Красноярск. гос. ун-та. – Вып. 6. – 1998. – С. 22-30.

Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: Гнозис, 2003. – 160 с.

Яковлева Е.А. Уличные объявления как феномен речевой деятельности и как речевой жанр // Вестник Башкирского Университета. – №1. – 2002. – С. 75-79.

Backhaus P. Rules and regulations in linguistic landscaping: A contrastive perspective // Language regimes in transformation. Future prospects for German and Japanese in science, economy and politics. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. – P. 152-172.

Laundry R., Bourhis R.Y. Linguistic landscape and ethno linguistic vitality: An empirical study // Journal of Language and Social Psychology. – Vol. 16 (1). – 1997. – P. 24-49.

Reh M. Multilingual writing: A reader oriented typology // International Journal of Sociology of Language. – Vol. 170. – 2004. – P. 1-41.

Spolsky B., Cooper R.L. The Languages of Jerusalem. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 166 p.

П П Л

**INVESTIGATION OF URBAN LINGUISTIC LANDSCAPE AS AN
INSTRUMENT OF CROSS-CULTURAL INTERACTION IN POLY-ETHNIC
SOCIETY**

Natalia P. Peshkova

Head of Foreign Languages Department (Natural Sciences Faculties),
Professor of the Bashkir State University
32, Zaki Validi Str, Ufa, Russia
e-mail: peshkovanp@rambler.ru

The article considers psycholinguistic aspects of the problem of linguistic landscape of a poly-ethnic city based on the “urban text” of modern Ufa. The author discusses some results of the experimental research, the tasks of the latter included: revealing verbal responses accompanying perception and interpretation of a creolized urban text by the experiment participants with the purpose of constructing a model of linguistic landscape perception; and, besides, investigation of the youth society language consciousness by means of the verbal reactions analysis aimed at explication of the experiment participants’ attitude to the problems of globalization, national self-identification, cultural values of pre-revolutionary and soviet periods in the city history.

The author comes to the conclusion that the specific characteristics of urban linguistic landscape perception by the experiment participants reflect special features of cross-cultural communication in a poly-ethnic society and demonstrate dynamic changes in the verbal consciousness of the bearers of different regional languages, belonging to different generations, and, simultaneously, show certain stability of the basic ethno cultural values. According to the experimental data such values are maintained in the verbal consciousness of the representatives of the urban society of Ufa, which has been a poly-ethnic language and cultural environment for several centuries.

Keywords: linguistic landscape, urban text, perception, interpretation, “internal/counter text” method, verbal responses (reactions), socio-psycholinguistic analysis, verbal consciousness, cross-cultural communication.

References

Ayupova L.L. Yazykovaya situatziya v Respublike Bashkortostan: sotziolingvisticheskiy aspekt: diss. d-ra filol. nauk [Language situation in Republic Bashkortostan: Doctor dissertation in philology]. Ufa, Baskir State University, 1998. 335 p.

Yemelyanova A.M. Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda: na primere nazvaniy delovykh, kommercheskikh, kulturnykh, sportivnykh obyektov g. Ufy: diss. kand. filol. nauk [Ergons in the linguistic landscape of a poly-ethnic city: based on the example of the names of business, commercial, cultural, sport objects: Candidate dissertation in philology]. Ufa, Baskir State University, 2007. 170 p.

Ismagilova N.V. Yazyk goroda Ufy: funkzionirovaniye razlichnykh yazykovykh podsistem i bilingvizma: diss. kand. filol. nauk [Language of the city Ufa: performance of different language subsystems and bilingualism: Candidate dissertation in philology]. Ufa, Baskir State University, 2007. 299 p.

Kirilina A.V. Opisaniye lingvisticheskogo landshafta kak novyj metod issledovaniya yazyka v epokhu globalizatsii [Description of linguistic landscape as a new research method in the epoch of globalization]. Vestnik TvGU. «Filologiya» [Tver' State University Bulletin. «Philology»], 2013, no. 5(24), pp. 159-167.

Peshkova N.P. Regionalnyye osobennosti yazykovogo soznaniya rossijskoj molodyozhi [Regional aspects of the Russian youth language consciousness]. Voprosy Psikholingvistiki – [Journal of Psycholinguistics], 2012, no. 2, pp. 8-19.

Peshkova N.P. Psikholingvisticheskaya interaktivnaya model' ponimaniya teksta (na materiale tekstov razlichnykh tipov) [Psycholinguistic interactive model of text comprehension based on different text-types]. Vestnik Tomskogo gos. un-ta. «Filologiya» – [Tomsk State University Bulletin. «Philology»], 2013, no. 5(25), pp. 48-54.

Peshkova N.P. Iz opyta eksperimentalnyh issledovaniij ponimaniya rechi v rusle psikholingvistiki teksta A.I. Novikova [From the experience of the experimental research in speech comprehension within the paradigm of A.I. Novikov's text-psycholinguistics]. Voprosy Psikholingvistiki – [Journal of Psycholinguistics], 2014, no. 2(20), pp. 113-123.

Podberezkina L.Z. Lingvisticheskoye gradovedeniye (o perspektivakh issledovaniya yazykovogo oblika Krasnoyarska) [Linguistic study of city (about some prospects of investigation of Krasnoyarsk image)]. Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty rechevogo obshyeniya. Nauchno-metodicheskij byulleten' Krasnoyarsk. gos. un-ta – [Theoretical and applied aspects of speech communication. Research and Technique Bulletin of Krasnoyarsk State University], 1998, no. 6, pp. 22-30.

Sorokin Yu.A. Perevodovedeniye: status perevodchika i psikhogermenevticheskoye protzedury [Translation Studies: the status of a translator and psycho-hermeneutic procedures]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 160 p.

Yakovleva Ye.A. Ulichnyye obyavleniy kak fenomen rechevoj deyatel'nosti i kak rechevoj zhanr [Street signs as a phenomenon of speech activities and as a speech genre]. Vestnik Bashkirskogo Universiteta – [Baskir University Bulletin], 2002, no. 1, pp.75-79.

Backhaus P. Rules and regulations in linguistic landscaping: A contrastive perspective // Language regimes in transformation. Future prospects for German and Japanese in science, economy and politics. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 152-172.

Laundry R., Bourhis R.Y. Linguistic landscape and ethno linguistic vitality: An empirical study // Journal of Language and Social Psychology. – Vol. 16 (1). – 1997. P. 24-49.

Reh M. Multilingual writing: A reader oriented typology // International Journal of Sociology of Language. – Vol. 170. – 2004. P. 1-41.

Spolsky B., Cooper R.L. The Languages of Jerusalem. – Oxford: Clarendon Press, 1991. 166 p.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: 1917 ГОД¹

Пильгун Мария Александровна,

профессор,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

127411, Москва, ул. Яхромская, 1-222,

e-mail: mpilgun@hse.ru

В статье анализируется роль исторических событий, в частности 1917 г., в языковом сознании российских молодых людей при самоидентификации. Исследование проводилось в два этапа: массовое анкетирование и фокус-групповое интервьюирование и анализ контента, посвященного 1917 году, собранного из социальных сетей («Фейсбук», «ВКонтакте», Livejournal). Для анализа был использован контент-анализ. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью программного обеспечения Automap и Tableau Public. В результате было выявлено, что контент, посвященный событиям Великой Октябрьской социалистической революции, не занимает большого места в современном коммуникативном пространстве. Смешение фактов различных эпох в контенте, связанном с событиями 1917 года, который создают молодые пользователи, в их языковом сознании свидетельствует об отсутствии адекватной интерпретации.

Ключевые слова: языковое сознание, самоидентификация, исторические события.

Введение

В работах Н.В. Уфимцевой особое значение занимают проблемы изучения языкового сознания, этнопсихолингвистические характеристики, психолингвистические аспекты моделирования речевого высказывания, взаимообусловленность языка, культуры и образа мира.

Новаторская концепция Натальи Владимировны базируется на тезисе: «Языковое сознание как объект анализа позволяет уточнить представления об образах сознания, ассоциированных с телами языковых знаков и обычно называемых в лингвистике лексическими значениями, расширить наши знания о динамике развития значений слов в онтогенезе, сформировать более адекватное понимание процесса языкового общения» [Уфимцева 2011: 4].

Последовательное, аргументированное изложение теоретических позиций раскрывается в анализе эмпирического материала и таким образом научная парадигма обогащается новым инструментарием, позволяющим не просто изучать лингвистические феномены, но выходить на междисциплинарный уровень и рас-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-36-12000. Программа финансирования грантов РГНФ Научного фонда НИУ ВШЭ.

ширять границы отдельных дисциплин, создавая принципиально новую технологию изучения языкового сознания.

Н.В. Уфимцева творчески развивает идеи Л.С. Выготского, в частности, идею «семического анализа», призванного раскрывать структуру значений и смыслов, а также идеи А.Н. Леонтьева [Леонтьев 1977]. В концепции А.Н. Леонтьева, язык – культурная система координат, сознание – картина мира, включающая человека, его действия и состояния [Леонтьев 1997: 272; 1975: 125].

В центре авторского осмысления наследия выдающихся предшественников оказывается положение о том, что формирование психики личности, включая мышление и речь, в онтогенезе происходит в виде процесса «присвоения» культуры общества [Леонтьев 1965]; см. также работы В.П. Зинченко [Зинченко 1988].

Про мнению Натальи Владимировны, «язык можно рассматривать и как практическое... действенное сознание, и тогда сознание соотносено с языком как с социальной системой, частью опыта данной нации. Язык ни demiург сознания, ни его содержание, а лишь то, в чем и при помощи чего сознание существует» [Уфимцева 2011: 109].

Особенно важным для данного исследования представляется тезис о том, что «структура значения слова должна быть различной на разных возрастных этапах развития ребенка, несмотря на тождество употребления слова, и в этой структуре должны найти отражение результаты его социализации» [Уфимцева 2011: 114]. Поскольку, очевидно, возрастные изменения оказывают сильное влияние на самоидентификации российских молодых людей при интерпретации исторических событий.

Таким образом, концепция Н.В. Уфимцевой является теоретической базой для различных аспектов изучения этнопсихолингвистических особенностей языкового сознания, в частности репрезентации исторических событий в языковом сознании современных молодых людей, проявляемых в онлайн и офлайн коммуникациях.

Предмет исследования – репрезентация исторических событий в языковом сознании российских молодых людей (на материале событий 1917 г.).

Исследовательский вопрос: какую роль играют исторические события, в частности 1917 г., в языковом сознании российских молодых людей при самоидентификации.

Процедуры:

Исследование проводилось в 2 этапа:

Массовое анкетирование и фокус-групповое интервьюирование.

Анализ контента, посвященного 1917 году, собранного из социальных сетей («Фейсбук», «ВКонтакте», Livejournal).

Материал исследования

Опрос 2 000 человек, период июнь – ноябрь 2015 г. (Таблица 1). Опрос проходил в 15 городах, репрезентирующих федеральные округа России (Таблица 2).

В ходе формирования виртуального корпуса текстов Интернета по предмету исследования была собрана база сообщений, содержащих контент, посвященный 1917 году, собранных из социальных сетей («Фейсбук», «ВКонтакте», Livejournal). Срок сбора – с июня по сентябрь 2015 года. 1917 done (пертинент, полная информация).

Метод

Для получения эмпирического материала, отражающего релевантный материал были использованы массовое анкетирование и фокус-групповое интервьюирование и др. В процессе анкетирования респонденты должны были без обращения к каким-либо дополнительным материалам и подсказкам назвать 10 важнейших событий, которые, по их мнению, потрясли Россию в XX веке.

Формирование виртуального корпуса текстов Интернета по предмету исследования проводилось на основе междисциплинарного подхода, основанного на концепции культурно-генетического, ретроспективного и системного анализа. Методология основывалась на интеграции социологических (включая Social Network Analysis), психологических и лингвистических методов. Были учтены особенности дискурса медиапространства, сравнительно-исторический анализ развития ситуации по изучаемому предмету в мире и в России с началом активного использования Интернета, анализ ранее проведённых исследований по проблеме проекта, анализ дискурса блогов и социальных сетей Интернет.

Для анализа был использован контент-анализ, качественные и количественные характеристики которого детально описаны в работах (White. Marsh 2006; Krippendorff 2012).

Обработка полученных данных осуществлялась с помощью программного обеспечения Automap (<http://www.casos.cs.cmu.edu/projects/automap/>) и Tableau Public (<https://public.tableau.com/>).

Для определения индекса влиятельности была использована формула: [число лайков]*0.8+[число репостов]*1.7+[число комментариев к посту]*1.1.

Анализ текстовой информации в виртуальной среде – одна из актуальных задач современной научной парадигмы. Различные форматы вербального контента: комментарии, сообщения, блоги, новостные статьи и т.д. – составляют важный сегмент медиапространства, который позволяет судить об общественном мнении различных групп общества, о факторах, влияющих на изменение мнений и оценок, об особенностях распространения информации и многом другом. Пользователи социальных сетей достаточно активно отмечают других пользователей или страницы. Ссылки и теги (метки или ключевые слова) предоставляют важный материал для анализа. Например, анализ расстановки тегов, характеризующих вербальный, визуальный и аудиальный контент, позволяет определить не только как создаются теги, провести их классификацию, но и определить мотивацию акторов при расставлении тегов, факторы, определяющие выбор пользователей, смоделировать процесс разметки и пр.

Результаты

В ходе первого этапа исследования были выявлены события, набравшие более 1% (включительно) от суммарного количества событий, упомянутых респондентами (Таблица 3). Первую десятку наиболее значимых событий в истории XX века, по версии респондентов, составили: Великая отечественная война (9,1 процента от суммарного количества событий, упомянутых респондентами); Октябрьская революция (8,8 процента); распад СССР (8,7 процента); полет в космос Ю. Гагарина (8,1 процента); Первая мировая война (7,0 процента); Вторая мировая война (4,1 процента); холодная война (4,0 процента); перестройка (3,7 процента); создание

атомного/ядерного оружия (3,2 процента); взрыв на Чернобыльской АЭС (3,1 процента).

Показательно, что события Октябрьской революции занимают второе место в данном рейтинге. Закономерно, что Великая Отечественная война была названа наибольшим количеством респондентов в первую очередь, поскольку в идеологической и медийной современной парадигме именно это историческое событие является ключевым для построения различных моделей формирования общественного мнения в политической жизни российского общества. Считается, что оценка событий Великой Отечественной войны объединяет всех россиян, к какой бы социальной или политической группе они не относились. Различие трактовок хода и результатов Великой Отечественной войны российскими и зарубежными историками и политиками – одна из серьезных предпосылок мировоззренческого конфликта, противопоставления Россия – Запад.

При анализе причин, стимулировавших закрепление тех или иных событий в памяти участников исследования, можно констатировать, что в кажущейся хаотичности выделенных событий прослеживается весьма отчетливая закономерность: в исторической памяти молодых современников закрепились факты, связанные либо со значительным количеством вовлеченных людей (Великая Отечественная война, Октябрьская революция), либо с масштабом последствий для дестабилизации социальной системы. Под дестабилизацией мы понимаем не только разрушительные процессы (хотя большинство выделенных событий именно таковы); но и события, которые стимулируют социальное развитие, но в форме резкого переворота. Именно таковы полет в космос Юрия Гагарина, распад СССР, перестройка и некоторые другие исторические факты. Иногда несколько факторов сливаются в одно целое.

Важным фактором, формирующим идентичность современного молодого человека, является виртуальная среда, поэтому на 2-м этапе исследования проводился анализ контента, посвященного событиям 1917 г. в веб-пространстве.

Различным аспектам сетевого взаимодействия посвящено огромное количество исследований. В последнее время интерес различных ученых направлен на изучение динамики коммуникационных процессов в сетевой среде, соотношения онлайн и офлайн взаимодействия, влияния социальных сетей на реальную жизнь пользователей. Так, например, на материале англоязычного сектора «Фейсбука» можно сослаться на исследование Miller [2013], посвященное анализу глубокого воздействия сети «Фейсбук» на реальную жизнь пользователей. Латентно-семантический анализ психологических особенностей 304 акторов «Фейсбука» был проведен Garcia, Sikström [2014], формирование впечатления по профилю в «Фейсбуке» исследовали Hall, Pennington and Lueders [2014]. Анализу влияния Интернета на политическую активность голландцев посвящена работа Kruike-meier, Noort, Vliegenthart and Vreese [2014], (см. также Tufekci and Wilson 2012, Ledbetter and Mazer 2014 и многие др.).

Цифровые технологии имеют важные последствия для изменения отношений между гражданином и государством, особо важное значение это имеет для трансформации роли молодого человека в современном обществе [Kimberlee 2002; Livingstone & Bober 2003; Livingstone & Bober 2004; Livingstone, Bober and Helsper 2004]. Многие аспекты данной проблемы нуждаются еще в детальном изучении.

Так, несмотря на расширение в онлайн возможностей, а также на возрастание внимания к новым электронным инициативам, многие исследователи высказывают скептические замечания по поводу реального значения и объективности параметров указанных явлений. Не все продюсеры и администраторы веб-сайтов являются представителями молодого поколения, с другой стороны, суждения молодых онлайн – активистов далеко не всегда могут быть показателями мнений и оценок своего поколения [Livingstone, Bober and Helsper 2004: 4].

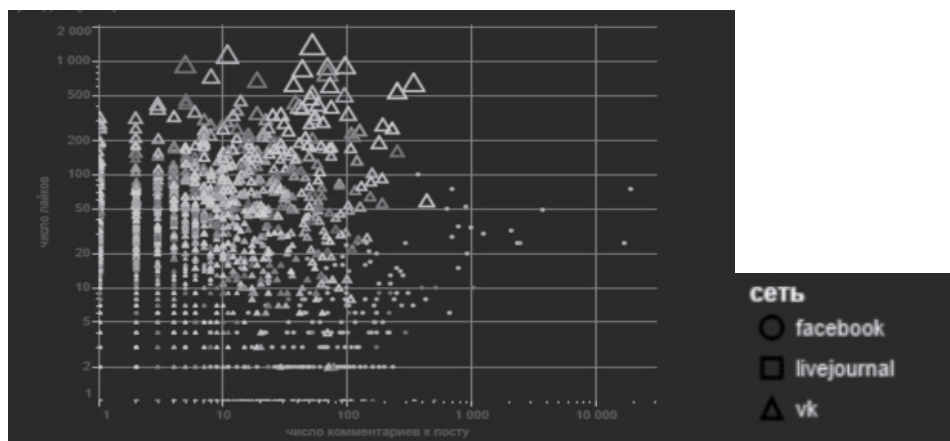
В рамках социолингвистической традиции изучения исследуемой темы сформировались две противоположные концепции об использовании социальных сетей в идеологических и политических целях. В соответствии с первой – новые интернет-технологии меняют традиционную коммуникацию и позитивно сказываются на вовлечении граждан в социальные, политические процессы, на их изменения [Stromer – Galley 2000: 113; Foot and Schneider 2006; Vaccari 2008a, 2008b, 2008c; Pepe and di Gennaro 2009; and all]. Странники второй противоположной точки зрения доказывают на разнообразном материале, что использование социальных сетей не влияет на эффективность и качество социальных и политических коммуникаций [Margolis et al. 2003; Gibson 2004; Druckman et al., 2007; Martin J. Kifer, and Michael Parkin 2007; Larsson 2011; Gibson et al. 2008; Zittel 2009; Kalnes 2009 and all].

В рамках представленного исследования автор опирался на первую концепцию. Социальные сети – это инструмент, формирующий самоидентификацию молодых людей, меняющий коммуникационную природу взаимодействия людей, при этом открывающий простор для трансформированных манипулятивных технологий.

При проведении работ по проекту были проанализированы 8 158 элементов вербального контента, связанного с событиями 1917 года, собранного из социальных сетей («Фейсбук», «ВКонтакте», Livejournal) в период с июня по сентябрь 2015 г. (см. *рис. 1*)

Рисунок 1

Контент, связанный с событиями 1917 года в социальных сетях «Фейсбук», «ВКонтакте», Livejournal.

Анализ семантического наполнения сообщений позволил выделить следующие кластеры:

- 1917 год в мировой истории.
- Последствия 1917 года.
- Важные события 1917 года.
- Последний российский император.
- СССР.
- Переименования, связанные с 1917 г.
- Осмысление событий 1917 г.
- Символы 1917 г.
- Экономические, социальные и политические конфликты.
- Участники событий 1917 г.
- Искусство и революция.
- Религия и революция.
- Сексуальная революция.
- Территория революции.
- Личность в революции: Ленин.
- Личность в революции: Сталин.

Коннотативные характеристики контента отражают весь спектр оценок событий 1917 года, представленный в современном обществе. Между тем следует отметить очевидное преобладание негативных характеристик, выраженных следующими номинациями: переворот, ложь, вранье, катастрофа, клика и др. Номинативными конструкциями: Государство диктатуры люмпен-пролетариата, Великая Иудейская Революция 1917 года в Российской Империи, Синяя Борода в женском облике, монстр революции и пр.

С другой стороны, в проанализированном материале присутствует сегмент, отражающий идеализированный положительный образ Ленина. В ряде текстов проводится ассоциативная связь Ленин – Иисус Христос: *Я вглядывался в навеки запечатанные смертью глаза вождя в какой-то мистической надежде, что он вот-вот откроет их, привычно прищурит и подмигнет мне, мол, зря ты все это с моим воскрешением затеял. Я же не Иисус, а простой смертный, пытавшийся внедрить в современность свои идеи всеобщего счастья. Что вы еще хотите у меня выведать? Ходите толпами, как овцы, пялитесь на меня, как на девятое чудо света, сделали из меня мумию, как из фараона...* (<https://www.facebook.com/1599778356908546/posts/1647005692185812>).

Между тем стоит отметить, что контекст революционных событий начала XX в России для современной молодежи остается далеким и чрезвычайно туманным. Так, максимальный показатель индекса влиятельности (5787,6) и наибольшее количество лайков (6070) получил материал: *Мам, а когда Ленин умер, ты плакала? – Да, блин, и когда динозавры вымерли, тоже рыдала...*

(https://vk.com/wall/-39410028_101139).

Далее в рейтинге по указанным параметрам стоят материалы:

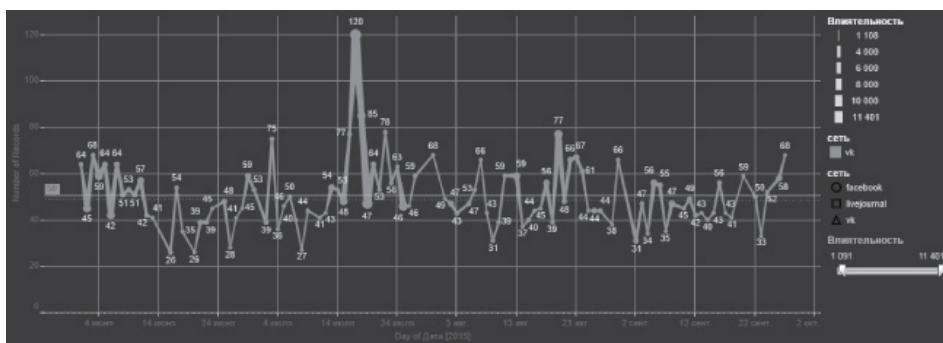
- о сексуальной революции (индекс влиятельности – 5326,5; количество лайков – 4871),
- 60 фактов о последнем русском императоре Николае Александровиче и его правлении (индекс влиятельности – 4572,2; количество лайков – 4232),
- интересные факты о Сталине (индекс влиятельности – 2930,9; количество лайков – 2497),

– генеральная прокуратура РФ рассматривает вопрос о законности признания независимости прибалтийских республик (индекс влиятельности 2078,5; количество лайков – 1984),

– демонтаж памятников Ленину (индекс влиятельности 789,4; количество лайков – 838) (см. рис. 2).

Рисунок 2

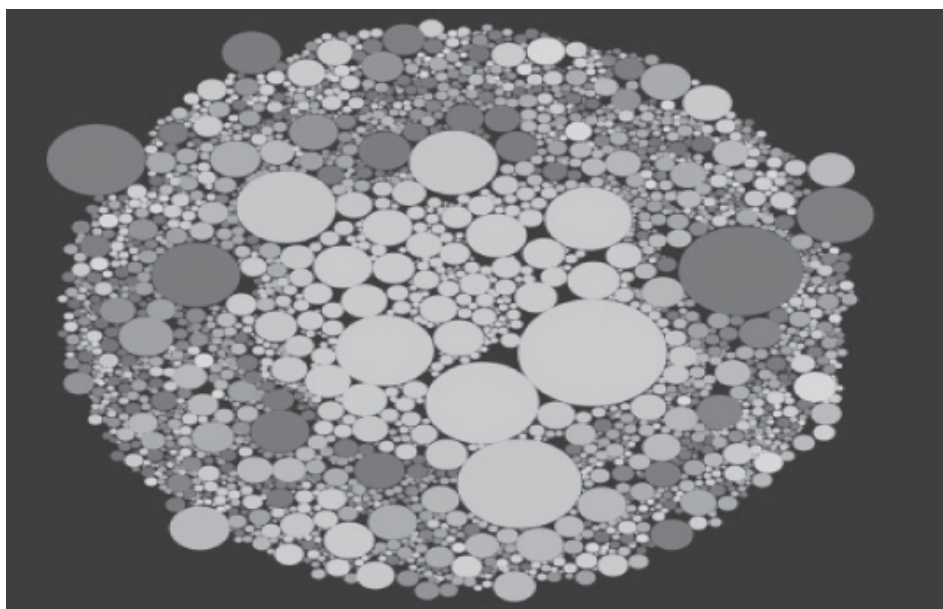
Индекс влиятельности

Довольно показательным представляется материал «Память Ленина и Петра I увековечили в Apple Watch» (https://vk.com/wall/-16883015_124053).

Наибольшее количество комментариев к конкретным постам, относящимся к 1917 г., закономерно, было обнаружено в «Фейсбуке» (18 893, кластер «История. СССР»).

Рисунок 3

Комментарии к постам

Лидер рейтинга по количеству комментариев:

– Материалы по теме «История. СССР», ресурс «Россия – Российская Федерация - Russia» (<https://www.facebook.com/12795478538/posts/10154613036343539>). – 18 893 комментария.

– Материалы по теме «История. СССР», ресурс AdMe.ru (<https://www.facebook.com/309669250171/posts/10153182831485172>) – 16771 комментарий.

– Материалы по теме «История. СССР», ресурс National Geographic Россия (<https://www.facebook.com/116651035075978/posts/902629456478128>) - 3679 комментариев.

– Материалы по теме «Сталин», ресурс Глобальный еврейский онлайн центр Jewish.Ru (<https://www.facebook.com/117612978065/posts/10154024557378066>) – 2462 комментария.

– Материалы по теме «История. СССР», ресурс Глобальный еврейский онлайн центр Jewish.Ru (<https://www.facebook.com/117612978065/posts/10154022339368066>) – 2342 комментария.

Дискуссия

Самоидентификация в историческом контексте

Историческая память во многом определяет самоидентичность человека, поскольку представления о предках, истории формируют базис ментальности, позволяют создавать культурный и социальный фон сегодняшним событиям, интерпретировать и осмысливать происходящее вокруг. Исторический контекст оказывает влияние на формирование аксиологической парадигмы человека, заставляет наделять людей и события положительными и негативными характеристиками в соответствии с их включением в принятую парадигму. Распространенные в обществе представления и оценки исторических событий и персон традиционно позволяют формировать определенную модель поведения, которую общество желает распространить среди молодого поколения.

Особое значение имеет коллективная память для выстраивания различных идеологических концепций, позволяющая влиять на общественное мнение, формировать оценочность современных событий. Таким образом, включение современных событий в один ряд с конкретным историческим феноменом, который в обществе оценивается негативно или связан с нежелательными стереотипами, позволяет по аналогии перенести определенное отношение к историческому факту на современный, направить общественное мнение в конкретное русло, а также выразить свою политическую позицию.

Так, в соответствии с целевыми установками определенных политических акторов события в Чечне в 1994 году обозначались с одной стороны официальными российскими структурами и СМИ как «меры по поддержанию конституционного порядка», «восстановление конституционного порядка в Чеченской республике», с другой стороны – «российско-чеченской войной», «русско-кавказской войной».

Последняя номинация использовалась для создания аналогии с действиями русских войск под руководством генерала А.П. Ермолова на Северном Кавказе в 1817 году, таким образом, отношение к действиям генерала А.П. Ермолова, создавало фон, аналогичную сценичность боевых действий на территории Чечни и при-

граничных регионов Северного Кавказа в 1994 году. Например: *Сегодня идёт, вы видите, российско-чеченская война, хотим мы этого или не хотим. А с учётом вовлечения в этот военный конфликт многочисленных представителей народов Северного Кавказа, по существу, можно вести речь о начале русско-кавказской войны.* (Ж.М. Губачиков, вице-президент «Конфедерации народов Кавказа»).

Подобная коннотация поддерживалась номинациями, которые использовали официальные российские СМИ в отношении бойцов непризнанной Чеченской республикой Ичкерия – «боевики», «террористы». Соответственно зарубежные СМИ использовали номинацию «gebel» – повстанец, вызывая ассоциации с известными в мире освободительными движениями различных народов.

Аналогичные процедуры применяются и в трактовке событий 1917 года. Например, преломление исторического контекста в современных политических интересах достаточно четко прослеживается в анонсе *«Революционеры травили императора, как зверя». Как борьба за свободу привела к тоталитарному режиму. Седьмая серия документального цикла с Юрием Шевчуком к юбилею Думы* (Дождь, 7 мая 2016 г.).

Художественная проза в определенной степени также является маркером существующих в обществе стереотипных представлений, отражает весь спектр оценок и суждений по поводу значимых для нации исторических событий и персонажей. Например: *Празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции вело за собой приговоры по делам об уличном грабеже» (ассоциативный ряд: Октябрьская социалистическая революция – уличный грабеж).* (...) *Но, поскольку прошло почти две тысячи лет и Великая Октябрьская революция, мы ведем себя гораздо приличней* (ассоциативный ряд: Октябрьская социалистическая революция – непристойное поведение) [Андрей Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь» 2003]. Антонимическая коннотация отражена в примере: *К моменту нашего визита в Ташкент она была почтенна, как римская матрона, и почитаема, как Великая Октябрьская революция, раскрепостившая восточную женщину вообще и Тамару Ханум в особенности* [В. Рецетпер, 2000].

Формирование и развитие идентичности не допускает прерывания исторического развития, что приводит к разрыву прошлого и настоящего, порождает интеллектуальный диссонанс и мировоззренческий внутренний конфликт, который может иметь наиболее острые формы в сознании молодого человека с несформировавшейся подвижной системой этических координат.

Между тем трансформация окружающего мира, усиливающаяся в последнее время, требует корректирования самоидентификации для сохранения внутренней духовной целостности человека. В целом помочь достижению данной цели призвана система культурных институтов, предназначенных для сохранения цепочки времен и событий. Чтобы эффективно выполнять свою функцию, музеи, выставки, театры, центры прикладного искусства и пр. должны меняться вместе с техническими и эстетическими предпочтениями пользователей. Так, лучшие современные музейные, выставочные и театральные практики отражают технологический взрыв, изменивший медиапространство, в частности используют новейшее программное обеспечение, например processing.org.

Современная активированность исторической памяти обусловлена, помимо всего прочего, потребностью россиян осмыслить современное место страны в истории и мире. Потребность в осознании настоящего времени побуждает стремление вырабатывать определенное отношение к предыдущим эпохам, попытки их оценки и переоценки. Иными словами, в обществе постоянно идет активная ментальная работа, формируется исторический миф недавнего прошлого [Петренко 2010: 203]. При этом важная роль отводится преемственности нынешней России по отношению к достижениям и идеалам России советской, что невозможно без оценки, переосмысления событий XX в.

Роль самоидентификации в мотивационной сфере российских молодых людей

Изучение идентичности молодого человека является ключевой проблемой психологии. Между тем именно психолингвистические методы могут дать новое решение ряда задач в данной сфере. Поскольку языковое сознание позволяет личности формировать свои представления об окружающем мире и оценочную парадигму в отношении различных событий, в частности исторических [см. Дзялошинский, Пильгун 2015].

Самоидентификация тесно связана с мироощущением личности, с поведенческими паттернами, следовательно, во многом определяет личностное развитие и социальные взаимоотношения. Кроме того, самоидентификация оказывается в тесной взаимосвязи с социальными стереотипами и, таким образом, оказывается в центре пересечений индивидуальных и социальных характеристик.

Формирование самоидентификации молодого человека протекает под влиянием конструирования общей идентичности (национальной, политической, культурной), которое осуществляют государственные режимы и элиты, стремящиеся к собственному воспроизводству и сохранению существующего положения. В подобной ситуации культура, историческая память, в частности, становятся важным ресурсом реализации политической программы, создания повестки дня, политика превращается в потенциальную базу культурного производства. Очевидно, что конструирование доминирующей культурной идентичности протекает сложно и неоднозначно, взаимные пересечения, препятствия, конфликты с самоидентификацией конкретной личности – интересный материал для научной рефлексии.

Выявление роли мотивации при самоидентификации представляется чрезвычайно важным для изучения особенностей репрезентации исторических событий в языковом сознании российских молодых людей.

После исследований К. Левина и его учеников, подвергнувших сомнению динамический эффект поведенческой дихотомии «стимул–реакция» и доказавших, что ассоциативная связь не является причиной поведения, возникло несколько направлений, по-разному интерпретирующих понятие «мотивация». Так, П. Фресс и Ж. Пиаже определили дифференциальные характеристики реакции на внешний стимул: эффективность поведения определяется способностями и мотивацией. На первый план выдвигается выбор цели, причем объект цели может иметь как материальный, так и социальный характер, поскольку удовлетворение физиологических потребностей способно перерастать у человека в социальную деятельность, при определенных условиях люди получают некоторую степень свободы в выборе объектов-целей своей мотивации [Фресс, Пиаже 1975: 17]. Якобсон предложил рассматривать мотивации как мобилизатор энергии [1985].

В российской научной традиции теоретическую базу изучения мотивационной сферы сознания заложил Л.С. Выготский [Выготский 1956: 64].

Исследования мотивационной сферы личности представлены в работах отечественных ученых (А.Н. Леонтьев, В.Г. Асеев, В.К. Вилюнас, В.И. Ковалев, М.Ш. Магомед-Эминов, В.С. Мерлин, П.В. Симонов, Д.Н. Узнадзе, А.А. Файзуллаев, П.М. Якобсон и др.), зарубежных авторов (Дж. Аткинсон, Г. Холл, К. Мадсен, А. Маслоу, Х. Хекхаузен и др.).

Особо следует выделить вклад в развитие рассматриваемой проблемы А.Н. Леонтьева, который описал полимотивированный характер человеческой деятельности, выделил ведущие или смыслообразующие мотивы и мотивы-стимулы, которые являются дополнительными побуждающими факторами, проанализировал их иерархию [1983: 25].

Мотивы деятельности, которые заставляют молодых людей формировать свою идентичность на основе наиболее значимых, по их мнению, исторических событий, определяются социальными отношениями и стереотипами и отражают состояние общества с самых различных точек зрения: политической, идеологической, экономической и пр.

Также показательной оказывается иерархия выделяемых исторических событий, которую выстраивают различные поколения.

Роль самоидентификации в мотивационной сфере российских молодых людей представляется очень важным и сложно выделяемым явлением. Очевидно, что характер указанных процессов определяется целым комплексом различных факторов, среди которых важное значение имеют каналы получения информации и аксиологическая система координат.

Выводы

Контент, посвященный событиям Великой Октябрьской социалистической революции, не занимает большого места в современном коммуникативном пространстве.

Смешение фактов различных эпох в контенте, связанном с событиями 1917 года, который создают молодые пользователи, в их языковом сознании, свидетельствует об отсутствии адекватной интерпретации.

Важное значение для формирования системы знаний и мнения современной молодежи имеет медийный дискурс. Очевидно, именно распространением и активным продвижением в информационном пространстве образов Великой Отечественной войны следует объяснить выведение данного факта в число наиболее значимых исторических событий, по мнению респондентов. События 1917 года занимают значительно меньшее место в коммуникативном пространстве и занимают вторую позицию в рейтинге респондентов.

При формировании идентичности современного российского молодого человека в области исторических событий лидирует Великая Отечественная война, события 1917 года занимают, по данным опроса, вторую позицию. Между тем анализ тематического контента социальных сетей «Фейсбук», «ВКонтакте» и Livejournal позволяют говорить, что корректные трактовки, обсуждение событий 1917 года происходят только в рамках определенных ресурсов, посещаемых ограниченным кругом пользователей.

Литература

- Выготский Л.С.* Избранные психологические произведения. – М.: АПН РСФСР, 1956. – 519 с.
- Дзялошинский И.М., Пильгун М.А.* Россия в 1917 году в восприятии современной молодежи: медиадискурс (к постановке проблемы) // *Личность. Культура. Общество.* 2015. Т.XVII. Вып. 1-2 (85-86). – С.91-104.
- Зинченко В.П.* Проблема «образующих» сознание в деятельностной теории психики // *Вестник МГУ, серия 14, Психология.* – М.: 1988. Т.3. – С 25-34.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с
- Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. – М.: Из-во АН СССР, 1965. – 118 с.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
- Петренко Е.С.* События конца XX века в памяти россиян // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – М.: НИУ ВШЭ, 2014. – С. 203-209.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
- Фресс П., Пиаже Ж.* Экспериментальная психология. – М., 1975. – 284 с.
- Якобсон Р.* К общему учению о падеже (1936) // *Якобсон Р. Избранные работы.* – М.: Наука, 1985. – С. 133-175.
- Druckman, J. N., Kifer, M. J. and Parkin, M.* (2007). The technological development of Congressional candidate Web sites, *Social Science Computer Review*, volume 25, # 4, pp. 425–442. <http://dx.doi.org/10.1177/0894439307305623>Gibson, et al., 2008, p. 20.
- Foot, K.A. and Schneider, S.M.* (2006). *Web campaigning.* Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Garcia, D., Sikström S.* (2014) The Dark Side of Facebook: Semantic Representations of Status Updates Predict the Dark Triad of Personality. *Personality and Individual Differences.* September 2014, 67: 92–96.
- Gibson, R.* (2004). Web campaigning from a global perspective. *Asia-Pacific Review*, volume 11, number 1, pp. 95–126.
- Hall, J. A., Pennington, N., and Lueders A.* (2014). Impression management and formation on Facebook: A lens model approach. *New Media & Society.* September 2014, 16, pp. 958-982.
- Kalnes, Ø.* (2009). Norwegian parties and Web 2.0, *Journal of Information Technology & Politics*, volume 6, number 3, pp. 251–266.
- Krippendorff, K.* (2012). *Content Analysis. An Introduction to Its Methodology. Third Edition.* Los Angeles: SAGE Publications, Inc
- Kruikemeier, S, Noort, G. van, Vliegenthart, R. and Vreese, C. H de* (2014). Unraveling the effects of active and passive forms of political Internet use: Does it affect citizens' political involvement? *New Media & Society.* September. 16, pp. 903-920.

Larsson, A.O. (2011). Extended infomercials” or Politics 2.0? A study of Swedish political party Web sites before, during and after the 2010 election. *First Monday*. Vol. 16, Number 4 - 4 April 2011.

Ledbetter, A.M. and Mazer, J. P (2014). Do online communication attitudes mitigate the association between Facebook use and relational interdependence? An extension of media multiplexity theory. *New Media & Society*, August 2014 16, pp. 806-822.

Livingstone, S., & Bober, M. (2004). Taking up online opportunities? Children’s uses of the internet for education, communication and participation. Forthcoming in *E-Learning*. URL: www.wwords.co.uk/ELEA (дата обращения: 15.11.2015).

Livingstone, S.; Bober, M. and Helsper, E. (2004). *Active participation or just more information? Young people’s take up of opportunities to act and interact on the internet* [online]. London: LSE Research Online. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/archive/00000396> (дата обращения: 15.03.2016).

Margolis, M., Resnick, D. and Levy, J. (2003). Major parties dominate, minor parties struggle. U.S. elections, and the Internet, In: Rachel Gibson, Paul Nixon and Stephen Ward (editors). *Political parties and the Internet: Net gain?* London: Routledge, pp. 53–69.

Miller D. (2013). *Tales from Facebook*. Cambridge and Oxford, UK: Polity Edition, 241 p.

Pepe, A. and di Gennaro, C. (2009). Political protest Italian–style: The blogosphere and mainstream media in the promotion and coverage of Beppe Grillo’s V–day, *First Monday*, volume 14, number 12, at <http://firstmonday.org/article/view/2740>, accessed 3 March 2011.

Stromer–Galley, J. (2000). On–line interaction and why candidates avoid it,” *Journal of Communication*, volume 50, number 4, pp. 111–132.

Tufekci, Z. and Wilson, C. (2012), Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations From Tahrir Square. *Journal of Communication*, 62 (2), pp. 363–379.

Vaccari, C. (2008 a). From the air to the ground: The Internet in the 2004 U.S. presidential campaign, *New Media & Society*, volume 10, number 4, pp. 647–665.

Vaccari, C. (2008 b). Research note: Italian parties’ Websites in the 2006 elections, *European Journal of Communication*, volume 23, number 1, pp. 69–77.

Vaccari, C. (2008 c.) Surfing to the Elysee: The Internet in the 2007 French elections, *French Politics*, volume 6, # 1, pp. 1–22.

White D.M., Marsh, E.E. (2006). Content analysis: a flexible methodology. *Library trends*. 2006 1(55), pp. 22-45.

Zittel, T. (2009) Lost in technology? Political parties and the online campaigns of constituency candidates in Germany’s mixed member electoral system, *Journal of Information Technology & Politics*, volume 6, # 3, pp. 298–311.

Приложения

Таблица 1

Общие характеристики опрошенных (% к числу опрошенных)

<i>Пол</i>	
Мужской	43,1
Женский	56,9
<i>Возраст</i>	
16 – 20 лет	62,2
21 – 25 лет	27,2
26 – 30 лет	10,6
<i>Образование</i>	
Учитесь в средней школе, в среднем профессиональном учебном заведении	44,3
Учитесь в вузе	24,7
Имеете среднее образование, среднее специальное образование	12,1
Имеете высшее образование	18,9
<i>Сфера деятельности</i>	
Промышленность (в т.ч. транспорт, связь, строительство)	14,3
Сельское хозяйство	10,5
Сфера жилищно-коммунальных и социальных услуг	15,2
Образование	6,4
Культура/искусство	8,2
Средства массовой информации	26,8
Армия, органы правопорядка	14,3
Не учитесь и не работаете	4,3

<i>Частота пользования Интернетом</i>	
Каждый день	97,9
Один раз в два-три дня	2,1
<i>Продолжительность пребывания в Интернете в сутки</i>	
1 – 3 часа	33,8
4 – 6 часов	52,3
7 – 9 часов	6,1
Свыше 10 часов	11,1

Таблица 2

Распределение респондентов по городам, в которых проводился опрос

Город	% к числу опрошенных
Волгоград	7,1
Вятка	3,3
Екатеринбург	4,7

Казань	5,1
Краснодар	4,4
Москва	24,4
Нижний Новгород	5,1
Новосибирск	3,0
Пятигорск	8,7
Ростов-на-Дону	8,1
С.-Петербург	5,9
Тюмень	4,3
Ульяновск	5,4
Хабаровск	3,5
Челябинск	7,0

Таблица 3

10 событий, набравших более 1% (включительно) от суммарного количества событий, упомянутых респондентами

Событие	Процент от суммарного количества событий, упомянутых респондентами
Великая Отечественная война	9,3
Октябрьская революция	8,7
Распад СССР	8,5
Полет в космос Ю. Гагарина	8,2
Первая мировая война	7,2
Вторая мировая война	4,3
Холодная война	4,1
Перестройка	3,8
Создание атомного/ядерного оружия	3,1
Взрыв на Чернобыльской АЭС	3,0

REPRESENTATION OF HISTORICAL EVENTS IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS: 1917

Maria A. Pilgun

Professor, National Research University
«High School of Economics»,
127411 , Moscow , ul . Yakhroma , 1-222 ,
e-mail: mpilgun@hse.ru

The paper views the role of historical events, particularly in 1917, in the Russian language consciousness of young people in the period of self-identity . The study has been conducted in two phases: a mass survey and focus group interviews and the analysis of content dedicated to 1917, collected from Facebook, VKontakte, Livejournal. Processing of the data has been carried out using the Automap and Tableau Public software. As a result, it has been found out that the content is devoted to the events of the Great October

Socialist Revolution, it does not play an important role in the modern communicative space. Mixing facts from different historical periods in the users generating content associated with the events of 1917, which is created by the young people indicates an incorrect interpretation.

Keywords: language consciousness, identity, historical events.

References

Vygotskij L.S. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija [Selected psychological works]. M.: APN RSFSR. 1956, 519 p.

Dzjaloshinskij I.M., Pil'gun M.A. Rossiya v 1917 godu v vosprijatii sovremennoj molodezhi: mediadiskurs (k postanovke problemy) [Russia in 1917, in the perception of today's youth: media discourse (to the problem)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo*. 2015. T.HVII. Vyp. 1-2 (85-86), pp. 91-104.

Zinchenko V.P. Problema «obrazujushih» soznanie v dejatel'nostnoj teorii psihiki [The problem of «image» of consciousness activity-theory mentality]. *Vestnik MGU*, serija 14, Psihologija, 1988. T.3, pp. 25-34.

Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. M.: Smysl, 1997. 287 p.

Leont'ev A.A. Slovo v rechevoj dejatel'nosti [Word in speech activity] M.: Iz-vo AN SSSR, 1965. 118 p.

Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost [Activities. Consciousness. Personality]. M.: Politizdat, 1977. 304 p.

Petrenko E.S. Sobytija konca XX veka v pamjati rossijan [The events of the late twentieth century in the memory of Russians]. XIV Aprel'skaja mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva. [The April International conference on the problems of economic development and education], M.: NSE, 2014, pp. 203 - 209.

Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'. [Language consciousness: the dynamics and variability] M.: Institut jazykoznanija RAN, 2011. 252 p.

Fress P., Piazhe Zh. Jeksperimental'naja psihologija [Experimental Psychology.] M., 1975. 284 p.

Jakobson R. K obshhemu ucheniju o padezhe (1936) [To the general doctrine of the case (1936)]. Jakobson R. *Izbrannye raboty*. M.: Nauka. 1985, pp. 133 -175.

Druckman, J. N., Kifer, M. J. and Parkin, M. (2007). The technological development of Congressional candidate Web sites, *Social Science Computer Review*, volume 25, # 4, pp. 425–442. <http://dx.doi.org/10.1177/0894439307305623>Gibson, et al., 2008, p. 20.

Foot, K.A. and Schneider, S.M. (2006). *Web campaigning*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Garcia, D., Sikström S. (2014) The Dark Side of Facebook: Semantic Representations of Status Updates Predict the Dark Triad of Personality. *Personality and Individual Differences*. September 2014, 67: 92–96.

Gibson, R. (2004). Web campaigning from a global perspective. *Asia–Pacific Review*, volume 11, number 1, pp. 95–126.

Hall, J. A., Pennington, N., and Lueders A. (2014). Impression management and formation on Facebook: A lens model approach. *New Media & Society*. September 2014, 16, pp. 958-982.

Kalnes, Ø. (2009). Norwegian parties and Web 2.0, Journal of Information Technology & Politics, volume 6, number 3, pp. 251–266.

Krippendorff, K. (2012). Content Analysis. An Introduction to Its Methodology. Third Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc

Kruikemeier, S, Noort, G. van, Vliegenthart, R. and Vreese, C. H de (2014). Unraveling the effects of active and passive forms of political Internet use: Does it affect citizens' political involvement? New Media & Society. September. 16, pp. 903-920.

Larsson, A.O. (2011). Extended infomercials? or Politics 2.0? A study of Swedish political party Web sites before, during and after the 2010 election. First Monday. Vol. 16, Number 4 - 4 April 2011.

Ledbetter, A.M. and Mazer, J. P (2014). Do online communication attitudes mitigate the association between Facebook use and relational interdependence? An extension of media multiplexity theory. New Media & Society, August 2014 16, pp. 806-822.

Livingstone, S., & Bober, M. (2004). Taking up online opportunities? Children's uses of the internet for education, communication and participation. Forthcoming in E-Learning. URL: www.wwords.co.uk/ELEA (дата обращения: 15.11.2015).

Livingstone, S.; Bober, M. and Helsper, E. (2004). Active participation or just more information? Young people's take up of opportunities to act and interact on the internet [online]. London: LSE Research Online. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/archive/00000396> (дата обращения: 15.03.2016).

Margolis, M., Resnick, D. and Levy, J. (2003). Major parties dominate, minor parties struggle. U.S. elections, and the Internet, In: Rachel Gibson, Paul Nixon and Stephen Ward (editors). Political parties and the Internet: Net gain? London: Routledge, pp. 53–69.

Miller D. (2013). Tales from Facebook. Cambridge and Oxford, UK: Polity Edition, 241 p.

Pepe, A. and di Gennaro, C. (2009). Political protest Italian-style: The blogosphere and mainstream media in the promotion and coverage of Beppe Grillo's V-day, First Monday, volume 14, number 12, at <http://firstmonday.org/article/view/2740>, accessed 3 March 2011.

Stromer-Galley, J. (2000). On-line interaction and why candidates avoid it," Journal of Communication, volume 50, number 4, pp. 111–132.

Tufekci, Z. and Wilson, C. (2012), Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations From Tahrir Square. Journal of Communication, 62 (2), pp. 363–379.

Vaccari, C. (2008 a). From the air to the ground: The Internet in the 2004 U.S. presidential campaign, New Media & Society, volume 10, number 4, pp. 647–665.

Vaccari, C. (2008 b). Research note: Italian parties' Websites in the 2006 elections, European Journal of Communication, volume 23, number 1, pp. 69–77.

Vaccari, C. (2008 c.) Surfing to the Elysee: The Internet in the 2007 French elections, French Politics, volume 6, # 1, pp. 1–22.

White D.M., Marsh, E.E. (2006). Content analysis: a flexible methodology. Library trends. 2006 1(55), pp. 22-45.

Zittel, T. (2009) Lost in technology? Political parties and the online campaigns of constituency candidates in Germany's mixed member electoral system, Journal of Information Technology & Politics, volume 6, # 3, pp. 298–311.

ЭТНИЧНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**Порхомовский Виктор Яковлевич**

профессор, главный научный сотрудник

Институт языкознания РАН

Москва 125009, Б.Кисловский пер., д. 1, стр. 1

e-mail: vporkhom@yahoo.com

Этничность является важнейшим фактором групповой и индивидуальной идентификации и аутоидентификации. Проблема состоит в сложности этого понятия, для анализа которого необходимо рассмотреть основные концепты, относящиеся к данному семантическому полю, представленные лексическим рядом: 'этнос, народ, нация'. В настоящей статье семантика и прагматика концептов этого ряда рассматриваются в аспекте межкультурной коммуникации, поскольку в соответствующем дискурсе отмечается высокий уровень межъязыковых контактов и заимствований. Поэтому наряду с русским языком для анализа поставленной проблемы привлекаются материалы на европейских языках, занимающих ведущие позиции в международном коммуникативном пространстве – английском, французском и немецком. Существенная роль здесь принадлежит диахронии, т.е. исторической эволюции этих концептов в европейских языках, начиная с античности. Специальное внимание уделяется проблеме многозначности рассматриваемых терминов в разных языках, а также различиям в прагматических коннотациях между русским дискурсом, с одной стороны, и английским и французским, с другой. Важность этих различий определяется тем, что они могут приводить к серьезным проблемам в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: этничность, нация, народ, межкультурная коммуникация, этническая ситуация.

Проблема роли этничности в межкультурной коммуникации находится на стыке целого ряда филологических и социальных научных дисциплин, среди которых в рамках языкознания можно отметить семантику, прагматику, а также когнитивистику, психолингвистику, этнолингвистику, социолингвистику, а за пределами комплекса языковедческих наук социальную и культурную антропологию, религиоведение, социальную психологию, историю, политологию, конфликтологию. В последние десятилетия в мировой и региональной политике все более важное место занимают межэтнические и межнациональные проблемы и конфликты, что естественным образом требует научного анализа этих вопросов, с одной стороны, а также привлекает внимание к проблемам этничности в средствах массовой информации, в публицистике и на уровне неформальной коммуникации, с другой. Однако обсуждение и анализ этой крайне сложной и весьма актуальной проблематики, которая сама по себе вызывает горячие дискуссии, а иногда и весьма болезненные реакции, наталкивается на серьезные эвристические препятствия по причине отсутствия единой общепринятой системы базовых понятий. Именно этот вопрос находится в фокусе настоящей работы.

Утверждение, что научный дискурс строится прежде всего на системе строго определенных научных понятий, которые выражаются через посредство соответствующей терминологической системы, не требует особых комментариев. Научные термины должны иметь точные определения и находиться в жесткой корреляции с объектами и понятиями соответствующей научной дисциплины в отличие от общеупотребительной лексики, где подобная семантическая и прагматическая строгость отнюдь не предполагается. Серьезные проблемы возникают в тех социальных и гуманитарных науках, где однородные объекты исследования в разных контекстах и ситуациях могут иметь существенные различия в зависимости от исторических, цивилизационных и культурных факторов. В результате формируются терминологические системы, привязанные к конкретной специфике, которые невозможно использовать вне собственной культурно-языковой парадигмы. Достаточно сослаться на работы европейских ученых в области изучения различных религий, например, ислама, буддизма, индуизма, где единственный возможный путь – это заимствование соответствующих терминов и понятий из арабского, санскрита и т.д., поскольку в рамках европейского христианского дискурса отсутствуют соответствующие понятия и термины (например, карма, нирвана, йога и т.д.) или формально сходные понятия и соответствующие термины имеют существенные различия. Аналогичная ситуация возникает и на совершенно иных социокультурных уровнях, например, в кулинарии и гастрономии, где также невозможно обходиться без заимствования названий блюд и т.п. Соответствующая терминология обычно является частью этнолингвистических штудий, посвященных анализу традиционных терминологических систем. Отметим, что религиоведческую проблематику не принято рассматривать в рамках подобного подхода.

В языкознании в качестве некоторой аналогии можно предложить терминологию в области функциональной стратификации языка, а также истории и теории литературных языков. В этой сфере существенная роль принадлежит историко-культурным параметрам и факторам соответствующих языковых ситуаций, которые и определяют как структуру и состав функциональной парадигмы в рамках определенной коммуникативной ситуации, так и процессы формирования идиомов, занимающих различные уровни в рамках функциональной стратификации языка. Особый интерес здесь представляют высшие уровни этой парадигмы. Разумеется, в подобных случаях соответствующая терминология также имеет специфический характер, определяемый конкретными процессами формирования этих функциональных вариантов в отличие от универсальной лингвистической терминологии в других областях языкознания. Это обстоятельство вызывает хорошо известные трудности при переводе терминов и текстов в этой области на другие языки, ср., например, серию '*литературный язык ~ standard language ~ langue normée ~ Hochsprache/Schriftsprache*', или термины для иерархической последовательности форм существования языка - русский язык: '*язык ~ диалект ~ наречие ~ говор* // французский: '*langue ~ dialecte ~ parler ~ patois* // английский: '*language ~ dialect ~ patois* (из французского)'. При этом в разных языках может закрепляться специфическая дистрибуция подобных терминов, которая не воспроизводится при переводе. Так, в традиционной французской берберологии территориальные берберские

идиомы рассматриваются как локальные варианты единого берберского языка. Эти варианты по-французски принято именовать *parlers berbères*, хотя в современной лингвистике эти идиомы трактуются как языки, образующие берберскую группу языков в рамках семито-хамитской семьи с выделением диалектов в рамках отдельных языков, например, туарегского.

Ситуация еще более усложняется благодаря тому, что специфические формы существования языка в различных коммуникативных ситуациях могут получать обозначения в соответствующих терминологических традициях, т. е. обозначают именно данный конкретный функциональный вариант какого-либо языка, а затем эти названия начинают использоваться сначала как метафоры, а затем как термины для типологически аналогичных функциональных вариантов в рамках других языковых систем, например, общепринятые социолингвистические термины '*койне, лингва франка*', первоначально обозначавшие конкретные идиомы, ср. также '*арго, жаргон, сленг*'. Наконец, следует учитывать и то обстоятельство, что наименования для различных форм существования языка стали появляться задолго до формирования современного научного языкознания. Соответствующие термины вошли в научный оборот в разных языках и в разное время, а затем могли полностью или частично выходить из употребления. Например, так обстояло дело с терминами '*literary language, langue littéraire*'. Немецкий термин '*Literatursprache*' соответствует русскому '*язык художественной литературы*', а не термину '*литературный язык*'. Таким образом, в этом отношении терминология в сфере функциональной дифференциации языка скорее относится к области традиционных систем, являющихся объектом этнолингвистики, чем к понятийному аппарату современной лингвистики. Подробно эта проблематика обсуждалась на круглом столе, организованном Проблемной комиссией по истории и теории литературных языков в Институте языкознания РАН в 2002 г. Материалы дискуссии опубликованы в сборнике «*Формы дифференциации языка в зеркале национальных терминологических традиций*». (см. библиографию).

Наконец, имеется еще один важный аспект, а именно ситуации, когда даже в рамках одного и того же языка термины, обозначающие некоторые функциональные идиомы, могут иметь разные значения в зависимости от того, какая конкретная языковая ситуация имеется в виду. Так, термин '*диалект*', представленный в терминологических системах многих европейских языков, имеет различное семантическое наполнение в зависимости от объектов описания, например, в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки, в Северной Индии или в странах Европы. Отметим также, что даже слово '*язык*', т. е. основной лингвистический термин, может иметь различное семантическое наполнение в зависимости от наличия или отсутствия в соответствующем языковом пространстве наддиалектного варианта, признаваемого носителями всех локальных идиомов (территориальных и социальных диалектов), т. е. литературного (/стандартного) языка или широко распространенного койне. Так, для различения этих двух ситуаций в опубликованной в середине XX в. лондонским Международным институтом Африки серии справочных изданий по африканским языкам использовались соответственно термины '*language with associated dialects*' и '*dialect cluster*'.

Обозначенная выше проблематика в области лингвистической терминологии имеет первостепенное значение для темы настоящей работы. Лингвонимы и этнонимы находятся в очень тесной корреляции. Один из наиболее очевидных аспектов – это терминологическая реализация оппозиции «свой ~ чужой». В области этнонимов в самых разных языках весьма распространено явление, когда для обозначения собственной этнической характеристики используются слова, обозначающие человека вообще, например, представленные в чадских и берберских языках афразийской (семито-хамитской) языковой семьи этнонимы, восходящие к общеафразийскому корню 'mzg' со значением «человек, люди»: чадское *musgu*, берберское *imazighen*. При этом для понятия «чужой» часто используются уничижительные и пренебрежительные имена, которые могли закрепляться в качестве основного этнонима, но в современную эпоху торжества политкорректности они заменяются на аутоэтнонимы, разумеется, не имеющие отрицательных коннотаций. Эти замены получили большое распространение в современную эпоху, например, в африканистике, что ставит достаточно сложную задачу отождествления традиционных и новых, политкорректных этнонимов. Например, галла, самый большой по численности эфиопский этнос, хорошо известный со времен раннего Средневековья, в том числе по одноименным историческим хроникам на классическом эфиопском языке, теперь именуется только по самоназванию – оромо.

Другой сходный способ именования «чужих» состоит в использовании метафорических названий для обозначения носителей чужих, непонятных языков. Так, в России «чужие» *par excellence* получили наименование «немцы», т. е. немые, причем в эпоху царя Алексея Михайловича зафиксировано именование прибывших в Москву англичан как «аглицких немцев». Другое широко известное название для «чужого» – это древнегреческое βάρβαρος (*варвар*), восходящее к оноματοпозитическому обозначению людей, не владеющих членораздельной речью (*br-br*). Как известно, через посредство арабского языка это слово стало этнонимом «бербер» по аналогичной причине. Показательно, что это обозначение воспринималось и воспринимается населением Северной Африки как нейтральное. Только в последние годы в рамках общего тренда «политкорректности» наименование «берберы» стало постепенно заменяться упомянутым выше «имазиген», однако лингвоним «берберские языки» сохраняет свой прежний статус. Вполне очевидно, что языковые и этнические характеристики находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии, причем можно утверждать, что в различных исторических ситуациях формирования, эволюции и исчезновения этнических групп определяющая роль может принадлежать как языковым, так и этническим факторам. В любом случае при исследовании различных аспектов этничности как в плане научного анализа, так и в рамках прикладных работ в области межэтнических контактов и наиболее актуальных вопросов прогнозирования, анализа и оценки возможных путей урегулирования межэтнических конфликтов необходим тщательный и подробный анализ соответствующей проблематики в рамках социолингвистики и психолингвистики.

Что касается собственной роли и значения фактора этничности в межкультурной коммуникации, а, следовательно, в формировании и развитии контактов и конфликтов в этой области, то необходимо констатировать, что эта чрезвычайно

сложная и противоречивая проблематика, актуальность которой невозможно переоценить, оказывается еще более запутанной, поскольку отсутствует система общепринятой трактовки базовых понятий в этой области. В число этих базовых понятий прежде всего входят: *этнос* (/этничность), *нация* и *народ*. Именно *этнос* является для нашей проблематики ключевым, базовым элементом, однако судьба этой лексемы в соответствующем дискурсе оказалась наиболее сложной и противоречивой.

Термин *этнос* восходит к древнегреческому ἔθνος, для которого приводятся следующие значения: «1) общество, группа, толпа, 2) класс, сословие, 3) пол, 4) племя, 5) народность, народ, 6) (мн. ч.) языческие племена, язычники, 7) род, вид, порода, 8) стая, стадо, рой» [Древнегреческо-русский словарь 1956: 459]. Для полного семантического анализа этого слова требуется специальное исследование. В цитированном словаре отмечена вся совокупность значений, зарегистрированных в древнегреческих текстах разных эпох, так что в принципе следует проследить эволюцию семантики и прагматики. Для целей настоящей работы достаточно отметить, что в более ранние эпохи (в частности у Гомера, Софокла, Пиндара) это слово обозначало любую совокупность людей или животных. Позднее у Геродота, это слово уже употребляется в привычном современном значении, но также и для обозначения различных социальных групп по профессиям и т. п. Наконец, в более поздние эпохи оно используется как синоним для слова «варвар», причем во множественном числе оно противопоставляется «эллинам», так что в иудео-христианской литературе на греческом языке оно употребляется для перевода понятия *gōim*, т.е. людей, не относящихся к иудаизму, а также как соответствие оппозиции «Roma – provincia» в латинском, т.е. «римские граждане» – «жители завоеванных территорий», подробнее об этом см. [Тишков 2003: 97-98].

Задача проследить эволюцию семантики и прагматики этого заимствования в европейских языках выходит за рамки нашей работы. Как уже говорилось, в современных языках это древнегреческое заимствование в целом продолжает позднюю греческую традицию, т. е. обозначает группы людей на основе общих культурных, языковых, исторических, хозяйственных и иных характеристик. Однако при этом сохраняется и указанный выше семантический компонент принадлежности этой лексической основы к пространству *не-эллинов, варваров*. Причем преимущественно используются производные термины: ‘этнический, этничность // ethnicity, ethnic group’ и т. д. Однако здесь необходимо отметить важное отличие между русским и западноевропейскими языками. В современном русском научном дискурсе слова этого корня имеют в целом нейтральную коннотацию, тогда как в английском и французском языках здесь присутствует отчетливая негативная специфика в семантике и прагматике этих терминов, а именно их отнесенность к проблематике изучения народов именно бывших колоний и вообще аборигенов Африки, Австралии, Азии, Америки. Таким образом, характерный для древнегреческого языка семантический компонент, имеющий очевидную отрицательную коннотацию, получил серьезное дальнейшее развитие. В результате в рамках современного политкорректного дискурса эти термины стали восприниматься как не вполне приемлемые. Так, вместо ‘*этнографии, этнологии, этнолингвистики*’ получили распространение термины ‘*социальная и культурная антропология, антропологическая лингви-*

стика'. В качестве иллюстрации автор этих строк может сослаться на собственный опыт. Около двадцати лет назад мне пришлось выступать с докладом на тему социолингвистической типологии в университете «София-Антиполис» в Ницце. В рамках представленной типологической модели (о которой см. ниже) речь шла об этнической ситуации и ее роли в типологии коммуникативных ситуаций. Когда наступило время для вопросов и дискуссии, пригласивший меня профессор заметил, что доклад ему очень понравился, но хорошо было бы отказаться от термина 'situation ethnique' по причине его несоответствия принципам политкорректности. Моя просьба предложить адекватную замену для этого термина, естественно, осталась без ответа. Как известно, нормы современной политкорректности требуют отказаться от употребления очень многих обозначений человека на основе различных качеств и признаков, в том числе и этнической принадлежности, если это не является главным содержанием сообщения. При этом требуются специальные стилистические конструкции, например, вместо 'слепого' следует говорить 'человек с проблемами зрения' и т. п. В научном дискурсе на русском языке подобные проблемы не возникают. В отношении термина 'этничность' эта проблема прежде всего явилась следствием эпохи заморских колоний европейских государств. Здесь следует специально подчеркнуть, что представленная в упомянутом докладе типологическая модель строилась именно на африканском материале. Для дальнейшего изложения существенно, что фактор *этничности* привлекается нами в его нейтральном значении, без указанного выше отрицательного компонента, что является естественным для текста на русском языке.

Основное внимание далее будет уделяться оппозиции двух принципиально важных аспектов, а именно противопоставлению этнического и политического факторов в межкультурной и межнациональной коммуникации. Противопоставление этих двух факторов стало актуальным в Европе со времени возникновения понятия 'nation-state' и появления национальных государств, т. е. после Вестфальского мира. Именно тогда стала формироваться оппозиция по признаку этнической и государственной принадлежности.

Ключевыми здесь являются следующие лексические пары в русском, английском, французском и немецком языках:

народ – нация;
people – nation;
peuple – nation;
Volk – Nation.

Очевидно, что члены этих лексических пар во всех языках не являются полными синонимами. В нашем случае интерес здесь представляет оппозиция по признаку этнической и государственной принадлежности. Ситуация здесь весьма своеобразна. Так, в «Словаре русского языка» Ожегова для слова *нация* первым значением дается этнографическое определение, а второе значение определяется как «страна, государство». Для слова *народ* первое определение – «население государства, жители страны», второе значение – «то же, что нация», т. е. этнографическое определение. В целом аналогичная ситуация представлена и в остальных упомянутых выше языках, хотя наборы конкретных значений могут различаться. Причем,

как правило, среди различных определений в качестве одного из значений этих слов приводится и второй член указанной выше пары. Таким образом, в том, что касается оппозиции по признаку «этническая ~ государственная идентификация» члены этой лексической пары во всех рассматриваемых языках являются синонимами, поскольку они имеют оба этих значения. Однако исходная ситуация, видимо, была иной. Как уже упоминалось, данная оппозиция могла сформироваться достаточно поздно, после появления национальных государств в результате заключения Вестфальского мира в середине XVII в. Причем этот процесс государственного строительства и формирования соответствующей политической идентификации граждан или подданных новых государств должен был развиваться достаточно постепенно. До этой эпохи подобная оппозиция этнической и государственной идентичности явно была излишней. Политическую актуальность данная проблематика приобрела в конце XIX – начале XX в., когда начались центробежные процессы в полиэтнических европейских империях. Это получило отражение в работе [Водовозов 1910]. Автор этой публикации утверждает, что в русском и немецком языках термины ‘народ’ и ‘Volk’ относятся к сфере государственного права, т. е. «немецкий народ» означает подданных Германской империи, а «русский народ» – соответственно Российской империи. В то же время термины ‘нация’ и ‘Nation’ являются этнографическими. В английском и французском языках ситуация противоположная: *nation* в обоих языках обозначает государственную принадлежность, а *people / peuple* – это термины этнографические.

Как уже отмечалось, современные словари дают оба значения для обоих членов этой пары во всех указанных языках. Причину подобной эволюции можно реконструировать следующим образом. Французский и английский языки являются ведущими мировыми языками. Поэтому заимствование слова ‘nation’ в его французском и английском значении было совершенно естественным, тем более что существенную роль в политическом дискурсе играли важнейшие международные организации – Лига Наций после Первой мировой войны и Организация Объединенных Наций после Второй мировой войны. В обоих случаях речь, безусловно, идет о государствах, а не этнических общностях. К тому же, по свидетельству Водовозова, слово «нация» в ту эпоху воспринималось как иностранное, недостаточно усвоенное и чуждое русскому языку. Разумеется, было бы интересно проследить эволюцию значений этих слов в указанных языках, что является отдельной трудоемкой задачей с использованием корпусного подхода. Семантическая интерференция в данном случае представляется не только естественной, но даже неизбежной, тем более в сфере межкультурных и международных контактов при практической идентичности фонетической реализации соответствующей лексемы во всех этих языках. Однако безусловным подтверждением первоначальной семантики этих словесных пар в четырех рассматриваемых языках являются производные слова. Достаточно сопоставить обозначения свода законов в межгосударственных отношениях: в английском и французском это производные от ‘nation’ – “*international law*” и “*droit international*”, тогда как их соответствия в русском – «*международное право*» и в немецком – “*Völkerrecht*”, при этом в русском языке «*международные отношения*» относятся исключительно к сфере этничности, а международные от-

ношения – к сфере государственности, тогда как в английском и французском языках ситуация является противоположной. В качестве подтверждения сказанного выше можно привести начальный пассаж Конституции РФ: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...».

Таким образом, при употреблении терминов «народ» и «нация» каждый раз следует указывать, в каком именно значении употребляются эти слова – в качестве этнографического термина или в качестве термина государственного права. На практике это никогда не происходит, что существенно затрудняет политические и научные дискуссии на темы межэтнических проблем и конфликтов, а также открывает возможности для всевозможных спекуляций, когда сначала термин «нация» употребляется в качестве этнического маркера, а затем в качестве политического. Например, некая этническая общность квалифицируется как «нация», что не вызывает возражений, а затем следует утверждение, что в качестве отдельной «нации» она имеет право на собственную государственность и членство в ООН. Подобная аргументация активно использовалась и в публицистике эпохи распада европейских империй после Первой мировой войны. Знаменитый тезис о праве наций на самоопределение также нуждается в подобной семантической интерпретации.

Наряду с рассмотренной выше проблемой соотношения этнического и политического аспекта в межкультурной коммуникации следует исследовать и такие ситуации, когда фактор государственности не имеет определяющего значения, хотя должен приниматься во внимание. Речь здесь идет о полиэтнических и мультиязыковых ситуациях как в пределах одного государства, так и в регионах, объединяемых некоторым общим историческим и культурным наследием, сходными языковыми ситуациями, а также отсутствием соответствий между языковыми, этническими и политико-административными границами. Именно в подобных ситуациях особенно велика опасность возникновения межэтнических напряжений, которые могут приводить к открытым конфликтам. Этнические факторы здесь играют первостепенную роль. При этом необходимо принимать во внимание специфику этничности. Невозможно дать исчерпывающее универсальное определение этноса. Обычно дается обширный, по возможности всеобъемлющий перечень различных факторов. Сложность заключается в том, что в конкретных ситуациях набор определяющих факторов в процессе этногенеза может существенно варьировать. В большинстве ситуаций первостепенная роль принадлежит языку, однако возможны случаи, когда язык не имеет решающей роли. Аналогичные ситуации возникают и с другими важными факторами, например, с религией. Кроме того, современная этнология еще далека от выработки общепринятой концепции этноса. Сформулирован целый ряд теоретических подходов к этой проблеме, например, примордиализм, конструктивизм, инструментализм. На эту тему имеется обширная литература. Эта проблематика освещается в цитированном выше труде Тишкова, там же имеется подробная библиография [Тишков 2003].

Что касается сложных полиэтнических и мультиязыковых ситуаций, характерных скорее для традиционных обществ, то для их анализа автором настоящей работы совместно с В.А. Виноградовым и А.И. Коваль была предложена ориги-

нальная типологическая модель, в которой особое внимание уделяется именно этническому фактору [Виноградов, Коваль, Порхомовский: 2013; см. также Koval', Porchomovskij, Vinogradov 1982]. Новизна данной модели прежде всего заключается в том, что авторы отказались от принципа государственного и административного деления при выборе объектов для анализа этнических и языковых ситуаций, предложив вместо него понятие *коммуникативной среды*, которая определяется как «исторически сложившаяся этносоциоязыковая общность, характеризующаяся относительно стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определенной территориальной локализованностью» [Виноградов, Коваль, Порхомовский 2013: 9]. Этот подход дает возможность для типологического анализа ситуаций на основе разработанных параметров независимо от государственных границ, с последующей типологизацией в рамках отдельных государств уже в терминах определенных в процессе исследования типов коммуникативных сред, что позволяет получить достаточно четкую и легко обозримую панораму исключительно пестрых и разнообразных ситуаций, характерных для многочисленных стран Западной Африки. Поскольку в отличие от большинства наблюдаемых ситуаций здесь отмечаются существенные расхождения между этническими и языковыми границами, анализ этнических и языковых ситуаций проводится по отдельности, а затем сопоставляются полученные результаты. При типологическом анализе этнических ситуаций используются следующие параметры: степень этнического разнообразия; демографическая характеристика этнических единиц, типы и принципы пространственно-территориального распределения этносов: подвижный ~ мобильный, компактный ~ диффузный, мозаичный ~ трансфузионный; этническая проницаемость ~ замкнутость; степень внутренней интеграции этносов; эстимационные характеристики: внутренние: – этническая гордость / лояльность ~ нейтральность ~ отрицательное отношение, внешние: престиж ~ нейтральность ~ предубеждение [[Виноградов, Коваль, Порхомовский 2013: 26-33]. Типологический анализ языковых ситуаций базируется на следующих параметрах: степень языкового разнообразия / языковой непрерывности; степень генетической близости идиомов; количественная характеристика носителей каждого из идиомов; типы пространственного распределения языков; наличие обработанных форм языка и письменных традиций, эстимационные характеристики, также внутренние и внешние. Затем в результате комплексного анализа этнической и языковой ситуаций с учетом релевантных культурных, социальных и экономических факторов выстраивается типология коммуникативных сред, а на следующем ярусе типология коммуникативных ситуаций в рамках отдельных государств. Это дает возможность оценивать перспективы языковой и национальной политики, определять «горячие» точки, вероятность возможных конфликтов и пути их предотвращения. Данная типологическая модель была использована при анализе роли этнического и языкового фактора в самых различных регионах, в том числе в Центральной Азии и в Закавказье, см. [Porkhomovsky 1992; Porkhomovsky 1994a; Porkhomovsky 1994b].

Литература

Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология. 4-е изд. – М.: Либроком, 2013. – 128 с.

Водовозов В.В. Национальность и государство. // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия, Россия, Германия. – С-Пб. 1910.

Тишков В.А. Реквием по этносу. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

Формы дифференциации языка в зеркале национальных терминологических традиций. – М.: ИЯз РАН, 2002. – 117 с.

Koval' A.I., Porchomovskij V.J., Vinogradov V.A. Language and society in Africa: a sociolinguistic typology. // Studien zur nationalsprachlichen Entwicklung in Afrika. Berlin: Akademie Verlag, 1982. pp. 7-88.

Porkhomovsky V. (1992). Ethnicity and Language as Political Factors. The Iranian Journal of International Affairs. Vol. 4, No 2, pp. 322-329.

Porkhomovsky V. (1994a). Historical Origins of Interethnic Conflicts in Central Asia and Transcaucasia. // Central Asia and Transcaucasia. Ethnicity and conflict. Westport, Connecticut – London: Greenwood Press, pp. 1-30.

Porkhomovsky V. Ethnicity and Language as Political Factors: a Typological Study. (1994b). Bulletin of the Institute of Middle Eastern Studies. International University of Japan. vol. 8, March, pp. 1-32.

ETHNICITY IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Victor Ya. Porkhomovsky

Professor, chief research fellow

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Moscow 125009, B.Kislovski per. 1, str. 1

e-mail: vporkhom@yahoo.com

Ethnicity is a most important factor of collective and individual identification and self-identification. The problem consists in the complex character of this notion. Hence it is necessary to examine the main concepts, pertaining to this semantic field as presented by lexical group: *'ethnos, people, nation'*. Semantic and pragmatic aspects of these concepts are examined in the present paper from a perspective of intercultural communication because of a very high level of language contacts and loans in the respective discourse. Thus, data from leading European languages in the sphere of international communicative, i.e. English, French and German, is included in the analysis on a par with Russian. Important role belongs here to diachronic aspect, namely to the historical evolution of these concepts in European languages beginning from the period of antiquity. Special attention is paid to the problem of polysemy of respective terms in different languages as well as to the differences in pragmatic connotations between

Russian discourse, on the one hand, and English and French, on the other. The importance of these differences is determined by the fact, that they may cause serious problems in intercultural communication.

Keywords: ethnicity, nation, people, intercultural communication, ethnic situation.

Referhces

Vinogradov V.A., Koval' A.I., Porhomovskij V.Ja. Sociolingvisticheseskaja tipologija [Sociolinguistic typology]. 4th ed.. Moscow: Librokom. 2013. 128 p.

Vodovozov V.V. Nacional'nost' i gosudarstvo. // Formy nacional'nogo dvizhenija v sovremennyh gosudarstvah: Avstro-Vengrija, Rossija, Germanija [Nationality and state // Forms of national movement in modern states: Austro-Hungary, Russia, Germany]. Saint-Petersburg. 1910.

Tishkov V.A. Rekvjem po jetnosu [Requiem for ethnos]. Moscow: Nauka, 2003. 544 p.

Formy differenciacii jazyka v zerkale nacional'nyh terminologicheskikh tradicij [Forms of language differentiation in the mirror of national terminological traditions]. Moscow: Institute of Linguistics. 2002. 117 p.

Porkhomovsky V. (1992). Ethnicity and Language as Political Factors. The Iranian Journal of International Affairs. Vol. 4, No 2, pp. 322-329.

Porkhomovsky V. (1994a). Historical Origins of Interethnic Conflicts in Central Asia and Transcaucasia. // Central Asia and Transcaucasia. Ethnicity and conflict. Westport, Connecticut – London: Greenwood Press, pp. 1-30.

Porkhomovsky V. Ethnicity and Language as Political Factors: a Typological Study. (1994b). Bulletin of the Institute of Middle Eastern Studies. International University of Japan. vol. 8, March, pp. 1-32.

29 сентября 2016 г. при отделе психолингвистики
Института языкознания РАН начинает свою работу
Центр межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева.

С докладом

**РАЗГОВОР ПРИ ЗНАКОМСТВЕ:
КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ БЫСТРЫХ СВИДАНИЙ**

выступит

Алексей Маркович Улановский – доцент Высшей школы экономики,
факультет социальных наук, департамент психологии,
кандидат психологических наук.

Начало доклада в 17.00, Конференц-зал Института

Вконтакте: <https://vk.com/leontevcentr>

Facebook: <https://www.facebook.com/leontevcentr/>

Instagram: https://www.instagram.com/leontev_centr/

Цель создания Центра: разработка проблем взаимоотношения языка, сознания и культуры.

Задачи, которые предполагается решать:

1) фиксация и системное описание национально-культурной специфики языкового сознания носителей разных культур в синхронии и диахронии;

2) разработка методов «межкультурного обучения» для профилактики коммуникативных конфликтов в межкультурном взаимодействии;

3) изучение содержания этнокультурных авто- и гетеростереотипов и способов их языковой (речевой) объективации;

4) исследование форм межкультурной (межъязыковой) лакуарности как причины непонимания/неполного понимания в различных ситуациях межкультурного взаимодействия;

5) исследование взаимовлияния языкового сознания носителей русской культуры и носителей других этнических культур;

6) изучение влияния окружающей этнокультурной среды на формирование образов языкового сознания русских;

7) выявление потенциально конфликтных зон в языковом сознании контактирующих этносов и описание форм языкового выражения межкультурных конфликтов.

Центр межкультурных исследований будет выполнять координирующие функции в рамках заявленной проблематики через проведение ежемесячных научных семинаров, разработку программ конкретных исследований, обучение слушателей курсов повышения квалификации, а также через публикацию научных трудов Центра.

Руководитель Центра – доктор филологических наук, зав. сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН,
профессор **Наталья Владимировна Уфимцева**.

Секретарь-координатор **Анастасия Геннадиевна Полянская**.

**ПЕРСПЕКТИВНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА****Терентий Ливну Михайлович**

Ректор Московской международной академии

Москва, ул. Новомосковская, д. 15а

e-mail: Info@inyaz-mil.ru

В статье обсуждаются теоретические итоги проведенного автором исследования дипломатического дискурса с позиции психолингвистики. Кратко рассмотрен вклад социолингвистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики в исследование дискурса; обоснована перспективность интегративного подхода к рассматриваемому феномену; автор настаивает на интегративности именно психолингвистического подхода, поскольку методология психолингвистики позволяет подходить к изучению комплексно и анализировать любой тип дискурса с точки зрения специфики структуры каждой отдельной языковой личности, в дискурсивной деятельности которой проявляется уникальная комбинация ее различных психологических, социальных и культурных характеристик, дающих возможность каждому человеку взаимодействовать с другими эффективно, добиваясь максимального результата, либо, напротив, терпеть постоянные неудачи. Эффективность взаимодействия, определяющая достижение основной цели дипломатического дискурса, обеспечивается только при наличии комплекса интенциональных направленностей, каждая из которых направлена на реализацию одной из промежуточных целей говорящего и, соответственно, на организацию деятельности на одном из ее уровней. Главной интенциональной направленностью успешного дипломатического дискурса закрытого типа с участием руководителей государств является направленность на партнеров по коммуникации с характерным для нее набором интенций, которые в совокупности обеспечивают создание атмосферы поиска совместных решений и рефлексии собственной деятельности.

Ключевые слова: дискурс, психолингвистика, интенциональная направленность.

На современном этапе развития науки о языке в центре внимания ученых, работающих в самых различных ее сферах, находится языковая личность во всех ее модусах и проявлениях. Потребности коммуникативной практики, стремление к оптимизации форм речевого общения и выявлению факторов, которые приводят к коммуникативным сбоям либо к полному «провалу» коммуникации, как и множество других причин, привели к тому, что в настоящее время актуальность проблем дискурса человека среди лингвистов уже не вызывает никаких сомнений.

Как правило, многообразные виды дискурса, от институциональных, жестко регламентированных, до общения фатического, где человек относительно свободен в выражении своих интенций и мнений, изучаются в рамках социолингвистической, лингвокогнитивной или лингвопрагматической парадигм. Практически это означает, что, в зависимости от позиции ученого, акцент ставится на исследовании

действия отдельных психических процессов, источниках социального влияния или детерминантах социального восприятия и поведения, коренящихся, соответственно, либо в индивидуальном сознании, либо в социуме, либо в самой ткани культуры, к которой принадлежит личность.

Такое «замыкание» на одном либо нескольких факторах во многих случаях оказывается вполне оправданным. Свидетельством тому являются значительные результаты, которые помогли ответить на многие вопросы, касающиеся коммуникативных процессов.

Так, благодаря социолингвистическим работам в настоящее время детально описаны различные виды дискурсивных практик, выявлены и проанализированы механизмы, лежащие в основе процессов, управляющих их различными типами. Еще более важным представляется тот факт, что полученные в ходе исследований данные ясно показывают, при каких условиях становится возможным формирование требуемого поведения социума либо манипуляции общественным сознанием (см.: [Баранов, Сергеев 1988 и др.]).

В рамках лингвокогнитивного направления было убедительно доказано, что набор знаний, представленных в индивидуальных ментальных репрезентациях коммуникативных ситуаций, которые использует личность в процессе общения, непосредственно зависит от работы всего познавательного аппарата человека. При этом вариативность коммуникативного поведения объясняется содержанием «образа мира», обусловленным либо индивидуальными особенностями протекания процессов познания, либо и влиянием каких-либо социальных институтов, играющих через язык роль посредника при формировании структур знаний в сознании отдельного индивида и, таким образом, «закладывающих» определенные дискурсивные модели. Именно последние дают возможность разъяснить и процессы производства и понимания высказывания в ходе коммуникации, и те общие рамки, через призму которых человек познает действительность (см.: [Демьянков 1994, Заботкина 2007, Кубрякова 1994, 2004, 2007, 2009]).

Как представляется, к важнейшим достижениям лингвокогнитологии в исследованиях дискурса относится определение статуса языка как «творца реальности» в ходе познания обычным человеком окружающего его мира. Дискурс, по мнению большинства ученых, работающих в данном направлении, есть главная составляющая процесса коммуникации, та человеческая деятельность, главная функция которой состоит в том, чтобы «приводить объекты в бытие, создавать статус реальности» [Augostinos, Walker 1995: 278].

Вместе с тем все большее число ученых начинают рассматривать коммуникацию как сложнейший языковой феномен, в котором одновременно отражаются и личностные, и социальные, и культурные факторы. В связи с этим в лингвистической науке растет осознание необходимости интегративного подхода к ее исследованию, поскольку, несмотря на плодотворное изучение, ни одно из названных выше направлений не может полностью охватить столь многогранное явление, каким является общение.

На наш взгляд, наиболее полно данный подход может быть реализован в рамках психолингвистики, т.к. ее методология позволяет подходить к изучению коммуникации комплексно и анализировать любой тип дискурса с точки зрения

специфики структуры каждой отдельной языковой личности, в дискурсивной деятельности которой проявляется уникальная комбинация ее различных психологических, социальных и культурных характеристик, дающих возможность каждому человеку взаимодействовать с другими эффективно, добываясь максимального результата, либо, напротив, терпеть постоянные неудачи. Исследования индивидуальных особенностей общения человека в самых различных ситуациях, как и изучение национальной специфики поведения, велись в психолингвистике практически с момента возникновения самой науки, задолго до введения в широкое употребление термина *дискурс*. Основным отличием психолингвистических работ изначально являлся учет фактора человека, его субъективной интерпретации ситуации общения, обусловленной уникальной комбинацией характеристик языковой личности, степенью различий в глубине осознания влияния собственных интерпретаций, обусловленных индивидуальным опытом деятельности, ее культурной принадлежностью [Уфимцева, 2000, 2003, 2004, 2006]. Совокупность данных факторов, определяя социальное (вербальное и невербальное) поведение личности, является главной причиной непонимания и неэффективного общения. Таким образом, психолингвистический подход наиболее актуален не только в изучении дискурса в целом, но, что более важно, тех его типов, где достижение результатов является жизненно важным.

Одной из наиболее очевидных сфер, требующих безусловного успеха, является дипломатическая коммуникация, которая на фоне всплеска интереса к дискурсу остается практически неизученным видом дискурсивной практики. Исследование дипломатического дискурса с точки зрения влияния на его успех степени развития всех уровней структуры языковой личности, позволяет наметить перспективы комплексного изучения языка дипломатии как одного из важнейших видов современной коммуникации, от которой в прямом смысле зависит будущее мира. Результаты, полученные в ходе изучения особенностей структуры дипломатического дискурса, дополняют, уточняют и расширяют представления о речи как главном инструменте общения человека, опосредованном содержанием всех уровней структуры языковой личности, а также о природе дискурса в целом, о тех факторах, которые определяют его успешность/неуспешность. Вследствие этого данный ракурс рассмотрения дипломатического дискурса представляется актуальным для теории языка и прикладного языкознания.

Помимо прямого вклада в разработку общей теории дискурса, исследования в этой области могут быть полезными в практической деятельности дипломатов, дополняют концепцию «языкового сознания», разрабатываемого в психолингвистической парадигме, позволят более глубоко проникнуть в «образ мира» отдельной личности, которая одновременно всегда является и членом определенного лингвокультурного сообщества, и носителем каких-то идей, сформированных под контролем социума, а также позволит выявить некоторые причины конфликтов как на межкультурном уровне, так и на уровне контактов между представителями одного национального сообщества. Именно такой подход, который, как подчеркивает Е.С.Кубрякова, уже стал основой новой парадигмы знания [Кубрякова, 2004, 2007], является наиболее продуктивным как для более глубокого постижения самого дискурса, так для познания мира людей, вступающих в общение.

Наконец, рост интереса к специальным языкам не может не означать и усиления внимания к различным видам профессионального дискурса, его специфическим особенностям, рассмотрению его в динамике (постнеклассическая философия науки предполагает прицесуальность объекта, его постоянную динамику (см. [Степин, 2009; Кирилина, 2014]).

Психолингвистический анализ дипломатического дискурса показал следующие его свойства:

1. Дипломатический дискурс представляет собой особый вид коммуникативной деятельности, в которой, в отличие от других видов дискурсивных практик, выделяется две его формы – публичный/открытый дипломатический дискурс и непубличный/закрытый дипломатический дискурс. Существование данных форм дипломатического дискурса обусловлено различием их основных целей и способов их достижения, разными контекстами реализации и спецификой их основного адресата.

2. Успешный дипломатический дискурс – это когнитивная транзакция между его участниками, в ходе которой достигнута основная цель общения – защита интересов своего государства, реализуемая посредством ряда промежуточных целей, каждой из которых соответствует свой объект референции и свои интенциональные направленности с конкретными наборами типичных интенций.

3. Все интенциональные направленности, характерные для успешного дипломатического дискурса закрытого типа, как и интенции, входящие в каждую из них, могут быть отнесены к одному из уровней совместной деятельности: предметно-деятельностному, процедурному либо эмоциональному. Эффективность взаимодействия, определяющая достижение основной цели дипломатического дискурса, обеспечивается только при наличии комплекса интенциональных направленностей, каждая из которых направлена на реализацию одной из промежуточных целей говорящего и, соответственно, на организацию деятельности на одном из ее уровней.

4. Главной интенциональной направленностью успешного дипломатического дискурса закрытого типа с участием руководителей государств является направленность на партнеров по коммуникации с характерным для нее набором интенций, которые в совокупности обеспечивают создание атмосферы поиска совместных решений и рефлексии собственной деятельности. Данная интенциональная направленность представляет собой сложную структуру, все составляющие которой относятся к одному из уровней совместной деятельности.

Первый уровень – предметно-деятельностный, в который входят интенции, связанные с содержательным аспектом взаимодействия: уточнение своей позиции и позиции партнеров, внесение различных предложений, уточнение взаимопонимания.

Второй уровень связан с процедурой взаимодействия и служит для выражения главной целевой установки переговорщиков – установки на кооперативное общение. Данный уровень включает в себя интенции, целью которых является организация и общее планирование переговорного процесса, а также координация совместной деятельности: выдвижение определенных предложений, высказывание пожеланий, подтверждение понимания, т.е. предоставление «обратной связи».

Третий уровень – эмоциональный, целью которого является поддержание позитивной атмосферы переговоров. К этому уровню относятся интенции, в которых коммуниканты выражают свое отношение друг к другу, свою оценку деятельности партнеров в данной конкретной ситуации и в целом.

5. Существенную роль в успешном дипломатическом общении с участием руководителей государств играет интенциональная направленность на совместную деятельность, которая, являясь комплиментарной к интенциональной направленности на партнеров по коммуникации, дает коммуникантам возможность выделить те общие интересы, которые могут служить основой для совместной работы.

6. Основной характеристикой интенционального профиля дипломатического дискурса закрытого типа, главными участниками которого являются профессионалы, является одинаковая значимость двух интенциональных направленностей:

- направленности на партнера по коммуникации;
- направленности на действительность.

В каждой из данных интенциональных направленностей выделяются интенции, относящиеся к предметно-деятельностному и к процедурному уровням. Интенции эмоционального уровня (отношение друг к другу) проявляются только в интенциональной направленности на партнеров, но отсутствуют в интенциональной направленности на действительность, что обусловлено спецификой профессиональной деятельности участников коммуникации.

7. Поверхностная структура любого высказывания как единицы успешного дипломатического дискурса закрытого типа представляет собой своеобразный, характерный для данной личности способ реализации внутреннего смысла и представляет собой *единый речевой геиштальт*, в котором объединены ситуация-тема, ситуация общения и интенциональная составляющая речи. Формирование данной структуры и ее вербальное наполнение определяется эффектом симультирования всех компонентов структуры образа мира личности говорящего при определяющей роли содержания, входящего в его ядерный слой.

8. Успех в достижении основной цели дипломатического дискурса – заключении соглашений, защищающих интересы своей страны – обеспечивается степенью сформированности таких характеристик личности дипломата, как чувство этнической и гражданской самоидентификации.

Обе эти характеристики относятся к ядерному слою образа мира, который определяет содержание мотивационно-прагматического уровня языковой личности, отражается в смысловом содержании единиц, составляющих когнитивный уровень, и проявляется в вербальном оформлении речи и невербальном поведении участников дипломатического общения.

9. В основе чувства этнической принадлежности лежит *этнический архетип мироустройства*, то есть первичный комплекс идей о мире, доминанта коллективного бессознательного определенного лингвокультурного сообщества, задающая через язык общую структуру индивидуального образа мира каждого из его членов.

10. Глубоко укорененное чувство принадлежности к своей стране, влияющее на содержание и иерархию смысловых ориентаций, формируется в процессе социализации и является основой для формирования потребности защиты национальных интересов, мотивирующей переговорщиков к поиску совместных взаимовыгодных решений даже в потенциально конфликтных ситуациях.

Литература

Баранов А.Н. Сергеев В.М. Естественная языковая аргументация в логике практического рассуждения // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. – М., 1988. – С. 94–119.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопр. языкознания.* – 1994. – № 4. – С. 23–27.

Заботкина В.И. Семиотические аспекты представления знаний в семантической структуре слова // *Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. трудов / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. И науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина.* – М.–Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во Эйдос), 2007. – С. 48–56.

Кирилина А.В. Постнеклассическая эпистема и понятие динамического объекта в лингвистике // *Вопросы психолингвистики*, 2014, №4. – С.36–46.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // *Вопр. языкознания.* – 1994. – № 4. – С. 34–47.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Кубрякова Е.С. Предисловие // *Концептуальный анализ языка: современные направления исследования.* – М.: Изд-во Эйдос, 2007.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // *Вопросы когнитивной лингвистики.* – 2009 – №1. – С. 5–13.

Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / *Постнеклассика: философия, наука, культура. Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин.* – СПб, 2009.- –С. 249–295.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // *Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева.* – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 207–219.

Уфимцева Н.В. Архетипы языкового сознания русских на пороге XXI века // *Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. ст.* – М.: Ин-т языкознания РАН, 2003, изд. 2-е. – 256 с. – С. 139–176.

Уфимцева Н.В. Предисловие // *Славянский ассоциативный словарь.* – М., 2004. – С. 3–9.

Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика: вчера и сегодня // *Вопросы психолингвистики.* – № 4 – 2006. – С. 92–101.

Augostinos M., Walker I. (1995) *Social Cognition: An Integrated Introduction.* London: SAGE. – 386 p.

THE PROSPECT OF THE STUDY OF DIPLOMATIC DISCOURSE

Liviu M. Terentiy

Rector of the Moscow International Academy
Moscow, Novomoskovskaya str., 15A
e-mail: Info@inyaz-mil.ru

The article discusses theoretical results of the study of diplomatic discourse conducted by the author from a psycholinguistic perspective. The author grounds the necessity of an integrative approach to the phenomenon under analysis.

Keywords: discourse, psycholinguistic, intentional focus.

References

Augustinos M., Walker I. (1995) *Social Cognition: An Integrated Introduction*. London: SAGE. – 386 p.

Baranov A.N., Sergeev V.M. (1988) *Estestvennojazykovaja argumentacija v logike praktičeskogo rassuzhdenija // Myshlenie, kognitivnye nauki, iskusstvennyj intellekt.* – M. pp. 94–119.

Dem'jankov V.Z. (1994) *Kognitivnaja lingvistika kak raznovidnost' interpretirujushhego podhoda // Vopr. Jazykoznanija.* – № 4. – s. 23–27.

Zabotkina V.I. *Semiotičeskie aspekty predstavlenija znanij v semantičeskoj strukture slova // problemy predstavlenija (reprezentacii) v jazyke. Tipy i formaty znanij: sb. Nauch. Trudov / ran. In-t jazykoznanija; min-vo obraz. I nauki rf. TGU im. G. R. Derzhavina.* – M.- Kaluga: ip «Koshelev» a. B. (izd-vo «Ejdos»), 2007. pp. 48–56.

Kirilina A.V. *Postneklassičeskaja jepistema i ponjatje dinamičeskogo ob'ekta v lingvistike // Voprosy psiholingvistiki, 2014, №4.* pp. 36–46.

Kubrjakova E.S. *Nachal'nye jetapy stanovlenija kognitivizma: lingvistika – psihologija – kognitivnaja nauka // vopr. Jazykoznanija.* – 1994. – № 4. pp. 34–47.

Kubrjakova E.S. *Jazyk i znanie: na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti reči s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira.* – M.: jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 560 p.

Kubrjakova E.S. *Predislovie // Konceptual'nyj analiz jazyka: sovremennye napravlenija issledovanija.* – M.: izd-vo «ejdos», 2007.

Kubrjakova E. S. *V poiskah sushhnosti jazyka // Voprosy kognitivnoj lingvistiki.* – 2009 – №1. pp. 5–13.

Stepin V.S. *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlichenija / postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura. Kollektivnaja monografija / otv. Red. L.P. Kijashhenko, V.S. Stepin.* – spb, 2009. pp. 249 – 295.

Ufimceva N.V. *Jazykovoe soznanie i obraz mira slavjan // jazykovoe soznanie i obraz mira. Sbornik statej / otv. Red. N. V. Ufimceva.* – M.: In-t jazykoznanija ran, 2000. pp. 207–219.

Ufimceva N.V. Arhetipy jazykovogo soznanija russkih na poroge xxi veka // jetnokul'turnaja specifika jazykovogo soznanija: sb. St. – M.: in-t jazykoznanija RAN, 2003, izd. 2-e. – 256 s. pp. 139–176.

Ufimceva N.V. Predislovie // Slavjanskij asociativnyj slovar', – M., 2004. pp.3–9.

Ufimceva N.V. Etnopsiholingvistika: vchera i segodnja // Voprosy psiholingvistiki № 4 – 2006. pp. 92–101.

О ВОДЕ КАК ПОЗИТИВНОМ НАЧАЛЕ В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ»**Топорова Татьяна Владимировна**ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
e-mail: t1960@list.ru

В статье предпринимается попытка определить позитивную роль обозначений воды в «Старшей Эдде», древнеисландском поэтическом эпосе, отражающем мифопоэтическую модель мира, который сохранился до наших дней в составе нескольких рукописей конца XIII – начала XIV вв. и состоит из песен мифологического и героического циклов, длительное время существовавших в русле устной традиции. Антропоцентрический подход к анализу эпического слова позволяет понять логику носителя языка, отразившуюся в номинациях воды, воссоздать процесс его мыслительной активности, направленный на реализацию его интенций, постигнуть принципы интерпретации и семантизации языковых блоков, то есть проникнуть в глубины формирования концепта в рамках архаичной мифопоэтической традиции. Позитивная роль воды выражается в том, что она трактуется в «Старшей Эдде» как граница между хаосом и космосом (ср. мифологему о мировом змее в реке, окружающей Вальхаллу и создающей внешний каркас космизированной вселенной), как источник жизни, креативная субстанция (ср. происхождение из Бурных волн первого человека – великана Имира или о возникновении из влаги карликов). Вода как главный источник космогенеза ассоциируется с ключевым образом мифопоэтической традиции – мировым деревом, своеобразным *axis mundi* (ср. источник Урд в корнях ясеня Иггдрасиля) сочетание этих символов создаёт связь между горизонтальной и вертикальной проекцией вселенной. Обозначения воды могут подвергаться персонификации и деификации (ср. др.-исл. *brim* ‘море’ – *Brimir*, теоним). Вода как самая древняя первостихия в мифе творения получает ценностную – положительную – нагрузку и превращается в «эликсир мудрости» в эпистемиологическом мифе, то есть наблюдается процесс отождествления источника жизни и источника высших знаний магического характера.

Ключевые слова: древнеисландский эпос, мифопоэтическая модель мира, носитель языка, антропоцентризм, логика номинации, формирование концепта, аксиология, семантическая реконструкция.

Главная цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на основании семантического объёма и стилистических характеристик обозначений воды в «Старшей Эдде», знаменитом древнеисландском эпосе, сохранившемся до наших дней в составе нескольких рукописей конца XIII – начала XIV вв., а также их связи с соответствующими мифологическими ситуациями и персонажами, определить их положение на аксиологической шкале, отражающей ценности эддической модели мира. Для решения этой задачи неизбежно приходится обратиться к личности субъекта, которая не может не наложить свой отпечаток на конституирование принципов номинации объекта – в данном случае воды. Поскольку акцент будет

сделан на положительной роли воды в «Старшей Эдде», следует, во-первых, составить список миниконтекстов каждой лексемы, и, во-вторых, интерпретировать их с точки зрения носителя мифопоэтической традиции, выбрав надёжно верифицируемые критерии их оценки. Поскольку подобная процедура неоднократно производилась нами ранее, приведём результаты комплексного анализа эддического материала, имеющие непосредственное отношение к представлениям о ценности того или иного понятия, зафиксированного в «Старшей Эдде».

«Положительная оценка концепта в эддической мифопоэтической традиции может быть зафиксирована в следующих случаях:

- концепт является теонимом;
- он упоминается в космогоническом мифе – в демиургическом акте;
- он засвидетельствован в контексте обновления вселенной после эсхатологического кризиса, которое воспроизводит прецедент первотворения;
- ему сопутствуют положительные коннотации» [Топорова 2013: 24].

Добавим лишь ещё два релевантных случая, а именно, мифологему мирового древа, символа мироздания, преодолевшего стихию хаоса, и эпистемиологический миф, участие в котором также оценивается положительно, так как познание высшей мудрости о происхождении и устройстве вселенной гарантирует безопасность и стабильность микрокосма.

Руководствуясь постулируемыми выше тезисами, перейдём к последовательному изучению указанных выше протоситуаций, в которых фигурируют эддические наименования воды, воспринимаемые позитивно носителями архаичной мифопоэтической традиции.

§ 1. Теонимы, в составе которых засвидетельствованы обозначения воды:

Aur-gelmir ‘во влаге кричащий’ (= Имир): *Ørófi vetra, áðr væri iorð scöpuð, // þá var Bergelmir borinn; // Þrúðgelmir var þess faðir, // enn Aurgelmir afi (Vm. 29)* «За множество зим до создания земли // был Бергельмир турс, // Трудгельмир – имя турса отца, // а Аургельмир – деда»; *hvaðan Aurgelmir kom með iotna sonom // fyrst, inn fróði iotunn (Vm. 30)* «Откуда Аургельмир появился среди великанов, // прежде всего, мудрый йотун»*;

Aur-vangr ‘влаги луг (имеющий)’: *Aurvangr, Iari, Eikinskjaldi (Vsp. 13)* «Аурванг, Яри, Эйкинскъяльди» (карлики);

Brimir (= Имир): *Hverr scyldi dverga dróttin scepia, // ór Brimis blóði oc ór Bláins leggiom (Vsp. 9)* «кто должен племя карликов сделать // из Бримира крови и кости Бляина»; *enn annarr stóð á Ókólni, // biórsalr iötuns, enn sá Brimir heitir (Vsp. 37)* «другой же стоял на Окольнир дом, // чертог великанов, зовется он Бримир»;

Unnr: *Þic scyli allir eiðar bita, // þeir er Helga hafðir unna, // at ino liósa Leiptrar vatni // oc at úrsvöloom Unnar steini (НН. II 31)* «Пулкай тебя наказают те клятвы, которые дал ты когда-то Хельги, // на светлой влаге Лейфтра // и камнем Унн в холодной росе»*;

Ægir: *öllum ásom þat scal inn koma, // Ægis becci á, // Ægis drecco at (Grm. 45)* «скоро все асы собраны будут // за Эгира скамьи, // на Эгира пир»*.

По поводу эддических теонимов, ядро которых образуют обозначения воды, можно констатировать, во-первых, что с точки зрения словообразования они распадаются на две группы - совпадающие с номинациями воды (Unnr, имя собствен-

ное богини при апеллятиве др.-исл. *unnr* 'волна' и *Ægir*, деифицированное море при др.-исл. *ægir* 'море') и производные от них (*Brimir*, ном. рг. от др.-исл. *brim* 'море' и *Aur-gelmir* (< др.-исл. *augr* 'влага' & *gjalla* 'греметь'), и, во-вторых, среди них зафиксировано два имени одного и того же персонажа – первочеловека Имира, что несомненно указывает на его исключительную значимость в эддической модели мира.

В) мифологические мотивы, в которых реализуется связь богов эддического пантеона с «водной» тематикой:

- верховный бог Один прячет свой глаз в источнике Мимира, и получает в залог высшую мудрость – знания о происхождении и судьбе вселенной («Прорицание вёльвы», строфа 28);

- бог Тор переходит реку и похвально тем, что он бросил в небо глаза убитого им великана Тьяци в «Песне о Харбарде». Этот эпизод трактуется в свете рассказа об Аурвандиле как вариация аграрного мифа о боге плодородия, переносимым великаном через водную преграду [Vries 1970 II, 138];

- бог Ньёрд, представитель более древних по сравнению с асами богов – ванов – утихомиривает море и обитает в «Кораблей урочище» (др.-исл. *Nóa-tún*). Эти факты отсылают к связи между культом плодородия и водной стихией.

§ 2. В мифе творения вода выполняет следующие функции:

а) номинация воды трактуется как демиургический акт:

Sær heitir með mönnum, enn sílægia með goðom, // kalla vág vanir, // álheim iotnar, álfar lagastaf (Alv. 24) «Люди морем зовут, а бесконечной поверхностью – боги, // волнами – ула, // домом угря – великаны, влагою – альвы»;

Iorð heitir með mönnum, ... // kalla aur upregin (Alv. 10) «Земля называется у людей, ... // называют влага высшие боги»*;

б) вода как креативная субстанция:

капли яда из Бурных волн породили первочеловека Имира: *Ór Élivágom stucco eitrdropar, // svá óx, unz varð ór iotunn* (Vm. 31) «Из Бурных волн падали яда капли, // так росло, пока не стало великаном»*;

Аургельмир, букв. «во влаге кричащий» - самое древнее живое существо на земле: *Órófi vetra, áðr væri iorð scöpuð, // þá var Bergelmir borinn; // Þrúðgelmir var þess faðir, // enn Aurgelmir afi* (Vm. 29) «За множество зим до создания земли // был Бергельмир турс, // Трудгельмир – имя турса отца, // а Аургельмир – деда»;

из Бримира (= Имира), букв. «морского» созданы карлики: *Hvert scyldi dverga dróttin scería, // ór Brimis blóði oc ór Bláins leggiom* (Vsp. 9) «кто должен племя карликов сделать // из Бримира крови и кости Бляина»;

из влаги возникли карлики: *Mál er, dverga í Dvalins liði // líóna kindom til Lofars telia, // þeir er sotto frá salar steina // Aurvanga siot til Ioruvalla* (Vsp. 14) «Ещё надо карликов Двалина войска // роду людскому назвать до Ловара; // они появились из камней земли, // Влаги лугов до Песка долин»*;

в) идея антропоморфного возникновения элементов макрокосма из микрокосма реализуется в мифологеме происхождения моря из частей тела первочеловека Имира: *Ór Ýmis holdi var iorð um scöpuð, // ... enn ór sveita síór* (Vm. 21; Grm. 40) «Из Имира плоти земля была создана, // ... а из крови море»*;

г) идея зооморфного происхождения объектов макрокосма воплощается в мифологеме об истоке всех рек: *enn af hans hornom drýpr í Hvergelmi, // þaðan eigo*

vötn öll vega (Grm. 26) «в Хвергельмире (подземный источник) падает влага с рогов (оленья Эйктюрнира) - // всех рек то истоки».

§ 3. В возрождённой после «гибели богов» вселенной репрезентированы:

а) мифологема о земле, поднимающейся из моря: Sér hon upp koma öðro sinni // iorð ór ægi, iðiaegroena; // falla forsar, flýgr örn yfir (Vsp. 59) «Видит она: поднимается снова // земля из моря, зеленея как прежде, // падают водопады, орёл пролетает»*;

б) водопады падают: falla forsar, flýgr örn yfir (Vsp. 59) «падают водопады, орёл пролетает»*;

в) роса служит пищей новому поколению людей, появившихся в обновлённой вселенной: Líf oc Lífðrasir ... // morgindöggvar þau sér at mat hafa (Vm. 45) «Жизнь и Пышущий жизнью ... // утра росы они будут иметь пищей»*.

§ 4. Положительная оценка эксплицитно выражена при помощи прилагательных:

а) мифологема древнего восходящего к прецеденту первотворения моря: Snarir oc gnarir, er til sævar kóm, // örn á aldinn mar (Háv. 62) «Вытягивает шею и смотрит к морю прилетевший // орёл на древнее море»*;

мифологема священных вод в небесном чертоге: Ág var alda, þat er arar gullo, // hnigo heilog vötn af Himinfjöllum (НН. I 1) «Древнее было время, когда орлы клекотали, // падали священные воды с Небесных гор»*;

§ 5. В мифологеме мирового дерева:

а) ясень Иггдрасиль покрыт белой влагой: Asc veit ec standa, heitir Yggdrasill // hárg baðmr, ausinn hvítauri (Vsp. 19) «Ясень, я знаю, стоит, называется Иггдрасиль, // высокое дерево, политое белой влагой»*;

б) в корнях Иггдрасиля локализуется источник (озеро), в котором обитают норны – богини судьбы: Asc veit ec standa, heitir Yggdrasill // ... stendr æ yfir, grönn, Urdar brunni (Vsp. 19) «Ясень, я знаю, стоит, называется Иггдрасиль, // ... стоит всегда зелёный над Урд источником»*; Þaðan komu meyjar, margs vitandi, // þriár, ór þeim sæ, er und þolli stendr (Vsp. 20) «Оттуда появились девы, много знающие, // три из озера, которое под деревом стоит»*;

в) у источника Урд располагается престол жреца (ула): Mál er at þylia þular stóli á, // Urdar brunni at (Háv. 111) «Пора мне с престола ула поведать // у источника Урд».

§ 6. В эпистемиологическом мифе:

а) глаз верховного бога скандинавского пантеона Одина, находящегося в источнике великана Мимира, обменивается на высшие знания о происхождении и устройстве мироздания: á sér hon ausaz aurgom forsi // af veði Valföðrs (Vsp. 27) «река, видит она, течёт мокрым водопадом // с залога Отца павших»*; alt veit ec, Óðinn, hvar þú auga falt: // i inom mæra Mímis brunni (Vsp. 28) «Знаю я, Один, где глаз твой спрятан: // скрыт он в источнике славном Мимира»;

б) река течёт водопадом из глаза Одина: á sér hon ausaz aurgom forsi // af veði Valföðrs (Vsp. 27) «река, видит она, изливается мокрым водопадом // с залога Отца павших»*;

в) из влаги, вытекшей из мозга Мимира Один создал руны: Hugrúnar ... // þær um hugði Hropr, // af þeim legi, er lekið hafði // ór hausi Heiddraupnis // oc ór horni Hoddrofnis (Sd. 13) «Руны мысли ... // Хрофт их измыслил // из влаги такой, что некогда вытекла // из мозга Хейддраупнира // и рога Ходдрофнира».

Анализ эддических данных позволяет сделать определённые выводы относительно мифологических представлений о воде как позитивном начале. Отметим наиболее существенные закономерности.

1. Вода трактуется в «Старшей Эдде» как источник жизни, креативная субстанция.

2. отождествление элементов микро- и макрокосма свидетельствует о тенденции к антропоцентризму: ср. мифологему происхождения моря из частей тела первочеловека Имира.

3. Представлена и противоположная тенденция о первичности макрокосма по сравнению с микрокосмом, ср. мифологемы о происхождении из «Бурных волн» первочеловека Имира и о возникновении из влаги карликов.

4. Вода как главный источник космогенеза ассоциируется с ключевым образом мифопоэтической традиции – мировым деревом, своеобразным *axis mundi*: ср. источник Урд в корнях ясеня Иггдрасила; сочетание этих символов создаёт связь между горизонтальной и вертикальной проекцией вселенной.

5. Эддический материал позволяет постулировать лиминальный характер реки: ср. представления о реке как границе, отражённые в мифологемах о мировом змее в реке, окружающей Вальхаллу, (то есть в внешнем каркасе космозированной вселенной); о реке, разделяющей землю между богами и великанами; о реке, разделяющей этот мир и мир иной).

6. На основании эддических данных можно реконструировать цепь эволюции, начальным звеном которой служит обозначение воды, которое может подвергнуться персонификации и деификации, а конечным – топоним: др.-исл. *brim* ‘море’ – *Vrimir*, теоним – *Vrimir*, один из чертогов Вальхаллы.

7. Вода как самая древняя первостихия в мифе творения получает ценностную – положительную – нагрузку и превращается в «эликсир мудрости» в эпистемологическом мифе, то есть наблюдается процесс отождествления источника жизни и источника высших знаний магического характера.

Литература

Стеблин-Каменский М.И. «Старшая Эдда» // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. / Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. – М.-Л.: издательство Академии наук СССР, 1963. – С. 181-213.

Топорова Т. В. Эпическое слово: обозначения флоры в «Старшей Эдде». – М.: Тезаурус, 2009. – 437 с.

Топорова Т.В. Эпическое слово: обозначения земли и неба в «Старшей Эдде». – М.: «Тезаурус», 2011. – 316 с.

Топорова Т.В. Опыт исследования динамических процессов в семантике на материале «Старшей» и «Младшей Эдды» // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2013. – № 2 (12). – С. 24-32.

Vries J. de. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Dritte, unveränderte Aufl. – Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1970. Bd. I-II, 505 p.

Источники

Тексты цитируются по следующим изданиям:

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. Von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962. 339 p.

Переводы текстов цитируются по следующим изданиям:

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963. 259 с.

Сокращения

Alv. – Alvíssmál «Речи Альвиса»

Grm. – Grímnismál «Речи Гримнира»

Háv. – Hávamál «Речи Высокого»

НН. I – Helgaqviða Hundingsbana in fyrsta «Первая песнь о Хельги убийце Хундинга»

НН. II – Helgaqviða Hundingsbana önnor «Вторая песнь о Хельги убийце Хундинга»

Sd. – Sigrdrífomál «Речи Сигдривы»

Vm. – Vafþrúðnismál «Речи Вафтруднира»

Vsp. – Völuspá «Прорицание вёльвы»

ABOUT WATER AS THE POSITIVE CONCEPT IN «THE ELDER EDDA»

Tatyana V. Toporova

Leading researcher

Institute of Linguistics

Bolshoy Kislovskiy per., Moscow

e-mail: t1960@list.ru

This article is an attempt to determine the positive value of the designations of the water in the Elder Edda, an Old Icelandic poetic monument reflecting a mythopoetic model of the universe that has come down to us through manuscripts dating from the late 13th – early 14th centuries and contains mythological poems and heroic lays that had existed for a long time in oral tradition. The anthropocentric approach to the analysis of the epic word allows to understand the logic of the native speaker reflected in the water nominations, to recreate the process of its cogitative activity, to realize its intensions, to understand its interpretation and semantization of language units, that is to get into depths of forming a concept in archaic mythopoetic tradition. The positive role of water is expressed that it is treated in «the Elder Edda» as border between chaos and space (cf. a

mytheme about a world dragon in the river surrounding Valkhöll and creating an external framework of the cosmized universe) as a life source, creative substance (cf. an origin from Rough waves of the first person – the giant Imir or about emergence from moisture of dwarfs). Water as the main source of a cosmogenesis is associated with a key image of mythopoetic tradition – a world tree, peculiar axis mundi (cf. a spring Urd in roots of an ash-tree of Iggdrasil); the combination of these symbols creates communication between a horizontal and vertical projection of the universe. Designations of water can be exposed to personification and a deification (cf. Old-Icel. brim 'sea' – Brimir, teonym). Water as the most ancient prima materia in the myth of creation receives valuable – positive – loading and turns into «a wisdom elixir» in the epistemological myth, that is process of an identification of a source of life and source of the highest knowledge of magic character is observed.

Keywords: Old-Icelandic epos, mythopoetic model of the universe, native speaker, anthropocentrism, logic of the nomination, formation of a concept, axiology, semantic reconstruction.

References

Steblin-Kamensky M.I. Starschaya Edda [The Elder Edda] // Starschaya Edda/Drevneislandskiye pesni o bogach i geroyach [The Elder Edda. Old Icelandic songs about gods and heroes]. / Perevod A.I. Korsuna. Izdaniye, vvedeniye i kommentarii M. I. Steblin-Kamenskogo [A.I. Korsun's translation. Edition, introductory article and M. I. Steblin-Kamensky's comments]. – M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR [Publishing house of Academy of Sciences of the USSR], 1963. Pp. 181-213.

Toporova T.V. Epicheskoye slovo: oboznacheniya flory v Starschey Edde [Epic word: the designations of flora in “the Elder Edda”]. M.: THESAURUS, 2009, 437 pp.

Toporova T.V. Epicheskoye slovo: oboznacheniya zemli i neba v Starschey Edde [Epic word: the designations of the earth and the sky in “the Elder Edda”]. M.: THESAURUS, 2011, 316 p.

Toporova T.V. Opyt issledovaniya dinamicheskikh prozessov v semantike na materiale Starschey i Mladschey Eddy [Experience of research of dynamic processes in semantics on the material of the “Elder” and “Younger Edda”]// Vestnik MGPU/ Seriya Filologiya. Teoriya yazyka. Obrazovaniye. [the MGPU Bulletin. Series “Philology. Theory of language. Language education”]. – 2013. – No. 2 (12). – Pp. 24-32.

Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Dritte, unveränderte Aufl. – Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1970. Bd. I-II., 505 p.

МЕХАНИЗМЫ УСТНОГО НАРРАТИВА В ДЕТСКОЙ РЕЧИ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Юрьева Надежда Михайловна

ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
отдел экспериментальных исследований речи.

Б. Кисловский пер. 1/1, 125009 г. Москва

e-mail: o.yuriev@list.ru

«Язык начинается только тогда, когда мышление (сознание) оказывается способным к построению рефлексивного Плана (представления о событии и действии) <...>» [Сорокин 1998: А-2; – со ссылкой на О.А. Донских].

Статья посвящена разработке проблемы становления устного нарратива в онтогенезе, уже несколько десятилетий выделенного зарубежной психолингвистикой в качестве самостоятельной области речевого онтогенеза. На основе анализа зарубежных исследований, проводимых в русле когнитивного направления современной науки, и выявленных фактов, указывающих на значение освоения ребенком ментального компонента деятельностной ситуации «цель – действие – результат», а также концептуальной репрезентации устной истории как специфической формы дискурса, в статье высказывается предположение о психолингвистическом механизме порождения устного нарратива в онтогенезе. Формирование и развертывание устного нарратива в онтогенезе обеспечивается, с одной стороны, многокомпонентной организацией самой истории и становлением в процессе развития ребенка ее событийной, эпизодно-содержательной структуры; и с другой стороны, освоением дискурсивной формы устной истории и формированием метаязыковой рефлексии речевых компонентов устного нарратива как особой дискурсивной формы.

Ключевые слова: хорошая история, целенаправленное действие, концепт истории, темпоральная последовательность событий, последовательность целенаправленного действия, достижение цели, истории с целеполаганием, истории с «включением».

Введение. Умения детей рассказывать спонтанные истории (*storytelling*), относящиеся к дискурсивным и нарративным способностям, интенсивно изучаются в отечественной и зарубежной лингводидактической науке [Протасова, Рычагова 2012:18-25], однако психолингвистическая составляющая нарративной способности и психолингвистические механизмы, включенные в процесс порождения нарратива, мало изучены, особенно это относится к отечественной онтолингвистической науке. Обращение к опыту зарубежных исследований может внести положительный вклад.

Интересные и значимые результаты в этой области получены в ряде исследований Н.Л. Стейн и ее коллег, посвященных проблеме становления нарративной способности, развития у детей умений рассказывать истории и, в целом, устного нарратива [Stein 1988: 282-297; Stein, Albro 1997: 5-44]. Авторы подходят к нарративу как части широкой когнитивной области, в которой задействованы «движущие силы» – внутренние механизмы – дискурсивных процессов, ведущие к тако-

му сложному речевому явлению, как устный нарратив и устная история (устный рассказ).

Когнитивный подход в изучении нарратива ориентирован на приближение к отдельным звеньям внутреннего механизма процесса текстопорождения, не наблюдаемым в поверхностной текстовой реализации нарратива. Это – основной исследовательский фокус, составляющий базовую область изысканий внутри данного подхода. В работах поднимается вопрос о выявлении механизма, который приводит к изменениям, например, в форме нарратива, к возникновению сложности и связности в устных историях детей – к вопросам, почти не изученным в теории речевого онтогенеза. Этот внутренний когнитивный конструкт-механизм представляет область внутренних ненаблюдаемых механизмов и процессов, к которой мы не можем прямо подойти, вооружившись некими инструментами (лингвистическими средствами), но можем приблизиться эмпирически, изучая понимание и создание нарративов в различных экспериментальных условиях.

Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро полагают, что нарративный процесс в *storytelling* опирается на такие когнитивные способности рассказчика, как его умения организовать содержание и структуру эпизодов, включенных в событие, в связное или когерентное целое, состоящее из взаимосвязанных эпизодов. По мнению авторов, истории должны быть каузально организованы (*causally organized*): в истории всегда имеется начальное событие, подталкивающее развитие сюжета, а главного героя (протагониста истории) к тем или иным действиям. Само же умение рассказывать истории опирается на знания о человеческой интенциональности, включающие знания о разнообразных действиях и результатах этих действий.

Когнитивный подход к изучению нарративного дискурса традиционно оперирует обширными данными о понимании нарративов. Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро, напротив, опираются на материал продуцирования нарративов детьми (в основном, от пяти до десяти лет) и взрослыми, полученный в экспериментах. Предложенная авторами методика использования истории с известными персонажами, представленными ребенку в вербально описанных ситуациях [Stein 1988: 282-297], на наш взгляд, представляет собой специальный экспериментальный инструмент, способный вывести наружу оптимальные нарративные способности и умения ребенка.

Рассматривая исследования, опирающиеся на когнитивный подход, мы не найдем упоминания ни о каком-либо внешнем подкреплении, ни об интерактивной родительской поддержке. Как упоминалось, Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро обращаются к когнитивной области: к освоению детьми человеческой интенциональностью и целенаправленным действием, которые, как они считают, оказывают воздействие на нарративные компетенции детей. В рамках этого подхода рассказывание истории также связывается с овладением своеобразными «нарративными правилами», которыми ребенку (как рассказчику) необходимо следовать при продуцировании устных историй.

Формирование связности в устных историях. В статье выделяются исследования, посвященные только одной, но важной проблеме теории онтогенеза устного нарратива – проблеме формирования связности в устных историях детей как сложном синтаксическом процессе [Сигал 2015: 166-167] и использовании ими «целеструктурированного» знания в таких историях [Stein, Albro 1997: 5-44]. В ис-

следованиях рассматриваются вопросы осмысления детьми человеческой интенциональности и целенаправленного действия (*goal-directed action*), также выявляются способы, посредством которых дети используют эти знания для упорядочивания содержания и когерентности продуцируемых ими историй.

Основная цель устного рассказа состоит в сообщении о событиях, произошедших с героем истории, который стремится выполнить какую-то задачу, преодолевая при этом возникающие препятствия. В свою очередь, рассказчику, чтобы рассказать об этих событиях, необходимо осознать чувства главного героя, взглянуть на события с позиции героя и увидеть целевую составляющую истории, оценить последствия, следующие, например, из-за неудачи, дать возможность герою использовать знания об условиях, затрудняющих выполнение действий, ведущих к успеху в достижении цели.

Авторами выделяются основные проблемные «узлы», относящиеся к нескольким взаимосвязанным, но вместе с тем самостоятельным уровням когнитивного механизма: использование знаний «цель – действие – результат» при рассказывании истории; и формирование у детей концептуальной репрезентации истории (*concept of a story*) [Stein 1988: 295; Stein, Albro 1997: 6].

По мысли авторов, хотя знания об интенциональности у ребенка (к некоторому периоду его развития) могут быть разнообразными [Stein, Trabasso, Liwag 1993; Liwag, Stein 1995], однако его концептуальное знание об устной истории как дискурсивном явлении может быть упрощенным, препятствуя участию этих знаний в нарративном процессе [Stein, Albro 1997: 8].

Даже маленькие дети понимают, что они могут привлечь внимание окружающих с помощью рассказа интересной истории. Но, скорее всего, дети не знают, что у взрослых (особенно у педагогов) имеются «специфические ожидания», относящиеся к длине истории, ее композиции и т.д. Взрослые также часто расходятся с детьми в определении «хорошей истории» (*good story*). Их дефиниции истории почти всегда требуют, чтобы нарратив содержал эксплицитную референцию к целенаправленным действиям персонажей [Stein, Policastro 1984: 113-155].

«Хорошая история» содержит референцию к следующим характеристикам целенаправленного действия: одушевленный протагонист, способный на интенциональное действие; эксплицитное сообщение о желаниях и целях протагониста; действия, осуществляемые протагонистом для достижения цели; следствие и результаты, связанные с достижением цели, либо, наоборот, не закончившиеся успехом [Stein, Glenn 1979: 255-282; Mandler, Johnson 1977: 111-151].

Таким образом, в историю включены только одушевленные протагонисты, последовательность целенаправленных действий героев является базисом истории. По данным М. Лайвэг и Н.Л. Стейн, референция к одушевленным героям присутствует в дефинициях истории даже детей трех – пяти лет [Liwag, Stein 1995: 2-31]. Показано, что дети осознают многие аспекты целенаправленного действия и дают соответствующее ситуации дескрипцию таких действий [Stein 1988; Stein, Trabasso, Liwag 1993]. Однако характер дескрипций не всегда обладает упорядоченностью, так как компоненты таких дескрипций темпорально или каузально не связаны с другими ее компонентами. При этом эти дескрипции во многом схожи с теми, что начинают сложную историю зрелого рассказчика, который, пытаясь представить

контекст будущего действия, описывает обычные черты персонажа и приводит «диспозицию» события. В некоторых случаях история, рассказанная ребенком, заканчивается после того, как дана дескрипция.

Уровни сложности историй. Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро высказывают мнение, что способность рассказать «хорошую историю» связана с формированием в онтогенезе концептуально сложной дефиниции истории. Авторы предлагают выделять несколько уровней сложности детских историй в зависимости от состава нарративных компонентов, включенных в историю: уровень 1 – *неструктурная секвенция и дескриптивная секвенция*; уровень 2 – *темпоральная последовательность событий, не связанных между собой причиной*; уровень 3 – *секвенции, включающие темпоральные и каузальные связи*; уровень 4 – *реактивная секвенция с каузальной связью*, но в ней нет «критических» компонентов последовательности целенаправленного действия (*goal-directed action sequence*) и упоминания о целевом поведении; уровень 5 – *секвенции, включающие эпизоды с целеполаганием (goal-based episodes)*: целенаправленные действия, создание плана действий по достижению цели, окончательный результат. Хотя истории содержат эпизоды с целью, попыткой и результатом, в них отсутствуют препятствие в достижении цели и окончание; уровни 6 – 8 представлены *историями, включающими препятствия*. Эти истории отличаются такими компонентами, как препятствие без окончания и препятствие с окончанием [Stein, Albro 1997: 14].

По данным Н.Л. Стейн, Е.Р. Албро, М. Поликастро, сложность рассказываемых детьми историй может увеличиваться. Дети в возрасте от пяти до десяти лет способны рассказать историю, которая соответствует наиболее сложному типу концепта истории – прототипу «*good story*» взрослых, включающему эпизоды с препятствием [Stein 1988; Stein, Policastro 1984; Stein, Albro 1997].

Известны факты, свидетельствующие, что дети трех – четырех лет могут рассказывать о событиях их реальной жизни, которые спровоцировали в ребенке эмоциональный отклик [Stein, Levine 1989: 343-378]. Дети четырех лет также не испытывают затруднений в понимании историй, имеющих каноническую структуру со строгой каузальной секвенцией [Stein, Trabasso 1989: 50-77].

Таким образом, на наш взгляд, выявленные факты позволяют считать, что *storytelling* во многом определяется ментальными процессами, происходящими в когнитивном развитии ребенка, и обеспечивается знаниями, связанными с целенаправленной деятельностью, процессами целеобразования и антиципацией результатов действий и событий, о которых он рассказывает.

Вместе с тем, хотя рассказывание истории опирается на знания об интенциональных действиях, рассказчику также необходимы знания об использовании дискурсивных процедур, ведущих к созданию «хорошей истории». Подчеркивая важность составляющей «цель – действие – результат» в ходе эволюции нарратива у детей, авторы ставят вопрос о том, имеют ли дети дошкольного возраста достаточно знаний одновременно об интенциональном действии и о концепте ИСТОРИЯ для создания связной истории [Stein, Albro 1997: 16].

Из исследований Н.Л. Стейн (с соавторами) известно, что дети-дошкольники (дети пяти лет) имеют более простой концепт ИСТОРИИ, чем старшие дети и взрослые. Дети-дошкольники понимают, что сложные нарративы являются при-

мерами «хороших историй», но относят к ним также и простые нарративы. Дошкольники оценивают не основанные на цели (*non-goal-based*) нарративы как «хорошие истории», напротив, дети 3 и 5 классов (т.е. дети восьми и десяти лет соответственно) не расценивают такие нарративы в качестве «хороших историй». Отмечается, что взрослые также редко включают нарративы, не основанные на цели, в их концепт ИСТОРИИ. По словам авторов, «концепт истории становится более сложным, выступая, как функция возраста» [Stein, Policastro 1984; Stein, Albro 1997: 16].

В отличие от детей восьми – десяти лет, у дошкольников отмечается более разнообразный набор нарративов, включающий одновременно *non-goal-based* и *goal-based* фрагменты. Младшие дети больше увлечены самим потоком событий, чем старшие дети. Так, например, рассказывая историю о девочке, которая жила на берегу моря, ребенок рассказывает об обычных рутинных действиях, которые нужно сделать, чтобы пойти к морю. Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро отмечают, что дети-дошкольники не обладают сложным концептом истории, поэтому, когда ребенок думает о морском побережье, активируется рутинный тип последовательных действий, который и выбирается как достаточный для порождения истории [Stein, Albro 1997: 16].

Изучение связности детского нарратива является одним из основных вопросов в области становления нарратива в детской речи. Мало известно о том, как дети используют компоненты истории, состоящие из последовательности целенаправленных действий, когда они рассказывают истории.

Из литературы по связности и запоминанию историй известно, что некоторые свойства нарратива коррелируют с каузальной когерентностью (*causal coherence*) текста [Kintsch, van Dijk 1978: 363-394]. Показано, что нарратив с линейной каузальной цепью, которая продолжается от начала до конца, запоминается лучше, чем тот, который ее не имеет [Stein, Nezworski 1978; Trabasso et al. 1984]. По данным Н.Л. Стейн, Е.Р. Албро, М. Поликастро и др. исследователей, каузальные нарративы расцениваются детьми, как лучшие истории, чем некаузальные. Линейная последовательность каузальных звеньев оценивается детьми как связная, если они включают целенаправленные действия; в тех же случаях, когда их нет, история расценивается как несвязная [Stein 1988; Stein, Policastro 1984].

Стратегии поддержания связности. В ряде исследований выявлено несколько типов стратегий поддержания связности (*strategies for maintaining coherence*), возникающих в процессе рассказывания истории и влияющих на ее связность. К таким стратегиям принадлежит стратегия «вложения» или «включения» (*embedding*) двух эпизодов, состоящая в том, что результат одного эпизода служит в качестве начального события для второго эпизода. Стратегия «вложения» встречается, когда протагонисту не удается достичь желаемой цели в первом эпизоде, и тогда он использует информацию о неудачном действии для восстановления (*reinstatement*) первоначальной цели во втором эпизоде. Другой тип стратегии «вложения» одного эпизода в другой состоит в том, что протагонист формулирует план действий, содержащий просьбу о помощи, обращенную ко второму участнику истории, который, в свою очередь, пытается осуществить цель первого участника в другом эпизоде.

По мнению Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро, основное различие в *storytelling* между детьми пяти лет и детьми восьми – десяти лет состоит в концептуальном знании об истории (*conceptual knowledge of stories*), а не в знаниях об интенциональном действии или дискурсивных стратегиях поддержания связности [Stein, Albro 1997: 18]. С целью определения основного когнитивного звена в развитии способности рассказывать истории, авторами проведен эксперимент по *storytelling* с детьми от пяти до десяти лет. О методике эксперимента см. в работах [Stein 1988: 282-297; Stein, Albro 1997: 37].

Анализ материала проводился по нескольким аспектам: а) концепт ИСТОРИИ; б) структурная организация эпизода: секвенция «цель – действие – результат»; в) нарративные стратегии, используемые для поддержания когерентности истории; г) взаимосвязь между эпизодами, специальные средства связности.

Концепт ИСТОРИЯ. В ходе анализа материалов выделялись нарративы с целенаправленным действием и определялась пропорция нарративов, организованных вокруг целевого плана. Рассказанные истории были сгруппированы в четыре различные категории: неструктурированные последовательности, дескриптивно-действенные последовательности, реактивные последовательности и целенаправленные последовательности (*goal-based sequences*). Каждая категория представляла все более прототипичную и комплексную историю через систематическое добавление темпоральных и каузальных связей и компонентов целенаправленного действия.

По данным эксперимента, в каждой группе, включая дошкольников, большая часть историй приходилась на категорию «нарратив, основанный на цели» (*goal-based narrative*). Хотя старшие дети порождали больше нарративов с целенаправленными действиями, по возрастным группам пропорции статистически не различались.

При этом зафиксировано, что во всех возрастных группах истории, имеющие в основе цель (т.е. истории с целеполаганием), были значительно длиннее, чем истории без целеполагания (*non-goal-based stories*). Дети-дошкольники во многих случаях могли рассказать историю с целеполаганием, но их истории не такие длинные, как истории старших детей; характерно, что истории старших детей более сложно структурированы. На основании имеющихся материалов авторы пришли к выводу, что дети-дошкольники пяти лет овладели многими компонентами *storytelling*, в частности, использованием схемы интенционального действия [Stein, Albro 1997: 22].

Структурная организация эпизода: секвенция «цель – действие – результат». В работах [Stein, Policastro 1984; Stein, Albro 1997] показано, что дети (к некоторому периоду их развития) и взрослые имеют некоторый концепт структурной организации истории с целеполаганием. Существуют определенные компоненты, которые должны быть включены в каждый эпизод истории, среди них: начальное событие, попытка и результат или цель. По мысли авторов, в любой нарративной секвенции должны присутствовать попытка и результат. Попытка может передаваться как планируемая цель (*goal plan*), представляющая собой гипотетическое или явное действие, выполненное для достижения цели [Stein, Albro 1997: 23].

Анализ структуры эпизода, проводившийся по таким факторам, как возраст рассказчика и тип эпизода (полный/неполный), выявил значимость типа эпизода: полные эпизоды генерированы в 68%, в то время как неполные – в 32%. Даже у де-

тей пяти лет прототипичный эпизод содержал 3 минимальных компонента (см. ранее). Когда дети создавали неполный эпизод, границы эпизода, т.е. начальное событие, цели и результаты почти всегда были в наличии. Если же какой-то компонент эпизода опускался, то это были либо попытка, либо результат неудачной попытки [Stein, Albro 1997: 23].

Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро пришли к выводу, что базовая структура эпизода истории, т.е. комбинация «цель – действие – результат», является связным единством. «...*the basic structure of an episode (e.g., goal – action – outcome combination) is a cohesive unit*». Причина того факта, что дети иногда опускают «попытку», по мнению авторов, в первую очередь связана с тем, что попытка может быть выведена из компонента «цель – результат» либо из попыток, обозначенных в предыдущих эпизодах [Stein, Albro 1997: 23].

Чтобы показать, как дети связывают эпизоды истории, проанализированы включенные в истории типы целей и результаты. Цель определяется, как стремление протагониста истории добиться некоторого результата или его желание выйти из определенного состояния либо ситуации [Stein, Levine 1989]. Цели не включают эксплицитный план действия. Планы в рассказываемых историях часто предстают, как мысли о конкретных действиях, которые связывают цель и результат [Stein, Glenn 1979; Trabasso, Stein 1994].

Эксплицитное выражение цели в историях англоязычных детей предстает в одном из двух вариантов: посредством использования глаголов ментального состояния (*want, wish, desire, decide*) либо инфинитивной формы. Старшие дети могут связывать цели прямо с «попытками», так как они обладают большими знаниями о препятствиях, которые могут возникнуть в ходе осуществления цели, и лучше понимают, какие действия необходимы для осуществления определенной цели. По мнению исследователей, чем большими знаниями ребенок обладает об условиях, препятствующих или, наоборот, способствующих достижению специфических целей, тем больше, вероятно, он способен эксплицитно связать цели и субцели в действиях протагонистов истории [Stein, Albro 1997: 24].

Другой составной частью эпизода является результат, служащий для маркирования достижения цели или неудачи в достижении цели. Когда цель эксплицитно представлена в истории, эксплицитное сообщение о результате легко идентифицируется. Обычно содержанием сообщения о результате является повторное сообщение о цели (*restatement of the goal*). Правда, результаты не всегда являются повторением цели [Stein, Albro 1997:26].

Успех и неудача в достижении цели. Необходимость включения информации о результате действий участников истории связана с потребностью в сообщении об успешности или неудаче в достижении цели. Неудача создает препятствие для героя истории, которое возникает, когда действия, предпринимаемые героем (или другим участником истории), не удовлетворяют тем или иным условиям, необходимым для достижения основной цели. Так как достижение цели значимо для рассказа, то обычно предполагается, что в ответ на неудачу протагонист истории будет действовать каким-то образом далее. В свою очередь, рассказчику, чтобы преодолеть неудачу, необходимо вновь создать цель для протагониста истории. Происходит, по словам Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро, «замещение» или «восстановление неудав-

шейся цели» (*reinstatement of a failed goal*), что приводит к возникновению в ходе порождения истории нарративных стратегий «восстановления цели» (*reinstatement strategies*) [Stein, Albro 1997: 28].

Нарративные стратегии. Стратегии восстановления цели приводят к нарративам, которые когерентно структурированы через отношения «цель – результат» в одном эпизоде и последующих эпизодах [Trabasso, Stein 1994: 323-349]. Однако наличие стратегий восстановления цели необязательно приводит к созданию связной истории. Так, стратегия порождения новой цели может иметь влияние на когерентность истории, как и восстановление неудавшейся цели, но при условии, что рассказчик устанавливает причины для создания новой цели. Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро подчеркивают, что связность истории зависит от путей, которыми рассказчик эксплицитно связывает цели одну с другой в различных эпизодах [Stein, Albro 1997: 28].

Анализ нарративных стратегий, используемых детьми для создания когерентной истории, в тех случаях, когда протагонист истории приходит к успеху или терпит неудачу, выявил, что дети всех возрастных уровней генерировали успешные результаты чаще, чем неуспешные, т.е. успех был преобладающим результатом во всех возрастных уровнях [Stein, Albro 1997: 28].

Дети больше склонны заканчивать историю на успешном, чем на неудачном результате, за последним обычно следует второй эпизод, оканчивающийся успешным результатом. Поэтому истории заканчивались быстрее, если протагонист имел успех, чем в тех историях, если он испытывал неудачу. На всех возрастных уровнях эти данные сохранялись с незначительными возрастными различиями.

Анализ эпизодов в историях с целеполаганием показал, что 73% таких историй содержали два и более эпизодов. Пропорция многоэпизодных историй по возрастным уровням свидетельствует о том, что прототипичная история с целеполаганием имеет два или более эпизодов, даже у детей пяти лет.

На сложность организации истории и количество эпизодов влияет наличие препятствий. Выявлено, что во всех возрастных группах истории, содержащие препятствие, имеют больше эпизодов, чем истории, не включающие препятствия. Средняя эпизодная длина историй, не содержащих препятствий, была одинаковой во всех возрастных группах. Дети имеют тенденцию рассказывать истории, состоящие из двух эпизодов, если последние не включают препятствия.

Выявленные факты указывают на то, что включение препятствия в развитие истории, очевидно, активирует знание планов действия и условий, которые ведут к успешному достижению цели, или наоборот [Stein, Albro 1997: 30].

О взаимосвязи между эпизодами истории, содержащей более двух эпизодов. Связность может получить эксплицитное выражение в форме, главным образом, различных предлогов, союзов и наречий. В историях англоязычных детей эпизоды соединяются с помощью таких специальных средств связности, как *AND*, *THEN*, *ENABLE*, *CAUSE* коннекторов [Stein, Glenn 1979; Stein, Trabasso 1982]. Анализ использования детьми упомянутых коннекторов по возрастам и типу коннектора в качестве основных переменных показал, что тип коннектора оказался значимым: во всех возрастных уровнях использование *CAUSE* было больше, чем любая другая эпизодная связь.

Анализ связи между типом результата и эпизодной связью показал, что коннекторы *CAUSE* и *ENABLE*, вероятно, эквивалентны в эпизодах с последующим успешным результатом. Во всех возрастных группах *CAUSE* коннектор отмечался в эпизодах с последующей неудачей. По мнению исследователей, эти результаты подтверждают предположение, что ребенок может легче установить тесную каузальную связь, когда эпизод заканчивается неудачей, чем в том случае, когда эпизоды оканчиваются успехом [Stein, Albro 1997: 31].

Целевые стратегии. Хотя использование межэпизодных коннекторов значимо для продуцирования связной истории, наличие тех или иных эпизодных коннекторов тем не менее не объясняет, как эпизоды связаны. Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро отмечают, что глобальная связность истории и сопряжение неблизких, т.е. не следующих друг за другом событий, устанавливается через использование определенных типов целевых стратегий (*types of goal strategies*), среди которых выделяются следующие стратегии: восстановление (*reinstatement*) прежней цели; порождение новой релевантной цели; введение нового протагониста; порождение новой иррелевантной цели [Stein, Albro 1997: 31-32].

По данным проведенного анализа, дети десяти лет использовали все четыре типа стратегий с одинаковой частотностью. У дошкольников преобладали стратегии «восстановление цели» и «порождение новой цели», дети восьми лет также использовали «восстановление цели», но опирались на стратегию «введения нового протагониста» для создания новой цели чаще, чем дошкольники. Основные возрастные различия проявлялись в попытках дошкольников создать новые цели в ответ на успешный результат. Дети восьми – десяти лет использовали все названные целевые стратегии в почти равнозначной степени [Stein, Albro 1997: 33].

По мнению исследователей, стратегия «восстановления цели» после неудачи создает когерентность не только потому, что эта стратегия соединяет два находящиеся рядом эпизода, но и потому, что эта стратегия позволяет рассказчику каузально связать несоприкасающиеся эпизоды. При этом каузальные соединения, связывающие два несоприкасающихся эпизода, использовались более часто детьми школьного возраста [Stein, Albro 1997: 33-34].

Основные нарративные стратегии, возникающие в ходе продуцирования связных историй, включали введение второго протагониста и «прослаивание» (*interleaving*) целевых планов второго протагониста с планами первого протагониста [Stein, Albro 1997: 34]. Выявлено, что в среднем по всем историям дети вводили в историю двух действующих лиц: дошкольники вводили других протагонистов в 20% историй, старшие дети включали других протагонистов почти в половине их историй [Stein, Albro 1997: 34-35].

Обсуждение. 1. Хотя в рассматриваемых работах не дается четкого определения концепта ИСТОРИЯ, результаты исследований, проведенных в рамках когнитивного подхода, свидетельствуют о важности этого концепта для таких компонентов истории, которые связаны с выражением в истории интенциональности и целенаправленных действий. Осмысление рассказчиком истории влияет на структуру и содержание нарратива [Stein 1988: 285-291].

Получены данные, свидетельствующие, что у детей пяти лет концепт ИСТОРИЯ находится в периоде становления и включает более широкий набор нарратив-

ных текстов, чем у детей младшего школьного возраста. Дошкольники включают больше дескриптивных и действенных нарративных секвенций в их концепт истории, чем старшие дети.

2. Для историй с целеполаганием, рассказанных детьми пяти лет и детьми младшего школьного возраста, характерна когерентная организация эпизодных секвенций в истории. Если ребенок рассказал историю, имеющую в основании цель (*goal-based story*), то она почти всегда содержала больше, чем один эпизод, причем большая часть эпизодов содержала все компоненты, необходимые для соответствия критерию «хорошая история» [Stein, Glenn 1979: 255-282; Stein, Albro 1997: 37-38].

Содержательная организация эпизода в рассказах дошкольников указывает на то, что дети способны удерживать в своей событийной памяти связную организацию событий, с которыми они ранее сталкивались в ежедневной жизни. Показано, что базовым механизмом, лежащим в основе эпизодного знания (*episodic knowledge*), является его организация в виде фрейма «цель – действие – результат» [Stein, Albro 1997: 38-39].

3. Ранее в исследованиях по пониманию нарратива отмечалось, что осмысление ребенком препятствия, повлекшего неудачу в достижении цели, влияет на развитие у ребенка понимания интенционального действия [Stein 1983: 261-292; Stein, Levin 1989: 343-378]. Получены данные о роли неудачи и успеха в создании последовательности, состоящей из множества эпизодов. Такой компонент события, как препятствие способствует пересмотру и переоценке цели, подталкивает рассказчика к «переопределению» цели (*reevaluation of a goal*), так как сигнализирует, что цель может быть недостижима.

Показано, что включение препятствия в повествовательную секвенцию почти всегда ведет к созданию эпизодно сложной истории. Неудача ведет к попытке «воссоздания неудачной цели» (*reinstatement of the failed goal*). Первым ответом на неудачную цель в историях детей является попытка воссоздания цели. Воссоздание цели ведет к тесной и прямой связи между целью во втором эпизоде и целью и результатом действий в первом эпизоде [Stein, Levine 1989: 343-378; Stein, Albro 1997: 39].

4. Получены сведения о значении успешного завершения истории. Дети продолжали линию повествования после неудачного результата в истории в 41% эпизодов, заканчивающихся неуспешным результатом. Обнаружены различные стратегии для коннекции успешно завершеного эпизода с последующими эпизодами истории, среди которых выделены следующие:

– *создание главной цели* в истории, для достижения которой протагонисту необходимо выполнить *субцель*. Выполнение субцели является стандартной стратегией, используемой героями историй, например, в сказках с королями;

– *возникновение события, где протагонист терпит неудачу*, т.е. возникновение неудачного «положения дел» в истории, подталкивающего протагониста к активации усилий и действиям для решения проблемы в других эпизодах истории.

5. Выявлена роль «мультипликация» протагонистов в создании сложных нарративов. Обнаружены возрастные различия в числе протагонистов, которые дети включают в истории с целеполаганием. Дети пяти лет редко вводят более одного персонажа в свои нарративы с целеполаганием, и даже если они это делают,

то чаще всего два героя активно не взаимодействуют между собой. В свою очередь, старшие дети вводили двух и более героев приблизительно в 50% нарративов.

Можно полагать, что для ребенка умение сообщать о планах более чем одного героя, очевидно, зависит от знаний, которыми ребенок обладает об интенциях, чувствах, планах и действиях персонажей в конкретных ситуациях.

Выводы. Обращение к проблеме овладения знаниями, необходимыми в ситуациях рассказа о событиях, имеющих в основании цель, во взаимосвязи с проблемой связности и сложности истории имеет множество положительных моментов. Так, мы можем лучше определить, как концепт ИСТОРИЯ и интенциональное знание используются ребенком для поддержания и сохранения когерентности истории и усложнения структуры нарратива.

Мы выделили лишь некоторые положения и результаты зарубежных исследований, опирающихся на когнитивный подход. Исследования, проведенные в области становления устного нарратива, отходят в анализе когерентности от единичного изолированного высказывания-предложения и переходят к связи событий в нарративах как фокусе когерентности. Описывая взаимосвязь между результатами эпизода и последующими целями, можно определить, как дети поддерживают связную нарративную последовательность и как в их историях события связываются между собой в сложном речевом построении.

Накопленные к настоящему времени данные позволяют сделать заключение о том, что развертывание устного нарратива обеспечивается многокомпонентной организацией самой истории: становлением в процессе развития ребенка ее событийной, эпизодно-содержательной структуры. Выявлены факты, указывающие на значение освоения ребенком ментального компонента деятельностной ситуации «цель – действие – результат», являющегося важнейшим условием в становлении устного нарратива. В процессе познавательной активности у ребенка на основе накопленного опыта складывается система «опорных точек» – «цель – действие – результат», через которую предвосхищается содержательный уровень истории.

Можно предположить, что эти процессы выступают в роли ведущего звена когнитивного механизма, связанного с умением «выстроить» связный устный нарратив. Вместе с тем формирование связного нарратива в онтогенезе определяется не только возрастанием сложности истории и особенностями полноты отражения содержания событийной части истории, но и дискурсивной формой устной истории и формированием метаязыковой рефлексии речевых компонентов устного нарратива как особой дискурсивной формы [Седов 2004; Сигал 2004: 101-114]. Полученные результаты указывают на то, что когнитивный и дискурсивный механизмы действуют в *storytelling* (с некоторого периода онтогенеза) в неразрывном единстве, что позволяет говорить о них как об интегративных процессах, начиная, по всей видимости, со старшего дошкольного возраста.

Литература

Протасова Е.Ю., Рычагова Е.С. Зарубежная наука о развитии связной речи дошкольников // *Детский сад: теория и практика*. 2012. – № 3. – С. 18-25.

Седов К.Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 317 с.

Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте. Опыт теоретико-экспериментального исследования. – М.: Гуманитарий, 2004. – 403 с.

Сигал К.Я. Синтаксис связной речи: проблемы и перспективы // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 4 (26). – С. 162-168.

Сорокин Ю.А. О чем и как размышляет Цветан Тодоров? // Тодоров Цв. Теории символа. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – С. А1 - А12. – 384 с.

Kintsch W., van Dijk T. (1978). Toward a model of text comprehension and production. *Psychological review*. No. 85. pp. 363-394.

Liwag M.D., Stein N.L. (1995). Children's memory for emotional events: The importance of emotion cue retrieval strategies. *Journal of experimental child psychology*. No. 60. pp. 2-31.

Mandler J.M., Johnson N.S. (1977). Remembrance of things parsed: story structure and recall. *Cognitive psychology*. No. 3. pp. 111-151.

Stein N.L. (1983). On the goals, functions and knowledge of reading and writing. *Contemporary educational psychology*. No. 8. pp. 261-292.

Stein N.L. (1988) The development of children's storytelling skill. *Child language. A Reader*. New York – London: Oxford University Press. pp. 282-297.

Stein N. L., Albro E.R. (1997) Building complexity and coherence: children's use of goal-structured knowledge in telling stories. *Narrative development. Six approaches*. New York – London: Routledge. pp. 5-44.

Stein N. L., Glenn C.G. (1979). An analysis of story comprehension in elementary school children. *New directions in discourse processing. Advances in discourse processes*. Vol. 2. Norwood, NJ: Ablex. pp. 255-282.

Stein N.L., Levine L.J. (1989). The causal organization of emotion knowledge: a developmental study. *Cognition and emotion*. No. 3. pp. 343-378 .

Stein N. L., Policastro M. (1984) The concept of a story: A comparison between children's and teachers perspectives. *Learning and comprehension of text*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 113-155.

Stein N.L., Trabasso T. (1989) Children's understanding of changing emotional states. *The development of emotional understanding*. New York: Cambridge University Press. pp. 50-77.

Stein N.L., Trabasso T., Liwag M.D. (1993). The representation and organization of emotional experience: Unfolding the emotional episode . *Handbook of emotion*. New York: Guilford. pp. 279-300.

Stein N.L., Nezworski T. (1978). The effects of organization and instructional set on story memory. *Discourse processes*. No 1. pp. 177-193.

Trabasso T., Secco T., van den Broek P. (1984). Causal cohesion and story coherence. *Learning and comprehension of text*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 83-111.

Trabasso T., Stein N.L. (1994). Using goal-plan knowledge to merge the past with the present and the future in narrating on-line events. *The development of future oriented processes*. Chicago: University of Chicago Press. pp. 323-349.

THE MECHANISMS OF ORAL NARRATIVE IN CHILD LANGUAGE: COGNITIVE APPROACH

Nadezhda M. Yurieva

Doctor of Philology, Institute of linguistics of Russian Academy of Sciences,
senior researcher, Department of experimental studies of speech,
B.Kislovskiy per., 1/1, 125009, Moscow.
e-mail: o.yuriev@list.ru

The article is devoted to the elaboration of the problem of the oral narrative in ontogenesis which has already been singled out by the foreign linguists as a separate area of the speech development. On the basis of analysis of works by foreign researchers carried out within the cognitive approach of modern science and the obtained facts pointing to the importance of the child's mastering of the mental component of activity situation «goal – action – outcome», as well as the conceptual representation of oral history as a specific form of discourse, the researcher offers a hypothesis about a psycholinguistic mechanism of development of oral narrative in ontogenesis. The formation and expansion of oral narrative in ontogenesis is supported, on the one hand, by multi-component organization of the very history and building up the history's structure and the episode content in the course of child's development. On the other hand, the process of formation and expansion of oral narrative is supported by the child's mastering of the discourse form of oral history and development of meta-language reflection of speech components of the oral narrative as a special discursive form.

Keywords: good story, goal-directed action, story concept, temporal sequence of events, goal-directed action sequence, attainment of the outcome, goal-based stories, embedded stories.

References

Protasova E.U., Ritchagova E.S. Zarubeznaya nauka o razvitiy svyaznoy rechi doshkolnikov [International science on the development of connected speech of preschool children]. *Detski sad: teoriya i praktika – [Child center: theory and practice]*, 2012, no. 3, pp. 18 – 25.

Sedov K.F. Discurs i lichnost. Evolutsiya kommunikativnoy kompetentsii [Discourse and person. Evolution of communicative competence]. Moscow, Labirint, 2004. 317 p.

Seagal K.Y. Sochinitelnye constructsii v tekste. Opyt teoretico-experimentalnogo issledovaniya [Coordinate constructions in text. Experience of theoretical and experimental studies]. Moscow, Gumanitariy, 2004. 403 p.

Seagal K.Y. Sintaksis svyaznoy rechi: problemy i perspektivy [Syntax of connected speech: problems and perspectives]. *Voprosi psiholingvistiki – [Questions of Psycholinguistics]*, 2015, no. 4(26), pp. 162 – 168.

Sorokin U.A. O chem i kak razmishlyaet Tzvetan Todorov? [How and about what does Tz. Todorov think?] Todorov Tz. Teorii simvola [Theories of the symbole]. Moscow: House of intellectual book, 1998. pp. A1 – A12. 384 p.

Kintsch W., van Dijk T. (1978). Toward a model of text comprehension and production. *Psychological review*. No. 85. pp. 363-394.

Liwag M.D., Stein N.L. (1995). Children's memory for emotional events: The importance of emotion cue retrieval strategies. *Journal of experimental child psychology*. No. 60. pp. 2-31.

Mandler J.M., Johnson N.S. (1977). Remembrance of things parsed: story structure and recall. *Cognitive psychology*. No. 3. pp. 111-151.

Stein N.L. (1983). On the goals, functions and knowledge of reading and writing. *Contemporary educational psychology*. No. 8. pp. 261-292.

Stein N.L. (1988) The development of children's storytelling skill. *Child language. A Reader*. New York – London: Oxford University Press. pp. 282-297.

Stein N. L., Albro E.R. (1997) Building complexity and coherence: children's use of goal-structured knowledge in telling stories. *Narrative development. Six approaches*. New York – London: Routledge. pp. 5-44.

Stein N. L., Glenn C.G. (1979). An analysis of story comprehension in elementary school children. *New directions in discourse processing. Advances in discourse processes*. Vol . 2. Norwood, NJ: Ablex. pp. 255-282.

Stein N.L., Levine L.J. (1989). The causal organization of emotion knowledge: a developmental study. *Cognition and emotion*. No. 3. pp. 343-378 .

Stein N. L., Policastro M. (1984) The concept of a story: A comparison between children's and teachers perspectives. *Learning and comprehension of text*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 113-155.

Stein N.L., Trabasso T. (1989) Children's understanding of changing emotional states. *The development of emotional understanding*. New York: Cambridge University Press. pp. 50-77.

Stein N.L., Trabasso T., Liwag M.D. (1993). The representation and organization of emotional experience: Unfolding the emotional episode . *Handbook of emotion*. New York: Guilford. pp. 279-300.

Stein N.L., Nezworski T. (1978). The effects of organization and instructional set on story memory. *Discourse processes*. No 1. pp. 177-193.

Trabasso T., Secco T., van den Broek P. (1984). Causal cohesion and story coherence. *Learning and comprehension of text*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 83-111.

Trabasso T., Stein N.L. (1994). Using goal-plan knowledge to merge the past with the present and the future in narrating on-line events. *The development of future oriented processes*. Chicago: University of Chicago Press. pp. 323-349.

Трибуна молодых ученых

УДК 81'23

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА «自己的/СВОЙ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ СТУДЕНТОВ¹

Хуан Тяньдэ

Аспирант, отдел психолингвистики Института языкознания РАН
Москва, Б. Кисловский пер. д.1/1
e-mail: tiande-88@yandex.ru

Оппозиция «свой-чужой» считается базовой в любой национальной культуре. Данная оппозиция занимает важное место в языке, культуре и сознании русской и китайской наций, имеет богатые национальные культурные коннотации. Представленная статья посвящена исследованию этно-культурных особенностей образа «自己的/свой» в языковом сознании русских и китайских студентов. Анализ проводится по материалам свободного ассоциативного эксперимента в рамках теории языкового сознания через выявление сходств и различий в содержании ассоциативных полей китайских и русских слов, обозначающих «自己的/свой».

Ключевые слова: 自己的/свой, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, сопоставительное исследование.

1. Введение

По мнению Н.В. Уфимцевой, «с начала 90-х годов в московской психолингвистической школе начинает формироваться новая методологическая база для этно-психолингвистических исследований: центральной проблемой становится изучение национально-культурной специфики языкового сознания, а главной причиной непонимания при межкультурном общении признается различие национальных сознаний коммуникантов» [Уфимцева 2014: 4]. В связи с этим, - по словам Н.В. Уфимцевой, «возникла проблема формирования методики таких контрастивных сопоставлений, когда язык и культура рассматриваются как формы существования общественного сознания, которое бытует как «образ себя» (образ своего этноса) и «образ другого» » [Уфимцева 2011: 228]. Наиболее удобным способом овнешнения языкового сознания носителей языка был признан ассоциативный эксперимент, поскольку «ассоциативные поля, формируемые из вербальных реакций носителей языка, дают возможность описывать качества образов их сознания» [Уфимцева 2004: 3].

Поскольку значение слова можно рассматривать как отображение социокультурной реальности [Уфимцева 2015: 83], мы полагаем, что «自己的/Свой» является важным понятием языка и культуры для китайцев и русских. Как отмечает В.М. Пивоев, «ощутить освоенное как «свое» можно лишь относительно «чужо-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта 留金亚[2014]9037 (Китай) и гранта 12BYU143 (Китай).

го», «иногo», «другогo», не своего. Лишь глядя в «зеркало» «чужогo сознания» можно попытаться увидеть и понять себя, соотносительно «чужо́му» или «друго́му». У Достоевского герои всматриваются в зеркало «чужих» сознаний, чтобы лучше понять себя, уяснить «свои» смыслы. Поэтому культура всегда есть «зеркало», глядя в которое мы пытаемся увидеть себя, понять себя и обогатить себя, кроме того в этом «зеркале» можно попытаться увидеть «за спиной» свое будущее» [Пивоев 1997: 5].

2. Свободный ассоциативный эксперимент

2.1 Цель и гипотеза

Целью исследования является сопоставление ассоциативных полей понятия «自己的/свой» у китайских и российских учащихся ВУЗов и описание их различий и сходств, выяснение причин возникновения данных различий и сходств, сравнительный анализ этнопсихолингвистических, культурных и языковых стереотипов народов России и Китая.

Гипотеза: ассоциативные поля понятия «自己的/свой» у китайских и российских учащихся имеют различия и сходства, при этом различия являются довольно существенными и отражают разное языковое сознание и разные этнопсихолингвистические особенности народов России и Китая.

2.2 Испытуемые

В свободном ассоциативном эксперименте (САЭ) на слово-стимул «自己的/свой» приняли участие 500 испытуемых из Китая и 300 испытуемых из России. Китайскими участниками эксперимента стали студенты многих специальностей из разных университетов КНР: Харбинский Педагогический Университет, Хэйлунцзянский Институт Иностранных Языков, Китайский Университет Политологии и Права, Фуцзяньский Педагогический Университет, Центрально-китайский Научно-технический Университет и Хайнаньский университет [Хуан 2015: 239-241]. Русскими участниками эксперимента стали студенты многих специальностей из разных университетов РФ. Список университетов включает университеты европейской части: Институт русского языка имени А.С. Пушкина (г. Москва) и Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары), университеты азиатской части: Сибирский федеральный университет (г. Красноярск) и Байкальский государственный университет экономики и права (г. Чита).

2.3 Материалы

В качестве материалов исследования использовались анкеты свободного ассоциативного эксперимента, в которых в роли слова-стимула выступало слово «自己的/свой».

2.4 Эксперимент

В качестве метода исследования применялся свободный ассоциативный эксперимент, проводившийся путем письменного анкетирования в учебной аудитории и библиотеке. Экспериментатор объяснил испытуемым цели, требования, задачи и метод проведения исследования. От испытуемых требовалось написать первое пришедшее в голову слово-реакцию (китайские испытуемые писали китайские слова-реакции на слово-стимул «自己的», а русские испытуемые писали русские слова-реакции на слово-стимул «свой»). Допускалось отвечать отдельным словом любой части речи, словосочетанием или предложением. На запись слова-реакции отводилось не более 10 секунд.

От испытуемых требовалось отвечать самостоятельно, запрещалось разговаривать с другими испытуемыми и пользоваться словарем. Эксперимент был проведен в 2013 и 2014 годах, в Китае было заполнено 500 анкет, из которых 489 были признаны валидными, в России было заполнено 300 экземпляров анкет, из которых 300 были признаны валидными.

2.5 Результаты

В целях получения наглядных и объективных результатов собранные данные были статистически обработаны с помощью программы SPSS19, в результате чего было получено ассоциативное поле понятий «自己的 /свой» китайских учащихся (см. Таб. 1).

Таблица 1.

Ассоциативное поле понятия «自己的/свой» китайских учащихся

Статистика

自己的/свой

N	Валидные	489
	Пропущенные	0

自己的/Свой (слово-стимул)

Слова-реакции	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
别人的/чужой	50	10.2	10.2	10.2
东西/вещь	39	8	8	18.2
书/книга	35	7.2	7.2	25.4
事情/дело	23	4.7	4.7	30.1
他人的/чужой	21	4.3	4.3	34.4
钱/деньги	21	4.3	4.3	38.7
我的/мой	19	3.9	3.9	42.5
生活/жизнь	19	3.9	3.9	46.4
衣服/одежда	15	3.1	3.1	49.5
家/дом	9	1.8	1.8	51.3
事/дело	8	1.6	1.6	53
我/я	8	1.6	1.6	54.6
父母/родители	7	1.4	1.4	56
想法/идея	7	1.4	1.4	57.5
梦想/мечта	7	1.4	1.4	58.9
朋友/друг	6	1.2	1.2	60.1
幸福/счастье	6	1.2	1.2	61.3
心情/настроение	6	1.2	1.2	62.6
手机/мобильник	6	1.2	1.2	63.8
家人/члены семьи	6	1.2	1.2	65
理想/идеал	5	1	1	66.1
名字/имя	5	1	1	67.1
电脑/компьютер	5	1	1	68.1
眼睛/глаза	5	1	1	69.1
快乐/радость	5	1	1	70.1

床/кровать	5	1	1	71.2
成功/успех	4	0.8	0.8	72
他的/его	4	0.8	0.8	72.8
爱好/увлечение	4	0.8	0.8	73.6
知识/знание	4	0.8	0.8	74.4
钱包/кошелёк	4	0.8	0.8	75.3
脸/лицо	4	0.8	0.8	76.1
生命/жизнь	4	0.8	0.8	76.9
房子/дом	4	0.8	0.8	77.7
自我/эго	3	0.6	0.6	78.3
人/человек	3	0.6	0.6	78.9
家庭/семья	3	0.6	0.6	79.6
价值/ценность	2	0.4	0.4	80
物品/предмет	2	0.4	0.4	80.4
孩子/ребёнок	2	0.4	0.4	80.8
书包/рюкзак	2	0.4	0.4	81.2
学业/учёба	2	0.4	0.4	81.6
...
Итого	489	100	100	100

Ассоциативное поле понятия «свой» русских учащихся представлено в таблице 2.

Таблица 2.

Ассоциативное поле слова «свой» русских учащихся

дом 36; семья, телефон 20; друг 11; учебник 8; мама, компьютер 6; человек, друзья, кот, мнение, книга, машина 5; любимый, жизнь, мир, папа, парень, судьба, квартира, карандаш, ручка, работа, одежда 3; родители, деньги, сад, выбор, характер, город, мировоззрение, дети, сон, брат, комната, цветок, адрес, день, стол, учитель, муж, кабинет 2; близко, счастье, родной, родина, страна, мечта, важный, язык, родственники, близкий, рядом, своя, свои, дорога, ребёнок, опыт, взгляд, студенческий, внутренний мир, среди чужих, университет, нужный, знание, дело, любовь, открыть свои тайны, радость и горе, которому можно довериться...1...300+42+0+94²

3. Сопоставительное исследование

3.1 Сопоставительное исследование ассоциативных полей «自己的/свой» китайских и русских учащихся

В исследовании М.Н. Хохлиной [Хохлина 2011: 90-98] выделяется одиннадцать классификационных культурно-когнитивных признаков: (1) ПРОСТРАНСТВО, (2) ВРЕМЯ, (3) ЯЗЫК, (4) ЧЕЛОВЕК, (5) РОД, СЕМЬЯ, (6) ВОЗРАСТ, (7) ГЕНДЕР, (8) ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, (9) СТЕПЕНЬ БЛИЗОСТИ, (10) РЕЛИГИЯ, (11) ЭТНОС, которые формируют категорию сознания «свой-чужой». По указанным признакам был проведен сопоставительный анализ ассоциативных полей понятия «自己的/свой» у русских и китайских студентов (см. Таб. 3).

² Цифра после каждого слова указывает на абсолютную частоту встречаемости данного слова. В конце ассоциативного поля приведены количественные показатели: первая цифра – общее число реакций на данный стимул, вторая – число разных реакций, третья – число отказов испытуемых от ответа и четвертая – число единичных реакций.

Таблица 3.

Ассоциативные поля китайских и русских студентов по признакам

Признак	Ассоциативное поле китайских студентов слова «自己的/свой»	Ассоциативное поле русских студентов слова «свой»
Пространство	家/дом 9; 房子/дом 4	дом 36; мир ³ 3, сад, город, комната, кабинет 2
Время	生命/жизнь 4	жизн ⁴ 3, день 2
Язык	—— ⁵	——
Человек	我/я 8, 父母/родители, 朋友/друг 7, 家人/члены семьи 6, 人/человек 3, 孩子/ребёнок 2	друг 11, мама 6, человек, друзья 5, папа, парень 3, родители, дети, брат, муж 2
Род/Семья	父母/родители 7, 家人/члены семьи 6, 孩子/ребёнок 2	семья 20, мамаб, папа 3, муж, родители, дети, брат, адрес 2
Возраст	——	——
Гендер	——	мама 6, папа, парень 3, брат, муж 2
Принадлежность	东西/вещь 39, 书/книга 35, 钱/деньги 21, 衣服/одежда 15, 手机/мабильник 6, 名字/имя 5, 电脑/компьютер 5, 眼睛/глаза 5, 床/кровать 5, 钱包/кошелёк 4, 脸/лицо 4, 物品/предмет 2, 书包/рюкзак 2	телефон 20, учебник 8, компьютер 6, кот, книга, машина 5, квартира, карандаш, ручка, одежда 3, деньги, цветок, стол, кабинет 2
Степень близости	父母/родители 7, 朋友/друг 7, 家人/члены семьи 6, 家庭/семья 3, 孩子/ребёнок 2	семья 20, друг 11, мама 6, друзья, любимый 5, папа, парень 3, брат, муж, дети 2
Религия	——	——
Этнос	——	——

³ Русское слово «мир» имеет два соответствия в китайском языке: 1. «世界/Shi jie», и 2. «和平/He ping». Т.к. здесь нет контекста, мы классифицируем его в признаке «пространство» и «другие». В китайском слове «世界/Shi jie», «世/Shi» означает время, а «界/Jie» означает пространство.

⁴ Русское слово имеет два соответствия в китайском языке: 1. «生命/Sheng ming» и 2. «生活/Sheng huo». Т.к. здесь нет контекста, мы классифицируем его в признаке «время» и «другие».

⁵ Знак «——», означает, что нет ни одного слова относящегося к данному признаку.

Другие	别人的/чужой 50, 他人的/чужой 21, 事情/дело 23, 生活/жизнь 19, 事/дело 8, 想法/идея、梦想/мечта 7, 幸福/счастье、心情/настроение 6, 理想/идеал、快乐/радость 5, 他的/его、成功/успех、爱好/увлечение、知识/знание 4, 自我/эго、价值/ценность 3, 学业/учёба 2	жизнь、мир、судьба、работа ³ , выбор、характер、мировоззрение、сон 2
--------	--	---

При анализе ассоциативного поля русских и китайских студентов мы видим, что в признаке «ПРОСТРАНСТВО» встречается реакция «дом/家、房子» как у русских, так и у китайских испытуемых, хотя они отличаются по частоте. У русских испытуемых это самая частотная реакция (36, входит в ядро языкового сознания русских), у китайских испытуемых слова-реакции «家、房子» достаточно частотные (9 и 4 соответственно). Это показывает, что все испытуемые рассматривают «дом/家、房子» как наиболее важное жизненное пространство. Ведь в повседневности человеческий труд и жизнь людей не могут быть отделены от нашего жилища.

«Мир» как русская уникальная реакция тесно связана с образом «свой». Понятие «мир» также входит в ядро русского языкового сознания.

Кроме того, к признаку «ПРОСТРАНСТВО» мы отнесли такие слова-реакции: «сад/花园», «город/城市», «комната/房间», «квартира/住宅» «кабинет/办公室», которые описывают общее пространство. Очень важным является также свое личное пространство: «комната/房间», «квартира/住宅», «личный сад/私人花园». В сознании русских испытуемых большое место отводится личному пространству. «Сад» является составной частью жизни русских. У большинства русских есть своя дача и сад. Они выращивают свои любимые овощи и цветы в саду. Подтверждение этому мы находим в ассоциативном поле признака «ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ», в котором мы встречаем ассоциацию «цветок». Однако эти слова-реакции не встретились ассоциативном поле китайских испытуемых.

К признаку «ВРЕМЯ» мы отнесли слово-реакцию «жизнь/生命、生活», которая встретила у обеих групп испытуемых. Представление о «жизни/生命、生活» как о времени очень важна для Китая и России. В языковом сознании наших испытуемых существует универсальная метафора «время—жизнь». Следует отметить что, русские испытуемые ассоциируют время с «днем/天、日子». Например: «свой день рождения», «студенческий день».

Наибольшие различия мы находим в словах-реакциях китайских и русских испытуемых на стимул «свой/自己的», отнесенных нами к признаку «ЧЕЛОВЕК». Особенно слова-реакции, связанные со «своим/自己的» близким «человеком/人». «Я/我» является основой частью образа «свой/自己的» у признака «ЧЕЛОВЕК» в языковом сознании китайских студентов. Это показывает, что современные китайские студенты становятся все более индивидуализированными и независимыми личностями, что разрушается традиционный «коллективизм» китайцев. За этим словом идут такие реакции, как: «друг/朋友», «родители/父母», «члены семьи/家

人». А для русских студентов наиболее частотным для этого признака является слово-реакция «друг/朋友», что естественно, поскольку оно входит в ядро языкового сознания русских.

«Друг/朋友» является, скорее всего, конкретным образом «своего/自己的». Можно предположить, что слово-реакция «друзья/朋友» в русском ассоциативном поле также демонстрируют осознания “друзей” как «коллектив» русских студентов.

К признаку «РОД/СЕМЬЯ» на слово-стимул «свой/自己的» относятся общие для двух групп испытуемых реакции «семья/家庭» и «родители/父母», а реакция «адрес/地址» встречается только у русских студентов. В русском языковом сознании «адрес/地址» тесно связан со «своим/自己的», а в китайском – нет.

Для признака «ГЕНДЕР» различия очевидны, поскольку мы не нашли ни одной реакции китайских испытуемых, которую можно было бы отнести к этому признаку, а в русском ассоциативном поле с этим признаком связаны слова-реакции: «мама/妈妈», «папа/爸爸», «парень/小伙子», «брат/弟兄», «муж/丈夫».

В ассоциативном поле признака «ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ» совпадающими для двух групп испытуемых являются реакции «телефон/电话、手机», «компьютер/电脑», «книга/书», «деньги/钱», «одежда/衣服». Это показывает, что для современных студентов электронные устройства, такие как «телефон/电话、手机», «компьютер/电脑» стали неотъемлемой частью студенческой жизни. «Книга/书» – необходимая вещь для учёбы, а «деньги/钱» и «одежда/衣服» также являются предметами первой необходимости.

В отличие от русских китайские студенты ассоциируют «свой/自己的» с обобщенными словами, такими как «вещь/东西», «предмет/物品». Кроме того, высокую частоту имеют у них реакции «глаза/眼睛» и «лицо/脸». Возможно, это указывает на то, что китайские студенты большое внимание обращают на свою внешность. Появилось в ассоциативном поле современных китайских студентов и понятие «мэньжзи/面子»⁶, которое отсутствует в русской культуре. «Имя/名字» очень тесно связано со «свой/自己的» у китайских испытуемых, а русские студенты гораздо чаще, чем китайские ассоциируют со «своим/自己的» «машину/汽车». Кроме того, «кот/猫» является самым любимым домашним животным для русских.

В ассоциативном поле признака «СТЕПЕНЬ БЛИЗОСТИ» на слово-стимул «свой/自己的» встречаются общие для двух групп испытуемых реакции «родители/父母», «друг/朋友», «семья/家庭», «дети/ребёнок/孩子». В китайской и русской культуре «родители, друг, семья и дети» со словом-стимулом «свой/自己的» связаны очень тесно. В то же время, у русских испытуемых встречаются слова-реакции, касающиеся конкретных людей: «папа/爸爸», «мама/妈妈», «парень/小伙子», «брат/弟兄», «муж/丈夫». Кроме того, слово-реакция «любимый/心爱的、喜欢的» употребляется с высокой частотой по отношению к близким людям или предметам только в русской культуре, а в китайской культуре такого не наблюдалось.

В целом, мы обратили внимание на то, что китайские студенты реагируют на слово-стимул «свой/自己的» большим количеством слов-оппозитов. Например:

⁶ «面子/мэньжзи» существует три значения в китайском слове. ①. 体面光彩, 表面上好看Блестящая, красивая внешность. ②. 情面Личное отношение. ③. 事物的外表внешний вид предметов. В статье мы рассматриваем второе значение «情面/личное отношение». См. Синхуа словарь Онлайн <http://xh.5156edu.com/html5/317378.html>

«别人的/чужой», «他人的/чужой», «他的/его». Кроме того, у китайских испытуемых больше слов-реакций, связанные с ощущением жизни в настоящем времени и ожиданием будущего. Например: «幸福/счастье», «快乐/радость», «心情/настроение», «梦想/мечта», «理想/идеал», «成功/успех». В отличие от китайцев, русские студенты обращают большое внимание на «работу/工作», а китайские студенты на «学业/учёбу».

3.2 Выводы

Сопоставительный анализ показал, что слова-реакции в ассоциативных полях понятия «свой/自己的» у китайских и русских студентов имеют сходства и различия в 11 когнитивных признаках. С одной стороны, выявленные сходства отражают общечеловеческие ценности, с другой стороны, обнаруженные различия являются маркерами этнокультурной специфики двух групп испытуемых. «家/дом» и «房子/дом» очень важны для русских и китайских испытуемых, то есть «家/дом» и «房子/дом» связаны в их сознании с ПРОСТРАНСТВОМ, а русские обращают большее внимание на «своё/自己的» и «чужое/他人的» личное пространство. ВРЕМЯ для русских испытуемых ощущается как «своё/自己的» конкретное время.

Результаты нашего эксперимента показывают, что китайские студенты стали более индивидуалистичными и независимыми, а русские студенты имеют более коллективистское сознание. «家庭/семья» очень важна в русской и в китайской культуре. В ассоциативных реакциях, отнесенных к признакам ЧЕЛОВЕК, ГЕНДЕР И СТЕПЕНЬ БЛИЗОСТИ, у русских студентов сильно проявляется мужское начало, это доказывает, что русское языковое сознание мужского рода. Обращает на себя внимание и тот факт, что и у китайских и русских студентов отсутствовали слова-реакции, которые можно было бы отнести к признакам ЭТНОС, ВОЗРАСТ, РЕЛИГИЯ. Все это требует дальнейшего исследования и обсуждения.

Литература

- Завершинская Н.А.* Оппозиция «своего» и «чужого» в современной культуре // Вестник новгородского государственного университета. 2004. №27. С. 41-47.
- Пивоев В.М.* «Своё» и «чужое» в культуре // «Своё» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Тезисы докл. межвуз. научн. конф. /Отв. ред. В.М. Пивоев. – М.: Петрозаводск, 1997. – С. 5-7.
- Синхуа словарь Онлайн: <http://xh.5156edu.com/>
- Уфимцева Н.В.* Значение слова как отображение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2015. №3(25). – С. 83-92.
- Уфимцева Н.В.* Предисловие // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. – М: Изд-во Алт. Ун-та, 2004. – 344 с.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
- Хохлина М.Л.* Особенности фразеологической категоризации «Своего» и «Чужого» // Филологические науки. 2011. №2. – С. 90-98.
- Хуан Тяньдэ. Экспериментальное сопоставительное исследование образа «敌人/враг» в языковом сознании китайских и русских студентов // Вопросы психолингвистики. 2015. №1. – С. 238-246.
- Ufimtseva N.V.* Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication // Intercultural Communication Studies XXIII. 2014. №1. – С.1-13.

EXPERIMENTAL COMPARATIVE RESEARCH ON THE CONCEPT “OWN” IN CONTEMPORARY CHINESE AND RUSSIAN STUDENTS’ LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Huang Tiande

PhD student, The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky lane, Moscow, Russia
e-mail: tiande-88@yandex.ru

The concept «own/alien» is considered to be the basis of human consciousness and the foundation of community and ethnic cultural development. The concept is an integral part of language, culture and consciousness having marked cultural connotation in Russian and Chinese nations. This article is devoted to the ethnic cultural research on the concept «own» in Chinese and Russian language consciousness. The associative experiment is used in the framework of the language consciousness theory, revealing the similar and different in the Chinese and Russian associative fields of the concept «own».

Keywords: own, language consciousness, free associative experiment, associative field, comparative research.

References

Zavershinskaja N.A. Oppozicija «svoego» i «chuzhogo» v sovremennoj kul'ture [The opposition of «свой» and «чужой» in contemporary culture // The Bulletin of the Novgorod state university. – 2004. – №27. – pp. 41-47] // Vestnik novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2004. – №27. pp. 41-47.

Pivoev V.M. «Svojo» i «chuzhojo» v kul'ture [«своё» and «чужоё» in culture // «своё» and «чужоё» in the culture of the north Europeans: Theses, reports, international conference / Ed. V.M Pivoev. – Petrozavodsk:, 1997. – pp. 5-7] // «Svojo» i «chuzhojo» v kul'ture narodov Evropejskogo Severa: Tezisy dokl. mezhvuz. nauchn. konf. /Otv. red. V.M. Pivoev. – M.: Petrozavodsk, 1997. pp. 5-7.

Sinhua slovar' Onlajn [Xinghua dictionary Online]: <http://xh.5156edu.com/>

Ufimseva N.V. Znachenie slova kak otobrazhenie sociokul'turnoj real'nosti // Voprosy psiholingvistiki [Word meaning as display of sociocultural realities / Problems of psycholinguistics. – 2015. – №3(25). – pp. 83-92] – 2015. –№3(25). pp. 83-92.

Ufimseva N.V. Predislovie [Preface // Language consciousness: theoretical and applied aspects: Collection papers / Ed. N.V.Ufimseva. – Moscow: Vyp. Alt. University, 2004. – 344 pp.] // Jazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty: Sbornik statej / Pod obshh. red. N.V. Ufimsevoj. M: Izd-vo Alt. Un-ta, 2004. pp. 344 .

Ufimseva N.V. Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'. [Language consciousness: dynamics and variability. – M.-Kaluga: Institut of linguistics of the Russian Academy of sciences, 2011. – 252 pp.] – M.: Institut jazykoznanija RAN, 2011. pp. 252.

Hohlina M.L. Osobennosti frazeologicheskoj kategorizacii «Svoego» i «Chuzhogo» [Features of the phraseological categorization of «свой» and «чужой» / Philological Sciences. – 2011. – №2. – pp.90-98] // Filologicheskie nauki. – 2011. – №2. pp. 90-98.

Huan Tjan'dje. Jeksperimental'noe sopostavitel'noe issledovanie obraza «敌人/vrag» v jazykovom soznanii kitajskih i russkih studentov // Voprosy psiholingvistiki. [Experimental comparative study of the concept “enemy” in Chinese and Russian students' language consciousness / Problems of psycholinguistics. – 2015. – №1(23). – pp. 238-246] – 2015. – №1(23). pp. 238-246.

Ufimseva N.V. Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication // Intercultural Communication Studies XXIII. 2014. №1. pp.1-13.

**ОБРАЗ «КОМИ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ
И СТУДЕНТОВ РЕСПУБЛИКИ КОМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)¹**

Разумкова Анна Викторовна

аспирант Института языкознания РАН

Москва, Б. Кисловский пер. д.1/1

e-mail: razumkova89@mail.ru

Этнические стереотипы, как компоненты этнического сознания, играют важнейшую роль в межкультурной коммуникации и часто становятся причиной непонимания и даже конфликтов. Изучение языкового сознания носителей разных культур и выявление общего и специфического в их образах мира, этнических установках имеет большое значение для оптимизации общения. В статье представлены результаты исследования стереотипных представлений об образе «коми» в языковом сознании русских, постоянно проживающих в Республике Коми, и коми, говорящих на русском языке. Материалом исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в Республике Коми. В статье смоделирован фрагмент образа мира рассматриваемых этносов. При помощи метода «семантического гештальта» мы выявили сходства и различия стереотипных представлений, на формирование которых непосредственное влияние оказывают такие факторы как территория и этнический состав населения региона. У представителей коми этноса реакции отличаются разнообразием, которое подчеркивает культурно-национальную принадлежность респондентов. Результаты исследования показали, что стереотипные представления о «коми» у русского и коми этносов в незначительной степени отличаются.

Ключевые слова: образ мира, языковое сознание, стереотипные представления, семантический гештальт, ассоциативное поле, свободный ассоциативный эксперимент.

Адекватные представления о наиболее значимых чертах и характеристиках своего народа, а также о своих этнических «соседях» являются обязательным условием выбора оптимальной тактики межкультурного общения и установления благоприятных межэтнических отношений. Актуальность исследования обусловлена тем, что этнические стереотипы, как компоненты этнического сознания, играют важнейшую роль в межкультурной коммуникации и часто становятся причиной непонимания и даже конфликтов. Следовательно, изучение языкового сознания носителей разных культур и выявление общего и специфического в их образах мира, этнических установках имеет большое значение для оптимизации общения. Образ мира дает возможность каждому человеку адаптироваться в окружающем

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта №15-34-14007 «а (ц)».

мире, присваивая определенную систему ценностей, способов деятельности, свойственных его этнической культуре. А. А. Леонтьев подчеркивает, что в основе мировидения каждого народа лежит «своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено...видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» [Леонтьев 1993: 19-20]. Понятие «образа мира» сопоставляется с понятием «языковое сознание» [Леонтьев 2005: 268], которое интерпретируется «как опосредованный языком образ мира, представляющий собой совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996: 7]. В след за Н. В. Уфимцевой отметим, что «в деятельности и сознании конкретного индивида функционируют значения, «производятся» они обществом и именно в них мы можем искать особенности мироощущения и самооценки представителя того или иного этноса» [Уфимцева 1995: 58]. Для данного исследования ключевым моментом является осознание того, что образ мира, зафиксированный в значении слова, всегда культурно обусловлен.

Задача исследования - выявить стереотипные представления об образе «коми» в языковом сознании русских и коми, говорящих на русском языке. Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий стереотипных представлений, на формирование которых непосредственное влияние оказывают такие факторы как территория и этнический состав населения региона. Гипотеза исследования заключается в том, что стереотипные представления о коми в незначительной степени будут различными у представителей русского и коми этносов. Для выполнения задачи исследования и получения необходимых данных для анализа нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент. «Исследования языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дают возможность выявить системность как содержание образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» [Уфимцева 2003: 103]. «Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова – стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2003: 104].

В нашем исследовании участие приняли носители коми и русского языков (русские, постоянно проживающие в исследуемом регионе и русскоязычные коми) в возрасте от 12 до 25 лет (школьники и студенты). Всего было получено 300 анкет на русском языке в Республике Коми. При анализе анкет мы разграничили ответы испытуемых согласно национальной принадлежности. Для удобства обозначим Группу 1, в которую входят русские, и Группу 2 – респонденты, национальная принадлежность которых была обозначена как коми.

Для анализа экспериментального материала был использован метод построения «семантического гештальта», предложенный Ю. Н. Карауловым. По мнению ученого, «семантический гештальт» отражает особую внутреннюю семантическую организацию состава ассоциативного поля и характеризует поле «как единицу зна-

ния о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности. Семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (= стимулу)» [Караулов 2000: 194]. Для нашего анализа мы вслед за Ю.Н. Карауловым выделяем следующие семантические зоны:

Кто – лицо, ассоциируемое со словом – стимулом;

Что – предмет, ассоциируемый со словом – стимулом;

Какой – включает постоянные (интегральные) признаки, рассматриваемые с позиции стороннего наблюдателя;

Каков – оценочные характеристики (дифференциальные признаки), в рамках шкалы «хороший – плохой»;

Где – место, ассоциируемое со словом – стимулом.

Для удобства семантические зоны обозначены местоимениями, которые способны передавать общие смыслы.

Сравнительный анализ ассоциативного поля (далее АП) слова – стимула «коми» Группы 1 (русские о «коми») и Группы 2 (коми о «коми»)

Ассоциативное поле слова «коми» Группы 1 (русские о «коми»)

язык 33; республика 19; народ 18; край 8; русский 5; земля 4; люди 2; Сыктывкар 2; национальность 2; Коми люди; леса; странные; Гончаренко; человек; поэт; не я; холод; дети; родной; история; товарищ нац-ть; фу; семья; родина; NULL край; бабушка; Россия; дом. 112+28+19+4+13*2

В АП слова – стимула «коми» Группы 1 можно выделить 5 семантических зон: «Кто», «Что», «Какие», «Каковы», «Где».

Ассоциативное поле слова «коми» Группы 2 (коми о «коми»)

язык 12; народ 8; Республика 4; край 4; русский 2, родина 2; земля; житель; нельзя; здорово; сила; гейзер; писатель; ныв; люди; больше Франции; история; Куратов; 44+18+12+2+8

В АП слова – стимула «коми» Группы 2 можно выделить 3 семантические зоны: «Кто», «Что», «Какие».

Проанализируем АП слова-стимула «коми» Группы 1 и Группы 2 согласно методу построения «семантического гештальта»:

1. Семантическая зона «Кто» в АП Группы 1 представлена 33 реакциями, что составляет 29,4 % от общего числа реакций, полученных в результате эксперимента. Из них 11 разных реакций – 33% от числа разных реакций. Самыми частотными реакциями данной семантической зоны являются *народ (18)*, *русский (5)*, *люди (2)*. Семантическая зона «Кто» в АП Группы 2 представлена 16 реакциями, что составляет 36% от общего числа реакций, полученных в результате эксперимента. Из них 8 разных реакций – 6,25 % от числа разных реакций. Самыми частотными

* Цифра после каждого слова указывает на абсолютную частоту встречаемости данного слова. В конце ассоциативного поля приведены количественные показатели: первая цифра – общее число реакций на данный стимул, вторая – число разных реакций, третья – число единичных реакций, четвертая цифра – число отказов, пятая цифра – количество реакций, совпавших со стимулом.

ми реакциями данной семантической зоны являются *народ* (8), *русский* (2). Среди реакций Группы 2 можно наблюдать антропонимы *гайзер* и *Куратов*. Использование имен собственных неслучайно. Как считает Ю.Н. Караулов, информация о проблемах и событиях текущей жизни общества занимает довольно заметное место в ассоциативно-вербальной сети респондентов. Информация носит не постоянный характер и зависит от конъюнктуры, складывающейся в разных областях жизни в момент анкетного опроса [Караулов 1994: 196]. Вячеслав Михайлович Гайзер был Главой Республики Коми с 2010 по 2015 год. В период проведения эксперимента (октябрь 2015 г.) это имя было на слуху у жителей Коми края в связи с отстранением главы Республики от должности в конце сентября 2015 г. указом президента из-за преступной деятельности [<http://www.bnkom.ru/data/news/48211/>]. Надо отметить, что антропоним был написан с маленькой буквы. На наш взгляд данная орфографическая ошибка была сделана неслучайно. Написание имени собственного с маленькой буквы может говорить о пренебрежительном отношении к человеку. В ассоциативном поле слова – стимула «коми» мы находим реакцию *Куратов* и это неслучайно, так как Иван Алексеевич (1839 – 1875) является основоположником коми литературы. Произведения коми писателя, лингвиста, переводчика и поэта входят в обязательную школьную программу по литературе Коми края. По мнению Ю.Н. Караулова, «прецедентные тексты русской и мировой литературы разнообразных жанров и эпох составляют самую значительную часть в числе культурного типа реакций... Прецедентные тексты литературы задаются в предречевой готовности ассоциативно-вербальной сетью» [Караулов 1994: 107]. Одним из способов введения прецедентного текста в дискурс является использование имени автора. На определенном уровне развития языковой способности и общей культуры личность обнаруживает повышенную тягу к вбиранию в себя иностранных слов. В речи молодежи варваризмы встречаются чаще, выступая как своего рода украшательство, как отличительный знак «наших» [Караулов 1994: 197]. В АП слова «коми» Группы 2 встречается варваризм *ныв*, что в переводе с коми языка означает «девочка» [<http://komi.academic.ru/17374/%D0%BD%D1%8B%D0%B2>]. Семантическая зона «**Кто**» в АП Группы 1 представлена большим количеством реакций (33) по сравнению с Группой 2 (16), однако немногочисленные реакции Группы 2 отличаются разнообразием, которое подчеркивает культурно-национальную принадлежность респондентов. Наиболее частотные реакции данной семантической зоны в обеих группах совпадают.

2. Семантическая зона «**Что**» в АП Группы 1 представлена 72 реакциями, что составляет 64,3 % от общего числа реакций, полученных в результате эксперимента. Из них 11 разных реакций – 15, 3% от числа разных реакций. Самыми частотными реакциями данной семантической зоны являются *язык* (33), *республика* (19), *край* (8), *земля* (4). Вслед за Ю.Н. Карауловым отметим, что мысленное воспроизведение образа предмета или понятия является одной из форм хранения и актуализации знаний в сознании носителей языка. Вербальная фиксация «наглядных картинок» (термин Ю.Н. Караулова) вызывает у интерпретатора экспериментального материала либо визуальный образ, либо «образы», связанные со слуховыми, вкусовыми, осязательными и обонятельными ощущениями. Визуальные реакции являются самыми распространенными на всем массиве АВС (ассоциативно-вербальная

сеть) [Караулов 1994: 198]. В АП Группы 1 мы можем наблюдать визуальную реакцию (*леса*), т. е. респонденты ассоциируют понятие «коми» с лесом и это неслучайно, так как особенно в южной части Республики лесные массивы занимают большую территорию. «Наглядная картинка» суровых климатических условий Коми края представлена осязательным образом *холод*.

Семантическая зона «**Что**» в АП Группы 2 представлена 24 реакциями, что составляет 54,5% от общего числа реакций, полученных в результате эксперимента. Из них 7 разных реакций – 29,2 % от числа разных реакций. Самыми частотными реакциями данной семантической зоны являются *язык (12)*, *Республика (4)*, *край (4)*. Все реакции являются положительными и нейтральными. Семантическая зона «**Что**» в АП Группы 1 представлена большим количеством реакций (72) по сравнению с другими семантическими зонами в АП Группы 1 (Сравним: «**Кто**» (33), «**Что**» (72), «**Какие**» (1), «**Каковы**» (1), «**Где**» (4)). Следовательно, для русских слово – стимул «коми» в основном ассоциируется с общими понятиями. Такая же тенденция прослеживается среди ответов представителей коми этноса. Семантическая зона «**Что**» в АП Группы 2 количественно преобладает среди двух других семантических зон (Сравним: «**Что**» (24), «**Кто**» (16), «**Какие**» (1)).

3. Семантическая зона «**Какие**» в АП Группы 1 составляет 0,9 % от общего числа реакций, полученных в результате эксперимента, и состоит всего из 1 реакции, которая является положительной (*родной*). Семантическая зона «**Какие**», представленная в АП Группы 2, составляет 2,3 % от общего числа реакций, полученных в результате эксперимента, и состоит всего из 1 изобразительной визуальной реакции (*больше Франции*).

4. Семантическая зона «**Каковы**» в АП Группы 1 составляет 0,9% от общего числа реакций, полученных в результате эксперимента, и состоит всего из 1 реакции, которая является отрицательной (*фу*), на что указывает семантика самого ответа. Семантическая зона «**Каковы**» в АП Группы 2 не представлена.

5. Семантическая зона «**Где**» в АП Группы 1 представлена 4 реакциями, что составляет 3,6% от общего числа реакций. Из них 2 разные реакции – 50% от числа разных реакций. Данная семантическая зона представлена топонимами *Сыктывкар (3)* и *Россия*, причем топоним *Сыктывкар* является частотным. Семантическая зона «**Где**» в АП Группы 2 не представлена.

Подведем некоторые итоги. В сознании русских, постоянно проживающих на территории Республики Коми понятие «коми» ассоциируется, прежде всего, с *языком (33)*, *республикой (19)*, *народом (18)*, *краем (8)*, *русскими (5)*, *землей (4)*, *людьми (2)*, *Сыктывкаром (2)*. По качественным характеристикам «коми» представляются русским *странными (1)*, но *родными (1)*. По пространственным характеристикам «коми» - это *леса (1)*, по ощущениям «коми» – это *холод(1)*. Русские респонденты не идентифицируют себя как коми этнос, на что указывает реакция «*не я*» на слово – стимул «коми». В сознании представителей коми этноса, понятие «коми» вызывает следующие ассоциации: *язык (12)*, *народ (8)*, *Республика (4)*, *край (4)*, *русский (2)*, *родина (2)*. В отличие от русских, коми этнос считает Республику своей родиной. По пространственным характеристикам «коми» в сознании респондентов коми этноса представляется *больше Франции (1)*. В АП Группы 2 положительные характеристики понятия «коми»: *здорово (1)*, *сила(1)*, составляют 4,5% от общего количество реакций. Нейтральные реакции Группы 2 составляют 95% от общего количества реакций. Отрицательные реакции отсутствуют. В АП Группы 1 нейтральные реакции составляют 98,2%, отрицательные

– 0,9 % (*фу*), положительные реакции – 0,9% (*родной*) от общего количества реакций. Как видно из статистики, отношение русских к понятию «коми» является в большей степени нейтральным, с незначительным процентом отрицательной характеристики. Отношение коми этноса к понятию «коми» так же имеет в большей степени нейтральный окрас с небольшим процентом положительных реакций. В целом образ «коми» представлен нейтральными ассоциатами в сознании респондентов, что говорит о положительной тенденции развития их взаимодействия на общей территории.

Таким образом, задача исследования выполнена. При помощи метода «семантического гештальта» мы выявили стереотипные представления об образе «коми» в языковом сознании русских и коми, говорящих на русском языке. В результате анализа полученного материала были выявлены сходства и различия стереотипных представлений, на формирование которых непосредственное влияние оказывают такие факторы как территория и этнический состав населения региона. У представителей коми этноса реакции отличаются разнообразием, которое подчеркивает культурно-национальную принадлежность респондентов. Гипотеза исследования подтвердилась. Стереотипные представления о «коми» у русского и коми этносов в незначительной степени отличаются.

Литература

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции: Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н. Караулов и др. – М., 1994. – Ч. I. – С. 190–218.

Караулов Ю.Н. Показатель национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 191–206.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность: коллективная монография / РАН Ин-т языкознания; отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: – 1993. – С. 16 – 21.

Леонтьев А.А. Основы Психолингвистики. – М.: Смысл; Академия, 2005. – 288 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение (МО) – новая онтология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. тр. / РАН Ин-т языкознания; отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1996. – С. 7–22.

Уфимцева Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование // Изв. РАН. Серия «Литература и язык». – Т. 54. - № 3. 1995. – С. 55–62.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. 2003. – № 1 (1). – С. 102–109.

Срок следствия по делу Гайзера продлен до 18 сентября / БНК Информационное агентство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/48211/> (дата обращения 2. 04. 2016).

Коми–русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://komi.academic.ru/17374/%D0%BD%D1%8B%D0%B2> (дата обращения 2. 04. 2016).

**THE IMAGE OF 'KOMI' IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF PUPILS AND STUDENTS IN KOMI REPUBLIC
(ON THE MATERIAL OF FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)**

Anna V. Razumkova

Post-graduate of Institute of linguistics of Russian academy of sciences
Kaluga town, 8 Kibalchicha St., 243
e-mail: razumkova89@mail.ru

Ethnic stereotypes as components of ethnic consciousness play a crucial role in intercultural communication and often cause misunderstandings and even conflicts. The study of language consciousness of different cultures, the identification of general and specific in their images of the world are of great importance for the optimization of communication. The article presents the results of the study of stereotyped notions about the image of the word «komi» in the minds of Russian population, permanently living in Komi Republic, and Komi population speaking Russian. The material of the study was the results of the free associative experiment conducted in Komi Republic. The fragment of the image under consideration is modeled in the article. Using the method of «semantic gestalt» we have identified similarities and differences of stereotypes, the formation of which is directly influenced by such factors as territory and ethnic composition of the population of the region. The reactions of the Komi ethnos are varied. This variety of the reactions underlines the cultural and national identity of the respondents. The results show that the stereotyped notions about the image of the word «komi» in Russian and Komi ethnos are slightly different.

Keywords: image of the world, language consciousness, stereotyped notions, semantic gestalt, associative field, free associative experiment.

References

Karaulov Yu.N. Russkij asociativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij istochnik i instrument analiza yazykovej sposobnosti [Russian associative dictionary as a new linguistic source and the instrument of the analysis of language ability] / Yu. N. Karaulov // Russkij asociativnyj slovar'. Kn. 1. Pryamoj slovar': ot stimula k reakcii: Asociativnyj tezaurus sovremennogo russkogo yazyka [Russian associative dictionary. Book 1. The direct dictionary: from stimulus to reaction: Associative thesaurus of modern Russian language] / Yu.N. Karaulov i dr. M., 1994. pp. 190–218.

Karaulov Yu.N. Pokazatel' nacional'nogo mentaliteta v asociativno-verbal'noj ceti [The index of the national mentality in the associative verbal net] // Yazykoe soznanie i obraz mira. Sbornik statej [Language consciousness and the image of the world. The collection of articles] / Otv. red. N.V. Ufimceva. M., 2000. pp. 191-206.

Leont'ev A.A. Yazykoe soznanie i obraz mira [Language consciousness and the image of the world] // Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost': kollektivnaya monografiya [The language and the consciousness: paradoxical rationality: collective monograph] / RAN In-t yazykoznaniiya; otv. red. E.F. Tarasov. M.: 1993. pp. 16 – 21.

Leont'ev A.A. Osnovy Psiholingvistiki [The fundamentals of psycholinguistics]. –

М.: Smysl; Akademiya, 2005. – 288 p.

Tarasov E.F. Mezukul'turnoe obshchenie (MO) – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya [Intercultural contact – a new ontology of the analysis of the language consciousness] / E.F. Tarasov // Ehtnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya: sb. nauch. tr. [Ethnocultural specific of the language consciousness: the collection of science works] / RAN In-t yazykoznaniya; otv. red. N.V. Ufimceva. M., 1996. pp. 7-22.

Ufimceva N.V. Ehtnicheskie i kul'turnye stereotipy: kross-kul'turnoe issledovanie [Ethnic and cultural stereotypes: cross-cultural research] // Izv. RAN. Seriya «Literatura i yazyk» [Proceedings of the Institute of linguistics of Russian academy of sciences. Series "Literature and language"]. – T. 54. – № 3. 1995. pp. 55-62.

Ufimceva N.V. Yazykovoe soznanie kak otobrazhenie ehtnosociokul'turnoj real'nosti [The language consciousness as the representation of ethno cultural reality] / N.V. Ufimceva // Voprosy psiholingvistiki [Questions of psycholinguistics]. 2003. – № 1 (1). pp. 102-109.

Srok sledstviya po delu Gajzera prodlen do 18 sentyabrya [The deadline of trial on the question of Gajser has been prolonged till the 18th of September] / BNK Informacionnoe agentstvo [The information agency] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/48211/> (data obrashcheniya 2. 04. 2016).

Komi–russkij slovar' [Komi – Russian dictionary] [Elektronnyj resurs]. URL <http://komi.academic.ru/17374/%D0%BD%D1%8B%D0%B2> (data obrashcheniya 2. 04. 2016).

ОБРАЗ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У КИТАЙЦЕВ

Чжу Жуйшуан

Аспирант, ИЯз РАН

125009, Москва, Б. Кисловский пер. 1,

e-mail: kaixinzhrsh@hotmail.com

В данной статье представлено подробное описание и анализ образа моральных ценностей китайцев. Под моральными ценностями подразумеваются основные взгляды и мнения индивида относительно собственного и чужого поведения, моральных качеств и различных социальных явлений.

Ключевые слова: мораль, моральные ценности китайцев.

Китай является древней цивилизацией свыдающей традиционной культурой, оказавшей сильнейшее влияние на образ мышления и нормы поведения китайской нации. Основным элементом традиционной китайской культуры является конфуцианство, оказавшее влияние на способ мышления, поведение, моральные ценности и формирование личности каждого китайца. В основе традиционной китайской этики лежит семья, ценности которой, в свою очередь, основаны на конфуцианской культуре. Следовательно, все общественные организации основаны на семейных ценностях. Межличностные отношения так же являются производными семейных отношений, в результате чего в центре моральных ценностей так же лежит семья.

Китайская нация за длительный период своего развития сформировала свою традиционную мораль и ценности. Мораль не только содержит в себе особые нормы и порядок действий, но и опирается на высокую степень развития человеческого сознания, совести и убеждений, является продуктом человеческой истории. Система моральных ценностей оказывает влияние на общее понимание и основную оценку индивидуального и коллективного поведения, моральных качеств личности и одновременно служит для нее моделью поведения.

1. Мораль

Особое значение в истории китайской культуры имеет концепция Дао дэ. Лао Дзы говорит: Дао даёт им появиться, Дэ взращивает их, отрешение от мыслей даёт им вырасти, внешние условия позволяют им добиться успехов. Поэтому всё сущее без исключения почитает Дао и добродетель [陈. 注译 2008: 206]. Здесь Дао – это истина, которая имеет место на протяжении всей жизни всех живых существ. Иероглиф Дэ впервые появился в период Династии Шан, вплоть до Западной Джоу, и только тогда стал обозначать важность нормы Дао дэ. Ло Годзе считает: Дао дэ есть как раз специфика жизни социума, predetermined экономическими отношениями, зависит от внутренних убеждений человека и способов сохранения особенностей общества, одновременно на основе представления о добре и зле приводятся оценочные принципиальные нормы, совокупность психологического сознания и поведения [罗 1982]. Вэй Инмин, с одной стороны, считает, что так называемое Дао дэ – это система норм отношений между человеком и природой,

между совершенной индивидуальностью и человеком, который приспосабливается к другому человеку, между поступками и эмоциями, между понимаем о фальше и истине, справедливости и своекорыстии и др. Вместе с тем зависит от общественного мнения и честности руководства [魏 1990: 27].

Концепция Дао дэ имеет большое влияние на китайское традиционное сознание, Дао дэ стало критерием баланса добра и зла, истины и лжи в разных сферах жизни общества.

Дао в философии обозначает принципы и закономерности изменения явлений. Люди знали, что они сначала постигали само Дао, совершенствовали свой уровень Дао, одновременно непрерывно его распространяли, таким образом, давая людям прочувствовать и осознать Дао [李 1991].

Согласно конфуцианской школе Дао – это стратегия управления государством и забота о благе народа, наивысшие политические идеалы, основные принципы человеческой жизни, концентрации власти, моральных принципов, понимание Дао дэ как единство сущностей. Есть множество различных концепций Дао дэ, однако, самое важное это то, что в основе основ Дао Дэ является первопричиной. Конфуцианская школа считает, что Дэ это конкретный образ в виде Дао, а также это понимание Дао как прагматически, так и опытным путем. В конфуцианском понимании отношение Дао и Дэ по сути является отношениями между субстанцией и акциденцией, Дао как основа Дэ, то есть Тело, Дэ есть воплощение Дао. Конфуцианское Дэ обычно определяется как Дао – осмысление, осуществление на практике. Это воплощение в конкретной форме в образе Дао. Дао – это основа Дэ, его Тело, Дэ – это все, что достигнуто Дао, это проявление Дао [吴 2011: 10].

2. Моральные ценности

Система ценностей содержит много элементов, из которых наиболее важным является мораль. Будучи ядром системы человеческих ценностей, моральная составляющая с каждым днем приобретает все большее значение. Моральные ценности возникают из нравственных ощущений человека, стремящегося к единству добра и красоты, и являются определяющим внутренним принципом отношений человека с природой, другими людьми и сами собой. Моральные ценности соотносятся с конкретной эпохой, обладают устойчивостью, а также множеством особенностей, вызванных различиями культурных типов и индивидуальных особенностей. В нравственной жизни человека моральные ценности выполняют такие функции, как «руководство», «стандарт», «преодоление» и «идентичность».

2.1. В философии

Моральные ценности являются понятием в философии и в целом представляет собой набор положительных качеств, высоконравственного поведения, высоких моральных качеств и благородных моральных идеалов, формирующих духовные ценности. В общественной жизни зачастую каждый человек сознательно или бессознательно оценивает свое и чужое поведение с точки зрения своей системы ценностей.

Китайцы считают, что только самосовершенствованием и культивированием духа можно добиться блага, основанного на морали. Основной принцип: сначала справедливость, затем – благо. В основе китайских традиционных ценностей лежит мораль. Древняя этика является ведущей отраслью в науке, и другие дисциплины

часто используют ее в качестве исходной точки и завершения. Политика как наука сводится к различию между низким и высоконравственным человеком, естественные науки приобрели этическую окраску. Цай Юаньпэй рассматривал этику как «единственную развитую в Китае науку». Мораль является «университетом», тогда как технология – «малым учением» или даже «низкой наукой», которую вместе с астрономией, математикой, географией, гидротехникой и агрономией презирает благочестивый человек. Ло Су показывает, что Китай обладает очень развитой идеологией, в которой нравственные качества важнее детального научного знания [罗 1990].

В основе китайской традиционной концепции отсутствует стремление к выгоде, человек рассматривается в качестве нравственного существа, а добро и зло – в качестве естественной природы человека. Главной особенностью человека считается умение различать добро и зло. Добродетель и корысть противоположны друг другу. Для того, чтобы сохранить добродетель, необходимо подавить низменное желание наживы пониманием того, что справедливость всегда важнее прибыли. Китайские традиционные ценности если и включают благополучие (благо), то за ним непременно следуют нормы нравственности, которые за счет ограничения лишнего превращают его в моральное благосостояние.

Основные элементы китайской традиционной системы ценностей являются философскими, они подчеркивают коллективизм, стоявший у истоков китайского способа производства. Со времен династии Цинь люди находились под влиянием конфуцианства, в сознании формировалась система ценностей на основе «совершенствования и спокойствия» посредством таких устремлений к добродетели, как «три превосходных качества» (добродетель, мудрость, мужество), «четыре устоя» (приличие, справедливость, честность, стыд), «пять добродетелей» (добродетель, благопристойность, мудрость, честность и доверие), «восемь благ» (сыновняя почтительность, братство, верность, надежность, такт, справедливость, честность, стыд), в конечном итоге достигнув «совершенной мудрости и добродетели» и самосовершенствования. Через борьбу «справедливости и выгоды», «норм этики и человеческих страстей», «государственного-частного», «знания и действий» стремясь к конфуцианскому «единству человека с добродетелью» [陈. 注译 2008: 241].

Добродетель, благопристойность, мудрость, честность и доверие лежат в основе китайских традиционных моральных ценностей, главными из них является добродетель и благопристойность [辜 2007: 158]. Конфуцианская идея «гуманности» определяет отношения между людьми, «добродетель» является основной идеей Конфуция. Эта идея способствует взаимодействию, поддержке, любви и уважению между членами общества [杨 2006: 70-71].

Согласно конфуцианским традиционным ценностям, человек должен быть до конца верен своей стране и почитать своих родителей. В основе самосовершенствования, соблюдения порядка в доме, управления государством, поддержания мира лежит семья, и все человеческие отношения делятся на отношения между правителем и подчиненными, родителями и детьми, стариками и молодежью, старшими и младшими братьями/сестрами, мужем и женой, друзьями в рамках семьи. При этом особое значение придается «почитанию» («孝») и «преданности» («忠»). «Почитание» восходит к религиозному ритуалу поклонения предкам. Утвержде-

ние, что «из всех моральных принципов самое важное - это почитание родителей» и «сыновняя почтительность — природа морали» позволяют глубже понять основные моральные принципы почитания, на которых основан механизм функционирования семьи и государства как одного организма. Считается, что у милосердных родителей почтительные дети, однако само понятие «милосердие» редко упоминается. Кроме конфуцианских моральных ценностей влияние на китайский народ оказали также даосизм и буддизм.

2.2. В жизни

Древние китайские мыслители считали: «Небо, земля, человек и предметы не являются независимыми, не представляют собой систему противоборствующих элементов, а являются единым неделимым целым. Они все находятся в потоке жизни или в ауре, наполненной жизненной энергией» [郭 2009]. Таким образом, люди не могут находиться вне среды обитания, окружающая среда является необходимым условием для выживания человека. Китайцы издавна придавали значение симбиотическим отношениям между человеком и окружающей средой, и поэтому эти отношения лежат в основе моральных ценностей китайцев. В связи с этим традиционная китайская культура во все отношения вкладывала именно этот смысл.

Жизнь китайцев зависела от аграрных условий, они редко переселялись и все радости и печали разделяли вместе. В условиях самодостаточного натурального хозяйства китайцы зависели от погодных условий и больше внимания уделяли гармонии между небом, землей и человеком.

Социальная надстройка оказывает сильное влияние на формирование моральных ценностей. В Китае правитель использует основные идеи конфуцианства в качестве руководящих принципов общественных моральных ценностей, теоретической основой авторитарного режима.

Конфуцианство ведет к распространению гуманности, развитию человеческого духа до степени «единства с землей и небом», слиянию, при котором каждый элемент сохраняет свою природу и находится на своем месте. Конфуцианское отношение к природному единству подразумевает любовью к порядку, умеренности, стремление к «единству природы и человека».

Китайский буддизм содержит в себе глубокую этическую составляющую, китайские моральные ценности подверглись его сильному влиянию, в буддийских священных сводах большое место уделяется отношениями между человеком и природой. Под влиянием китайских традиционных моральных ценностей отношения древних китайцев с природой отличались относительной гармонией. «Сельский Китай» сохранил поэтичность в китайской истории.

Как мы видим, в китайской культуре мораль является практическим способом существования человека в мире, является надстройкой и формой сознания. Исходя из этой точки зрения, мораль наделяла различные исторические периоды развития общества различным моральным обликом с соответствующей системой моральных ценностей. Таким образом, понятие морали служит для систематизации научного знания о нравственности и добродетели.

Таким образом, моральные ценности являются важной составляющей всей системы ценностей. Однажды сформировавшись, они оказывают непосредственное влияние на человека, управляют его моральными суждениями и оценками,

контролируют процесс выбора и реализации форм поведения, являются основой индивидуальной системой ценности.

Литература

- 陈鼓应. 注译. 老子今注今译[M]. 北京: 商务印书馆, 2008, 486.
辜正坤. 中西文化比较导论[M]. 北京: 北京大学出版社, 2007, 381.
郭齐勇. 中国儒学之精神[M]. 上海: 复旦大学出版社, 2009, 343.
李连科. 哲学价值论[M]. 中国人民大学出版社, 1991, 264.
罗国杰. 马克思主义伦理学[M]. 北京: 人民出版社, 1982, 611.
罗素. 中国问题[M] 北京: 东方出版社, 1996, 207.
魏英敏. 伦理道德问题再认识[M]. 北京: 北京大学出版社, 1990, 250.
吴光. 从体用关系角度理解儒家的道德论述——兼论当代儒学的核心价值观[J]. 江南大学学报(人文社会科学版), 2011, 10(6): 10-15.
杨杰. “仁义礼智信”道德观及其实现价值[J]. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), 2006, 6: 75-77.

П П

THE CHARACTER OF CHINESE ETHICAL VALUES

Zhu Ruishuang

PhD, The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
125009, Moscow, Bolshoy Kislovskiy per. 1
e-mail: kaixinzhrsh@hotmail.com

This article gives a detailed exploration of the character of Chinese ethical values. Moral values are understood as basic attitudes of an individual towards own and alien behaviour, moral standards and different social phenomena.

Keywords: morality, Chinese moral values.

References

Chen G. Perevod «Lao Dzy» na sovremennyj jazyk [The translation of «Lao Zi» into modern language]. Beijing: Beijing commercial Publ., 2008. 486 p.

Go C. Duh kitajskogo konfucianstva [The spirit of Chinese Confucianism]. Shanghai: Fudan University, 2009. 343 p.

Gu C. Vvedenie v sravnenie kul'tury Kitaja s zapadom [Introduction to the comparison between Chinese and Western cultures]. Beijing: Beijing University, 2007. 381 p.

Jan' C. Moral'nye cennosti i ih vypolnenie cennostej «Dobrodetel', Blagopristojnost', Mudrost', Chestnost' i Vera» [Moral value and their performance values of «Benevolence, Righteousness, Propriety, Wisdom and Integrity»]. Vestnik Czikarskogo universiteta [Journal of Qiqihar University], 2006. no. 6. pp. 75-77.

Li L. Filosofskaja aksiologija [Philosophical axiology]. Beijing: Renmin University of China, 1991. 264 p.

Lo G. Marksistskaja jetika [Marxist ethics]. Beijing: People's Publ., 1982. 611 p.

Lo S. Problema Kitaja: per. s angl. [The Problem of China]. Beijing: Eastern Publ., 1996. 207 p.

U G. Diskurs morali ponimanija konfucianstva s točki zrenija sushhnosti i javlenija - opisanie cennostej jadra sovremennogo konfucianstva [Understanding of the moral discourse of Confucianism in terms of the nature and description – core values of the contemporary Confucianism]. Vestnik Czjannan'skogo universiteta [Journal of Jiangnan University], 2011. 10 (6). pp. 10-15.

V'ej I. Poznanie moral'nogo voprosa jetiki [Knowledge of the moral question of ethics]. Beijing: Beijing University, 1990. 250 p.

УДК 10.02.19

**«ГОРА» и «ДАĞ» В РУССКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ:
ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ**

Сарач Хакан

Аспирант кафедры теории дискурса и коммуникации
филологического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, д. 1, корп. Г, кв. 402, Москва. 119234
e-mail: sarachk@mail.ru

В нашем исследовании мы рассматриваем особенности семантики таких единиц природно-ландшафтного культурного кода, как «гора» и «dağ», которые проявляются в их функционировании в составе фразеологизмов. Помимо этого, проанализировав русские языковые данные в сопоставлении с турецкими, мы попытались выявить базовые сходства и различия двух лингвокультур.

Ключевые слова: природно-ландшафтный код культуры, фразеологизм, семантика, русский язык, турецкий язык.

Проблема взаимодействия и взаимосвязи языка и культуры в гуманитарных науках активно исследуется и обсуждается исследователями именно в русле языкознания со времён В. Фон Гумбольдта до нашего времени. Данная проблема стала одной из центральных для многих интенсивно развивающихся направлений современной лингвистической науки, а именно для таких, как этнолингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика и др.

В лингвистических исследованиях пристальное внимание уделяется изучению культурных факторов, влияющих на развитие и функционирование языка, язык и культура рассматриваются в их взаимосвязи и взаимодействии. Соответственно, проблема воплощения культурной семантики в языковом знаке разрабатывалась учеными в разных сферах науки – как в филологии, так и в семиотике (В.Н. Топоров, Ю.С. Степанов, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский и др.), этнолингвистике (Н.И. Толстой, В.В. Иванов, С.М. Толстая, Е. Бартминский, Е.А. Березович и др.), лингвострановедении (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин и др.), когнитивной лингвистике (Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова) и фразеологической семантике (В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова, Г.В. Токарев, В.И. Зимин и др.).

Впервые лингвокультурологический подход к анализу культурной семантики в фразеологических единицах применён в работах В.Н. Телия и её школы (М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Зыкова, И.В. Захаренко и др.)

В настоящее время активно ведется описание лингвистического отражения культурных кодов в рамках лингвокультурологического анализа. В то же время сопоставительных работ по этой теме практически не существует, например, нет исследовательских проектов, посвященных сравнению русских и турецких культурных кодов. Мы не случайно обращаемся именно к фразеологическим единицам, т.к.

им принадлежит особая роль в процессе «означивания» мира в силу их принадлежности к двум семиотическим системам: они являются одновременно знаками языка и знаками культуры. «Фразеологизм – языковая сущность, но благодаря референции к культурному знанию у нее создается культурная коннотация, «переводящая» фразеологизм в другой семиотический ранг. Фразеологизм начинает выполнять функцию символа, эталона, стереотипа и т.п., тем самым играет роль культурного знака» [Гудков, Ковшова 2007: 92]. Именно поэтому «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996: 9].

По мнению В.Н. Телия, коды культуры – это «те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода “обозначаемыми” собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой “подоснову” культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [Телия 2005: 38]. Мы понимаем под кодом культуры, вслед за В.Н. Телия, совокупность имен или их сочетаний, которые в добавление к своим основным собственно языковым значениям несут культурные смыслы, позволяющие данным языковым единицам выступать в роли тел знаков языка культуры.

Природно-ландшафтный код культуры занимает одно из центральных мест среди иных культурных кодов (соматического, архитектурно-домоустроительного, гастрономического и др.). «Природа создана для человека, он же, неустанно трудясь, творил «вторую природу» – пространство культуры. По происхождению своему культура не может быть вне природы. Без природы не было бы культуры, потому что человек, живущий в природном окружении, созидает свой искусственный, рукотворный мир, используя ресурсы природы» [Гуревич 2008: 32]. Таким образом, природа, будучи одним из базовых понятий науки, антропологии и культуры, формирует один из базовых кодов культуры.

Вслед за В.Н. Телия, мы считаем, что «природно-ландшафтный код представляет собой совокупность имен и/или их сочетаний, обозначающих природные объекты или их части – элементы ландшафта, в том числе – освоенные человеком в их отдельном бытии или диспозиции – взаиморасположении» [Гудков, Ковшова 2007: 97]. Приведём некоторые примеры фразеологизмов, отражающих культурные представления, связанные с природно-ландшафтными объектами: *чёртова пропасть; между кем-, чем-л. пропасть; на вершине славы; становится поперек дороги/пути кому-л.; час пик; пути расходятся.*

Рассмотрение культурных значений компонентов фразеологизмов, являющихся одновременно единицами природно-ландшафтного кода, таких как «Гора» и «Dağ», основано на следующей гипотезе: компонент в образе фразеологизма принадлежит одновременно двум семиотическим системам – системе естественного языка и системе кода культуры. Естественный язык представляет собой первую семиотическую систему, а культурный код относится ко второй семиотической системе. Кроме естественного языкового значения компонент фразеологизма актуализирует в образе языкового знака то глубинное, культурное значение, которое принадлежит коду культуры и добавляется, присоединяется в виде культурной

коннотации к собственно языковому прочтению фразеологизма. Образ «Гора» в составе фразеологизма восходит к тем представлениям, которые связаны с этим образом – с мифологемами, символами, стереотипами и т.п. в русской культуре, а образ «Даğ» восходит к представлениям, которые сложились в турецкой культуре. Безусловно, единицы природно-ландшафтного кода культуры обладают универсальным содержанием для разных культур, и именно это позволяет представителям разных культур понимать друг друга, в том числе и на глубинном уровне мифологем или стереотипов. В то же время имеются и различия в содержании единиц природно-ландшафтного кода. Для обоснования вышесказанного обратимся к анализу русского и турецкого фразеологического материала с компонентами «Гора» и «Даğ».

Проведем анализ конкретных языковых единиц. Компоненты различных фразеологизмов «Гора» и «Даğ» соотносятся с природно-ландшафтным кодом культуры. Во многих мифологиях мира гора является аналогом мирового дерева – образа, воплощающего универсальную модель мира, характерную для мифопоэтического сознания [Большой энциклопедический словарь 1991: 398-405].

ГОРА в русском языке

При освоении человеком окружающей среды, особенно природно-ландшафтных объектов, «природные элементы входят в состав мыслимого, оставляя следы в материи философского письма – подобно прожилкам в мраморе. Мысль не может существовать вне своего места, ей небезразлично собственное местоположение в структуре бытия» [Подорога 1993: 248]. «Гора» является одним из природно-ландшафтных компонентов мироздания.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, Гора – «значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью» [Ожегов 2014: 123]. Твёрдость, тяжесть, неподвижность, незыблемость, устойчивость и другие онтологические признаки «камня» часто переосмысляются в метафорическом значении. Следовательно, «Гора» помимо своего общеязыкового значения, обладает ещё и культурными смыслами, позволяющими данной языковой единице выступать в роли тела знака языка культуры. Понятие «Гора» «насыщено» мифологическими, ритуальными, социальными, социально-бытовыми устойчивыми представлениями и символическими смыслами. Именно поэтому мы присоединяемся к подходу Н.И. Толстого, полагающего, что «Гора» в народной космогонии – это локус, соединяющий небо, землю и «тот свет», место обитания нечистой силы, совершения обрядов и т.д.), и по своим природным свойствам «Гора» (а также холм, курган и т.п.) – это вертикаль, связывающая верх и низ, что определяет двойственность представления о горе, с одной стороны, как о чистом, с другой стороны, как о демоническом локусе» [Славянские древности 1995: 520-521]. Во многих мифологиях мировая «Гора» связана со следующим мифологическим представлением: «на её вершине обитают боги, под горой (или в её нижней части) – злые духи, на земле (посредине) – люди. Проекция трехчленного мирового дерева или мировой горы на сферу социальных отношений нашло своё отражение в их иерархичности – ср. выражения *городские низы, средний класс, верховная власть, верховный суд* и т.п.» [БФСРЯ' 2006: 261]. Всё вышесказанное свидетельствует о том, что

«Гора» «переросла» своё онтологическое определение и приобрела статус знака в природно-ландшафтном коде культуры.

Существует ряд фразеологизмов, в которых «Гора» выступает в качестве эталона² максимальной тяжести и, соответственно, неподвижности, в них реализуется базовая архетипическая оппозиция «легко-тяжело» и «верх-низ». Образ, заложенный в данных фразеологизмах, восходит к архетипической и наиболее древней форме мировидения и мировосприятия:

(Как) гора с плеч (свалилась): означает 'почувствовать полное облегчение'. Имеется в виду, что лицо или группа лиц избавились от чего-л. тягостного, обременительного, от забот, тревог и т.п.» [БФСРЯ 2006: 294]. Компонент «гора» соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры. С одной стороны, «гора» становится символом каких-либо тяжелых дел, требующих физических усилий и напряжения для человека, а с другой стороны, компонент «плечи» соотносится с телесным кодом культуры и оказывается связанным с представлением о физической силе (Ср.: *косая сажень в плечах, могучие плечи*).

Воротить (своротить) гору (горы) имеет значение 'делать большое дело, требующее огромных усилий' [ФСРЯ³ 1986: 80].

Как на каменную гору надеяться на кого-либо означает 'вполне, целиком надеяться, полагаться' [ФСРЯ 1986: 118]. В данном фразеологизме компоненты «гора» и «камень» соотносятся с природно-ландшафтным кодом культуры. При этом «гора» уподобляется человеку, которому можно доверять полностью. Эта ассоциация осуществляется через компонент «камень», чьё природное свойство – 'твёрдость' – осмысливается как надёжность того или иного лица.

В следующих фразеологизмах «Гора» выступает в качестве эталона чего-либо максимально большого. Образ фразеологизмов восходит к архетипической, древнейшей форме мировидания и мировосприятия, для которой характерно противопоставление «большого» и «маленького», «верха» и «низа»:

Обещать/сулить золотые горы означает 'обещать кому-либо сказочное богатство, благополучие и т.д.' [ФСРЯ 1986: 118]. В этом фразеологизме «гора» выступает в роли эталона чего-либо максимального большого по величине, размеру, объёму. Это древнее выражение связано с представлениями греков и римлян о несметных сокровищах восточных королей, особенно персидских. Слово «горы» в составе фразеологизма связано с тем, что золото, как и другие металлы, добывают в горных рудниках. Вероятно, что эта фраза пришла в русский язык из современных европейских языков. С древнейших времен понятие «золото» связано с многозначной символикой. Важно, что в русских мифологических представлениях «золото» символически ассоциируется с долговечностью, богатством. «Золото» оказывается знаком изобилия и удачи, что находит отражение в величальных песнях, гаданиях, колыдках и сказках и т.д. Компонент «золотой» соотносится с природно-вещным кодом культуры.

¹ Большой фразеологический словарь русского языка. / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.

² Эталон – это понятие используется, когда реалья служит мерой какого-либо количества или качества [БФСРЯ 2006: 13]

³ Фразеологический словарь русского языка. / Под. ред. А.И. Молоткова. М., 1986.

«Гора» может также выступать в роли знака удаленной границы и временной удаленности. В приведенных ниже фразеологизмах скрываются архетипические противопоставления: оппозиции «далеко-близко» и «свой-чужой». Образ фразеологизмов восходит к древнейшим формам коллективно-родового сознания, членения, категоризации и моделирования пространства «Мир – Хаос» в процессе культурного освоения окружающей среды человеком, при этом время метафорически уподобляется пространству:

Не за горами (1) означает ‘находится недалеко, рядом’. Подразумевается легко достижимое, доступное для человека пространство. Имеется в виду очень близкое, с точки зрения говорящего, расположение какого-л. строения, места, территории, реке – лица» [БФСРЯ 2006: 465]. Данный фразеологизм соотносится с природно-ландшафтным через компонент «гора» и также пространственным кодом культуры через предлог «за», т.е. с совокупностью имён природных объектов, являющихся ориентиром в создании пространства для человека и задающих систему его измерений.

Не за горами (2) означает ‘в ближайшем будущем’. Имеется в виду скорое приближение какого-л., как правило, важного, события, ожидание которого часто связано с радостью и с надеждой на его осуществление или с озабоченностью и хлопотами [БФСРЯ 2006: 465].

На Кудыкину гору (прост., шутил. или ирон.): ответ на вопрос «Куда идешь?» при нежелании отвечать. Существуют две основные гипотезы происхождения данного фразеологизма. Согласно первой, «оборот родился в среде охотников или рыбаков и связан с запретом-табу на определенные слова. Первоначально представлял собой ответ охотников на нежелательный для них вопрос о том, в какое место они отправляются на охоту, ибо по существовавшему в те времена поверью называть место охоты было нельзя – иначе не будет удачи». Вторая гипотеза связывает появление этого выражения с созвучным наречием «куда» и утраченным существительным «куд» – злой дух, дьявол. Существовала, например, поговорка «Не кудыкай, счастья не будет», известны также производные от «куд» слова: кудесить, кудесник [Культура письменной речи. Русский язык. Словарь фразеологизмов. <http://www.grammar.ru/RUS/?id=7.18&page=1&word=%CD%E0+%CA%F3%E4%FB%EA%E8%ED%F3+%E3%EE%F0%F3&bukv=%ED>].

Конечно, «Гора» задает вертикальное измерение в пространственной картине мира. При этом используется универсальная архетипическая пространственная метафора, при которой «верх» ассоциируется с изобилием, успехом, высоким положением, а «низ» – с малым количеством, неудачей и т.п. Это ярко проявляется в рассматриваемых ниже фразеологизмах:

Идти/пойти в гору (1) значит ‘добиваться все более высокого положения в жизни, в обществе; преуспевать, делать карьеру’. Подразумевается благоприятный период в жизни кого-л. Имеется в виду, что лицо или группа лиц благодаря своей энергичности, предприимчивости, приобретает авторитет, значение, вес в обществе; успешно ведет или развивает свое дело [БФСРЯ 2006: 260].

Идти/пойти в гору (2) означает ‘успешно развиваться’. Имеется в виду улучшение чьих-л. дел, развитие хозяйства, предприятия и т.п. [БФСРЯ 2006: 260]. По словам академика В.В. Виноградова, это выражение связано с особой карточ-

ной игрой – «горкой», в которой «идти в гору» означает «выигрывать». В обоих фразеологизмах «гора» соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры. Как мы неоднократно отмечали, коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями человека. Во многих мифологиях мировая «гора» состоит из трёх «уровней»: на её вершине обитают боги, на земле (посередине) – люди, под горой (или в её нижней части) злые духи. Именно в этом фразеологизме нашло своё отражение представление о сфере социальных отношений в иерархичности. Восхождение на гору уподобляется восхождению по социальной лестнице (лестница, как и трон, является вариантом преобразованием мирового дерева). Соответственно, это символизирует большой успех в деловой или социальной сфере жизни человека.

Под гору идти (катиться) (1) означает ‘развиваться не в неблагоприятном направлении; резко ухудшаться’ [ФСРЯ 1986: 183].

Под гору идти (катиться) (2) имеет значение ‘близиться к концу (о жизни)’ [ФСРЯ 1986: 118].

DAĞ в турецком языке

В турецких народных представлениях «Dağ», поднимающаяся в центре вселенной, является источником священной мощи. «Dağ» ассоциируется с великим началом жизни, основанием бытия, источником рода человеческого и символом родины. Космогонические воззрения тюрков обусловили поклонение горам. Кроме того, в турецкой мифологии «Dağ» ассоциируется с местом рождения, колыбелью бытия. Горные вершины, которые считались священными, турки наделяли специальными именами. Вот некоторые из этих имен: ‘*Земной Бог*’, ‘*Гора Отукен*’ (место слияния горы с небом), ‘*Великая гора*’. Согласно турецким мифологическим представлениям, горы могли расти из года в год и даже перемещаться с одного места на другое. Таким образом, «Dağ» считалась живым существом. Кроме того, важное место в турецкой мифологии занимала ‘горная душа’. Люди верили, что души гор защищают землю и родину. По турецким верованиям, человек чувствует себя ближе к самому Богу на вершине горы. Считается, что «Dağlar» ограждают людей от внешнего зла и опасностей [Beuydilli 2005: 145-149]. Многие представления, связанные с древнейшими верованиями, заняли место в картине мира турецкого народа, соответственно, их следы отчетливо видны в языке и культуре.

При этом можно заметить существенные различия между турецкими и русскими фразеологизмами с компонентом «Dağ», хотя, конечно, и в турецком языке находят отражение базовые архетипические метафоры и оппозиции. «Dağ», как и в русском, выступает эталоном чего-либо огромного, тяжёлого, неподвижного:

Dağ (dağları) devirmek (Букв. валить гору(-ы)): означает ‘делать большое дело, требующее огромных усилий’ [Aksoy 2013: 704].

Как и в русском языке, «Dağ» задает параметры «вверх» и «низа», что находит отражение в следующих фразеологизмах:

Alçacık dağları ben yarattım demek (Букв. говорить, что это я сотворил нижайшие горы): означает ‘вести себя высокомерно, поступать надменно и т.п.’ [Özdemir 2000: 241]. В данном случае речь идет о человеке, который ведёт себя так, как будто он сотворил мир, т.е. говорящий уподобляет себя Богу, что, конечно, осуждается в лингво-культурном сообществе. Данная единица (через компонент

«*уaratmak*» – ‘сотворить’) соотносится с религиозным кодом культуры. За счёт компонента «*alçasıık dađlar*» – ‘нижайшие горы’ – фразеологизм приобретает иронический оттенок: имеется в виду, что человек в рамках ограниченных физических сил может сотворить только низайшие горы, в то время как только Бог может создавать «высочайшие горы».

Aralarında dađlar kadar fark olmak (Букв. различие величиной в гору между людьми) употребляется «для обозначения большой разницы в чем-либо, например, большой разницы между двумя людьми в социальном положении, способностях и т.п.» [TDKRS⁴].

Burnu Kaf dađında olmak (Букв. чей-либо нос находится за горой Каф) означает ‘вести себя высокомерно и смотреть свысока на всех’. [Saraçbaşı, Minnetođlu, 2002: 171]. Данный фразеологизм восходит к мифологическому представлению, форме мировосприятия, для которой характерно противопоставление «верха-низа», «далекого-близкого». Компонент «нос» (*burnu*) соотносится с телесным кодом культуры. В этом фразеологизме «нос» (*burnu*), обладающий особой символикой в турецкой лингвокультуре, метонимически замещает человека. Компонент «гора Каф» соотносится с природно-ландшафтным и религиозным кодом культуры и символизирует волшебное, райское место. Согласно турецкой мифологии, «гора Каф» – сказочная гора, которая окружает мир со всех сторон, что находит отражение в сказках, сакральных текстах и народных представлениях [Beydilli, 2005].

«Даđ» противопоставляется обжитому, освоенному пространству, выступая как «чужое» пространство, таящее опасности. Образ фразеологизмов восходит к архетипической, древнейшей форме мировидения и мировосприятия, для которой характерно противопоставление «свой – чужой» и «далекий – близкий», что отчетливо отражается в следующих единицах:

Dađa çıkmak (Букв. уйти в гору) имеет значение ‘разбойничать, противодействуя государству’ [Yıldırım 2014: 99].

Dađa kaldırmak (Букв. утащить (девушку) в горы) означает ‘с какой-либо целью захватывать и насильно удерживать кого-либо’ [TDKRS].

Dađdan gelip bađdakini kovmak (Букв. спустившись с горы, выгонять тех, что в саду) значит ‘приходить в занятое уже место и пытаться занять его, т.е. выгонять кого-либо со своего места’ [Dođan 2011: 335].

Есть фразеологизм, в котором понятие «Даđ» оказывается тесно связано с другим компонентом природно-ландшафтного кода – «Снег» (*Kar*). При этом «Снег» (*Kar*) ассоциируется с чем-то неприятным, тяжёлым, несущим бедствие (Ср. в русск. *свалиться как снег на голову*).

Güvendiđi dađlara kar yađmak (Букв. снег выпадает на проверенные горы) означает ‘не получать помощи от человека, которому доверяешь и поддержку от которого ожидаешь’ [Saraçbaşı, Minnetođlu 2002: 346].

Существует стереотипное представление о том, что горный дух был спасителем земли и родины. Кроме того, по верованиям, Бог жил на вершине горы, поэтому для турецкого народа «Даđ» являлась олицетворением силы, защищающей от разных напастей [Beydilli, 2005], что находит свое отражение в следующем фразеологизме:

⁴ Турецкое лингвистическое общество (официальный сайт): www.tdk.gov.tr

Dağlara taşlara (Букв. горам камням) употребляется, «когда речь идёт о неприятных и несчастных событиях, так говорят, желая, чтобы эти события отделились от человека. Таким образом, неприятность отсылается к камням и горам, которым ничего не будет, так как они очень крепкие» [Doğan, 2011].

Итак, описывая культуноносные смыслы, лежащие в основе проанализированных фразеологических единиц с компонентом «Гора» (Dağ), мы попытались обратить пристальное внимание на языковые универсалии и национально-культурную специфику русского и турецкого народа и их роль в организации фразеологизмов. Мы выявили некоторые сходства и различия при сопоставлении материала на уровне образно-мотивированного значения фразеологических единиц, а также на культурном, глубинном и кодовом уровне.

Исследовав архаичные и мифологические представления русского и турецкого народа и проанализировав в рамках лингвокультурологического подхода языковые единицы, содержащих культурные смыслы в структуре языка, мы выделили следующие свойства природно-ландшафтного объекта «Гора» (Dağ), представленные в архаичной и мифопоэтической русской и турецкой картинах мира:

Неразрывная связь со временем: в русском языке – *не за горами*; в турецком языке – *отсутствует*;

Размерность: существует в обоих языках – *гора с плеч, воротить горы, обещать (сулить) золотые горы; dağ (dağları) devirmek, aralarında dağlar kadar fark olmak*;

Противопоставленность (базовые архетипические оппозиции): существует в обоих языках – *гора с плеч, воротить горы; dağ (dağları) devirmek, aralarında dağlar kadar fark olmak*;

Граница удаленности: в русском языке – *не за горами, на кудыкину гору*; в турецком языке – *отсутствует*;

Отчуждённость: существует в обоих языках – *не за горами, на кудыкину гору; dağa çıkmak, dağdan gelip bağdakini kovmak*;

Положительность («верх»), отрицательность («низ»): в русском языке – *идти в гору, катится под гору*; а в турецком языке – *отсутствует*;

Неразрывная связь с высшей сакральной ценностью: в турецком языке – *alçacak dağları ben yarattım demek*; в русском языке – *отсутствует*;

Уподобление человека «Горе» и горы «человеку»: существует в обоих языках – *как на каменную гору надеяться на кого-либо; güvendiği dağlara kar yağmak*.

Исходя из этого, мы пришли к следующему выводу: компонент «Гора» (Dağ), в основе которого положены метафорическая, метонимическая, пропозициональная и оппозитивная типы категоризации мира, является именем природно-ландшафтного кода и вносит культурную коннотацию⁵ в значение фразеологизмов.

⁵ «Культурная коннотация – это в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры. Применительно к единицам логического состава языка как знакам вторичной номинации, характерной чертой которых является образно-ситуативная мотивированность, которая напрямую связана с мироведением народа – носителя языка, средостением культурной коннотации, ее основным нервом является это образное описание». [Телия 1996: 214]

Коротко укажем на те основные значения, которыми обладает такая единица, как «Гора» («Даğ») в природно-ландшафтном коде русской и турецкой культуры.

Гора (в русском языке) выступает:

– в качестве эталона непомерной тяжести и, соответственно, неподвижности; во фразеологизмах реализуется базовая архетипическая оппозиция «легко-тяжело» (*гора с плеч, воротить горы*);

– в качестве эталона большого размера чего-либо (*гора дел, гора проблем*);

– в роли знака удалённой границы и временной удалённости (*не за горами, на кудыкину гору*);

– в роли компонента универсальной архетипической пространственной метафоры, при которой «верх» («в гору») ассоциируется с изобилием, успехом, высоким положением, а «низ» («под гору») – с малым количеством, неудачей и т.п. (*идти в гору, катится под гору*).

Dağ (в турецком языке) выступает:

– в качестве эталона чего-либо огромного, тяжёлого, неподвижного (*dağ (dağları devirmek), (Aralarında dağlar kadar fark olmak), (Alçacık dağları ben yarattım demek)*);

– как компонент архетипической метафоры и оппозиции «верх – низ», эталон большого размера чего-либо (*dağ (dağları) devirmek, aralarında dağlar kadar fark olmak*);

– как «чужое» пространство, таящее опасности (*dağa çıkmak, dağdan gelip bağdakini kovmak*);

– в тесной связи с другим компонентом природно-ландшафтного кода: KAR (*снег*). При этом KAR ассоциируется с чем-то неприятным, неожиданным, тяжёлым, несущим бедствие (*güvendiği dağlara kar yağmak*).

Мы проанализировали функционирование единиц «Гора» и «Даğ» во фразеологизмах русского и турецкого языков. Проведенный нами анализ выявил некоторые сходства и различия между русскими и турецкими фразеологизмами.

Общим является то, что турецкое «Даğ», как и русское «Гора», выступает эталоном чего-либо огромного, тяжелого, неподвижного. Кроме того, и в русском и в турецком языках «Гора» и «Даğ» выступают в качестве объекта, ассоциирующегося с надежностью, постоянством. Вероятно, это связано с тем, что в природе изменить расположение горы не так-то просто. Нужны долгие и долгие годы, чтобы на месте, где находятся горы, образовалась равнина.

Среди отличий отметим следующие: в русской фразеологии отсутствуют единицы, в которых лексема «Гора» связана с представлением о «чужом» пространстве, таящем опасности. В турецкой же фразеологии отсутствуют единицы, в которых эта лексема связана с пространственной метафорой, при которой «верх» ассоциируется с изобилием, успехом, высоким положением, а «низ» – с малым количеством, неудачей и т.п. В турецкой фразеологии также отсутствует ассоциация «Даğ» с далёким, удаленным пространством.

Таким образом, после детального рассмотрения данных языковых единиц, можно отметить, что с точки зрения основного физического восприятия объекта «гора» представления турецкого и русского народов сходятся, т.е. и турецко-, и русскоговорящие народы осмысливают «Гору» как нечто огромное, тяжелое, непод-

вижное и трудное для изменения, а следовательно, надёжное, что соответствует физическим характеристикам «горы».

Представления народов относительно «горы» расходятся в частности. Так, с точки зрения турков, «гора» чаще выступает в роли чужого пространства, в то время как русскоязычное население использует понятие «гора» для обозначения удалённой границы местности. Вероятно, это связано с тем, что русский и турецкий народы населяют разные по ландшафту территории: турецкий народ жил в окружении гор и, таким образом, ближайшая гора могла быть местом жительства другого народа, а русский народ, в основном, населял равнинную местность, где он мог легко представлять и использовать понятие «гора» в качестве меры удалённости.

Итак, проведя комплексный анализ, мы убедились в том, что в результате архетипического и мифологического осмысления «Гора» и «Dağ» являются не просто природно-ландшафтным объектом. В свете выше проанализированных языковых сущностей мифологический образ «Гора» и «Dağ» выступают в качестве комплекса культурных смыслов, придаваемых ему в символической и эталонной сферах (трудность, достижение, небесное царство, жизнь человека, доверие, местоприбытие богов и местообитание в себе некие тайны, подъем – улучшение, спуск – ухудшение и т.д.). Заслуживает внимания тот факт, что по мифологическим представлениям обоих народов, образ мировой горы не связывается обычно с реальной горой («Кудыкина» в русском языке и «Гора Каф» в турецком языке – это несуществующие горы). Неоднократно мы отмечали, что «гора» понимается как трёхчленная модель мира, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. Моделирование «Горы» (Dağ) позволяет говорить не только о мировой «Горе» как универсальном образе, но и о национально-культурной специфике русского и турецкого лингво-культурного сообщества собственно во фразеологизмах.

В свете вышесказанного, мы пришли к выводу, что «Гора» (Dağ) – это знак природно-ландшафтного кода, т.к. это проявляется в языковом знаке в виде культурной коннотации, что было показано на многочисленных примерах.

Мы полагаем, что содержание культурной коннотации природно-ландшафтного кода русской и турецкой культур «Гора» (Dağ) состоит в следующем: существует неразрывная связь с вещами, которые категоризируют, конструируют и организуют её структурно (боги, люди, животные, растения, объекты сакральной топографии и т.д.), а также неразрывная связь со временем и пространством (протяжённость, размерность, объём, форма, границы, удалённость и т.п.).

Итак, как мы смогли убедиться, культурные смыслы, лежащие в основе компонента «Гора», играют немаловажную роль в формировании национального культурного колорита в двух лингвокультурах. Кроме того, культурные смыслы, которые нами описаны, ярко представлены в языковом сознании, что отражается в языках русского и турецкого народа.

Литература

- Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры. – М.: Гнозис, 2007. – 285 с.
- Гуревич П.С. Культурология: учебник для вузов. – М.: Проект, 2008. – 333 с.
- Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в фило-софской культуре XIX — XX вв. – М.: Наука, 1993. – 319 с.
- Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. № 30. – М.: МАКС ПРЕСС, 2005. – С. 4-42.
- Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 228 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. употребле-ние. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – БФСРЯ 2006.
- Большой энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – 1631 с.
- Ожегов С.И. Тольковый словарь русского языка. – М.: Мир и образование, 2014. – 736 с.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. 575 с.
- Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров / под ред. А.И. Мо-лоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с. – ФСРЯ 1986.
- Beydilli, C. (2005). Türk Mitolojisi Ansiklopedik Sözlük. Ankara: Yurt kitap yayınları.
- Özdemir, E. (2000). Açıklamalı ve Örneklî Deyimler Sözlüğü. Ankara: Bilgi yayınları.
- Saraçbaşı, M.E., Minnetoğlu İ. (2002). Örneklî ve Açıklamalı Deyimler Sözlüğü. İstanbul: Bilge sanat yapım yayınları.
- Yıldırım, A. (2014). Açıklamalı Örneklî Yeni Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. İstanbul: Bilge kültür sanat yayınları.
- Doğan, M. (2011). Büyük Türkçe Sözlük. Ankara: Pınar yayınları.
- Aksoy, Ö. A. (2013). Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü 1-2. İstanbul: İnkılap Kitabevi.
- Türk Dil Kurumu resmi sitesi: www.tdk.gov.tr – TDKRS. (дата обращения: 14.10.2015).
- Культура письменной речи. Русский язык. Словарь фразеологизмов.: <http://www.grammar.ru/RUS/?id=7.18&page=1&wrd=%CD%E0+%CA%F3%E4%FB%EA%E8%ED%F3+%E3%EE%F0%F3&bukv=%ED>. (дата обращения: 08.10.2015).

«ГОРА» and «ДАГ» IN RUSSIAN AND TURKISH PHRASEOLOGY:
NATURAL-LANDSCAPES CULTURAL CODE

Khakan Sarach

Postgraduate student of the department of theory of
discourse and communication studies Faculty of Philology, MSU
Str. Leninskiye Gori, d. 1, bldg. G, Apt. 402, Moskow, 119234
e-mail: sarachk@gmail.ru

In our study we have analyzed characteristics of the semantics of such natural-landscapes cultural codes as «гора» and «даг», which occur in their functioning as a part of phraseological units. In addition, we have considered the material of the Russian language examined in comparison with the Turkish language and tried to reveal the basic similarities and differences between the two linguo-cultures.

Keywords: natural-landscapes culture code, idiom, semantics, Russian language, Turkish language.

References

Gudkov D.B., Kovshova M.L. Telesny kod russkoy kul'tury [The somatic code of Russian culture]. Moskow: Gnozis, 2007. 285 p.

Gurevich P.S. Kul'turologiya: ucebnyk dilya vuzov [Culturology: the textbook for high schools]. Moskow: Proekt, 2008. 333 p.

Podoroga V.A. Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoy kul'ture XIX — XX vv. [Metaphysics landscape. Communication strategies in the philosophical culture XIX — XX centuries]. Moskow: Nauka, 1993. 319 p.

Telija V.N. O fenomene vosproizvodimosti jazykovykh vyrazhenii [About the phenomenon of linguistics expressions reproducibility]. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya [Language, consciousness, communication], 2005, no. 30, pp. 4-42.

Telija V.N. Russkaya frazeologiya: Semantichesky, pragmatichesky i lingvokul'turologichesky aspekty [Russian phraseology: semantic, pragmatic and lingvo-culturological aspects]. Moskow: Yazyky russkoy kul'tury, 1996. 228 p.

Bol'shoy frazeologichesky slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskie kommentarii. Otv. Red. V.N. Telija. [Large phrase-book of Russian language. Ed. V.N. Telija]. Moskow: AST-PRESS KNIGA, 2006. 784 p.

Bol'shoy enciklopedicheskiy slovar' [Great Encyclopedic Dictionary]. Moskow: Sovetskaya enciklopediya, 1991. 1631 p.

Ozhegov S.I. Tol'kovy slovar' yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moskow: Mir i obrazovaniye, 2014. 736 p.

Slavjanskije drevnosti [Slavic antiquity] Etnolingvistiicheskiy slovar' [Ethnolinguistic dictionary] / pod. red. N.I. Tolstogo [Ed. N.I. Tolstoy]. Moskow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. 575 p.

Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Svyshe 4000 slovarnykh statey [Phraseological dictionary of Russian language: Over 4000 entries] / sost. L.A. Vozhnova, V.P. Zhukov, A.I. Molotlov, A.I. Fedorov / pod. red. A.I. Molotkova [comp. L.A. Voinov, V.P. Zhukov, A.I. Hammers, A.I. Fedorov / ed. A.I. Molotkov]. Moskow: Russkiy yazyk, 1986. 543 p.

Kul'tura pismennoy Russkiy yazyk. Slovar' frazeologizmov [Writing of culture. Russian language. Phraseology dictionary]: <http://www.gramma.ru/RUS/?id=7.18&page=1&wrд=%CD%E0+%CA%F3%E4%FB%EA%E8%ED%F3+%E3%EE%F0%F3&bukv=%ED>. (data obrasheniye [date of the application]: 08.10.2015).

**Рецензия на коллективную монографию
«Этнолингвистика и лингвокультурология художественных текстов Михаила
Шолохова» (Москва: МПГУ, 2015)**

Леденёва В.В.

доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка МГОУ (ГОУ ВО МО
«Московский государственный областной университет»)
105005, Москва, ул. Радио, д. 110А
e-mail: 1684941@mail.ru

Коллективная монография, подготовленная к выходу в свет как ответственным редактором О.А. Давыдовой, написана большим коллективом филологов-шолоховедов (З.И. Бутрим, О.А. Давыдова, Н.А. Ковалева, Д.А. Осильбекова, В.В. Петелин, К.Я. Сигал, Г.Я. Солганик, Е.О. Шацкий), включила материалы вдохновителя коллектива Е.И. Дибровой и посвящается памяти этого выдающегося учёного. Это значимо и благородно.

Выход монографии (проект РГНФ 14-04-00493) стал событием в шолоховедении, подарком деятелей науки к юбилею писателя. Это крупный шаг в этнолингвистике и лингвокультурологии, поскольку материалы издания отражают процесс изучения и дальнейшего постижения того, как Михаил Шолохов работал над изображением жизни близких ему по судьбе, духу и мировосприятию донских казаков, запечатлением её в образах произведений, без которых нельзя представить себе отечественную литературу. Очень точно определила Е.И. Диброва то, что стало объектом изучения и осмысления авторов монографии в различных аспектах: «Творчество есть цепь мыслей и поступков писателя, оно отражает и мир обычной реальности и духовный мир, полный этических и эстетических сокровищ» [с. 8]. М.А. Шолохов оставил на страницах своих произведений оцениваемые как подлинные этнокультурные сокровища картины жизни, быта и службы, обычаев – мироуклада донских казаков, запечатлел *казака* как тип вольного человека с особым, поддерживаемым традициями нравственным кодексом.

Е.И. Диброва показала, что своеобразие поэтики писателя обусловлено характером языковой картины мира донских казаков, которая закономерно стала базой для формирования шолоховской индивидуальной, предопределила не только состав его идиолекта, но и черты идиостиля, в котором этнографическая составляющая занимает центральное место, проявляется как детерминанта в специфике использования всех языковых средств художественной палитры автора, в структуре его образов. Отсюда, как показано учёным, у М.А. Шолохова столь заметно проявляющийся в осмыслении бытия пантеизм, принятый с детства «взгляд на жизнь как извечно сухую и на природу как воплощение божества», абсолюта, антропоморфность природы [с. 9].

По-шолоховски, это тип вольнолюбивого человека, для которого Дон – багрянка, а Обдонец, Донщина, степь вокруг него – единственное место на земле, где он может ощутить счастье. Всё это прочитывается едва ли не в любой строке писателя, посвящённой теме казачества. Гармония природного мира, красота впитываемой

всеми обострёнными чувствами казака жизни легла в основу шолоховской поэтики – вот в чём убеждают наблюдения над текстами писателя, над употреблением в них ряда лексем (*россыть, коловерть, белогривый* и др.), над реализацией фольклорных мотивов, над развитием образов земли и дороги, над «конвоирующим» великий роман М.А. Шолохова именем собственным *Дон*, сделанные Е.И.Дибровой. Этот проникновенно написанный материал послужил как бы заповедом для развития центральной идеи монографии в других её главах.

Каждый из авторов монографии «Этнолингвистика и лингвокультурология художественных текстов Михаила Шолохова» внёс значительный вклад в раскрытие с позиций лингвокультурологии и этнолингвистики особенностей шолоховских текстов, в том числе истории их создания, которая в указанных аспектах впервые, как представляется, освещена В.В. Петелиным в крупных разделах «Творческая история романа М.А. Шолохова "Тихий Дон"» [с. 228-287] и «Творческая история романа "Поднятая целина" ("С кровью и потом") М.А. Шолохова» [с. 304-371]. Здесь роли этнографического материала и работе с ним писателя уделено особое внимание выдающегося специалиста, который подчеркнул значение для М.А. Шолохова фольклора, показал, что в его произведениях частушка, «песня чуть ли не по каждому поводу входит на страницы романа, окрашивая своей самобытностью жизнь донских казаков» [с. 265-266]. Важное место В.В. Петелин уделил анализу воспоминаний для понимания этапов формирования канвы произведения [с.366], раскрыл многие актуальные для постижения творческой истории обоих романов факторы, обусловленное биографией автора и его кровной связью с Доном и казачеством.

Центральной, значительной по объёму и принципиально важной по раскрываемому этнографическому содержанию в монографии считаем написанную О.А. Давыдовой главу «Лексика и фразеология, отражающая этнографию донских казаков, в художественных текстах М.А. Шолохова» [с. 13-209].

Подчеркнём высокую – в свете задач и цели монографического исследования – ценность того, что О.А. Давыдова представила интереснейшее, глубокое, основанное на тщательной проработке различных лексикографических источников разыскание в отношении истории, семантики, этнографической специфики, различия функционирования в общенациональном языке и в сверткесте писателя частотной лексемы *казак*, которая называет главного героя шолоховских произведений [с. 14-33]. Убедительно доказано, что лексема *казак* является, несомненно, ядерной в художественной картине мира и в системе идиостилевых ресурсов М.А. Шолохова. Благодаря богатству и гармоническому использованию этих средств в качестве атрибутов и конкретизаторов воссоздаётся полнокровный обобщённый образ и репрезентируется концепт КАЗАК (см.: *земля, атаман, расшитая утирка, кисет, серьга, конь, станичник* [с. 198-205] и т.п.).

В словаре писателя, как устанавливает О.А. Давыдова в ходе масштабного изучения контекстов, лексема *казак* имеет не совпадающее с литературным языком по объёму и характеру коннотаций значение. Использование её отражает концептуализацию понятия об этом самобытном типе «*воинственного сына степей*», обусловленную соприкосновением языковой личности автора с культурой и бытом казачества. Это и придаёт яркий этнографический колорит шолоховским образам

станичников, донцов, истых / истовых казаков в «Тихом Доне», «Поднятой целине», в рассказах. Многочисленные и яркие аргументы, отобранные в ходе текстового анализа О.А. Давыдовой и представляющие фигуру, виды деятельности, самоопределение, мнение *казаков* о казаках и о *не-казаках* (*мужиках, иногородних, москалях, кацапах, хамлетах*) в различных эпизодах, позволяют уловить сложные, исторически обусловленные, эволюционирующие семантические компоненты-оттенки: 'мужчина', 'воин', 'казачьей крови', 'сын казака', 'опричник', 'жандарм' и т.д. Исследование в этой сфере блестяще удаётся О.А. Давыдовой, выявившей важность концепта СВОЙ/ЧУЖОЙ при воссоздании М.А. Шолоховым правды о миропредставлении и мироощущении казака.

Глубину знаний М.А. Шолохова о казаке и казачестве, чёткость постижения им единства многоликого казачьего мира, будто бы мозаичного полотна, сверкающего этнографическими красками различных регионов России (со стрелковским для писателя регионом Донщины [см. с. 67-71, 80, 91-92 и др.]), вскрывает исследование О.А. Давыдовой номинаций казаков разных казачьих войск (*донцы, сечевики, линейцы*), катойконимов, перифраз, прозвищ, синонимов в системе средств репрезентации 'казака' (см. *станичник*) [с. 47-75 и др.]. Детально исследованы также семантические дериваты: *казачка, казачонок, казачество, казаковать, рассказывание*. С последним связано, как показал её анализ, отражение остроты проблемы социально и, безусловно, этнокультурно значимых изменений в жизни казаков: «казаков пытались лишить родины, отнять от земли и отправить из родных мест с Дона в другие части России», на их земли направляли переселенцев, мужиков, людей без казачьего знания, казакам запрещали выделяться одеждой и наградами за службу [с.44-46] и т.д. (Отметим, что типологии и функциям словообразовательных средств в художественной речи М.А. Шолохова посвящено исследование Д.А. Осильбековой, выполненное на материале имён прилагательных и наречий, итоги которого подтверждают качество *народности* шолоховского языка, чуждого вычурности и точного в создании средств характеристики, интерпретации [с. 438-455]).

Сверкающей разными гранями представляется информация, которую можно почерпнуть о казаке и его мире в запечатлении их текстами М.А. Шолохова, если исходить из наблюдений над укоренённой в этом субстрате лексикой и фразеологией, сделанных О.А. Давыдовой. Об объёме и характере этой информации позволяют судить итоги анализа единиц различных лексико-семантических групп, зафиксировавших и художественно отобразивших особенности казачьего землепользования, в том числе исследование наименований земельных наделов – *пая* казака [с. 109-116 и др., 116-124 и след.], самого слова (имя концепта) *земля*. Отношение к земле, как показывает исследователь, было сопоставимо у казаков с отношением к любимой женщине, жене [с. 132, 134]. Вот почему особый интерес представляет анализ с лингвокультурологических позиций земледельческой лексики, которая оценивается как один из источников шолоховской образности: сравнений, метафор, эпитетов [с.136 и след.].

Завораживает не только само шолоховское образное слово в его нацеленном, пристальном рассмотрении (см. о парадигме с вершиной *корень* [с. 143-150.]), но и проникновенный анализ нарисованных с его помощью образов (образ *борозды*).

Как источник шолоховской образности описана О.А. Давыдовой также военная лексика, в том числе отражающая специфику военной казачьей службы, этнографический компонент в семантике которой имеет большое значение для создания реалистической живописности текстового полотна и достоверных персонажей: *произрасти в казаков, куга зелёная, присяга, служивый, старый казак, батареец, пластун, односум, атаман, жалмерка* и т.д. [с. 152, 156, 159, 163, 173, 175, 189-190, 192 и т.д.].

Тонко осмыслено и убедительно в научном плане представлено сохранённое и эстетически чутко воссозданное в произведениях М.А. Шолохова отношение к коню, впечатляющее в различных описаниях (стать коня, его хвост, *справа* [с. 181-184, 186 и след.]). Нельзя не отметить вывода исследователя о том, что в описаниях этих узнаётся только *чистокровное* животное, своего рода идеал, дающий возможность его опознать. И таких глубоких замечаний-выводов сделано в данной главе очень много, что вызывает уважение к огромной работе О.А. Давыдовой над лексикой и фразеологией, отражающей этнографию донских казаков. «Укоренённое» слово и фразеологизм предстают в разнообразии связей и специфике контекстуального взаимодействия.

Концепция монографии получает развитие в характеристике работы писателя над фактуальной стороной, пропозицией, предупреждением коммуникативных сбоев. Этому посвящено изучение авторских текстографем в шолоховской текстовой ткани, представленное З.И. Бутрим. Исследователь показывает, что объём авторских метатекстов, т.е. факультативных разъясняющих вставок в основной текст, сносок, у М.А. Шолохова в крупных произведениях варьируется – от однословных до включающих несколько страниц – и зависит от важности и / или сложности реалии, понятия. Типы их выявлены. З.И. Бутрим убедительно раскрывает, что художественно важным «поводом» для авторской текстографемы становилось содержание, стоящее и за колоритным диалектным словом (*охлюпкой, наплав, одвуконь, отвод* и др.), и за упоминаемой традицией, обычаем («...нахалёнок». *Девкой родила его мать* [с. 213]). Для описания, пояснения их писателем создавался, например, «распылённый» комментарий. Так, З.И. Бутрим пишет: «М.А. Шолохов, объясняя причину, по которой меняется настроение Пантелея Прокофьевича (трепетное уважение → изумление → разочарование → обида → негодование), даёт читателю ключ к разгадке тайны диалектного слова *накониться*» [с. 217]. Представлены итоги тонких наблюдений над авторскими текстографемами как носителями фоновой информации, над словами-знаками.

Заметный вклад в исследование своеобразия шолоховской фразы, синтаксических построений писателя вносят исследования Г.Я. Солганика и К.Я. Сигала [с. 287-303; 371-424]. Внимание учёных уделено построению прозаической строфы, особенностям речи рассказчика, «рассказу в рассказе» в частности, типам инверсии, оценке и раскрытию «секретов» напевности слога – черте, которая проявляет на данном уровне влияние фольклора на идиостиль М. Шолохова. Научная дань разгадке специфики организации «бытийного синтаксиса» у писателя отдана К.Я.Сигалом. Его характеристика конструкций с приложением как стилистически значимых в «Судьбе человека» вызывает интерес к «спектральному анализу сти-

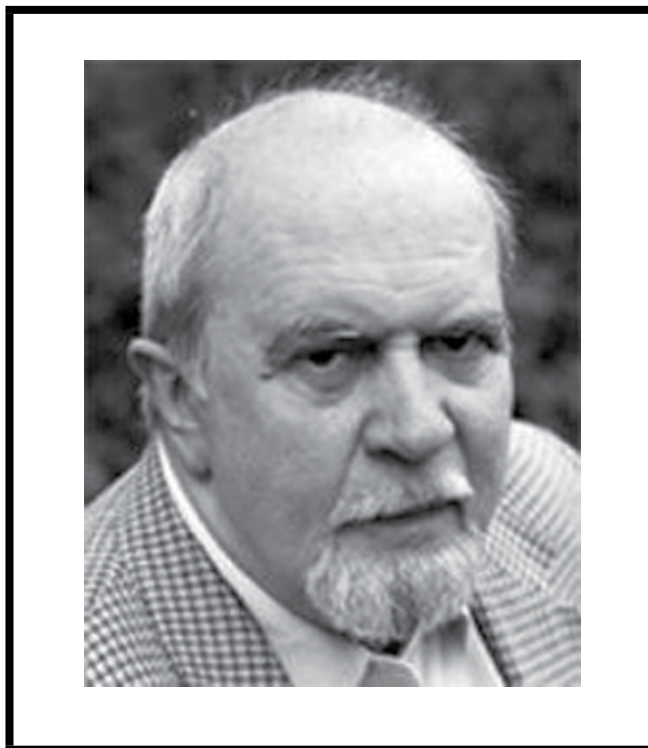
ля» автора [с. 396-397]. Стилистически показательной стала и оценка шолоховской пунктуации как образного средства [с. 389, 406-422], что заслуживает внимания к данному аспекту шолоховедения.

Авторы монографии вышли за пределы художественных текстов и проанализировали эпистолярный М.А. Шолохова как компонент сверттекста, отражающий языковую личность писателя (Н.А. Ковалева [с. 425-438]), чья жизнь и судьба неразрывно связаны с жизнью народа.

Завершающая монографию глава «Этнолингвистическая интерпретация книжных иллюстраций к произведениям М.А. Шолохова», подготовленная Е.О. Шацким [с. 455-488], посвящена особенностям креолизации шолоховского текста, визуализации картин и образов, доносящих этнографически значимую информацию. Этот раздел монографии также убедительно свидетельствует о новизне её концепции, осуществляемой каждой главой как элементом композиции целостного и логичного труда, обладающего актуальностью, теоретическим значением и практической значимостью.

Монографию «Этнолингвистика и лингвокультурология художественных текстов Михаила Шолохова» ждёт «свой» читатель-специалист, знаток, о котором справедливо написал как о читателе-друге К.Я. Сигал, а также обучающийся (студент, аспирант). Однако содержательный и одухотворённый труд не оставит равнодушным каждого, кто заинтересован произведениями М.А. Шолохова, кто стремится понять ёмкое, сочное слово, воссоздающее дорогой писателю мир, всё более и более отдаляющийся от нас во времени, уходящий в историю, но не утрачивающий привлекательности.

ПШ

ВИНОГРАДОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ
(1939-2016)

Институт языкознания РАН с глубокой скорбью извещает, что в ночь с 17 на 18 сентября 2016 г. после тяжелой продолжительной болезни на 78-м году жизни скончался Виктор Алексеевич Виноградов, член-корреспондент РАН, профессор, доктор филологических наук, директор Института языкознания с 2001 по 2012 г., заведующий отделом африканских языков с 1988 г.

В.А. Виноградов имел заслуженную международную репутацию одного из ведущих специалистов в целом ряде областей языкознания – это фонетика и фонология, синтаксис, африканское языкознание, лингвистическая типология, сравнительно-историческое языкознание, социолингвистика, контактная и ареальная лингвистика, лингводидактика. В 1966 г. он защитил в кандидатскую диссертацию по фонетике и фонологии под руководством А.А. Реформатского. Впоследствии В.А. Виноградов стал сотрудником сектора (ныне отдела) африканских языков, где работал с целым рядом не близких друг другу языков Африки (бантоидные языки, бамилеке, сусу, сонгай и др.); результаты этих исследований положили основу его многочисленным публикациям, а также были обобщены в монографии «Исследования по грамматике африканских языков» (2006). В типологическом освещении полученные В.А. Виноградовым лингвистические данные проанализи-

рованы в его докторской диссертации, защищенной в 1993 г. Исследования по африканской социолингвистике нашли отражение в написанной В.А. Виноградовым и его соавторами «Социолингвистической типологии» (1984), ставшей настоящим лингвистическим бестселлером и выдержавшей несколько переизданий. Исследования В.А. Виноградова по лингвистическим основам методики преподавания языка суммированы в его монографии «Лингвистика и обучение языку» (2003), но и более ранние книги «Консонантизм и вокализм русского языка. Практическая фонология» и «Лингвистические аспекты обучения языку» до сих пор не утратили своей актуальности. В последние годы основной исследовательской темой В.А. Виноградова были языковые контакты в Африке; болезнь помешала реализации многого из задуманного им в этой области.

В качестве организатора лингвистической науки В.А. Виноградов внес огромный вклад в подготовку целого ряда энциклопедических изданий, за самое известное из которых – «Лингвистический энциклопедический словарь» – он был удостоен Государственной премии РФ. А как руководитель своего коллектива В.А. Виноградов выступил в роли инициатора и ответственного редактора многотомного издания «Основы африканского языкознания». В.А. Виноградов был членом многочисленных редколлегий – в том числе многолетним заместителем главного редактора ведущего отечественного лингвистического журнала «Вопросы языкознания» – и входил во многие экспертные и диссертационные советы.

В.А. Виноградов сочетал научную работу с активной педагогической деятельностью. В частности, многие годы он преподавал основные теоретические курсы в Институте русского языка им. А.С. Пушкина и Московском государственном открытом педагогическом университете им. М.А. Шолохова. Под его руководством было защищено более 25 кандидатских и 3 докторские диссертации.

С уходом Виктора Алексеевича Виноградова отечественная лингвистика понесла невосполнимую утрату. Коллектив Института языкознания РАН выражает глубочайшие соболезнования родным и близким Виктора Алексеевича и всегда будет помнить его не только как выдающегося ученого, но и как необычайно доброго, отзывчивого и глубоко порядочного человека, прекрасного руководителя, коллегу, друга.

ПШ

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактными адресам и/или телефонам.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

Рукописи оформляются по данному ниже образцу.

УДК

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ

Фамилия, имя, отчество автора

должность, место работы

адрес

электронный адрес

Аннотация на русском языке (150-250 слов)

(Структура аннотации должна быть в соответствии с логикой статьи: тема, предмет/объект, цель, методы, результаты, итог)

Ключевые слова на русском языке

Основной текст статьи

Рекомендуемая структура основного текста:

Введение

Тематические подзаголовки

Дискуссия (обсуждение)

Резюме (выводы)

Литература (на языке оригинала источника)

Название статьи на английском языке, сведения об авторе/авторах на английском языке, аннотация на английском языке, ключевые слова на английском языке и транслитерированная (с переводом) литература помещаются **после основного текста статьи**.

Аннотация на английском языке должна быть переводом аннотации на русском языке.

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Фамилия, имя, отчество автора **на английском языке**

должность, место работы **на английском языке**

адрес **на английском языке**

электронный адрес

Abstract (англ.)

Keywords (англ.)

References (англ.) – транслитерация (см. <http://ru.translit.ru/?account=bgn>)

и [перевод на англ. яз].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере; гарнитура – NewTimesRoman, Размер шрифта – 14; поля – 2,5 см. с каждой стороны; интервал между строками – 1,5 см.; абзацный отступ – 1.25.

Абзацный отступ необходимо задавать автоматически. Знаками табуляции и клавишей пробела при установлении абзацного отступа не пользоваться.

В тексте должны различаться прописные и строчные буквы, а также символы: О (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или прописная буква «i»), - (дефис) и – (тире).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы набираются прямым стандартным шрифтом.

Таблицы

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

Указание номера таблицы *Таблица №* дается перед таблицей (выравнивание по правому краю, точка после номера не ставится).

Ниже дается название таблицы (выравнивание по центру, точка после названия не ставится).

Размер шрифта текста в таблице – 12, интервал между строками – 1,0 см.; абзацный отступ – «нет».

Ниже дан образец оформления таблицы.

Таблица №1

Название таблицы

Название таблицы		

Сноски

Оформление текста сносок: Размер шрифта – 10; строками – 1,0 см.; абзацный отступ – 1.25.

Ссылка на грант дается в сноске после названия статьи по образцу: *Исследование выполнено при поддержке гранта (финансирующая организация) №, название.*

Иллюстрации

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ. Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

Литература

Литература оформляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ Р 7.0.5-2008 (для e-library).

Список литературы дается в алфавитном порядке с указанием количества страниц для каждого источника.

Номер источника по порядку не ставится.

Лексикографические источники и интернет-документы указываются в общем списке источников.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

Источники на русском языке

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. – С. 305-412.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Автореферат диссертации:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Интернет-документ:

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rifawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Источники на английском или другом иностранном языке (оригинал)

Монография:

Baker, M. (1992). In *Other Words*. London: Routledge. 301p.

Статья:

Alexieva, B. (1997). A Typology of Interpreter-Mediated Events. *The Translator* Vol. 2. No. 2. 153–175.

Источники с транслитерацией и переводом на английский язык

Монография:

Nenashev M.F. *Poslednee pravitel'stvo SSSR* [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

Статья:

Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo – [Oil Industry]*, 2008, no. 11, pp. 54–57.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Рады сообщить, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов (2015 год), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Также сообщаем, что журнал «Вопросы психолингвистики» включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science. Полный список журналов, вошедших в RSCI, доступен по ссылке:

http://wokinfo.com/media/pdf/RSCI_Journal_List.pdf

а также при поиске на e-library:

http://elibrary.ru/projects/blogs/post/2015/12/17/WoS_7.aspx

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс 37152.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru

Редколлегия